

ПАМЯТНИКИ

Тамского Турмодья

О. Б. БЕЛИКОВА, Л. М. ПЛЕТНЁВА

ПАМЯТНИКИ
ТОМСКОГО
ПРИБЬЯ
В V — VIII ВВ. Н. Э.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1983

Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V—VIII вв. н. э. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. — 13 л. — 2 р. 500 экз., 0507000000.

В монографии характеризуется Томское Приобье в V—VIII вв. н. э. В основу положены материалы раскопок поселений Кисловка II, VII, могильников Тимирязевский I, II и у Архиерейской заимки. В работе дана классификация инвентаря и керамики, рассмотрены вопросы культуры, хронологии и культурных связей населения Томского Приобья в V—VIII вв. н. э.

Книга представит интерес для археологов, этнографов, краеведов.

Рецензент — канд. ист. наук Л. А. Чиндина

Редактор — докт. ист. наук З. Я. Бояршинова

Б $\frac{0507000000}{177(012) - 83}$ 25—83

© Издательство Томского университета, 1983 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЭБ — Археология и этнография Башкирии.
ВАУ — Вопросы археологии Урала.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР.
ИАК — Известная археологической комиссии.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
МАЭС — Музей археологии и этнографии Сибири Томского университета.
МГУ — Московский государственный университет.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
НОКМ — Новосибирский областной краеведческий музей.
ОАК — Отчет археологической комиссии.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР.
СЭ — Советская этнография.
ТГПИ — Томский государственный педагогический институт.
ТГУ — Томский государственный университет.
ТИЭ — Труды института этнографии.
ТОКМ — Томский областной краеведческий музей.
ТТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции.
УЗ — Ученые записки.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

Музей АЭС ТГУ

- 6837 — Васюганский клад.
6840 — Городище Шеломок, раскопки в 1959 г. Г. В. Трухина, в 1975—1976 гг. Л. М. Плетневой.
6925 — Еловский курганный могильник эпохи железа. Раскопки В. И. Матющенко в 1963 г.
6942 — Могильник Рёлка. Раскопки В. И. Матющенко в 1963—1964 гг., Л. А. Чиндиной в 1966 г.
7172 — Тимирязевское поселение I. Раскопки Л. М. Плетневой в 1974, 1975 гг.
7211 — Тимирязевский курганный могильник II. Раскопки Л. М. Плетневой в 1975 г.
7286 — Кисловское поселение I, II. Раскопки Л. М. Плетневой в 1977, 1979 гг.
7315 — Кисловское поселение VII. Раскопки Л. М. Плетневой в 1977, 1979 гг.
7394 — Басандайское городище IV. Раскопки Л. М. Плетневой в 1980 г.
9004 — Тимирязевский курганный могильник I. Раскопки Л. М. Плетневой в 1971, 1973 гг.
9005 — Тимирязевское городище III. Раскопки Л. М. Плетневой в 1973 г. Тимирязевское городище IV. Раскопки Л. М. Плетневой в 1971, 1973 гг.

Томский областной краеведческий музей

- 2253 — Тимирязевский курганный могильник II. Раскопки М. Ф. Косарева, Р. А. Ураева в 1959 г.

Новосибирский областной краеведческий музей

Просмотрены коллекции из могильников Красный Яр 1, Умна 3, Юрт-Акбалык 8.

Кабинет археологии Новосибирского государственного педагогического института

Просмотрены коллекции из могильников Умна 3, Каменный Мыс. Чингис.

ВВЕДЕНИЕ

Томское Приобье расположено в юго-восточной части Западной Сибири, в переходной зоне от тайги к лесостепи — в зоне лиственных лесов (Иоганзен Б. Г., 1963, с. 105). Оно охватывает территорию на севере от устья р. Томи до современной границы Новосибирской области на юге. В широтном направлении — это междуречье рр. Томи и Оби. Находясь в зоне наибольшей биологической продуктивности климата (Сергеев Г. М., 1972), Томское Приобье издавна являлось местом контактов более северного и более южного населения.

Долгое время единственным памятником второй половины I тыс. н. э. был могильник у Архиерейской заимки, раскопанный С. К. Кузнецовым в 1896 г., частично опубликованный в 1897, 1899 гг. (ОАК, 1897; ЗРАО, 1899). Шесть погребений из Томского могильника, происходящих из раскопок А. В. Адрианова в 1887 г., были введены в научный оборот только в 1952 г. благодаря исследовательской работе М. Н. Комаровой.

Значительное место Томскому Приобью было уделено В. А. Могильниковым при исследовании им населения южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тыс. н. э. (Могильников В. А., 1964 а). Работа его строилась на известном тогда круге источников и посвящена в основном более позднему времени.

В 60—70-х годах в Томском Приобье М. Ф. Косаревым и Л. М. Плетневой проведены большие раскопки на памятниках V—VIII вв. Этот материал, а также полученный ранее, послужил основой данного исследования. Основная задача его — публикация новых материалов, определение их хронологии, выяснение преемственной связи с предшествующим периодом, соседними синхронными культурами, то есть определение места томского населения в общем историческом развитии Западной Сибири.

Необходимость публикации материалов Томского Приобья вызвана еще тем, что вопросы раннесредневековой хроноло-

гии Западной Сибири и Приуралья во многом остаются еще спорными, и для будущего успешного разрешения их важны источники с датированными комплексами. К таковым в Томском Приобье следует отнести Тимиразевские курганные могильники I и II.

Особое место в монографии отведено керамике. В ней закодирована информация предшествующего времени, она вбирает в себя типичное из того времени, к которому она относится, она же отражает миграции населения или связи его с окружающим миром.

Одним из важных разделов является погребальный обряд. Важность его проистекает из того, что в Томском Приобье погребальные комплексы неизвестны на протяжении тысячи лет (с VI в. до н. э. по V в. н. э.). Благодаря погребальному обряду для V—VIII вв. появилась возможность наиболее полно характеризовать культуру населения.

Социально-экономическое развитие населения Западной Сибири по сравнению с предшествующим временем сделало значительный шаг вперед. Железо прочно вошло в быт. Наряду с традиционными для Томского Приобья видами хозяйства появилось земледелие. Во второй половине I тыс. н. э. на юге Сибири складываются первые государства, в Западной Сибири оформляются новые культуры. Последнее происходило и на территории Томского Приобья. Определению культурной принадлежности памятников в книге отведено значительное место.

Работа авторов была коллективной, начиная с раскопок, обработки материалов. Раздел «Керамика» написан О. Б. Беликовой, ею же проведено сравнение керамики Верхней и Средней Оби и составлена таблица по погребальному обряду Томского и Нарымского Приобья для 4-го раздела III главы, остальная часть монографии выполнена Л. М. Плетневой. Рисунки оформлены художником И. В. Рудковским.

Описание курганов

Собранный материал по Томскому Приобью V—VIII вв. н. э. хронологически распадается на две группы: памятники V—VI вв. н. э. и памятники VI—VIII вв. н. э. Кроме того, в Тимирязевских могильниках I, II выявлена небольшая группа курганов IX—X вв., но она будет рассмотрена в отдельной работе.

Ранняя группа курганов выявлена только в Тимирязевском курганном могильнике I. Он расположен на левом берегу р. Томи, против Томска, на 1 км западнее пос. Тимирязево.

Раскопки могильника производились В. И. Матющенко в 1956 г. (2 кургана), Л. М. Плетневой в 1971 г. (8 курганов) и в 1973 г. (59 курганов).

В 1971 г. снят план могильника, на который нанесено 272 кургана (рис. 1). Часть могильника погибла при проведении дороги и от любительских раскопок.

Насыпи курганов ТКМ-1 состоят из сыпучего песка. Форма насыпей овальная или округлая, иногда курган присыпался к какому-нибудь всхолмлению. Рельеф в месте расположения ТКМ-I представлен песчаными гривами, всхолмлениями дюнного характера, поросшими сосновым лесом.

Размер курганов варьирует от 4×4 м до 7,5×9,5 м. Современная высота курганов незначительна: от 0,3 до 0,6 м. Погребенная почва четко отдельной прослойкой не прослеживается. В большинстве случаев граница между насыпью и материком устанавливалась по более рыхлому грунту насыпи и по едва отличной окрашенности его.

Многие курганы имеют следы грабительских раскопок, некоторые разграблены основательно (курганы 21 и 22). Общая характеристика могильника в равной степени относится как к курганам V—VI вв., так и остальных хронологических групп.

Насыпи курганов являются частью погребального сооружения. Находки в насыпи кургана дают возможность установить некоторые черты погребального ритуала и религиозных воззрений населения Томского Приобья во второй половине

I тыс. н. э. Так, в ней были размещены приношения в дни поминок, костры, разводимые для умершего в момент насыпания кургана, кости животных, остатки надмогильных сооружений. Поэтому при описании курганов наряду с погребениями подробно описана и насыпь курганов.

Курган 1. Размер $7,7 \times 7,2$ м. При снятии насыпи в юго-восточном и северо-восточном секторах на глубине 10—12 см обнаружены фрагменты керамики и сосуд (рис. 3, 1, 2, 4). В юго-западном секторе найдена керамика на глубине 0,22 м (рис. 3, 5). В юго-восточном секторе на глубине 12 см обнаружено скопление, состоящее из следующих предметов: сосуда, железной обоймы от ножен (рис. 2, 1), круглой железной пряжки (рис. 2, 2), двух небольших железных ножей (рис. 2, 6, 7), миниатюрных наконечников стрел (рис. 2, 10), части железного теса (рис. 2, 3), бронзовой проволоки в виде трех полуколец (рис. 2, 4), бронзового крючка (рис. 2, 5), железной обоймы, железных стерженьков (рис. 2, 11, 14).

На глубине 0,5 м от поверхности прослеживается могильное пятно. Погребенный был положен в могилу глубиной 0,4—0,45 м. Размер могилы $1,35 \times 1,1$ м. Сохранились отдельные кости. При погребенном обнаружены: железная пуговица (?) со шпеньком (рис. 2, 9), железная пластинка, железный нож (рис. 2, 8). С южной стороны стоял целый сосуд (рис. 3, 3).

Курган 22. Размер 6×6 м. В центре кургана зафиксирована грабительская яма размером $1,7 \times 1,3$ м. В ней попадались угли. Яма уходит в материк на 0,35—0,4 м. В юго-западной части кургана на материке на глубине 30—35 см выявлено пятно размером 0,6—0,9 м. Оно углублялось в материк на 0,2—0,15 м. Заполнено гумусированной супесью с углями и обожженными костями. При расчистке найдено железное тесло (?) (рис. 32, 1). Восточнее этого пятна зафиксировано еще одно размером $0,8 \times 0,4$ м. Углубляется в материк на 0,2—0,25 м. Заполнено темной супесью с углями.

Курган 37. Размер $7 \times 7,5$ м. При снятии насыпи в северо-восточной части кургана на глубине 0,1—0,15 м найден сосуд (рис. 4, 1), костяная поделка, фрагменты керамики, в юго-западной и северо-западной частях насыпи на этой же глубине обнаружено еще два сосуда (рис. 4, 3, 5). На глубине 0,2—0,4 м в северной половине кургана найдено два точила из песчаника, сосуд с предметами (рис. 4, 6) и разбитый сосуд (рис. 4, 2). В сосуде лежало 10 миниатюрных предметов: 5 наконечников стрел (?) (рис. 4, 4), бронзовая пряжка (рис. 4, 10), железное тесло (рис. 4, 7), миниатюрный железный нож и железный крючок (рис. 4, 6, 9). В юго-восточном секторе на глубине 0,75—0,8 м от поверхности выявлено пятно размером $2,2 \times 0,8$ м. Оно вытянуто в направлении СВ—ЮЗ. При расчистке его обнаружены кости ног, с южной стороны

их стоял сосуд. Погребение располагалось на материке. На этой же глубине в северо-западном секторе найдены фрагменты керамики и часть железного предмета (рис. 4, 8). Восточнее погребения зафиксировано пятно с углями размером $0,5 \times 0,9$ м, мощность 0,25 м.

Курган 40. Размер 6×8 м. На глубине 0,2—0,3 м от поверхности в северо-западном секторе найдено скопление миниатюрных предметов: четыре наконечника стрел (рис. 5, 10, 12), железное тесло (рис. 5, 16), две обоймочки и три четырехгранных стерженька (рис. 5, 7, 9), бронзовая личина (рис. 5, 6), круглая железная пряжка с длинным язычком (рис. 5, 2).

На глубине 1 м от поверхности зафиксировано могильное пятно размером $2 \times 1,5$ м. Находки зафиксированы на площади $1,2 \times 0,6$ м: разбитый сосуд (рис. 6, 1), железная пряжка (рис. 5, 1), железные предметы плохой сохранности (рис. 5, 17) и кости (неопределимые из-за плохой сохранности). Погребение располагалось в материке на глубине 0,25—0,35 м. Кроме того, на этой глубине найдены челюсть животного, скопление керамики. В юго-западном секторе, глубже на 0,1—0,15 м предыдущих находок, зафиксировано темное пятно, в котором найдены челюсти животного, северо-восточнее пятна на 1,4 м найден целый сосуд (рис. 6, 2). В северо-западной части кургана, севернее первого скопления на 0,8 м, найдено второе скопление предметов: железный нож (рис. 5, 15), железная пряжка, обкладка ножен и обойма с петлей (рис. 5, 3, 5, 14), железный нож (рис. 5, 13), и железное кольцо (рис. 5, 4).

Курган 47. Размер 5×7 м. При снятии насыпи на глубине 0,1—0,2 м найдены фрагменты керамики. На глубине 0,7 м обнаружено могильное пятно в южной части кургана. Размер пятна $2 \times 0,7$ м. Над пятном (выше его на 10 см) найден целый сосуд (рис. 7, 4) с предметами в нем: железным теслом (рис. 7, 1) и железным крючком (рис. 7, 2). При расчистке могильного пятна выявлены трубчатые кости ног, часть таза. Погребенный был положен в вытянутом положении, головой на СВ. В ногах погребенного стоял сосуд (рис. 7, 5). У левого колена были положены костяные наконечники стрел. С левой стороны у бедренной кости левой ноги и у костей таза обнаружены плохо сохранившиеся железные предметы. В 0,5 м южнее погребения найден миниатюрный железный наконечник стрелы (рис. 7, 3). На уровне погребения, севернее его, зафиксирована часть сосуда (рис. 7, 6). Южнее погребения на 1 м зафиксированы угли и кости животного. Погребенный положен в могилу глубиной 15 см.

Курган 51. Диаметр 6 м. При снятии насыпи в юго-западном секторе на глубине 0,3 м зафиксировано пятно размером $0,9 \times 0,65$ м. В нем обнаружен разбитый сосуд (рис. 8,

1). На глубине 0,6—0,65 м обнаружено погребение. Размер могильного ятна $1,8 \times 1,4$ м. При расчистке выявлены разрозненные кости человека, кости животных, фрагменты керамики и часть железных ножен с петлей (рис. 8, 2). Погребение располагалось в материке на глубине 0,1—0,25 м.

Курган 54. Размер 5×4 м. При снятии насыпи в юго-западной части кургана на глубине 8—10 см найдены фрагменты керамики. В западной части кургана, ближе к центру, зафиксировано пятно гумусированной земли размером $1,4 \times 1,2$ м, мощность его 10—15 см. На глубине 0,2—0,25 м в юго-западной части кургана обнаружен разбитый сосуд (рис. 9, 4), бронзовая пряжка (рис. 9, 6). На глубине 0,6—0,65 м в центре кургана выявлена могила размером $1,2 \times 1$ м, углубляется в материк на 0,2—0,25 м. При разборке ее найдены: в северной части — сосуд (рис. 50, 4), юго-западнее его лежал разбитый сосуд (рис. 9, 1), южнее их стоял еще один сосуд (рис. 9, 5), в нем лежало железное тесловидное орудие (рис. 9, 2) и железная пряжка. В пятне найдена часть железного ножа (рис. 9, 3).

Курган 55. Размер $5 \times 5,4$ м. При снятии насыпи на глубине 10—15 см зафиксировано пятно с углями размером $0,45 \times 0,6$ м, мощность 0,2 м. На глубине 0,5 м в юго-западной части кургана обнаружено два сосуда (рис. 10, 1, 2). В большем из них стоял еще один сосуд (рис. 10, 3). В нем лежало 17 бронзовых и железных предметов: антропоморфное изображение (рис. 11, 8), железный нож (рис. 10, 6), крученая цепочка (рис. 10, 22), миниатюрное железное орудие (рис. 10, 21), железная пряжка (рис. 10, 5), железные пластинки (рис. 10, 7—10), железный стержень (рис. 11, 7), железный язычок от пряжки (рис. 10, 14), разомкнутое железное кольцо, вероятно, от пряжки (рис. 10, 13), два железных стерженька (рис. 10, 11, 12), две согнутые железные пластинки (рис. 10, 4; рис. 11, 11). В сосуде, стоящем рядом, обнаружено 12 предметов: железное тесловидное орудие (рис. 11, 3), миниатюрный железный нож (рис. 11, 6), крученая цепочка (рис. 11, 4), бронзовое изображение лошади (рис. 11, 10), остатки от предметов (рис. 10, 15, 20, 11, 5), бронзовая нашивка (рис. 11, 9).

Курган 60. Диаметр 7 м. При снятии насыпи на глубине 12—15 см обнаружен сосуд (рис. 12, 1), в котором лежали: тесловидное орудие (рис. 12, 4), железная накладка с пряжкой и петлей (рис. 13, 7), бронзовая личина человека (рис. 12, 7), железный нож (рис. 13, 2). В юго-восточной части обнаружены фрагменты керамики и бронзовая серьга со вставкой из яшмы (рис. 12, 5). На глубине 0,65—0,7 м в центре кургана выявлено погребение. Размер могилы $2,65 \times 2,2$ м, глубина 0,2 м. Сохранились обломки от двух черепов: мужского (?), 30—40 лет и женского 16—20 лет и нескольких длинных ко-

стей *. Между черепом и длинными костями лежали: бронзовая пряжка (рис. 12, 2), бронзовая подвеска (рис. 12, 6), круглые бронзовые нашивки, железный нож (рис. 13, 1), часть ножен с железными накладными пластинами (рис. 12, 3), железная пластина, железные предметы (рис. 13, 4, 6, 8, 11). Слева от черепа найдена круглая железная пряжка (рис. 13, 3). С левой же стороны костяка — остатки железных предметов (рис. 13, 5, 9, 10, 12). В ногах стоял сосуд (рис. 57, 1), рядом лежали удила.

Курган 69. Размер кургана 6×6,8 м. Нарушен современной ямой. При снятии насыпи в северной части кургана на глубине 10—12 см обнаружен сосуд, поставленный кверху дном (рис. 14, 8). Почти в центре кургана располагалось погребение, нарушенное ямой. Найдены обломок трубчатой кости и предметы: обойма с петлей (рис. 14, 4), небольшое тесло (рис. 14, 5), железный нож (рис. 14, 6), железный трехлопастной наконечник стрелы (рис. 14, 7), бронзовый крючок (рис. 14, 9), согнутая железная пластинка (рис. 14, 11), миниатюрный железный предмет (рис. 14, 10), железное кольцо, возможно, от пряжки (рис. 14, 12). В насыпи обнаружены кости животных, керамика (рис. 14, 1, 2) и железный предмет (рис. 14, 3).

Инвентарь и хронология

Инвентарь курганов V—VI вв. н. э. характеризуется наличием миниатюрных предметов, крученых цепочек для прикрепления ножен к поясу, характерных крючков, клювовидных пряжек. Все вместе эти предметы составляют комплекс, характерный для погребального инвентаря середины I тыс. н. э.

Ножи. Всего 14 экз. Из них полностью целых или с целым лезвием — 12, в обломках — 2. Они делятся на три группы: ножи обычных размеров (длина 12—16 см), уменьшенные (длина 7—11 см), миниатюрные (длина 7,7—7 см). Все ножи черешковые.

Ножи обычных размеров, 4 экз. (3 целых, 1 сломан). Они различаются по форме лезвия и обушка: а) вогнутый обушок, выпуклое или прямое лезвие (рис. 2, 8; 13, 1), черешок наклонен в сторону лезвия. Черешок от длины лезвия составляет примерно одну четвертую часть. Лезвие от носка расширяется к черешку. Самая широкая часть приходится на место перехода от лезвия к черешку. Ширина лезвия в этой части 1,7—2 см. Переход от лезвия к черешку в виде уступа под тупым или прямым углом (рис. 13, 1). Толщина обушка — от 2 до 3 мм; б) нож с выпуклым обушком и прямым,

* Определения антропологического материала произведены В. А. Дремовым.

расширяющимся к черешку, лезвием (рис. 5, 15). Остальные показатели те же.

На ноже из кургана 1 имеются следы от деревянной рукоятки (рис. 2, 8).

Ножи уменьшенных размеров, 6 экз. (5 целых, 1 сломан). Обухок выпуклый, лезвие прямое. Курганы 1 (рис. 2, 6, 7), 54 (рис. 9, 3), 55 (рис. 11, 6), 60 (рис. 13, 2), 69 (рис. 14, 6). Все ножи имеют выступ в месте перехода от черешка к лезвию. Соотношение длины лезвия и черешка в этой группе ножей несколько иное, чем в группе ножей обычных размеров: черешок составляет от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ общей длины. Ширина лезвия 0,5—1,3 см, толщина обушка 1,5—2,5 мм.

Миниатюрные ножи, 2 экз. Все с выпуклым обушком, два с выпуклым, один с прямым лезвием. Черешки короткие. Ширина лезвия у уступа 1—1,2 см, толщина обушка — от 1 до 1,5 мм. Курганы 37 (рис. 4, 6), 55 (рис. 10, 6).

Ножи обычных размеров широко распространены территориально и встречаются на поселениях и в погребениях начиная с конца I тыс. до н. э. вплоть до позднего средневековья.

Ножи уменьшенных размеров получают широкое распространение в конце I тыс. до н. э. [Генинг В. Ф., 1970, табл. XXV, 12] и продолжают бытовать на протяжении почти всего I тыс. н. э.

Точильные бруски найдены в кургане 37 (2 экз.).

Остатки от ножен с петлей обнаружены в курганах 1 (рис. 2, 1), 40 (рис. 5, 5), 51 (рис. 8, 2), 69 (рис. 14, 4) и части крученой цепочки, которой ножны прикреплялись к поясу, в кургане 55 (рис. 10, 22, 11, 4).

Такие ножны с кручеными цепочками датируются исследователями по-разному, в зависимости от датировки этапа в целом. Речь идет об одинцовском этапе верхнеобской культуры. Дата, по А. К. Амброзу, Л. А. Чиндиной, — V—VI вв. н. э. [Амброз А. К., 1971, с. 121, рис. 12, 73; Чиндина Л. А., 1970, с. 196—197]. Найдены они в впускной могиле шестого кургана Пазырыка, которую А. А. Гаврилова относит к II—V вв. н. э., сопоставляя с датировкой одинцовского этапа верхнеобской культуры [Гаврилова А. А., 1965, с. 52, 53, рис. 3, 6], по М. П. Грязнову.

Железные пластины-накладки от ножен. Курганы 1 (рис. 2, 3), 40 (рис. 5, 14), 60 (рис. 12, 3; 13, 5, 10). Видимо, ножны закреплялись железными пластинами двумя способами: одна или несколько пластин огибали деревянные или берестяные ножны поперек и закреплялись с одной стороны узкой продольной железной пластинкой с заклепками. Второй способ сводился к тому, что на основу накладывались продольные пластины и закреплялись шпеньками.

Железные орудия для обработки дерева. Их найдено 8 экз. (курганы 1, 22, 37, 47, 54, 55 (2 экз.), 60).

Места находок этих предметов самые разнообразные: они есть в насыпях (в северо-западной и юго-западной частях ее) поминальных курганов (курганы 54, 55), в сосуде над погребением (курган 47), в северной части насыпи на глубине 10—20 см, в курганах с труположением (курганы 37, 40). Все они почти одинаковой формы (только орудия из курганов 47, 55 трапециевидной формы, остальные прямоугольной), различаются размерами и тем, что в одних случаях умершему положены использовавшиеся в быту орудия, в других — специально изготовленные для погребального обряда.

1. Одно орудие прямоугольной формы с разомкнутой втулкой (курган 37), размер: общая длина 7,1 см, ширина рабочей части 1,7 см. (рис. 4, 7). Орудие расковано из одной полосы железа, рабочий край немного приострен с внутренней стороны. Возможно, использовалось как долото или стамеска. Описанное орудие имеет характерный профиль: небольшой уступ в месте перехода втулки в рабочую часть и небольшой наклон рабочей части во внутреннюю сторону.

2. Шесть предметов очень маленьких размеров, четыре — прямоугольной формы, курганы: 22 (рис. 32, 1), размер: длина 4,5 см, ширина рабочей части 1,3 см; 40 (рис. 5, 16), размер 5,1×1,6 см; 54 (рис. 9, 2), размер 5,2×1,5 см; 60 (рис. 12, 4), размер 4,3×1,2 см; 69 (рис. 14, 5), размер 6,2×1,6 см; одно-трапециевидной формы. Курган 55 размер 4,3×2 см. (рис. 10, 21). Все орудия раскованы из одной полосы железа, края втулки несомкнутые. Определить эти предметы как рабочие или изготовленные специально для похорон довольно трудно. У некоторых края втулки очень слабо загнуты. Вряд ли возможно было работать таким орудием, так как деревянная рукоять держалась бы очень слабо.

3. Предмет из кургана 47 трапециевидной формы, края втулки загнуты из бортов пластины. На рабочей части эти края приплюснуты, нижний край обрублен (рис. 7, 1), размер 6,3×2,3 см. Видимо, этот предмет был изготовлен специально для погребального обряда, так как работать им невозможно. Описанные орудия предназначались скорее всего для работы по дереву. Они были распространены очень широко и имели длительный период существования.

Железные миниатюрные предметы в форме лопаточек (миниатюрные наконечники стрел (?)), найдены в курганах 1 (рис. 2, 10, 14), 40 (рис. 5, 10—12).

В кургане 37 обнаружено пять железных миниатюрных предметов: один конец расплюсчен в форме лопаточки, другой — очень острый. Средняя часть почти граненая, сужена по сравнению с лопаточкой. В месте перехода в черешок — утолщение. Выделка очень тщательная (рис. 4, 4). Изготовлены, видимо, из стали, почти не корродированы. Возможно, что это инструмент ювелира.

Три бронзовых небольших крюка с поперечной перекладиной для подвешивания колчана (?). Курганы 37 (рис. 4, 9), 47 (рис. 7, 2), 69 (рис. 14, 9). На крюке из кургана 37 есть такой же рисунок в виде мелких треугольников, как и на бляшке с клювовидным шпеньком. Подобной формы крюки сохранились до VI в. н. э. [Худяков Ю. С., 1978, рис. 2, 6, с. 168].

Принадлежности одежды

Пряжки. При описании пряжек мы придерживались типологии, разработанной В. Б. Ковалевской. В основу типологии ею были положены следующие признаки: форма пряжки — отдел, форма щитка — тип, заполнение внутреннего пространства щитка — подтип [Ковалевская В. Б., 1979, с. 10]. Указывается материал, из которого сделаны пряжки, и способ изготовления.

В наших материалах имеются пряжки круглорамчатые бесщитковые, овальнорамчатые бесщитковые, овальнорамчатые со щитком. По материалу они делятся на бронзовые и железные.

Бронзовые пряжки. 1) Овальнорамчатая бронзовая пряжка сделана из круглого более массивного в передней части и зауженного в задней части пряжки дрота (курган 60 ТКМ-1). Язычок прямой, немного выступающий за конец пряжки, огибает задний конец пряжки. Щиток полуовальный, состоит из сложенной вдвое пластинки с вырезом для язычка. Ремень вставлялся между концами пластинки, закреплялся двумя бронзовыми гвоздиками (по типологии Ковалевской отдел I, тип 7, подтип 4). Размер рамки 3,3×2,4 см, размер щитка 2,3×2 см, общая длина пряжки 4,1 см (рис. 12, 2).

2. Прямоугольнорамчатая бесщитковая бронзовая пряжка (курган 54 ТКМ-1). Сделана из пластины, граненой в сечении (по Ковалевской вариант 2), длина рамки превышает ширину (по Ковалевской вариант 3), то есть рамка вытянута по продольной оси. На рамке отлито пять лепестков в виде украшения. Язычок неподвижный, отлит вместе с рамкой, изогнут (рис. 9, 6). Размер пряжки (по рамке без выступов) 2,8×2,3 см (по типологии Ковалевской отдел VI, тип. 1).

Подобная пряжка, но без украшений найдена в могильнике Кокэль-8 [Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П., 1966, табл. XII, 13].

3. Округлая цельнолитая бронзовая пряжка с прямоугольным плоским щитком, с неподвижным прямым шпеньком (курган 37). С обратной стороны имеется петелька для прикрепления ремня. По краям щитка нанесены насечки-выемки (рис. 4, 10).

Подобные пряжки характерны для таштыкской культуры, как пишет Л. Р. Кызласов, «типично таштыкские» (1960, с. 36). Происходят они из склепа № 2 Изыхского чаатаса (I в. до н. э.—I в. н. э.). В последнее время появилась другая дата для таштыкской культуры [Амброз А. К., 1971 а, с. 120]. Нам думается, что такие пряжки дожили до V—VI вв. н. э. начиная с первых веков до н. э.—первых веков н. э. Возможно, на переживание таштыкской формы указывает прямой шпенек на тимирязевской пряжке в отличие от изогнутых таштыкских.

4. Еще одна пряжка с клюковидным шпеньком происходит из кургана 60. Ею заканчивается узкий ремешок. Пряжка рамчатая с овальной дужкой, посередине которой находится шпенек. К ремню пряжка присоединена посредством железной пластины, между концами которой вставлен ремень, закрепленный железными заклепками. Сбоку у ремня есть железная петля (рис. 13, 7).

Железные пряжки. В основу описания железных пряжек положены те же признаки, что и при описании бронзовых. В типологии В. Б. Ковалевской железные пряжки не приводятся.

1. Круглорамчатые, бесщитковые, сделанные из круглого или овального в сечении дрота равномерной толщины (курганы 54, 60 ТКМ-1). Язычок короткий, не выступающий за рамку пряжки, один конец которого огибает пряжку на стыке дрота (у железных пряжек). Язычок слабо профилирован, одинакового сечения на всем протяжении. Размер пряжки 2,3×2,4 см (рис. 13, 3).

2. Овальнорамчатые бесщитковые пряжки. Они найдены в курганах: 1 (рис. 2, 2), размер 2,5×1,7 см; 37 (рис. 4, 11), размер 2,1×2 см; 40 (2 экз.), (рис. 5, 1, 2), размер 3,5×2,8 см; 2,5×2,1 см. Все пряжки железные, сделаны из круглого или четырехгранного в сечении дрота одного диаметра. Язычок короткий, не выступающий или немного выступающий за передний конец пряжки, слабо профилированный, огибающий конец пряжки петлей.

Аналогии есть в могильнике Кудыргэ [Гаврилова А. А., табл. XII, 11; XIV, 1].

3. Овальнорамчатая железная пряжка с прямоугольным щитком (курган 55 ТКМ-1). Рамка ромбическая в сечении. Щиток сложен из одной пластинки с вырезом для язычка. Язычок сломан. Ремень зажимается между двумя пластинками, закрепляется железными гвоздиками со шляпкой (способ крепления 2). Размер рамки 1,4×1,1 см, длина щитка 1,8 см, ширина 0,9 см. Общая длина пряжки 2,5 см. Она была положена в сосуд с миниатюрными предметами. Возможно, и пряжка исполнена тоже в миниатюре (рис. 10, 5).

Украшения, предметы культа

1. Бронзовая серьга овальной формы со вставкой из яшмы (курган 60). По краю корпуса идет рубчатый кант. Петля для продевания в ухо сделана из тонкой проволоки, довольно длинная. Имеется застежка (рис. 12, 5).

2. Бронзовая подвеска в форме колокольчика с двумя зубцами (курган 60, рис. 12, 6).

3. Бронзовая бляшка ромбической формы с загнутыми концами (курган 55, рис. 11, 9).

4. Железная бляшка полусферической формы с железным шпеньком (курган, 1, рис. 2, 9).

5. Фигурка лошади из бронзы, объемная, сплошного литья (курган 55). Изображение профильное: удлиненная форма морды, стоячие уши, короткая грива, по одной передней и задней ноге, небольшим выступом показан хвост. В спине — отверстие (рис. 11, 10). Похожие фигурки найдены в памятниках Прикамья: в Бирском могильнике, погребении 130 [Мажитов Н. А., 1968, табл. 7, 15]. А. К. Амброз датирует это погребение VII в. (1971 а, рис. 10, 73). Две фигурки найдены в могильнике Митино 4 [Геннинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1973, табл. 1, 19, 20, с. 119]. Исследователями этот могильник отнесен к памятникам харинского типа: V — первой половине VI вв. [Геннинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1973, с. 87].

Антропоморфные изображения

1. Антропоморфное изображение из кургана 40. Вырублено из бронзовой пластины толщиной в 0,7 мм в виде фигурки. Голова овальная, руки намечены выступами. В середине головы сквозное отверстие. Вокруг него нанесены острым предметом (металлическим?) кружки. На груди — три таких же углубления. Внизу фигурки — два сквозных отверстия. Или пластина до изготовления изображения, или уже готовое изображение подверглось действию несильного огня (рис. 5, 6). Высота изображения 4,8 см. Найдено в юго-западном секторе на глубине 23 см вместе с миниатюрным наконечником стрелы и двумя железными пластинками. Аналогичные изображения авторам неизвестны.

2. Антропоморфное изображение из кургана 55. Голова овальной формы, брови — небольшие дуги. Нос передан рельефным валиком. Глаза и рот обведены желобками (рис. 11, 8). Высота 4,2 см. Литье одностороннее. Изображение найдено в юго-западном секторе на глубине 55 см в скоплении предметов, положенных в два сосуда, третий сосуд был вставлен в один из сосудов с предметами. Курган поминальный. Это изображение имеет сходство с изображением из кургана 39.

3. Антропоморфное изображение из кургана 60. Передана только голова в плоском рельефе. Надо лбом с каждой стороны по три продольные линии, возможно, изображен головной убор, на щеках по три косые насечки. Глаза и рот переданы овалом.

Лицо исполнено в двух плоскостях, сходящихся под углом посередине лица (рис. 12, 7). Высота 4,6 см. Изображение найдено на глубине 12—15 см в сосуде вместе с железным ножом и железным миниатюрным предметом.

Наиболее ранними предметами в инвентаре могильника ТКМ-1 являются пряжки таштыкского типа (курганы 37, 54, 60) и крючки (курганы 37, 47, 69). Пряжки датированы Л. Р. Кызласовым I в. до н. э.—I в. н. э. Позже подобная пряжка была найдена в могильнике Кокэль в кургане 8. Могильник датирован концом I тыс. до н. э.—первыми веками н. э. [Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П., 1966; табл. XIII, 13]. Крючок, подобный таштыкским, найден в местонахождении Утух-Хая-Кисте вместе с миниатюрным железным ножом. Ю. С. Худяков приходит к заключению, что подобные крючки существовали до VI в. [Худяков Ю. С., 1978].

Особенностью могильника является нахождение в нем миниатюрных предметов: ножей, наконечников стрел, тесел.

Миниатюрные предметы найдены в насыпи курганов 1, 37, 40, 60. Кроме курганов, где в насыпи встречены миниатюрные и таштыкского облика предметы и где есть захоронение костяка, в ТКМ-1 есть группа курганов-кенотафов, в которые также положены миниатюрные предметы (курганы 54, 55). В погребении с захоронением костяка они встречены только в курганах 47, 69.

Обычай класть миниатюрные предметы широко был распространен во второй стадии тагарской культуры [Киселев С. В., 1951, с. 265] и продолжает широко бытовать в таштыкское время [Кызласов Л. Р., 1960, с. 36]. И видимо, как пережиточная, традиционная форма сохраняется еще в раннем средневековье [Чиндина Л. А., 1977, с. 96—97]. Нахождение миниатюрных предметов в одном комплексе (имеется в виду курган) с пряжками, подобными таштыкским (курганы 47, 69), позволяет объединить их в одну группу и предположить, что это наиболее ранние курганы.

Следует отметить тот факт, что в некоторых курганах есть миниатюрные предметы и предметы, нижняя граница существования которых в Юго-Западной Сибири не раньше VI в. Так, в кургане 55 наряду с миниатюрными предметами обнаружена бронзовая пряжка со щитком. Время бытования подобных пряжек VI—IX вв.

Последнее обстоятельство, а именно нахождение миниатюрных предметов, существовавших в период раннего железа, и предметов VI—VIII вв., указывает на пережиточную

форму первых и возможность отнести курганы с миниатюрными и таштыкскими предметами не ранее чем к V—VI вв. Это подтверждает и керамика, происходящая из указанных курганов. С одной стороны, эта керамика несколько отличается по форме и меньше по орнаментации от сосудов VI—VIII вв., с другой стороны, она не имеет орнаментации, характерной для Среднего Приобья конца I тыс. до н. э.—начала н. э. (в случае принадлежности могильника местному населению и не имеет аналогий среди позднеатагарской или таштыкской керамики, если предположить неместное происхождение этой группы курганов). Орнаментация сосудов близка орнаментации керамики из курганов VI—VIII вв. Таким образом, наличие двух признаков: предметов VI—VIII вв. в некоторых курганах с миниатюрами и предметами таштыкского облика и керамики, тесно связанной с керамикой VI—VIII вв., позволяет определить дату ранних курганов V—VI вв. (рис. 105). К этой группе следует отнести курганы 1, 22, 37, 40, 47, 51, 54, 55, 60, 69.

Рассмотрим датировку конкретно по курганам, по находящимся в них комплексам предметов.

Курган 1. (рис. 2, 3)¹. Датируется арматурой от ножен, миниатюрными стрелами (название условное), миниатюрным железным ножом.

Курган 22 (рис. 32, 1). Отнесен к группе ранних курганов условно по керамике и теслу небольших размеров.

Курган 37 (рис. 4, 1—10). Дату его определяет комплекс состоящий из клювовидной пряжки, миниатюрного железного ножа, тесла и миниатюрных стрел (?).

Курган 40 (рис. 5; 6, 1, 2). Дату его определяет комплекс предметов, состоящий из арматуры для ножен, миниатюрного ножа, кольцевидной пряжки с вращающимся язычком, миниатюрных стрел (?), антропоморфного изображения. В этом кургане наиболее полно представлен комплекс предметов, характерный для курганов V—VI вв. н. э. Тимирязевского курганного могильника I.

Курган 47 (рис. 7). В нем найден крюк, как в кургане 37, где есть клювовидная пряжка и небольшое тесло.

Курган 51 (рис. 8, 1, 2). Датируется обоймой от ножен и сосудом характерной формы (с отогнутым наружу венчиком).

Курган 54 (рис. 50, 4; 9) датирует клювовидная пряжка, миниатюрный нож.

Курган 55 (рис. 10, 11, 3, 11). Здесь найдены цепочка для ножен, антропоморфное изображение, железный нож средних размеров с горбатой спинкой, миниатюрный нож и два

¹ Ссылки даны на все предметы, из кургана, чтобы читатель мог видеть датирующие предметы в комплексе с другими вещами.

тесла. Эти предметы датируются V—VI вв. н. э. Кроме того, в этом кургане есть предметы, которые существовали до более позднего времени: коньковая подвеска и пряжка со щитком (VI—IX вв.). Эти предметы ограничивают дату сооружения кургана VI в. н. э.

Курган 60 (рис. 12, 13). Пряжка с клювовидным шпеньком, миниатюрное железное тесло, антропоморфное изображение составляют датирующий комплекс для данного кургана.

Курган 69 (рис. 14). В комплексе этого кургана есть крючок, как в курганах 37, 40, миниатюрный наконечник стрелы, часть ножен с петлей, тесло небольших размеров. Все эти предметы входят в датирующий комплекс V—VI вв. н. э.

Курганные могильники. Описание

Тимирязевский курганный могильник I

Курган 2. Размер² $5,7 \times 5,8$ м. В насыпи кургана в северо-восточной части обнаружены: остаток железного предмета (рис. 15, 2) и разбитый сосуд (рис. 15, 3).

В центре кургана на глубине 0,75 м обнаружено погребение. Погребенный положен в могилу глубиной 0,35—0,4 м. Могила вытянута с запада на восток. Приблизительные размеры погребения: $1,7 \times 0,6$ м. От погребенного сохранились череп плохой сохранности и три трудно определяемые кости. Захоронена женщина, около 40 лет. Погребенную сопровождали: сосуд (рис. 15, 1), железный стержень и плохо сохранившиеся железные предметы (рис. 15, 4, 5).

Курган 3. Диаметр 5 м. При снятии насыпи в юго-восточном секторе на глубине 0,15 м найдены фрагменты керамики. В северо-восточном секторе на глубине 0,47 м от поверхности обнаружен сосуд (рис. 16, 2). В юго-восточном секторе у полы кургана на глубине 0,7 м от поверхности зафиксировано пятно, заполненное мешаным песком с углями. Размер пятна $1,2 \times 0,45$ м, мощность 15 см.

Погребение расположено в центре кургана на глубине 0,6—0,65 м от поверхности. Обнаружены кости ног (рис. 16, А). С погребенным найден разбитый сосуд (рис. 16, 1). Погребение располагалось в могиле на глубине 0,15 м.

Курган 4. Размеры $6,5 \times 7,5$ м. При снятии насыпи в северо-западном секторе обнаружено два разбитых сосуда: один на глубине 0,1 м, другой — на 0,5 м (рис. 17, 11)³. В северо-восточной части кургана обнаружена железная втулка и обломки железных предметов на глубине 0,1—0,6 м (рис. 17, 2; б). На глубине 0,8 м в северо-западной части кургана выявлено погребение. От погребенного есть только череп

² Высота курганов от современной дневной поверхности в большинстве случаев 0,3—0,4 м. В некоторых курганах она достигает 0,6—0,75 м (курганы 23, 25, 27, 43, 49).

³ Восстановленные сосуды на рисунках даны целыми.

и несколько неопределимых фрагментов костей. На черепе сохранилась кожаная полоска с мехом. На ней нашиты бронзовые полушаровидные бляшки по 3 в ряд (рис. 17, 8, 9). Около правого уха найдена бронзовая серьга (рис. 17, 6, 7). С правой же стороны обнаружена бусина и бисер (рис. 17, 10). На шее умершего была надета бронзовая гривна (рис. 17, 2). Западнее черепа сохранились кости животного (?), керамика и железное тесло (рис. 17, 1).

Курган 5. Размер $5,8 \times 6,5$ м. При снятии насыпи в юго-восточном секторе на глубине 5 см найден сосуд, положенный кверху дном (рис. 18, 10). В юго-западном секторе на глубине 10 см встречено железное кольцо (рис. 18, 1). На глубине 0,6—0,65 м выявилось могильное пятно размером $1,8 \times 1—1,1$ м. В пятне найдены разрозненные плохой сохранности кости и железные предметы: два железных кольца (рис. 18, 2, 3), железная пуговица (рис. 18, 4), часть наконечника стрелы (рис. 18, 5), остатки железных предметов (рис. 18, 6, 9). Погребение находилось в могиле глубиной 0,15—0,2 м. В северо-западном секторе на материке выявлены пережженные кости. Они очень мелкие, определить, кому они принадлежали, не удастся. Размер пятна $0,8 \times 0,4$ м, мощность 0,2 м.

Курган 6. Диаметр 6 м. При снятии насыпи в северо-восточной части кургана, у края его, на глубине 5—10 см найдены зубы лошади, скопление панцирных пластин (рис. 19, 1—3, 5). В северо-западном секторе на глубине 0,5 м обнаружен обломок каменного топорика. В центре кургана на глубине 0,5 м прослежено могильное пятно. Размер его $1,9 \times 1,2—1,4$ м. На этой глубине (0,5 м) в пятне обнаружена кость, возможно, животного. Погребение располагалось в могиле глубиной 0,15—0,2 м. Из костей сохранились череп, четыре длинные кости без эпифизов. Есть еще несколько костей, но, возможно, это кости животных. Кости лежат в беспорядке. Северо-восточнее черепа лежал разбитый сосуд (рис. 19, 6). Кроме того, при погребенном найдены железное кольцо (рис. 19, 4) и остатки от железных предметов.

Курган 8. Размер $6 \times 6,2$ м. При снятии насыпи на глубине 0,2 м в северо-западном секторе зафиксировано углистое пятно диаметром 0,35 м. Такие же небольшие углистые пятна обнаружены в юго-западном и юго-восточном секторах. В юго-западном секторе у края кургана выявлен разбитый сосуд (рис. 20, 3). В северо-восточном секторе на глубине 0,5 м обнаружен целый сосуд (рис. 20, 2). В центре кургана на глубине 0,7 м выявилось могильное пятно размером $1,4 \times 1,3$ м. В пятне найдены керамика, железный сошник (рис. 20, 1), остатки железных предметов. Погребение располагалось в могиле глубиной 0,25—0,3 м.

Курган 10. Размер $5,5 \times 5$ м. На глубине 0,15—0,2 м выявлены угли. Они расположены двумя группами на расстоя-

нии 1,2—1,3 м одна от другой, вытянуты с юго-запада на северо-восток. Возможно, это остатки надмогильного сооружения. Зафиксированы они на глубине 0,2—0,3 м от поверхности. На этой же глубине отмечено два пятна в юго-восточной части кургана размером 0,65×0,35 м и 0,6×0,3 м, в которых найдены кости животных. На глубине 0,4 м в северо-восточной части кургана над погребением найден железный топор-тесло (рис. 21, 6). Погребение обнаружено в центре кургана на глубине 0,7—0,75 м на материке в виде сожженных костей, сожжение произведено на стороне. Среди костей был зуб. С погребенным найдены следующие предметы: бронзовая подвеска-луница располагалась с юго-западной стороны погребения (рис. 21, 4), с северной стороны — бронзовая подвеска в виде колокольчика (рис. 21, 2), обломок железной пряжки, фрагменты от железных предметов (рис. 21, 1, 5). Под ними обнаружена еще одна луница и бронзовая подвеска (рис. 21, 4а, 3).

Курган 11. Диаметр 4 м. На глубине 0,65 м в центре кургана найдено окислившееся железо. На этой же глубине в южной части кургана зафиксированы угли.

Курган 12. Размер 4×5 м. В северо-восточной части насыпи кургана на глубине 0,2 м зафиксировано пятно с углями, мощность 0,2 м, размер 0,4×0,25 м в верхней части до 0,75×0,4—0,65 м в нижней части. На глубине 0,3 м в северной части кургана найдено точило (рис. 22, 17). В южной части кургана на глубине 1 м на материке обнаружено тру-посожжение взрослого человека, произведенное на стороне. Размер его 1,2×0,3—0,4 м, вытянуто с СЗ и ЮВ. Кости очень мелкие, рассыпаны слоем 5—7 см на всей поверхности пятна. Среди костей находились предметы: бронзовая коло-ковидная подвеска (рис. 22, 4), четырехлепестковая нашив-ка (рис. 22, 5), 5 прямоугольных железных нашивок (рис. 22, 14), пастовая и бронзовая бусины (рис. 22, 10, 13), сдвоенные полушарные бляшки (рис. 22, 12), бронзовые колечки (рис. 22, 7, 8), монета династии Тан, эллипсоидная бронзовая на-шивка (рис. 22, 6), бронзовая подвеска в виде кольца с вы-ступами по бокам и стерженьком с каплевидным окончанием (рис. 22, 3), бронзовая конусовидная нашивка (рис. 22, 11), ко-стяная подпружная пряжка с подвижным язычком (рис. 22, 16), разрушенные железные предметы (рис. 22, 15), часть лезвия каменного топорика.

Севернее захоронения были положены два сосуда (рис. 23, 1, 2) и предметы: китайская монета, бронзовая бусина, две бронзовых подвески в виде стерженька с каплевидным окон-чанием (рис. 22, 1, 2, 9).

Курган 13. Диаметр 4 м. На глубине 0,6—0,65 м от днев-ной поверхности обнаружено погребение. Погребенный лежал в могиле глубиной 0,2—0,25 м. Размер могилы 1,6×0,8 м.

Могила вытянута с ЮЗ на СВ (рис. 24, А). От костяка сохранились только череп и длинные кости рук и ног (мужчина (?), 30—35 лет). Погребенный ориентирован головой на ЮЗ. Здесь же лобная кость и зубы, принадлежащие ребенку 4—7 лет. В могиле найдены бронзовая серьга (рис. 25, 1) и сосуд (рис. 25, 2).

Курган 14. Диаметр 4 м. В насыпи кургана обнаружены фрагменты от двух сосудов (рис. 25, 3, 4). На глубине 0,6 м в насыпи кургана найдено погребение (рис. 24, Б). Из костей обнаружены: череп, бедренные кости, обломки большой берцовой кости, обломки обеих лопаток, правой плечевой кости, некоторые позвонки. Пол мужской, возраст 40—50 лет. Предметов не найдено.

Курган 15. Размер $6,8 \times 6,3$ м. На поверхности видны следы грабительской ямы. Размер ее $1,4 \times 0,9$ м. Нарушено трупосожжение взрослого человека, произведенное на стороне. Выкид из ямы (серая супесь с мелкими прожженными костями) покрывал почти весь северо-восточный сектор кургана. В этом слое найдена керамика и бронзовое антропоморфное изображение (рис. 26, 4).

В северной части насыпи кургана на глубине 0,15 м обнаружены зубы животного и бронзовая обоймочка. На глубине 0,65—0,7 м обозначилось могильное пятно. Его размер $2 \times 2,1$ м. Могила углублена в материк на 0,2—0,25 м. В ней обнаружен сосуд (рис. 26, 1) и кость (определению не поддается). На уровне погребения, южнее его на 2 м, зафиксировано пятно с углями размером $0,45 \times 0,45$ м. В нем обнаружена керамика (рис. 26, 2, 3, 5, 6).

Курган 16. Курганы 16—18 были объединены в один раскоп. Благодаря этому стало возможным проследить последовательность сооружения этих курганов и обнаружить место тризны, расположенное между ними. Размер кургана $16:5,8 \times 6,8$ м. Зафиксирована грабительская яма размером 1×1 м, глубиной 0,5 м. При снятии насыпи на глубине 0,3—0,32 м в северо-восточной части кургана обнаружено пятно размером $0,7 \times 0,7$ м, мощностью 5 см. В пятне найдена керамика (рис. 27, 3; 28, 1—3), кости черепа человека (мужчина около 30 лет) и угли. На глубине 0,35—0,4 м в западной части кургана зафиксировано пятно с углями размером 2×2 м. В нем найдены челюсти лошади, половина сосуда (рис. 27, 1), скопление расположено на материке. Северо-восточнее этого скопления зафиксировано еще одно размером $0,5 \times 0,5$ м. В нем остатки железных предметов, керамика (рис. 28, 4), угли. В центре кургана найдены фрагменты керамики.

Курган 17. Размер $5,6 \times 6$ м. Раскапывался частично из-за четырех сосен, растущих на насыпи кургана. Зафиксирована грабительская яма размером $0,6 \times 0,75$ м, глубина 0,6 м

(заходит в материк). На глубине 0,3—0,4 м зафиксировано темное пятно размером 2,3×1,6 м. В пятне найдены угольки, сосуд (рис. 28, 5), восточнее пятна обнаружены кости животного. В центре кургана найдены фрагменты керамики (рис. 27, 2; 28, 6).

Курган 18. Размер раскапываемой части кургана 5,4×4 м. В насыпи кургана на глубине 0,3 м найдено скопление керамики и кости лошади.

Между тремя курганами обнаружено скопление восьми нижних челюстей и одного черепа лошади. Размер скопления 0,75×0,8 м. Между курганами 16 и 18 в восточной части раскопа на глубине 0,35 м зафиксировано пятно размером 1,0×0,8 м. При расчистке его найдена керамика и угли.

Курган 19. Размер 8×7 м. В центре кургана грабительская яма размером 0,7—0,9×1,4 м. Она доходит до материка. В насыпи кургана на глубине 0,1—0,3 м встречены фрагменты керамики (рис. 29, 1—6), точило (рис. 29, 7). В западной части кургана, у края полы его, найдены кости животных. При расчистке грабительской ямы обнаружены кости человека и керамика.

Курган 20. Размер 6×6 м. Зафиксирована грабительская яма размером 1,6×1 м. Глубина ее 0,5 м. В южной части насыпи на глубине 0,1—0,15 м зафиксировано пятно размером 1,4×0,8 м, заполненное темной супесью с углями. В пятне найден сосуд (рис. 30, 1). Скопление керамики на этой же глубине обнаружено в восточной части кургана.

На глубине 0,55—0,6 м в юго-восточной части кургана на материке обнаружено погребение 1, (рис. 30, А). Направление скелета СВ—ЮЗ, головой на СВ. От скелета сохранились: длинные кости конечностей и часть костей таза. Захоронена женщина 35—40 лет. Среди костей найдены фрагменты керамики.

В северо-западной части кургана обнаружено погребение 2 на одной глубине с погребением 1. Скелет разбросанный, сохранились череп и несколько фрагментов костей. Череп лежал лицом к юго-западу (мужчина (?), 35—40 лет). В юго-западной части кургана на глубине 0,68 м найдены кости ноги человека. В северо-восточной части кургана на одной глубине с погребением зафиксировано два пятна. Размер одного 1,6×1,4 м. Оно заполнено углями и фрагментами керамики. Второе пятно у самого края кургана. Размер 0,9×0,35 м. Заполнено углистой землей и фрагментами керамики. В насыпи кургана найдена керамика (рис. 31, 1—3).

Курган 21. Размер 6×6 м. В насыпи зафиксирована грабительская яма размером 2,0×1,7 м. Яма уходила в материк на 0,1—0,15 м. В южной части кургана на глубине 0,3—0,35 м выявлено пятно размером 1,4×0,7 м. Оно уходило в материк на 0,05—0,1 м. При расчистке пятна обнаружены обожжен-

ные кости и угли. Кости очень мелкие. Определить, кому они принадлежали — человеку или животному, не удастся.

Курган 23. Размер 4×4 м. При снятии насыпи на глубине 15—18 см зафиксировано пятно обожженной земли с углями, вытянутое с севера на юг. Размер его $3,9 \times 0,17$ —1,3 м, мощность до 20 см. В северной части кургана на глубине 30—33 см обнаружено пятно с мелкими жжеными костями, углями. Размер его $0,8 \times 0,4$ —0,6 м, мощность 15—20 см. При разборке пятна обнаружены следующие предметы: две пастовые и одна бронзовая бусины, три костяных наконечника стрел (рис. 32, 6, 8), железное тесло (рис. 32, 3), костяной (рис. 32, 5) и железный предметы (рис. 32, 4), бронзовое несомкнутое кольцо (рис. 32, 2). Сверху на них лежал кусок бересты.

Курган 24. Размер $3,6 \times 3$ м. В южной части кургана на глубине 0,7—0,9 м от поверхности зафиксировано пятно размером $1,1 \times 0,7$ м (рис. 33). Оно заполнено мелкими пережженными костями, принадлежащими взрослому человеку. Захоронение сопровождали предметы: остатки кожаного пояса с наборными бляшками подпрямоугольной и овальной формы с прямым вырезом (рис. 34, 3), бронзовая подвеска в виде колокольчика (рис. 34, 5), бронзовая подвеска в виде кольца со стерженьком с каплевидным основанием (рис. 34, 7), пастовая бусина (рис. 34, 6), песчаниковое точило (рис. 34, 4), остатки железных предметов (рис. 34, 1, 2), сосуд (рис. 34, 8). Трупосожжение располагалось на материке.

Курган 25. Размер $7,5 \times 7$ м. При снятии насыпи на глубине 0,15—0,3 м обнаружено два скопления керамики (рис. 35, 36, 1), зубы лошади, миниатюрное тесло (рис. 36, 2), треугольная железная пластина. Все находки, за исключением двух фрагментов керамики, обнаружены в западной части кургана.

Курган 26. Диаметр кургана 4 м. В насыпи кургана на глубине 0,4—0,5 м обнаружены кость животного, фрагменты керамики, лезвие топорика из кремнистого сланца. В северной части кургана на глубине 0,6—0,7 м найдены череп человека, лежащий вниз лицом на материке. Череп мужской, 25—30 лет. С правой стороны черепа обнаружена серьга (рис. 36, 3). На расстоянии 0,6 м к юго-западу от черепа расчищены плечевая кость, сосуд (рис. 36, 4) и остатки от железных предметов (19 шт.).

Курган 27. Диаметр 6 м. При снятии насыпи обнаружены фрагменты керамики, угольные пятна. На глубине 0,8—0,9 м на материке обнаружены железный нож (рис. 37, 1), бронзовый предмет (рис. 37, 2), скопление фрагментов керамики и несколько прокаленных мелких костей. По-видимому, в кургане было трупосожжение.

Курган 28. Диаметр 5 м. При снятии насыпи кургана на

глубине 0,2—0,5 м найдены три скопления керамики, каменный предмет и угли (рис. 37, 3, 7; 38, 1). Остатки захоронения расположены к западу от центра кургана в могиле глубиной 0,3—0,35 м. Размер могилы 1,6×2,4 м. Северо-восточная и юго-восточная стенки могилы прослежены нечетко. В могиле найдены две кости человека и фрагменты от одного сосуда. На древней дневной поверхности в северо-восточной части кургана, у его полы, зафиксировано угольное пятно размером 1,1×0,4 м, мощностью 10—12 см. В нем найдена керамика.

Курган 29. Диаметр 6 м. При снятии насыпи на глубине 0,15—0,2 м в северо-восточной части кургана обнаружено скопление керамики, в юго-западной части — небольшой глиняный сосуд (рис. 38, 3) и фрагмент керамики (рис. 38, 4). В сосуд была положена железная пряжка (рис. 38, 7). В южной части кургана — три пятна с углями. На глубине 0,45 м в северо-западной части кургана зафиксировано пятно размером 1,1×1,0 м. Мощность пятна 12—15 см. В пятне найден целый сосуд (рис. 38, 2). В северо-восточном и юго-восточном секторах обнаружено по одному фрагменту керамики (рис. 38, 6). В насыпи найден обломок каменного предмета и фрагмент керамики (рис. 38, 5).

Курган 30. Диаметр 6 м. При снятии насыпи обнаружены зубы животного и отдельные фрагменты от двух сосудов (рис. 39, 1, 3). На глубине 0,7 м над могилкой найдены железные удила (рис. 39, 4). На глубине 0,8 м от поверхности зафиксирована могильная яма размером 1,25×1,9 м. Яма овальной формы, вытянута с З на В, углублена в материк на 0,2 м. В могиле найден железный трехлопастной наконечник стрелы с прорезями на лопастях (рис. 39, 2) и остатки от другого железного предмета. Костяк не обнаружен.

Курган 31. Диаметр 4,5 м. При снятии насыпи кургана обнаружена керамика (рис. 40, 2), зубы лошади, пятна гумусированной земли с углями. На глубине 0,7—0,8 м от центра к северу зафиксировано темное пятно размером 1,4×1,9 м. Оно углублено в материк на 0,25 м. В нем обнаружены угли и скопление керамики (рис. 40, 1). Костяк не обнаружен.

Курган 32. Диаметр 8 м. Почти в центре кургана зафиксирована грабительская яма размером 0,6×0,7 м. Она углубляется в материк на 15—18 см. При снятии насыпи на глубине 10—15 см в северо-западной части кургана обнаружены кости животных, керамика (рис. 40, 3, 8, 9) и железные удила (рис. 40, 12), пятно с углями размером 0,8×1,5 м, мощностью 10—12 см. В юго-западном секторе выявлен сосуд (рис. 40, 4). На глубине 0,7—0,75 м зафиксировано пятно размером 1,45×0,9 м. Через него проходит грабительская яма. При выборке его найдены трудно-определимая кость и остатки, ки железных предметов: панцирных пластин, железного кольца, железного наконечника стрелы (рис. 40, 5—7, 11) и

неопределенного предмета (рис. 40, 10). Костяк не обнаружен.

Курган 33. Размер 5×4 м. Зафиксирована грабительская яма размером $1,7 \times 1,8$ м. В ней найдены разбросанные кости человека и лезвие железного ножа (рис. 41, 4). Курган разграблен. В насыпи найдена керамика (рис. 41, 5).

Курган 34. Диаметр 4 м. При снятии насыпи обнаружены отдельные фрагменты керамики, сосуд (рис. 41, 1, 3) и обожженная кость. На глубине $0,2-0,3$ м в насыпи кургана зафиксированы пятна гумусированной земли с углями. Мощность пятен от $0,1-0,12$ м до $0,35$ м. В угольных пятнах обнаружены фрагменты керамики (рис. 41, 2). Захоронения в кургане не обнаружено.

Курган 35. Диаметр 6 м. Зафиксирована грабительская яма размером $1,3 \times 1,4$ м, глубиной $0,6$ м. При снятии насыпи на глубине $10-15$ см в юго-западной части кургана обнаружены жженые кости. В северной части кургана на глубине $0,3$ м и $0,55$ м зафиксированы угольные пятна. В них найдена керамика и кости. Погребение обнаружено на глубине $0,7-0,75$ м. Могильное пятно размером $2,8 \times 1,5$ м. Могила углублена в материк на $0,25$ м, вытянута с З на В. В могиле найдены череп человека (женщина, около 25 лет), лицом вниз, трудно определяемая кость человека. Умершему были положены: два бронзовых изображения медведей полого литья (рис. 42, 8), бронзовый перстень (рис. 42, 6), с запада у черепа часть витой гривны (рис. 42, 10), пять медальонов в серебряной с позолотой оправе, с кантиками и с вставкой из зеленого камня (рис. 42, 1, 2), бусина (рис. 42, 5), часть кожаного ремня с серебряными бляшками (часть узды (?); (рис. 42, 3), бронзовые нашивки (рис. 42, 4), железный сошник (рис. 42, 11), два раздавленных сосуда (рис. 42, 12), часть кожаного ремня, на котором крепились узкие бронзовые полоски, закрепленные бронзовыми шпеньками (рис. 42, 7), бронзовая подвеска (рис. 42, 9).

Курган 36. Размер $6,7 \times 6,5$ м. При снятии насыпи на глубине $0,15-0,3$ м в юго-западном секторе обнаружены кости животных, целый сосуд (рис. 43, 6), бронзовые бляшки (рис. 43, 7), обломки бронзового и железного предметов, каменный предмет. В северо-западной части насыпи найден разбитый сосуд (рис. 43, 2). К северо-западу от центра зафиксировано пятно размером $1,2 \times 1,2$ м, мощностью $0,15-0,3$ м. Пятно заполнено пережженными костями человека (?). В пятне были сосуд (рис. 43, 3), часть бронзовой гривны (рис. 43, 4), часть деревянного предмета с обкладкой из белого сплава. В юго-восточной части насыпи на глубине $0,3$ м найдена железная пряжка без язычка (рис. 43, 5) и сосуд (рис. 43, 1).

Курган 38. Размер $3,6 \times 6$ м. При снятии насыпи на глубине 10 см в юго-восточной части обнаружено скопление ке-

рамики (рис. 4, 12). В юго-западном секторе найдены отдельные фрагменты керамики. На глубине 0,6—0,65 м в северной части кургана зафиксировано пятно размером $0,8 \times 1,5$ м. Пятно уходит в материк на 0,12 м. В пятне найдена железная пряжка (рис. 4, 11).

Курган 39. Размер $6,5 \times 8,5$ м. При снятии насыпи на глубине 8—9 см в северо-восточном секторе найден целый сосуд (рис. 44, 8), под ним лежали бронзовая личина (рис. 44, 6), железный нож (рис. 44, 9). В северной и южной частях кургана зафиксированы пятна с углистой землей и мелкими жжеными костями. На глубине 0,2—0,3 м в юго-западном секторе выявлены челюсти лошади. Севернее их на 1 м найдена железная пряжка. У южной полы кургана зафиксировано углистое пятно размером $0,8 \times 1,2$ м, мощностью 0,1—0,12 м. В пятне найдены зубы животного и скопление керамики. На глубине 0,5—0,55 м к юго-востоку от центра зафиксировано темное пятно размером $1,3 \times 1,7$ м. В нем найдены фрагменты керамики (рис. 44, 1). Южнее пятна зафиксированы челюсть животного и кость. В юго-западном секторе обнаружен еще сосуд, железный предмет и часть втулки железного тесла (рис. 44, 7, 5, 3).

В этом же секторе, южнее описанных находок, на глубине 0,6 м зафиксировано погребение. Здесь были череп (женщина 25—30 лет), сосуд (рис. 44, 4), бронзовая пряжка (рис. 44, 2), два железных предмета и кусочек кожи. В насыпи найден каменный предмет и фрагменты керамики.

Курган 41. Размер $4,5 \times 6$ м. На глубине 10—15 см в насыпи кургана обнаружены пережженные кости животного, несколько фрагментов керамики и два пятна с углями. На глубине 0,7 м в юго-западном секторе найден разбитый сосуд (рис. 6, 3).

Курган 42. Размер $4,2 \times 5$ м. При снятии насыпи найдено несколько фрагментов керамики. Погребение обнаружено на глубине 0,75—0,8 м от поверхности. От костяка сохранилось несколько костей (нижняя челюсть, несколько позвонков, часть таза, бедренная кость), лежащих не в анатомическом порядке. Захоронен мужчина 30—35 лет. При погребенном предметов не найдено. Могила углублена в материк на 8—10 см.

Курган 43. Размер 6×7 м. При снятии насыпи на глубине 7—10 см зафиксировано в юго-западном секторе пятно размером $1—1,2 \times 3,9$ м, мощностью 15—18 см. В нем найдены разбитый сосуд (рис. 45, 1), угли. В северо-западной части кургана также отмечено темное пятно с углями размером $0,7 \times 1$ м, мощностью 0—10 см. На глубине 0,45—0,5 м в юго-восточной части кургана выявлено погребение. Размер могильного пятна $1,8 \times 0,35—0,4$ м. Из костей скелета сохранились: кости черепа, плечевая, две бедренные кости. Захо-

ронена женщина старше 25 лет. Погребенная была положена в направлении ЮЗ—СВ, головой на СВ (рис. 45, А). В могиле найден один фрагмент керамики. Погребение располагалось на материке.

Курган 44. Диаметр 6 м. Прослежена грабительская яма размером $0,6 \times 1,2$ м, глубиной 0,4 м. При снятии насыпи в восточной части кургана зафиксировано пятно с углями размером $0,6 \times 0,75$ м, мощностью 10—12 см. Южнее его найдены целый сосуд и фрагменты от трех сосудов (рис. 46, 1, 2, 4, 5). При выборке грабительской ямы обнаружены фрагменты от одного сосуда (рис. 46, 3) и обломок трубчатой кости взрослого человека.

Курган 45. Диаметр 6 м. Грабительская яма размером $1,4 \times 1,5$ м, глубиной 0,4 м. При снятии насыпи в западной стороне кургана на глубине 10 см обнаружен разбитый сосуд (рис. 47, 1). Скопление керамики найдено у полы восточной части кургана на глубине 0,23 м (рис. 47, 2). На глубине 0,45—0,5 м в центральной части кургана зафиксированы фрагменты керамики и обломок трубчатой кости взрослого человека.

Курган 46. Размер 4×5 м. В северо-восточной части кургана на глубине 10—15 см зафиксировано пятно размером $0,7 \times 0,7$ м, мощностью 10—15 см. В нем найдены железное тесло (рис. 48, 4), железный нож (рис. 48, 3), угли и обожженное дерево. Южнее пятна на 1 м зафиксировано скопление керзмики (рис. 48, 2). В юго-западной части найден фрагмент керамики (рис. 48, 1). На глубине 0,5 м в северо-западной части кургана обнаружен череп и нижняя челюсть человека. Юго-западнее их на 0,7 м найдено две кости, северо-западнее черепа — 5 железных наконечника стрел (рис. 48, 5—8). Сохранность их очень плохая. Захоронен мужчина (?) около 30 лет. В юго-восточной части кургана на уровне погребения зафиксировано пятно гумусированной земли размером $2,9 \times 0,6—1,0$ м. Мощность его до 0,3 м. В нем найдена керамика.

Курган 48. Размер $4 \times 5,5$ м. Зафиксирована грабительская яма размером $1,0 \times 0,9$ м, глубиной 0,45 м. Южнее грабительской ямы на 0,3 м на глубине 8—10 см обнаружены панцирные пластины. В южной части кургана найдены кости животного. На глубине 0,2—0,25 м в северо-восточной части кургана выявлено пятно гумусированной земли с углями. Размер $0,9 \times 0,75$ м. Мощность его 8—10 см. В южной части кургана на этой же глубине выявлены кости животных, два каменных предмета, панцирные пластины, трехлопастной наконечник стрелы и удила (рис. 49, 1—4). На глубине 0,65—0,7 м в центре кургана выявлено могильное пятно размером $1,7 \times 1$ м. В пятне обнаружены: каменный предмет, скопление керамики, панцирные пластины, часть кожаного пояса с

бронзовыми заклепками (рис. 49, 5). Могила уходит в материк на 10—12 см. Среди находок были обнаружены мелкие пережженные кости.

Курган 49. Размер $5 \times 5,5$ м. При снятии насыпи в северо-восточной части кургана на глубине 10—15 см выявлено пятно гумусированной земли размером $2 \times 0,4—1,4$ м, глубиной 8—10 см. У западного края найден железный миниатюрный сошник (рис. 49, 8). В центре кургана на глубине 10—15 см найдены железное тесловидное орудие (рис. 49, 9), бронзовый браслет (?) (рис. 49, 6) и фрагмент керамики. Западнее этих предметов на 0,5—0,6 м и глубже на 10 см найдены кость человека и керамика (рис. 49, 7). Здесь же, глубже еще на 15 см, обнаружен череп человека (40—50 лет).

Курган 50. Размер 4×6 м. При снятии насыпи на глубине 0,3 м выявлены фрагменты керамики. На глубине 0,65—0,7 м в северо-западной части кургана выявлено погребение. Размер могильного пятна $1,8 \times 1,1$ м. Сохранились череп (мужчина 36—40 лет), три длинные кости без эпифизов и несколько мелких. Все кости и череп плохой сохранности, лежали не в анатомическом порядке. При погребенном обнаружены два обломка железных предметов и разбитый сосуд (рис. 8, 3). Погребенный положен в могилу глубиной 0,2 м.

Курган 52. Размер 5×6 м. При снятии насыпи найдена керамика (рис. 50, 1). В западной части кургана на глубине 0,25—0,3 м зафиксированы два пятна с углями, размер $0,3 \times 0,35$ м; $0,5 \times 0,3$ м. На глубине 0,55—0,6 м в северо-восточном секторе, почти в центре кургана, обнаружен череп и несколько разрозненных костей (тазовых и трубчатых). Костяк принадлежал женщине 20—25 лет. Погребенная лежала в могиле глубиной 0,2—0,25 м. При костяке найден обломок железного ножа и разбитый сосуд (рис. 50, 2).

Курган 53. Размер $4,5 \times 5,5$ м. При снятии насыпи в северо-восточной части кургана на глубине 8 см найден целый сосуд (рис. 50, 3), в южной части кургана зафиксировано два пятна с углями, размер $1,4 \times 0,3—0,9$ м; $0,5 \times 0,4$ м. Мощность их 5—10 см. При выборке их обнаружены обожженные кости и несколько фрагментов керамики. Небольшое пятно с углями выявлено в северной части кургана, размер $0,4 \times 0,3$ м, мощность 5—7 см. Пятна выявлены на глубине 0,1—0,2 м. На глубине 0,65—0,7 м выявлено могильное пятно размером $2 \times 1,5$ м. При разборке его найдены два фрагмента керамики и остатки железных предметов. Из костей сохранились две кости черепа. Могила углублена в материк на 0,2 м.

Курган 56. Размер $5 \times 5,5$ м. При снятии насыпи в юго-западной части кургана зафиксирована челюсть животного и камень. На глубине 0,65 м в западной части кургана обнаружен целый сосуд (рис. 11, 1), у южного края кургана в

темном пятне размером $2,0 \times 0,2 - 0,4$ м, мощностью до 10 см найдена льячка (рис. 11, 2).

Курган 57. Размер $5,5 \times 6$ м. При снятии насыпи на глубине 10—15 см выявлены темные пятна в западной части кургана. В одном из них размером $2 \times 0,65$ м найдены фрагменты керамики. Мощность этого пятна 0,1 м. В северной части кургана на глубине 0,6—0,7 обнаружены разрозненные кости человека, керамика и несколько камней.

Курган 58. Диаметр 4 м. При снятии насыпи на глубине 10—20 см в южной части кургана зафиксировано темное пятно размером $3,5 \times 1,4 - 2,6$ м. В восточной части его выявлены угли, в западной — керамика, отбойник, грузило. Мощность пятна до 10 см. В северо-восточном секторе, ближе к центру, на глубине 0,6—0,7 м выявлено погребение: череп и длинные кости ног (женщина (?), около 50 лет). Погребение вытянуто с ЮЗ на СВ, головой на СВ. Погребенная положена в могилу глубиной 0,2 м. Предметов при погребенной не обнаружено.

Курган 59. Размер $6,7 \times 7,5$ м. При выборке насыпи на глубине 8 см в северо-восточной части кургана найден целый сосуд (рис. 51, 1). В юго-западной части кургана на глубине 10—12 см обнаружены фрагменты керамики и бронзовая личина человека (рис. 51, 3). На глубине 0,6 м обнаружены остатки погребения: обломки черепа (мужчина 30—40 лет), трубчатая кость человека, два сосуда (рис. 51, 2, 5), железный нож, часть железного предмета (долото?) (рис. 51, 4). Погребение углублено в материк на 0,2 м.

Курган 61. Размер $5 \times 5,5$ м. При снятии насыпи на глубине 0,3 м в юго-восточной части кургана найден целый сосуд (рис. 52, 4), в котором были: железное орудие (рис. 52, 5), часть железного ножа (рис. 52, 3) и железный предмет, четырехгранный в сечении (рис. 52, 2). В северо-восточной части кургана найдены фрагменты керамики (рис. 52, 6, 7).

Курган 62. Размер $4,8 \times 5,4$ м. Зафиксирована грабительская яма размером $1,4 \times 1,4$ м, глубиной 0,6—0,7 м. При снятии насыпи на глубине 0,15—0,3 м в восточной части кургана на значительном расстоянии друг от друга найдены: часть железных ножен (рис. 53, 8), зубы животного и остатки от железных предметов. На глубине 0,6—0,7 м прослежены остатки погребения. Грабительская яма коснулась его частично. Предметы и кости ног взрослого человека найдены в пятне размером $1,7 \times 2$ м. Оно расположено от центра кургана к югу. В нем обнаружены: панцирные пластины (рис. 53, 2, 3; 54, 2—4), остатки от наконечников стрел (рис. 53, 4—6), крученая цепочка (рис. 53, 7), железная пряжка (рис. 53, 10), колоколовидная подвеска (рис. 53, 11), бронзовое полое изображение животного (рис. 53, 12), бронзовая пластинка с шестью выпуклинами (рис. 53, 13), часть железной пряжки

(рис. 54, 5), фрагмент керамики (рис. 53, 1). Погребение расположено в могиле глубиной 0,2—0,25 м.

Курган 63. Размер 4×5 м. При снятии насыпи в северной части кургана выявлено пятно гумусированной земли размером 1,2×1,3 м, мощностью 0,5 м. В нем найден разбитый сосуд (рис. 54, 1). Кроме того, фрагменты керамики найдены в юго-восточной части кургана. Скопление керамики зафиксировано в восточной части кургана. В южной части, у края насыпи, обнаружен каменный топор.

Курган 64. Диаметр 4 м. В насыпи кургана были обнаружены: большое скопление костей животных в северной части кургана, фрагменты керамики, в южной части — остатки панцирных пластин, железное тесловидное орудие (рис. 55, 1). В восточной части кургана на глубине 0,3—0,35 м выявлено темное пятно размером 0,7×0,8 м. Мощность пятна до 0,6 м. Оно заполнено гумусированной землей с углями. В нем найдены кости животных, керамика и два железных тесла (рис. 55, 2, 3) и железная пряжка (рис. 55, 4).

Курган 65. Размер 3,6×4 м. В насыпи на глубине 5—15 см в западной части кургана найдены кости животных, угли, каменный предмет. В восточной части кургана — кости от трупосожжения. На глубине 10—15 см в центре кургана зафиксировано пятно размером 2,9×1,1 м. Мощность пятна 0,2—0,25 м. Пятно заполнено пережженными костями, углями. В нем найден бронзовый предмет (рис. 55, 5). Севернее его найден один фрагмент керамики.

Курган 66. Размер 3,6×4 м. При снятии насыпи в юго-западной части кургана были обнаружены на глубине 5—20 см фрагмент керамики, в северной части — кости животных. В юго-восточной части — темное пятно размером 1,2×0,6 м, мощностью 12—15 см. На глубине 0,6 м от поверхности выявлено погребение. В могиле глубиной 0,25—0,3 м захоронено четыре человека. Три скелета (2, 3, 4) положены вытянуто, головой на В. Поверх них лежал еще один костяк (1), также в вытянутом положении, головой на ЮВ.

Костяк 1. Сохранились череп, кости таза и конечностей. Мужчина 30—40 лет.

Костяк 2. Сохранились обломки черепа. Женщина (?), 20—25 лет.

Костяк 3. Обломки черепа. Женщина (?), 30—35 лет.

Костяк 4. Обломки черепа. Женщина (?), около 25 лет.

На уровне костяков 2—4 обнаружены следующие предметы: к западу от черепа 4 на 0,3 м — железная пряжка (рис. 56, 4), железный нож (рис. 56, 2). Под подбородком черепа 2 найдены две бронзовые подвески (рис. 56, 5). К юго-западу от него на 0,6 м обнаружен сосуд (рис. 55, 6), к северу от него на 8 см — костяная пластинка и фрагмент от того же сосуда. На уровне костяка 1 лежало железное кольцо (рис.

56, 3), но возможно, что оно относится к нижним костякам.

Курган 67. Размер $4 \times 4,4$ м. При снятии насыпи на глубине 10 см в северо-западной части кургана обнаружена льячка (рис. 56, 7). На глубине 15—18 см в южной части кургана зафиксировано пятно гумусированной земли размером $0,5 \times 0,9$ м. Мощность его 10—12 см. В этой же части кургана найдено два фрагмента керамики. На глубине 0,6—0,7 м в центре кургана обнаружены: железный нож (рис. 56, 1), обломок железного ножа (рис. 56, 6), часть трубчатой кости.

Курган 68. Размер $8,8 \times 9,6$ м. Прослеживается грабительская яма размером $1,4 \times 1,7$ м. При снятии насыпи на глубине 10—15 см зафиксировано несколько угольных пятен мощностью 5—10 см. Размер пятен от $0,2 \times 0,1$ до $0,5 \times 0,85$ м. В одном из пятен прослежены три обгоревшие жерди, длина их до 0,4 м, ширина 3—5 см.

Погребение обнаружено в юго-восточном секторе на материке. От него сохранились часть черепа, бедренная кость, часть таза. Из предметов с погребенным найдены фрагменты керамики и железный предмет.

Тимирязевский курганный могильник II

Тимирязевский курганный могильник II расположен на гривах по левую сторону дороги, идущей от тракта Томск—Коларово в пос. Тимирязево (Томский район, Томская область) в 5 км от г. Томска.

Могильник раскапывался М. Ф. Косаревым в 1959 г. (16 курганов), был составлен план, на который нанесено 110 курганов⁴. В настоящее время могильник почти полностью застроен. Осталось 7—8 курганов (рис. 57). В 1975 г. раскопки производили авторы монографии, раскопано 4 кургана (с 1 по 4, остальные из раскопок 1959 г.).

Курган 1. Размер $6,5 \times 8$ см. Погребение не обнаружено. В насыпи кургана найдена керамика (рис. 58, 1—3; 64, 13).

Курган 2. Размер $6,5 \times 6$ м. Высота 0,3—0,7 м.

Погребение 1 (рис. 59, А). Умершая (женщина 30—35 лет) лежала на материке, в вытянутом положении головой на ЮЮВ. Кости в анатомическом порядке. Сохранность их плохая. При погребенной обнаружены: на шее бронзовое изображение птицы с личиной человека на груди (рис. 60, 1). Под нижней челюстью выявлено 5 бронзовых бусин. Выше таза справа раздавленный сосуд (рис. 61, 3), рядом с ним —

⁴ Материалы использованы с разрешения автора. В отчете М. Ф. Косарева некоторые данные отсутствуют: размер кургана 46 и его план, высота курганов. Судя по разрезам курганов, она достигает 0,2—0,6 м от современной дневной поверхности.

железное тесло (рис. 60, 5), южнее тесла — бронзовая бусина (рис. 60, 2). Слева на поясе железный нож (рис. 60, 4). Под плечевой костью правой руки найдено 6 костяных наконечников стрел (рис. 60, 7—11). Севернее их — точильный камень и часть железного предмета (рис. 60, 6). От костяных наконечников влево, в области грудной клетки, обнаружены бронзовые нашивки (рис. 60, 3).

Погребение 2 (рис. 59, Б) расположено в ногах погребения 1. Костяк женщины 30—35 лет лежал на правом боку в скорченном положении. Предметов нет. В области таза погребения 2 выявлены кости черепа и зубы ребенка. Зубы молочные. В западной части насыпи кургана найдена керамика (рис. 61, 1, 2; 65, 2, 4).

Курган 3. Размер $3,8 \times 4,5$ м. Высота насыпи 0,3—0,4 м. Погребение не обнаружено. В насыпи кургана встречена керамика (рис. 62, 1).

Курган 4. Размер кургана $5,6 \times 7$ м. Высота насыпи 0,3—0,4 м.

Погребение 1 расположено в западной части кургана на глубине 0,5 м, на материке. Умерший (около 40 лет, пол не определен) лежал в вытянутом положении на спине, головой на ЮЮЗ. (рис. 62, А). При погребенном найдены: на шею — бронзовое изображение птицы (рис. 62, 4), у черепа слева — три костяных наконечника стрел (рис. 62, 5—7), в области таза с левой стороны — точильный брусок.

Погребение 2 расположено восточнее погребения 1 на материке. Скелет в вытянутом положении (женщина около 25 лет), на спине, головой на ЮЮВ (рис. 63, А). При погребенной найдены: на лбу, на висках — бронзовые бляшки, нашитые на полоску меха (рис. 63, 4, 5). У ключицы с правой стороны — бронзовая бусина. С левой стороны скелета на уровне колена выявлены бронзовое изображение птицы и подвеска (рис. 63, 1, 2). С правой стороны у таза обнаружены 12 бронзовых бляшек, аналогичных тем, которые были на лбу и висках. С левой стороны у колена — железный миниатюрный нож (рис. 63, 3).

В насыпи кургана обнаружены керамика (рис. 62, 2, 3; 65, 1, 3) и часть точила.

Курган 7. Размер кургана $7,5 \times 9,5$ м. В насыпи кургана найдена бронзовая четырехлепестковая нашивка (рис. 64, 1), часть трубчатой кости и продолговатый плоский камень.

Курган 42. Размер кургана $3,8 \times 6$ м. На глубине 30 см от современной дневной поверхности обнаружено скопление предметов: миниатюрный железный нож (рис. 64, 6), выпуклые нашивки из бронзы (рис. 64, 4, 5, 8, 10), бронзовая бусина (рис. 64, 3), которые лежали на бересте. Под берестой найдены две серьги с шишечкой на кольце и стерженьком с каплевидным окончанием (рис. 64, 7, 9), рядом с ними остат-

ки от железного кольца. Погребение не обнаружено. В насыпи кургана найдены фрагменты от двух сосудов (рис. 64, 2).

Курган 46. На глубине 80 см от современной дневной поверхности обнаружены остатки бедренных костей. Справа от них лежали два железных трехлопастных наконечника стрел (рис. 64, 11), медная трубочка и железное кольцо с железной пластинкой (рис. 64, 12).

Курган 59. Размер кургана 4,5×3 м, имеется грабительская яма. В материке на глубине 30 см обнаружены остатки погребения, нарушенного, вероятно, грабителями. К югу от черепа вверх дном поставлен сосуд (рис. 66, 1).

Курган 78. Диаметр кургана 1,5 м. Костяк не обнаружен. На глубине 30 см в центре кургана обнаружен целый сосуд, поставленный кверху дном (рис. 66, 3), сверху в насыпи кургана собраны фрагменты еще одного сосуда (рис. 66, 2).

Курган 83. Размер 3×5,5 м. На глубине 30 см обнаружено погребение плохой сохранности: череп раздавлен, положен лицом вниз. У черепа найдена бронзовая бусина (рис. 67, 3), две железные пластины. В области шейных позвонков — бронзовая нашивка с остатками кожи (рис. 67, 2). В области пояса обнаружен миниатюрный железный нож. Около ног — железное тесло. В насыпи кургана найден разбитый сосуд (рис. 67, 1).

Курган 85. Размер 3,8×5,4 м. На глубине 30 см в центре кургана выявлены мелкие косточки на площади 20×60 см. Здесь же найден сосуд.

Курган 86. Размер 4,3×7,5 м. Погребение обнаружено в западной части кургана на глубине 40—45 см. Погребенный лежал на спине, головой на ЮВ, сильно обожжен. Под ним зафиксирован слой пепла до 5 см толщиной. При погребенном обнаружены: под черепом — бусина, около пояса — железный нож (рис. 67, 6), западнее ножа — бронзовая поясная бляшка с прямоугольным вырезом (рис. 67, 4), у левой руки — еще 6 таких бляшек. Под ними остатки от ремня и слой бересты. В ногах стоял сосуд (рис. 67, 5). В насыпи кургана обнаружен разбитый сосуд (рис. 67, 7).

Курган 91. Размер 5×8 м. В центре кургана заметна грабительская яма. Выявлено два погребения.

Погребение 1 расположено в южной части кургана. Сохранились череп, лежащий лицом на В и бедренные кости. К ЮВ от черепа обнаружены фрагменты еще одного черепа. Рядом с ним найдены две бусины. Выше места тазовых костей — бронзовые подвески (рис. 68, 3, 4), бронзовая бляшка (рис. 68, 2), бронзовое полое изображение медведя (рис. 68, 5), у ног — бронзовая бляшка от наборного пояса (рис. 68, 8).

Погребение 2 расположено в северной половине кургана. Сохранились фрагменты черепа, положенного лицом на

3. Предметы: железный нож (рис. 68, 6), бронзовый наконечник ремня (рис. 68, 7), плоский наконечник стрелы, глиняный сосуд (рис. 68, 1). В насыпи кургана найдены челюсти животного.

Курган 95. Размер $5 \times 7,3$ м. В центральной части кургана обнаружены остатки погребения, разрушенная черепная коробка и плечевые кости и около них — передние зубы человека. Предметы в погребении: колоколовидная подвеска (рис. 68, 9), две бронзовые серьги (рис. 68, 10, 11), бронзовые бусы (рис. 68, 12, 14), бронзовое кольцо (рис. 68, 15). В насыпи кургана — железный сошник (рис. 69, 1), фрагменты керамики (рис. 69, 16, 17; 69, 3) и часть каменного топора (рис. 69, 2).

Курган 98. Размер $4,5 \times 6$ м. Погребение на глубине 0,4 м на спине, головой на ЮВ. Под погребением прослеживается тонкий слой пепла. С погребенным найдены: под черепом — костяной наконечник стрелы (рис. 70, 12), две бусины (рис. 70, 1). У левой руки шесть пластин небольших размеров (рис. 70, 6—9). Между коленями железная и две бронзовые пряжки (рис. 70, 2—4), железная обойма (рис. 70, 10). В насыпи кургана найдена керамика (рис. 70, 5, 11).

Курган 103. Размер 4×5 м. В центре кургана на глубине 30 см обнаружен потревоженный костяк, длина которого 1,3 м. Ориентирован головой на ЮЗ. С погребенным найдены: между коленями — железный нож (рис. 71, 2), у ступней ног — сосуд (рис. 70, 13). Из этого же кургана происходят (условия расположения неизвестны): железный сошник (рис. 71, 1), бронзовый перстень (рис. 71, 8), бронзовая бусина (рис. 71, 4) и часть железного кольца (рис. 71, 5).

Курган 104. Размер $4,9 \times 5,8$ м.

Погребение 1 расположено в восточной части кургана. От скелета есть только череп. К северу от черепа — бронзовая скрученная тонкая проволока (рис. 71, 11), с юго-востока — бронзовая подвеска (рис. 71, 7). В 60 см к северу от черепа — сосуд, положенный кверху дном (рис. 71, 9).

Погребение 2 расположено в южной части кургана на глубине 50 см от поверхности. Погребение сильно обожжено, головой ориентировано на юг.

С погребенным найдены: в области груди — бронзовая подвеска в виде листа (рис. 71, 6), колоколовидная подвеска, 4 пастовые бусины. Около локтя левой руки — железное тесло, в области пояса — бронзовая пряжка, завернутая в кожу, часть бусины. На левой руке — перстень (рис. 71, 3). У ног — разбитый сосуд (рис. 72, 1), под ним — железная пряжка и бронзовая сегментовидная нашивка (рис. 71, 10). В насыпи кургана найдены фрагменты керамики.

Курган 107. Размер 4×5 м. На погребенной почве обнаружено разрушенное погребение, ориентированное головой

на юг. С погребенным найдены: бронзовая серьга (рис. 72, 2), бронзовая подвеска (рис. 72, 3), часть бронзовой серьги (рис. 72, 4), железный нож (рис. 72, 5).

Курганный могильник у Архиерейской заимки

Раскопки могильника произвел в 1896 г. библиотекарь Томского университета С. К. Кузнецов. Им было раскопано 36 курганов. С. К. Кузнецов писал в Археологическую комиссию: «Я произвел раскопки возможно тщательно. Кладбище снято на план (площадь 2000 кв. сажен). Разрыто всего 36 курганов, среди которых попадались до 5 сажен в диаметре» [Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 53, л. 18].

Точное местоположение могильника неизвестно. Имеющиеся сведения противоречивы. На археологической карте Томской области могильник значится на р. Б. Киргизке, недалеко от ее устья [Дульзон А. П., 1956, с. 120].

С. К. Кузнецов писал, что им было получено... «сообщение от железнодорожного рабочего Мухарремова о нахождении кладбища вблизи Томска, отчасти скрытого при проведении Томской ветки Средне-Сибирской железной дороги» [Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 53, л. 16]. Далее в письме говорится, что С. К. Кузнецов брал в ближайшей железнодорожной будке «фонарь и лампу, а то и просто свечку, так как работы проводил в вечернее время» [Архив..., л. 18 об.]. Исходя из этого документа, можно предположить, что могильник был не на р. Б. Киргизке (от нее железная дорога далеко), а на излучине р. М. Киргизки, притока Б. Киргизки. Следует также заметить, что во всех сохранившихся документах, исходящих от С. К. Кузнецова, памятник значится как «Могильник близ г. Томска».

Среди сохранившихся документов о раскопках названного могильника в архиве ЛО ИА АН СССР имеется: открытый лист № 839 от 24 апреля 1896 г. на имя С. К. Кузнецова, финансовый отчет о раскопках, переписка С. К. Кузнецова и администрации Томского университета с Археологической комиссией, фотографии коллекции, присланные С. К. Кузнецовым в Археологическую комиссию, и опись коллекции, выполненная автором раскопок, в которой значится 307 предметов [Архив..., д. 53]. Коллекция по указанию Археологической комиссии была передана в исторический музей, теперь ГИМ, где хранится и сейчас (некоторые предметы отсутствуют: нет пяти сосудов, кинжала и некоторых других предметов).

В настоящее время на предметах этой коллекции нет номеров ни по описи С. К. Кузнецова, ни по описи ГИМа. При разборе коллекции нам приходилось сопоставлять предметы по двум описям; по фотографиям, на которых тоже не ука-

заны номера погребений, и по публикации 1899 г. [ЗРАО, 1899]. Большинство предметов было опознано и распределено по погребениям, но некоторые предметы все-таки не удалось соотнести с соответствующим ему погребением. Это предметы либо плохой сохранности, либо не имеющие каких-либо характерных признаков, например, железные ножи. В этих случаях в тексте они даны по описанию ЗРАО, но их нет на рисунках, прилагаемых к данной работе. Ни отчета С. К. Кузнецова, ни его дневников пока не обнаружено.

Первая публикация некоторых материалов могильника была сделана Археологической комиссией в 1898 г. [ОАК, 1898], а затем в 1899 г. [ЗРАО, 1899]. В публикациях дано больше сведений о найденных предметах, чем о конструкции курганов и погребальном обряде. Определение погребений (мужское или женское) произведено по найденным в погребении предметам. Лишь в некоторых случаях упомянуто о костяке или о сожжении. Несмотря на отсутствие дневников и отчета, мы сочли целесообразным вернуться еще раз к материалам этого могильника. Необходимость вызвана прежде всего богатством материала и, самое важное, возможностью изучения его по комплексам. Этому помогает опись коллекции, составленная С. К. Кузнецовым, где указано, из какого погребения происходит каждый предмет и фотографии, на которых даны, например, наборные пояса в том виде, как они были найдены: все бляшки, по месту их расположения, пряжки, наконечники ремней от одного пояса. Важно разобраться в материалах Архиерейской заимки, во-вторых, потому, что многие исследователи обращались к этим материалам, но чаще всего их привлекали в качестве аналогий к своим материалам, не рассматривая коллекцию в целом. В результате такого обращения получилось, что могильник имеет в настоящее время несколько дат: VII в. [Дульзон А. П., 1956, с. 120], VII—VIII вв. [Грязнов М. П., 1956, с. 135; Могильников В. А., 1964, с. 12—13; 1973, с. 176], VIII в. [ОАК, 1898, с. 94; Амброз А. К., 1971, с. 121]. Л. А. Чиндина считает, что могильник появился в VIII в. [Чиндина Л. А., 1977, с. 69].

Теперь при изучении коллекции в целом стало ясно, что курганы относятся к двум хронологическим периодам: VI—VIII и IX—X вв. В данной работе будут рассмотрены погребения VI—VIII вв.

В описи С. К. Кузнецова и в публикации 1899 г. [ЗРАО, 1899] употреблено слово «погребение», а не «курган». Поскольку нам неизвестно, по одному ли погребению было в каждом кургане, равнозначны ли эти два понятия в данном контексте, мы при описании будем употреблять этот же термин «погребение».

Погребение 1. Из него происходят три черешковых железных трехлопастных наконечника стрел, два железных дро-

тика, неопределенная железная пластина с дротом, конец которой загнут.

Погребение 2. Пять железных черешковых трехлопастых наконечников стрел, два трехгранных костяных наконечника стрел, неопределенная железная рукоятка.

Погребение 3. К нему относятся шесть бронзовых пластин с изображением медведя (рис. 73, 1). Все пластины одного размера с одинаковыми изображениями. Это дает возможность предположить, что они отлиты в одной форме. Они лежали в согнутой пирогом бронзовой тонкой пластине. Здесь же найдена тонкая бронзовая чаша с блестящей поверхностью.

Погребение 4. Трупосожжение. Найдено два набора (от узды (?)). Один состоит из тонких круглых и овальных бронзовых бляшек с дырочками для прикрепления и одной бронзовой пряжки (рис. 73, 6). Второй состоит из круглых бронзовых бляшек, немного больших по размеру, чем первые. Бляшки имеют шпенек для прикрепления к ремню. С одного конца набора бронзовая пряжка (язычок не сохранился), с другого — плоский наконечник (рис. 73, 7). Кроме того, из этого погребения происходят плоские железные треугольной формы наконечники с небольшим выступом на месте черешка, 3 экз. (рис. 73, 8). На каждом есть сквозные отверстия. Отсюда же происходят три серебряные бляшки-тройчатки (рис. 73, 4), бронзовые цилиндрические бусы (рис. 73, 5), железный нож уменьшенных размеров (рис. 73, 9), железный стерженек, четырехгранный в сечении (рис. 73, 10), китайская оплавленная монета, оплавленная эполетообразная застежка (рис. 74, 1), железный топор-тесло (рис. 73, 2), бронзовая плоская бляшка с тремя отростками (рис. 73, 3). В публикации еще указаны: железное кольцо, железные ножницы (в коллекции их нет), три ножа или обломка от таких же ножей, железный стержень, железные удила или цепочка, состоящая из четырех тонких свитых звеньев, оканчивающихся парюю тонких плоских колец, верхняя часть ножа. Эти предметы нами не были опознаны и соответственно не соотнесены с погребением 4.

Погребение 5. Трупосожжение. Найдены железные наконечники стрел: ярусный, 1 экз. (рис. 74, 4), бронебойные, 2 экз. (рис. 74, 3, 5), плоский лопаточковидный, 1 экз. (рис. 74, 2), один нож с горбатой спинкой (рис. 74, 6), два железных ножа обычных размеров со следами ножен и деревянной рукояти (рис. 76, 2, 3). Из этого же погребения происходят еще два ножа плохой сохранности. Здесь обнаружены бронзовый плоский наконечник ремня (рис. 74, 7), часть бронзового украшения (рис. 74, 8), бронзовая бляшка (рис. 74, 9), две железные рамчатые пряжки (рис. 74, 10, 11), бронзовые цилиндрические бусы (рис. 74, 12), бронзовое изображение

птицы с личиной на груди (рис. 74, 13), панцирные пластины (рис. 75, 4, 5), кузнечные клещи (рис. 75, 3), сломанная бронзовая чаша с мягкими поперечными и продольными полосами (рис. 75, 1), железный кинжал с прямым перекрестьем, с двумя бронзовыми обоймами и бронзовым навершием (в коллекции не обнаружен, рисунок дан по фотографии С. К. Кузнецова) (рис. 76, 1). Кроме того, отсюда происходят две железные тонкие пластины, четыре стеклянные с темной позолотой бусины, кусок тисненой кожи, сломанный глиняный сосуд (в коллекции его нет), железная пряжка, согнутая сборками из проволоки.

Погребение 6. Найдены железный нож и бронзовая плоская пряжка (рис. 77, 1).

Погребение 7. Железный небольшой нож и каменный предмет.

Погребение 8. Железный топор-тесло (рис. 77, 3).

Погребение 13. Часть глиняного сосуда (рис. 77, 8).

Погребение 14. Бронзовое изображение лося (?) с личиной (рис. 78, 1), бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 78, 2), бронзовая круглая бляшка (рис. 78, 3), часть бронзовой серьги (?). В публикации [ЗРАО, 1899, табл. II, 16] этот предмет дан неправильно, подрисована ножка серьги, получилась серьга в виде знака вопроса. (На фотографии С. К. Кузнецова и в коллекции этот предмет выглядит так, как дан на рис. 78, 16). Кроме этих предметов в описании [ЗРАО, 1899] упомянуты еще обрывки бересты, сосуд (в коллекции нет), бронзовый попорченный огнем фигурный дрот.

Погребение 15. Железные наконечники стрел: один трехлопастной с отверстием в лопасти (рис. 77, 7), трехлопастной с упором (рис. 77, 6), черешковый, плоский, перо треугольной формы (рис. 77, 5). Кроме того, указывается, что найдено еще два сосуда (нет в коллекции). Интересно такое замечание: «В первом погребении был обломок наконечника копья, каменный клин и каменный оселок» [ЗРАО, 1899]. Возможно, что в этом кургане было не одно погребение.

Погребение 20. Бронзовая подвеска с боковыми выступами и ступенчатым стерженьком [рис. 78, 13]. Бронзовое несомкнутое кольцо (рис. 78, 14), стеклянная бусина, зеленая с желтыми глазками в коричневой кайме (рис. 78, 15), сосуд (рис. 78, 12).

Погребение 23. Остатки сожженных костей человека. Железный топор-тесло (рис. 77, 4). Кроме того, каменные предметы: наконечник стрелы, два каменных оселка.

Погребение 24. Два железных ножа (рис. 79, 1), две парные бронзовые нашивки (рис. 79, 3), бронзовая поясная бляшка на куске ремня (рис. 79, 5), бронзовая подвеска в виде кольца с выступом и петлей (рис. 79, 2), бронзовая подвеска в виде кольца с петлей (рис. 79, 4), китайская монета.

четыре железных наконечника стрел плохой сохранности, железный предмет неопределенного назначения.

Погребение 25. Две бронзовые подвески с боковыми выступами, со ступенчатым стерженьком (рис. 79, 6, 16), бронзовая кольцевая подвеска с четырьмя кольцами по сторонам (рис. 79, 9), бронзовая подвеска с боковыми выступами, оформленными в виде двух и трех колец (рис. 79, 10), две бронзовые подвески в виде трех колец с петлей для подвешивания (рис. 79, 7, 11), бронзовая подвеска в виде стерженька с каплевидным основанием (рис. 79, 12), бронзовая проволока, округлая в сечении, согнута овалом, возможно, браслет (рис. 79, 13), бронзовая цилиндрическая бусина (рис. 79, 14), бронзовая фигурка зайца полого литья (рис. 79, 15), часть кожаного ремня с тремя бляшками-тройчатками, между ними пять бронзовых заклепок (рис. 79, 8). В публикации указано, что большинство привесок висело на тонком ремешке, а в одной подвеске сохранились следы шелковой нити, при другой — шелковой ленты [ЗРАО, 1899].

Погребение 29. Жженые кости человека, черные. С ними найден железный топор-тесло с несколько расширенным лезвием (рис. 77, 2).

Погребение 33. Железный лопаточковидный наконечник стрелы (рис. 78, 4), железный трехлопастной наконечник стрелы (рис. 78, 5), три костяных наконечника стрел (рис. 78, 6—8), бронзовая полушарная бляшка на кусочке кожи (рис. 78, 9), железный топор-тесло (рис. 78, 10). Кроме того, в тексте указаны железные удила [ЗРАО, 1899, табл. II, 33]. Этот же предмет дан на фотографии XVII С. К. Кузнецова [Архив, д. 53, л. 42]. Это железный дрот, немного выгнутый, концы загнуты в кольцо. Вряд ли этот предмет мог быть удилами. Если предположить, что это одно звено удила, то грызло слишком велико по размеру. Кроме этого из погребения происходит еще фигурно вырезанная бронзовая пластина (ЗРАО, 1899, табл. I, 6].

Погребение 35. Найден небольшой глиняный сосуд (рис. 78, 11).

Поселения и городища

Описание памятников и материал

Тимирязевское поселение I расположено на левом коренном берегу р. Томи, в пос. Тимирязево (Томский район, Томская область), с левой стороны от дороги на нижний склад. Часть поселения разрушена при проведении указанной дороги. Северная и южная части заняты огородами (рис. 80). Раскопки производились в 1974—1975 гг. В. И. Ма-

тющенко и Л. М. Плетневой [Плетнева Л. М., 1975 г., с. 227; 1976 а, с. 273]. При раскопках было выяснено, что памятник двухслойный. В коллекцию вошли керамика, железный нож, бронзовые предметы, бронзовый и железный шлаки, каменный инвентарь (рис. 81, 82). Часть материала опубликована [Плетнева Л. М., 1978, с. 51—59].

Тимирязевское городище IV расположено на левом берегу р. Томи, западнее пос. Тимирязево (Томский район, Томская область) на 300 м и восточнее Тимирязевского курганного могильника I на 600 м. Оно почти вплотную примыкает к Тимирязевскому городищу III, находящемуся восточнее четвертого городища. Тимирязевское городище IV имеет систему укреплений, состоящую из рва и вала, окружающую западную часть городища. Затем оно было расширено в восточной части: эту часть окружает два рва, между ними вал, затем все городище было обнесено валом. В западной части городища, на площади, отгороженной системой укреплений, никаких следов от сооружений не замечено. В восточной части видны 6 западин овальной формы размером 5—7×4—6 м. Северной границей городища является береговая линия. За оборонительными сооружениями с напольной стороны располагается более 150 западин округлой и овальной форм, различных по размеру: от 3×3 м до 10×10 м. В восточной части городище IV смыкается с городищем III, четкую границу между ними провести визуально трудно, поэтому определить точное количество западин, относящихся только к городищу IV, затруднительно. Городище расположено в густом сосновом бору, входящем в зеленую зону Томска. Сосны растут как в западинах, так и вне их. На археологической карте это городище не отмечено [Дульзон А. П., 1956, с. 116—119]. В 1951 г. памятник обследовал В. И. Матющенко [Архив МАЭС, № 132]. Раскопки произведены в 1971 г. (жилища 1, 2, траншея через линии укреплений в западной части городища) и в 1973 г. (жилище 5) Л. М. Плетневой (рис. 83).

Жилище 1⁵ расположено на укрепленной части городища, в восточном конце его, на самом краю берега. Жилище разрушено в северной части — оползло по обрыву берега. До раскопок прослеживалось в виде углубления прямоугольной формы размером 5×6 м. Глубина до 0,45 м в центре.

При расчистке заполнения котлована жилища и на полу зафиксирована керамика. В восточной части раскопа обнаружена углистая земля шириной до 1 м, длиной 3,2 м. Возможно, что это следы от пожара, в результате которого погибло жилище.

После расчистки жилище четко не прослежено, видимо,

⁵ Номера объектам даны в порядке раскопок.

вследствие его оползания. Котлован жилища углублен в землю на 0,45—0,5 м. От наземной конструкции жилища ничего не сохранилось.

Жилище 2 расположено за линией укреплений в центральной части городища.

До раскопок жилище прослеживалось в виде овального углубления размером 5,2×4,2 м, глубиной до 0,55 м.

При выборке котлована жилища обнаружена керамика, часть предмета из сланца. В центре жилища был материковый выступ размером 1,8 м×0,4—0,55 м. После расчистки котлован жилища был прямоугольной формы с покатыми стенками. Размер 5,2×4,4 м. В центре котлована выявлена ямка глубиной 0,35 м, диаметром 16 см, вероятно от центрального опорного столба, поддерживающего кровлю. Никаких остатков от наземной конструкции не сохранилось.

Жилище 5 расположено на окраине городища в восточной части. До раскопок представляло собой углубление округлой формы размером 9,7×9 м. Раскопке жилища мешали шесть сосен, три из которых росли в самом углублении, три — на его границах.

После расчистки было выявлено, что котлован жилища имел квадратную форму (8×8 м), вырыт был на глубину 0,6—0,65 м. Стенки котлована были забраны продольными плахами, поставленными на ребро, ширина их 0,18—0,2 м.

Постройка пострадала от пожара. Остатки от наземной деревянной конструкции прослеживаются по обуглившимся плахам, жердям и т. д. Наилучшая сохранность их выявлена в западной части и юго-восточном углу жилища. Были прослежены наклонно стоящие когда-то, теперь упавшие внутрь котлована плахи и жерди. Длина их от 0,5 м до 2,2 м. Концы их опирались на раму, остатки которой прослежены в западной половине жилища, длина ее сохранившейся части 3, 4 м. Следов от опорных столбов найдено не было. Жилище ориентировано углами по сторонам света (рис. 84). Из находок в котловане жилища найдены: скопление керамики, орнаментированной спускающимися по тулову сосуда резными треугольниками, заполненными насечками; отдельные фрагменты керамики.

В центре жилища выявлена площадка из материкового песка овальной формы размером 3×1,4 м, высотой до 0,5 м. Назначение его неясно.

Реконструкция жилища 5. Для сооружения жилища был вырыт котлован глубиной 0,6—0,65 м. Стены котлована были закреплены положенными на ребро плахами шириной до 0,2 м. Котлован был ориентирован углами по сторонам света. Наземная конструкция представляла собой следующее: на расстоянии 1,8—2 м от краев котлована, на опорных столбах, высота которых примерно 2—2,2 м, была укреп-

лена рама из толстых плах (прослежена в западной части котлована). На раму опирались поставленные на край котлована плахи и жерди, выявленные при расчистке жилища. Крыша крылась также плахами и расколотыми надвое тонкими бревнами. Жилище имело форму усеченной пирамиды.

Траншея длиной 10 м шириной 1 м была проложена через линию укреплений в западной части городища. В результате раскопок выяснено, что глубина внутреннего рва 1 м, ширина 0,6 м у дна, глубина второго рва, обращенного к напольной части городища, 0,45—0,5 м, ширина рва у дна 0,8 м. Высота валов небольшая — вместе с глубиной рвов 1 м. Ширина валов от 1,6 м до 2,4 м.

Поселения Кисловка I, II, VII

Поселения расположены на левом коренном берегу р. Томи, в пойме которой протекает р. Кисловка, левый приток р. Томи, юго-западнее пос. Тимирязево (Томский район, Томская область).

Они были открыты разведкой 1976 г. [Боброва А. И., Гребнева Г. И., Кирюшин Ю. Ф., 1977, с. 191]. Работы проводились Л. М. Плетневой в 1977 и 1979 гг. [Плетнева Л. М., 1978 а, с. 265; 1980, с. 225]. На поселении Кисловка I исследован один объект, на поселении Кисловка II — 11, на поселении Кисловка VII — 2 объекта.

Поселения Кисловка I; II находятся в густом сосновом лесу, входящем в зеленое кольцо Томска. Здесь же расположено несколько санаториев. Исходя из изложенного, исследование памятников широкими площадями затруднено. В связи с этим был применен метод раскопок объекта, то есть на каждую западину закладывался отдельный раскоп, но значительно шире ее. Так, на поселении Кисловка VII площадь западины 4—42,2 м², а площадь раскопа — 96 м², на поселении Кисловка II площадь западины 19—40,1 м², площадь раскопа — 90 м² и т. д. Но есть и такие объекты (их два), которые полностью расчистить не удалось из-за обилия деревьев. На поселении Кисловка II раскопы объектов объединены в две группы либо траншеями, либо один раскоп непосредственно примыкает к другому (рис. 87). Культурный слой содержал не только материалы VI—VIII вв., но более ранние, относящиеся к докерамическому неолиту. Раскопки проведены до материка, в данной работе рассматриваются материалы только эпохи железа. Культурный слой на поселении Кисловка II представлен светло-серой супесью вне западин (мощность до 0,5 м, отдельные ямы и заплывы до 0,9 м) и серой супесью в западинах (мощность до 0,6 м). На поселениях Кисловка I, VII культурный слой значительно слабее, меньше находок в нем.

Поселение Кисловка I расположено в 70 м к ЮЮЗ от пер. Дальнего пос. Тимирязево. На поверхности поселения прослежено 13 западин округлых или подпрямоугольных с округленными углами. Размер западин 5×6 м, в одном случае 7×8 м, глубина 0,3—0,6 м. Западины расположены тремя рядами вдоль берега. Площадь поселения поросла сосновым лесом с подлеском из березняка (рис. 86).

В 1977 г. была раскопана западина 3. До раскопок западина прослеживалась в виде овального углубления размером $3,6 \times 4,6$ м, глубиной 0,3 м. При раскопках жилище четко не проследилось. Культурный слой насыщен находками чрезвычайно слабо. Мощность культурного слоя до 0,5 м. На площади раскопа найдена керамика без орнамента, по фактуре подобная керамике с поселения Кисловка II⁶. За пределами западины выявлен небольшой очаг диаметром 0,8 м, мощностью до 0,3 м.

Поселение Кисловка II находится в 300 м к ЮЮЗ от пер. Дальнего пос. Тимирязево, на небольшой гриве, возвышающейся над остальной частью левого берега р. Томи на 3—4 м (рис. 87). В 1977 г. Л. М. Плетневой раскопаны объемы 2—6, 10, 19; в 1979 г. 15—18.

Жилище 2. До раскопок представляло собой овальное углубление с выходом. Размер углубления $4,2 \times 4,8$ м, выхода $1,6 \times 0,8$ м. Раскопками выявлено однокамерное жилище с выходом, углубленное от уровня древней дневной поверхности на 0,25—0,35 м. Оно имело размер $3,85 \times 4$ м, то есть площадь жилища $15,4 \text{ м}^2$. Длина выхода 1,4 м, ширина $0,75—0,8$ м. В жилище выявлен очаг размером $1,25 \times 0,5—0,8$ м. Состоит из прокаленной супеси, мощность 10—12 см. При расчистке котлована жилища собрана керамика, украшенная наклепными валиками (рис. 90, 1), ямочным орнаментом, «жемчужником» и резными линиями.

Жилище 3. До раскопок имело подпрямоугольную форму размером $4,5 \times 5,2$ м. Раскопками зафиксирован котлован жилища размером $3,8 \times 4,4$ м, площадь $15,2 \text{ м}^2$. Жилище четко выделялось на фоне светлого песка. На полу жилища прослежена углистая прослойка мощностью 3—5 см. Глубина котлована от уровня древней дневной поверхности 0,25—0,3 м. Стенки жилища покатые. Почти в центре котлована располагался очаг размером $1,45 \times 1,25$ м. Высота его 0,15—0,18 м, состоит из обожженной коричневой супеси и прокаленного красного песка. В котловане жилища обнаружен разбитый сосуд, два скопления керамики (рис. 90, 2, 3). В нескольких местах котлована зафиксированы угли от сгоревшей кровли и наземной части жилища. За пределами его обнаружены

⁶ Характеристика керамики из всех памятников будет дана в следующем разделе.

точило, керамика, подобная той, которая найдена в котловане жилища. С юго-западной стороны котлована прослежены две полосы углей длиной 0,8—1,2 м, направленные к центру (рис. 88). В восточной части раскопа найден железный шлак.

Объект 4. До раскопок представлял собой западину овальной формы размером 4,2×5,5 м. После выборки заполнения котлован представлял собой овальной формы углубление размером 3,8×5,4 м, площадью 20,5 м². Углублен котлован от уровня древней дневной поверхности на 0,2—0,25 м. В котловане обнаружено несколько скоплений керамики, обломки железного предмета (рис. 90, 4—8). Кроме того, зафиксированы некоторые остатки сгоревшего дерева от наземной конструкции объекта в северной и южной частях его. Они выходят и за пределы котлована. Направление их радиальное (рис. 89). Интересной находкой за пределами котлована является плитка из обожженной глины с отверстием для сопла и орнаментом с лицевой стороны.

Объект 5. До раскопок прослеживался в виде западины подпрямоугольной формы с округлыми углами размером 4,4×5 м, глубиной 0,5 м. Эта же форма осталась после выборки заполнения котлована жилища, изменились размеры: 4×4,6 м, площадь 18,4 м². Котлован жилища углублен от уровня древней дневной поверхности на 0,3—0,35 м. Стенки покатые. В северной части котлована на полу обнаружено три скопления керамики. Они состоят из фрагментов сосудов горшковидной формы с прямой или чуть отогнутой шейкой. Украшены «жемчужником», резными линиями, оттисками палочки, налепами (рис. 91). За пределами котлована с южной стороны прослежены обгорелые остатки дерева, угли, под ними прокаленная земля. Мощность остатков 0,2—0,25 м. С северной стороны котлована зафиксированы угольные пятна и куски железного шлака.

Жилище 6. До раскопок жилище представляло собой овальную западину размером 5,2×5,3 м, глубиной 0,3 м. После выборки культурного слоя жилище имело прямоугольную форму размером 4,2×4,4 м. Площадь жилища 18,5 м². Котлован жилища углублен от уровня древней дневной поверхности на 0,2—0,25 м. Хорошо прослежены южная и северная стенки, юго-западный угол жилища. Северо-западный и юго-восточный углы недобраны из-за растущих сосен. Слабо улавливается восточная граница — разрушена корнями сосны. В северо-западной части жилища зафиксирован очаг размером 1,2×1 м, мощностью 0,2 м, заполнен прокаленной супесью красного и темно-коричневого цвета. К очагу примыкало пятно прокаленной супеси размером 1,4×1 м, мощностью 4—6 см. К северу от этого пятна найдены два небольших сосуда (рис. 93, 7, 8). Здесь же выявлены угли от сгоревшей деревянной части жилища. Большое пятно обожженной зем-

ли с частью сгоревших плах прослежено в юго-восточной части жилища (рис. 92). Жилище 6 — самое богатое находками. Пол котлована был насыщен керамикой, кусочками железного шлака, фрагментами ошлакованной глины. Керамика обнаружена и во время выборки заполнения котлована. На дне котлована (с восточной стороны очага и пятна) выявлены две ямки диаметром 6—8 см, глубиной 0,18—0,2 м. Они, возможно, остались от колышков, закреплявших деревянную раму — обкладку очага. За пределами жилища в культурном слое найдены скопления керамики. Керамика, найденная как в жилище, так и за пределами его, идентична. Она представлена сосудами горковидной формы с уплощенным или округлым дном. Орнаментирована ямками, оттисками палочки, валиками с отпечатками гребенки, зашипами, резным зигзагом (рис. 93, 1—8).

Жилище 10. До раскопок выглядело в виде западины овальной формы размером 4,4×5,2 м, глубиной 0,3 м. Западный угол в раскоп не был включен из-за растущей вековой сосны. После расчистки жилище имело прямоугольную форму размером 5,4×4,6 м. Площадь равна 24,8 м². Стены ориентированы по сторонам света. У пола жилища прослежена угольно-землистая прослойка толщиной 4—8 см. Котлован жилища от уровня древней дневной поверхности углублен на 0,2—0,3 м. В котловане жилища найдены: на полу в южной его части — разбитый сосуд, украшенный по шейке рядом ямок и тремя рядами коротких насечек. Такие же насечки спускаются по тулову сосуда. Кроме этого, в южной части жилища выявлено еще два скопления керамики. В северной части найдена точильная плитка, в юго-западной части обнаружено грузило. Здесь же прослежено углистое пятно. Небольшие остатки сгоревших жердей зафиксированы в северной части котлована. За пределами жилища в культурном слое обнаружено скопление камней (94 шт.) у северной стенки раскопа, в юго-восточной части раскопа — разбитый сосуд (рис. 93, 9), скопление керамики и оббитый камень.

Объект 15. До раскопок прослеживался в виде овальной западины размером 3,7×5,2 м. После ее расчистки объект имел прямоугольную форму (юго-восточный угол не прослежен из-за дерева) размером 4,1×3 м. Котлован углублен от уровня древней дневной поверхности на 0,2—0,25 м. Очаг не обнаружен. На дне котлована в северо-западной его части найдены разбитый сосуд и скопление керамики (рис. 94, 1—3). Каких-либо остатков от наземной конструкции не прослежено. За пределами котлована в культурном слое найдена керамика.

Объект 16. До раскопок выделялся в виде западины прямоугольной формы размером 4,2×5,4 м. После ее расчистки был зафиксирован котлован прямоугольной формы разме-

ром $3,4 \times 5$ м, площадь его 17 м^2 , глубина от уровня древней дневной поверхности $0,2—0,25$ м. В южной части котлована обнаружено три скопления керамики (рис. 94, 5). В культурном слое за пределами котлована обнаружена керамика и целый сосуд (рис. 94, 4).

Жилище 17. До раскопок выделялось в виде западины овальной формы размером $3,6 \times 3,4$ м. После ее расчистки котлован имел округлую форму размером $3,2 \times 3,2$ м, площадью $10,2 \text{ м}^2$. Котлован углублен в землю от уровня древней дневной поверхности на $0,3$ м. Почти в центре располагался очаг открытого типа размером $0,6 \times 0,8$ м. Состоит из прослойки угля мощностью 2 см и прокаленного песка мощностью до 7 см (рис. 95). Вокруг очага прослежено углистое пятно мощностью $3—5$ см. В северо-западной части котлована найден сосуд и скопление керамики (рис. 97, 1, 2).

С юго-западной стороны котлована, на расстоянии 1 м от него, зафиксирована часть хозяйственной ямы размером $0,8 \times 1,45$ м, глубиной $0,4$ м. При разборке ее найдены фрагменты керамики.

Жилище 17 с жилищем 18 было соединено траншеей длиной 10 м, шириной 1 м. При выборке ее зафиксирован культурный слой мощностью до $0,4$ м. Найдено несколько фрагментов керамики.

Жилище 18. До раскопок прослеживалось в виде западины квадратной формы с заплывшими углами размером $4,2 \times 4,2$ м, глубиной $0,2—0,25$ м. В результате расчистки котлована приобрело прямоугольную форму размером $3,5 \times 3,8$ м. Глубина котлована от древней дневной поверхности $0,3—0,35$ м. В южной части котлована выявлен очаг размером $0,8 \times 0,6$ м. Он был заполнен сверху слоем красной прокаленной земли мощностью $3—4$ см, затем слоем углистой земли мощностью $5—22$ см. На полу котлована зафиксирована площадка обожженной земли с углями размером $1,7—2,4 \times 2,6$ м, мощностью $6—8$ см. В южной части этого пятна и располагался очаг. С восточной стороны очага найдено скопление керамики. От наземной конструкции сохранилось лишь несколько остатков сгоревшего дерева в северной и южной частях котлована (рис. 96). С северо-западной стороны котлована расчищена яма размером $1 \times 1,35$ м, глубиной $0,6$ м. При выборке ее найдено несколько фрагментов керамики. Она могла иметь хозяйственное назначение. За пределами котлована в культурном слое собрана керамика.

Объект 19. До раскопок представлял собой круглое углубление диаметром $6,4$ м. После расчистки котлован имел овальную форму размером $4 \times 4,7$ м, площадь $18,8 \text{ м}^2$. Котлован углублен в землю от уровня древней дневной поверхности на $0,3—0,4$ м. Стенки покатые. Пол жилища фиксируется прослойкой черной углистой земли. На полу котлована,

в северной части его, выявлена яма диаметром 0,25 м, глубиной 0,25 м, книзу сужается, возможно, она от столба. Севернее описанной зафиксирована еще одна яма размером 0,7×0,8 м, глубиной 0,42—0,45 м. Она, видимо, имела хозяйственное назначение. В котловане найдены точильные плитки и несколько фрагментов керамики. Такие же находки выявлены за пределами котлована.

Поселение Кисловка VII находится в 600—700 м к югу от поселения Кисловка II. Оно расположено на невысокой гриве, возвышающейся над берегом р. Кисловки на 1,5—2 м. Вдоль гривы прослеживается 9 западин округлой формы (рис. 98). В 1977 г. раскопана западина 4, в 1979 г.—5.

Объект 4. До раскопок западина имела размер 6,4×6,6 м, глубина 0,3—0,45 м. После ее выборки выявился котлован прямоугольной формы размером 3,8×4,4 м, площадью 16,7 м². Он углублен от уровня древней дневной поверхности на 0,15—0,2 м. В котловане обнаружены: целый сосуд и два скопления керамики, зафиксированные на полу жилища (рис. 100, 1—5). На дне котлована, почти в центре, выявлена яма диаметром 0,22 м, глубиной 0,13 м. Она, возможно, осталась от опорного столба (рис. 99). За пределами котлована были найдены точильная плитка, три скопления керамики и отдельные фрагменты ее.

Объект 5. До раскопок выделялся в виде подпрямоугольной западины размером 3,6×4,5 м, глубиной до 0,25 м. При расчистке котлована четких границ выявлено не было. В пределах западины найдены точило и два скопления керамики (рис. 100, 6, 7). Мощность культурного слоя эпохи железа 0,5 м. Возможно, поселение Кисловка VII было летним (отсутствие очагов, небольшая глубина котлованов жилищ).

Басандайское городище I расположено в 5 км к югу от Томска, на правом берегу р. Томи вверх по течению, у устья р. Басандайки. С запада и востока оно защищено обрывом высокого берега, а с севера и юга — валом и рвом. Исследование памятника проводилось в 1944—1946 гг. совместной экспедицией Томского педагогического института и Томского университета под руководством К. Э. Гриневича. Было раскопано 437 м². Материалы этой экспедиции опубликованы [Басандайка, 1947]. В 1970 г. раскопки продолжены Л. М. Плетневой. Кроме того, с городища имеются сборы М. П. Грязнова (1924), Д. П. Славнина (1924, 1927, 1956), А. П. Дульзона (1949) и К. А. Иванова (1954). При анализе материала с городища Басандайка стало очевидным, что оно разновременен, часть его относится к ирменскому времени, часть к V—III вв. до н. э. [Плетнева Л. М., 1977], часть ко второй половине I тыс., что вызывает интерес в настоящей работе большую часть составляют материалы собственно го-

родища XVI—XVII вв. К VI—VIII вв. отнесены фрагменты керамики с валиковым орнаментом.

Басандайский курганный могильник расположен в 5 км к югу от Томска, недалеко от устья р. Басандайки. Могильник состоял из 95 курганов, 20 из которых раскопаны экспедицией ТГПИ и ТГУ в 1944—1946 гг. под руководством А. П. Дульзона. Материалы раскопок опубликованы [Басандайка, 1947]. В 1977 г. два кургана раскопаны Л. М. Плетневой [Плетнева Л. М., 1978 а, с. 265]. При раскопках курганов в 1944—1946 гг. была обнаружена керамика с валиками, происходящая из насыпи курганов. Эта керамика отнесена нами к VI—VIII вв.

Басандайское городище IV находится в 1 км севернее Басандайского курганного могильника, в 350—400 м севернее от Басандайского городища III (в 3 км к югу от Томска). Оно расположено на мысу между двумя оврагами. В 10 м от оконечности мыса поперек его проходят вал и ров. За линией укреплений в сторону поля зафиксированы три прямоугольные западины размером 6×4—4,5 м (рис. 101). Городище обследовано О. Б. Беликовой и Л. М. Плетневой в 1978 г. Раскопки производились в 1980 г. под руководством Л. М. Плетневой при участии О. Б. Беликовой. В раскоп общей площадью 100 м² были включены жилище № 1, часть межжилищного пространства и проложена траншея через ров и вал. Культурный слой на городище 45—65 см. Жилище овальное в плане, размеры его 4,5×6 м. Котлован углублен на 30 см. От наземной конструкции жилища сохранилось несколько сгоревших жердей и плашек в юго-западном углу. В жилище найдены фрагменты от нескольких сосудов с валиковой орнаментацией, керамическая плитка, кусочки шлака. В культурном слое городища обнаружена аналогичная керамика. Отдельно в ямке найдено бронзовое изображение птицы кулайского типа. Два фрагмента позднекулайского времени найдено под валом городища. Вероятно, до городища на этом месте существовало поселение позднекулайского времени. При раскопках линии укреплений было выяснено: ширина вала равна 6 м, высота 60 см, ширина рва 2 м, глубина от уровня материка под валом 40 см.

Керамика

Керамика памятников V—VIII вв. Томского Приобья обрабатывалась в два этапа: на первом выяснялись особенности орнамента и формы керамики отдельных памятников, на втором давалась их обобщенная характеристика. На первом этапе обработки характер описания формы керамики определялся степенью ее сохранности. Форма керамики городища Тимирязевское IV, поселений Кисловка VII, Тимирязево I опи-

сывалась визуально, так как представлена в основном венчиками и в небольшом количестве стенками сосудов и устьями. Форма керамики поселения Кисловка II, городища Басандайское IV, могильников Тимирязево I, II, частично Архиерейской заимки обрабатывалась с применением некоторых указателей, используемых В. Ф. Генингом [Генинг В. Ф., 1973]. Для банок их два — ФА и ФЖ. ФА — высотный указатель, определяет общую пропорцию сосуда из отношения общей высоты к наибольшему диаметру по тулову; ФЖ — указатель выпуклости плечика, он позволяет определить изгиб верхней части тулова (для банок и горшков). Для описания формы горшков необходимо введение указателя ФГ, характеризующего степень отгиба шейки от ее основания. Расположив все полученные данные по каждому из указателей в возрастающем порядке, получим упорядоченный ряд [Каменецкий И. С., Узьянов А. А., 1977, с. 38]. Далее определяются интервалы — группировки значений каждого указателя, то есть происходит дискретизация непрерывных признаков. Критерий выделения интервала — описательные величины указателей (очень малый, малый, средний, большой, очень большой), которые предлагает В. Ф. Генинг (1973, с. 118). Таким образом, с учетом интервалов каждого из трех основных указателей насчитывается 13 категорий признаков для описания формы сосудов из памятников Томского Приобья V—VIII вв. н. э. Для разных памятников перечень категорий признаков по форме, естественно, будет различным. Далее форма керамики могильников Тимирязевское I, II, поселения Кисловка II обрабатывалась по модели А [Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А., 1975, с. 55—59]. Коллекции Басандайского городища IV, могильника у Архиерейской заимки для подобной обработки малочисленны. В названиях деталей форм сосудов (шейка, венчик и т. д.) авторы придерживались терминологии В. Ф. Генинга [Генинг В. Ф., 1973, с. 115]. На первом же этапе обработки керамики при рассмотрении керамики каждого памятника орнамент объединялся в группы и варианты по наличию и сочетанию определенных элементов и мотивов, по композиции. Уточним, что понималось в процессе обработки орнамента керамики под этими терминами.

Простейшей, неделимой частью орнамента является элемент. Это может быть ямка, «жемчужина», сквозное отверстие (когда функционального назначения не имело), оттиски различными гребенчатыми, фигурными штампами, палочкой, лопаткой, а также желобок, прямой или волнистый налест, защипы и т. д. Элементы в орнаменте на сосуде располагаются не произвольно, а в определенном порядке. Способ расположения одинаковых элементов или взаиморасположение различных образует орнаментальный мотив. Примеры мотивов: зигзаг, арка, меандр, паркет, полоса и т. д. Мотивы могут

быть простыми и сложными. На сосуде всевозможные мотивы располагаются горизонтальным, вертикальным и наклонным способами. Конечным, организующим компонентом орнамента является композиция. Она соподчиняет орнаментальные мотивы друг другу и придает орнаменту на сосуде единство и цельность. Композиция на сосуде разворачивается чаще всего вертикально (от устья ко дну).

На втором этапе обобщались данные первого этапа по форме и орнаменту керамики из 8 памятников Томского Приобья. Описание формы дается и визуально, и по результатам обработки по модели А. Обработка орнамента — только по модели А. Методика обработки орнамента по модели А изложена во второй части данного раздела.

Технологические свойства керамики в работе не рассматриваются.

Обработка керамики с помощью формализованных методов приводит к более сравнимым результатам, чем простая визуальная характеристика материала. Это позволяет достовернее сравнивать керамику с материалами из Нарымского и Новосибирского Приобья, форма которых описана с применением указателей В. Ф. Генинга [Чиндина Л. А., 1977; Троицкая Т. Н., 1979].

Раздел состоит из двух частей. В первой части керамика рассмотрена по отдельным памятникам, во второй части приводится обобщенная характеристика всей керамики в целом.

Характеристика керамики по отдельным памятникам Керамика Тимирязевского городища IV

Керамический материал в количестве 24 единиц (рис. 85) получен при раскопках Л. М. Плетневой в 1971 и 1973 гг. жилищ 1, 2, 5.

Форма. Основные профили сосудов Тимирязевского городища IV: прямой (52,6%), выпуклый (14,1%), плавно отогнутый наружу с подчеркнутым плечиком (16,7%). Большинство венчиков имеют прямой профиль со срезом внутрь, прямым или округлым.

Орнамент. Все венчики — орнаментированы. Орнамент Тимирязевского городища IV состоит из 10 элементов: отгисков фигурными штампами, гребенки различных видов, палочки, жемчужника, ямок, налепов, желобков. Элементы строятся в мотивы: полоса (ряд), зигзаг, сетка, расположенные на сосуде горизонтальным способом. Наклонный и вертикальный способы расположения мотивов отсутствуют.

Описание орнамента керамики Тимирязевского городища IV согласуется с общим описанием орнамента керамики Томского Приобья, то есть характер групп и вариантов керамики Тимирязевского городища IV, порядок их перечисления тот

же, что и всей керамики Томского Приобья. Количественное соотношение групп и вариантов при их перечислении во внимание не принимается. По такому же принципу описывается орнамент керамики других памятников.

По наличию и сочетанию определенных элементов и мотивов, по композиции орнаменты Тимирязевского городища IV выделяются в 3 группы и 12 вариантов (номера вариантов даны арабскими цифрами (1, 2 и т. д.) орнамента керамики Томского Приобья.

I группа. 1.2 (8,3%) экз. керамики с фигурно-штамповой орнаментацией в сочетании с оттисками гребенки (рис. 85, 1).

II группа. 15 (62,5%) экз. Керамика с более сложными орнаментальными композициями. 5. Горизонтальная полоса из оттисков гребенки в сочетании с оттисками гребенки, построенными в мотив «елочка», 1 экз. 8. Налеп по венчику в сочетании с оттисками гребенки, ямками, 2 экз. 9. Налеп по венчику в сочетании с зигзагом и оттисками гребенки, 1 экз. (рис. 85, 3). 10. Налеп по венчику в сочетании с сеткой из оттисков гребенки, 2 экз. (рис. 85, 5, 8). 19. Зигзаг резной в сочетании с желобком, 2 экз. (рис. 85, 11). 14. Зигзаг от оттисков гребенки, ямки, оттиски гребенкой, 5 экз. (рис. 85, 6, 9).

III группа. 7 (29,2%) экз. 25. Орнаментация одними ямками, 2 экз. 26. Ямки в сочетании с оттисками палочки, 1 экз. 27. Ямки в сочетании с оттисками гребенки и палочки, 1 экз. 28. Оттиски гребенки, 2 экз. 31. Жемчужник в сочетании с оттисками гребенки, 1 экз.

Керамика поселения Тимирязевское I

Материал поселения Тимирязевское I представлен двумя керамическими комплексами: кулайским (253 экз., 52,7%) и керамикой V—VIII вв. н. э. (227 экз., 47,3%). Эти комплексы хорошо выделяются по признакам формы, орнамента, технологии изготовления. Здесь рассматривается лишь последний комплекс, представленный 227 экз. (100%), (рис. 81, 82).

Форма. Керамика по форме обрабатывалась визуально. В табл. 1 представлены все профили. Как видно, преобладает керамика с профилированным плечиком, шейка прямая (83,7%) или плавно отогнутая наружу (11,0%) (профили 1, 2). Прямых венчиков (профиль 3) очень мало — 7 экз. (3,0%). Остальные варианты формы (профили 4—7) представлены единичными находками. Как видно из таблицы, большинство венчиков (71,4%) имеют прямую шейку, профилированное плечико. Даже при самом поверхностном рассмотрении формы керамики отмечается преобладание керамики горшковидных форм (профили 1, 2, 5—7), приблизительно 96,4%. К сосудам баночной формы, по-видимому, относится керамика с профилями 3, 4.

Таблица I

Характеристика керамики поселения Тимирязевское I
по профилю и срезу венчика

Срез венчика	ПРОФИЛЬ							Всего	
	1	2	3	4	5	6	7		
Прямой	162	20	6			1	1	1	191
Внутрь	14	2	1	1		1			19
Округлый	12								12
Наружу	2	3							5
Всего	190	25	7	1		2	1	1	227

Прямой	162	20	6			1	1	1	191
Внутрь	14	2	1	1		1			19
Округлый	12								12
Наружу	2	3							5
Всего	190	25	7	1		2	1	1	227

Орнамент. Вся керамика — орнаментирована. Индексы орнаментированности шейки — 100, основания шейки — 93, плечика — 100, придонной части — 16. Индекс абсолютной орнаментированности — 77. В орнаменте используется 13 элементов: ямки, оттиски гребенкой (прямой, наклонной, горизонтальной), палочкой, налепы, защипы, насечки, желобок, оттиски фигурным штампом (четырёх видов). Элементы строятся в мотивы: полоса (ряд), зигзаг, сетка, арка. Для керамики Тимирязевского поселения I значителен процент использования мотивов: зигзага, сетки, арки — на 34,8% керамики. Мотивы на сосуде располагаются горизонтальным, вертикальным и наклонным способами. Первый присутствует на всех сосудах, вертикальный — на 35 (15,4%). Наклонный мотив зафиксирован на одном венчике и одном фрагменте с валиковой орнаментацией. Композиции несложны, большинство изящны за счет таких мотивов, как арка, зигзаг, сетка. Орнамент Тимирязевского поселения I выделяется в 3 группы и 16 вариантов орнамента керамики Томского Приобья (по тем же признакам, что и коллекция Тимирязевского городища IV).

I группа. 4 экз. (1,8%). 1. Она весьма малочисленна, выделена в отдельную группу по наличию в орнаменте оттисков фигурными штампами. Композиции и мотивы просты, дополнительные элементы не употребляются (рис. 81, 1—4).

II. Группа. 148 экз. (65,2%), объединенные в одну группу, имеют наиболее сложные орнаментальные композиции. 3. Горизонтальные полосы из горизонтальной гребенки, дополнительно — полосы из наклонной или прямой гребенки — 5 (2,2%) (рис. 82, 10). 7. Орнаментация валиками горизонтального, вертикального и наклонного расположения, сочетается с оттисками гребенки, ямками, насечками, 35 (15,4%) (рис.

82, 1, 2). 8. Налепной валик по венчику ямки, оттиски гребенкой, 32 (14,1%). 9. Налепной валик по венчику в сочетании с зигзагом из оттисков гребенки, 11 (4,9%) (рис. 82, 3). 10. Налепной валик и сетка из оттисков гребенки, 2 (0,9%) (рис. 82, 6). 11. Зигзаг из оттисков гребенки, 27 (11,9%) (рис. 82, 5). 15. Желобки в сочетании с ямками, жемчужником, 14 (6,2%). 17. Сетка из оттисков гребенки, оттиски гребенки, ямки, 5 (2,2%) (рис. 82, 4). 18. Арка из оттисков гребенки, ямки, оттиски гребенкой, 2 (0,9%). 20. Керамика с хорошо выделенными орнаментальными зонами: по венчику — ямки, по шейке и ее основанию — насечки, 7 (3,0%) (рис. 82, 8). 21. Подобная предыдущему варианту, исключая орнаментацию по основанию шейки, 8 (3,5%) (рис. 82, 9).

III группа. 75 экз. (33,0%). Орнаменты данной группы включают такие элементы, как оттиски гребенкой, палочки, ямки, жемчужины. Мотивы и композиции самые простые: 24. Ямочно-гребенчатая орнаментация, 30 (13,2%) (рис. 81, 5—6, 9—10). 25. Орнаментация одними ямками, 30 (13,2%). 26. Орнаментация ямками и палочкой, 8 (3,5%) (рис. 81, 8). 30. Орнаментация жемчужником, палочкой, гребенкой, 7 (3,0%).

Корреляция формы и орнамента дала следующие результаты: для вариантов I группы по орнаменту характерны профили 1, 2. Несомненно, в такой зависимости сказывается преобладание керамики данных профилей.

Керамика поселения Кисловка II

Керамический материал поселения Кисловка II представлен серией в 71 экз. (венчики, тулово, стенки, устья сосудов, целые сосуды (рис. 90, 91, 93, 94, 97, 100). Керамический материал их однороден, поэтому даем его общую характеристику.

Ф о р м а. Указатели по форме (ФА, ФГ, ФЖ) имеются для 24 сосудов (из них у некоторых отсутствует высотный указатель). Разделяются хорошо группы банок и горшков.

Банки. 4 (5,6%)⁷ сосуда. 1. Круглодонные, высотный указатель низкий или средний, плечико очень слабовыпуклое и слабовыпуклое 3 (4,2%). 2. Сосуд с плоским дном, низким высотным указателем, средневыпуклым плечиком, 1 (1,4%).

Горшки. 20 сосудов (28,1%). 3. Круглодонные, с низким высотным указателем, шейка прямая, плечико — от очень слабовыпуклого до средневыпуклого, 3 (4,2%). 4. Круглодонные, со средним высотным указателем, плечико очень слабовыпуклое или слабовыпуклое, 5 (7,0%). 5. У части сосудов

⁷ Процентное исчисление дается от общего количества керамики (71 экз.).

высотный указатель (ФА) отсутствует. Шейка прямая, плечико — от очень слабовыпуклого до средневыпуклого, 11 (15,5%). 6. Сосуд с очень низким высотным указателем, среднепрофилированной шейкой, слабовыпуклым плечиком (1,4%).

Перечисленные группы и варианты охватывают 33,7% всей керамики. У остальных экземпляров учесть размеры невозможно.

Орнамент. Вся керамика, за исключением двух экземпляров, орнаментирована. Орнамент располагался по венчику, шейке, плечикам и придонной части. Индекс орнаментированности венчика — 93, шейки — 93, основания шейки — 77, плечиков — 78, придонной части — 46. Индекс абсолютной орнаментированности — 77. Орнамент на сосудах Кисловка II состоит из 12 элементов: валиков, насечек, желобков, резных линий, ямок, жемчужника, дырок, оттисков гребенкой различного вида. Чаще всего встречен такой элемент орнамента, как валик (на 14 сосудах) и насечки (на 21 сосуде). Элементы располагаются мотивами: аркой, зигзагом, треугольниками, полосами. Основной из них — полоса, ряды, расположенные на сосуде горизонтальным способом. Остальные присутствуют лишь на 14 сосудах (17,9%). Основной способ расположения мотивов — горизонтальный, присутствует на всех сосудах. 15 сосудов (19,2%) дополнены мотивами, расположенными вертикальным способом. Наклонный способ отсутствует. Значительный процент керамики с мотивами арка, зигзаг и с вертикальным способом расположения мотивов образует весьма своеобразные орнаментальные композиции. Керамика поселения Кисловка II выделяется в 2 группы и 5 вариантов орнамента керамики Томского Приобья.

II группа. 48 экз. (67,6%). Керамика с усложненными орнаментальными композициями. 3—5, 11—15, 18, 19. Орнаментация с мотивами арка, зигзаг, желобки, полосы из горизонтальной гребенки или палочки, «елочки», 19 (26,8%) (рис. 91, 4; 97, 6; 94, 1). Керамика с валиковой орнаментацией, 14 (19,7%) (рис. 90, 6; 91, 3). 20. Керамика с хорошо выделенными орнаментальными зонами по венчику, шейке, основанию шейки, плечикам, 3 (4,2%) (рис. 93, 2). 21. Отличается от предыдущего варианта отсутствием орнаментальной зоны по основанию шейки, 12 (16,9%) (рис. 90, 2, 4; 93, 5).

III группа. 21 экз. (29,6%). Включает керамику с такими элементами орнамента, как оттиски гребенкой, палочкой, жемчужник, дырки, построенные в мотив полоса (ряд). Композиции наиболее простые.

Два экземпляра керамики (2,8%) поселения Кисловка II — без орнамента. Особой зависимости между различными вариантами, с одной стороны, и наличием их в определенных жилищах, с другой — не прослежено. Лишь в жилищах

10, 15—19 отсутствует керамика с валиками. Это может быть объяснено и малым количеством единиц керамики из указанных жилищ (от 1 до 7). На поселении Кисловка II отсутствует керамика I группы орнамента керамики Томского Приобья с фигурно-штамповой орнаментацией.

Керамика поселения Кисловка VII

По материалам раскопок Л. М. Плетневой жилищ 4 и 5 поселения Кисловка VII в 1977 и 1979 гг. известно 7 экз. керамики (один сосуд и венчики).

Ф о р м а. Венчики от сосудов горшковидной формы. Имеют профили: прямой, выпуклый, плавно отогнутый наружу с подчеркнутым плечиком. Единственный сосуд — чашевидной формы (рис. 100, 5).

О р н а м е н т. Орнамент керамики поселения Кисловка VII выделяется в 2 группы и 4 варианта орнамента керамики Томского Приобья. Нумерация групп и вариантов приводится согласно общей схеме.

II группа. 5 экз. 12. Зигзаг из оттисков гребенки, горизонтальная полоса из оттисков горизонтальной гребенки, 1 экз. (рис. 100, 4), 13. Зигзаг резной в сочетании с желобками, дополнения — жемчужник, оттиски палочкой, 2 экз. (рис. 100, 1, 6). 21. Основание шейки не орнаментировано, элементы — жемчужник, оттиски палочкой, 2 экз. (рис. 100, 2, 3).

III группа. 28. Орнаментация оттисками гребенки, 2 экз. (рис. 100, 5, 7).

Керамика с фигурно-штамповой орнаментацией на поселении отсутствует.

Керамика Басандайского городища IV

Керамика Басандайского городища IV представлена керамикой в 16 экз. (сосуды, венчики) из жилища I и примыкающего к нему раскопа через вал городища. Керамика представлена двумя комплексами: эпохой раннего железа и V—VIII вв. н. э. Остановимся на характеристике керамики последнего комплекса, который составляет 9 экз. (рис. 103, 104).

Ф о р м а. У 5 экз. можно охарактеризовать форму сосудов. Все они круглодонные (нумерация группы дается согласно общей схеме):

II группа. 5 экз. Горшки. Высотный указатель средний, плечико слабовыпуклое и средневypyклое, шейка слабопрофилированная и среднепрофилированная.

О р н а м е н т. Рассматриваются все 9 экз. керамики V—VIII вв. Нумерация групп по орнаменту приводится также

в соответствии с общим описанием орнамента керамики Томского Приобья.

II группа. 6 экз. 4. Горизонтальная полоса из оттисков горизонтальной и прямой гребенки, 1 экз. (рис. 103, 3). 7. Керамика с валиковой орнаментацией: венчик украшен насечками или защипами, в одном случае — валиком. По шейке горизонтальные валики — от 1 до 3, тулово орнаментировано наклонными или вертикальными валиками, в одном случае заглажено дощечкой, 5 экз. (рис. 102, 1, 2; 103, 5). 21. Отсутствие орнаментальной зоны по основанию шейки, 1 экз. (рис. 103, 1).

III группа. 2 экз. Орнаментация оттисками палочки и насечками (рис. 103, 2).

Керамика Тимирязевского курганного могильника I

Керамическая коллекция Тимирязевского курганного могильника I, по материалам раскопок 1971 и 1973 гг., насчитывает 71 сосуд (целый, восстановленный полностью или частично) (рис. 3, 4, 6—12, 14—20, 23, 25—31, 34—55).

Ф о р м а. После обработки керамики по упрощенному алгоритму классификации был составлен граф (схема 1)^{7а} по форме сосудов. При этом учитывались связи не менее 0,25.

Керамика выделилась в 2 группы и 8 вариантов:

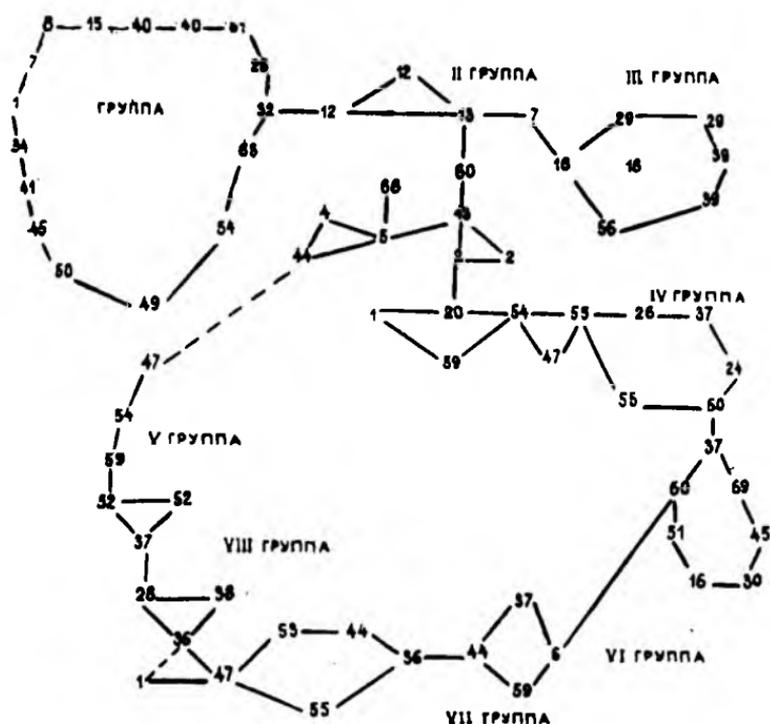
I группа. Банки. 1. Сосуды со средним высотным указателем и очень слабовыпуклым плечиком, 16 экз. (22,5%). 2. Сосуды с низким высотным указателем и очень слабовыпуклым плечиком, 3 экз. (4,1%). 3. Сосуды со средним высотным указателем и прямым плечиком, 6 экз. (8,5%).

II группа. Горшки. 4. Сосуды с очень слабовыпуклым плечиком. В графе в этот вариант объединяются сосуды с низким и средним высотным указателем, с прямой, слабопрофилированной, среднепрофилированной шейкой, 14 экз. (19,7%). 5. Сосуды с низким высотным указателем, с очень слабовыпуклым плечиком и среднепрофилированной шейкой, 3 экз. (4,1%). 6. Сосуды со средним высотным указателем, слабовыпуклым плечиком и слабопрофилированной шейкой, 7 экз. (9,8%). 7. Сосуды со средним высотным указателем, слабовыпуклым плечиком и среднепрофилированной шейкой, 4 экз. (5,6%). 8. В этот вариант при анализе графа объединяются сосуды со слабовыпуклым и средневыпуклым плечиком и прямой шейкой. Высотный указатель — средний, 12 экз. (17%).

Таким образом, керамика Тимирязевского курганного могильника I после составления графа по форме сосудов сгруппировалась в 8 вариантов. Хорошо разделяются группы банок и горшков. Три варианта банок и 5 вариантов горшков охва-

^{7а} Цифрами в графе обозначены номера курганов.

Граф по форме сосудов Тимирязевского курганного могильника I

————— СВЯЗЬ 1-0,25
 - - - - СВЯЗЬ 0,28

тывают 65 сосудов (91,3%) керамической коллекции. Остальные 6 экземпляры не вошли ни в один из вариантов. Они являются переходными формами или составляют в графе последовательную цепочку.

Орнамент. Все сосуды Тимирязевского курганного могильника I, за исключением одного (курган 13), орнаментированы. Орнамент на сосудах располагается на определенных частях его: венчике, шейке, плечике, придонной части и дне. Показатель абсолютной орнаментированности — 54,7%, но для групп банок и горшков он значительно различается: для банок — 46,1%, для горшков — 63,4%. Горшки и банки близки лишь по степени орнаментированности плечиков.

Орнаментальный узор Тимирязевского курганного могильника I на сосудах и венчиках состоит из различных элементов: оттисков гребенки различного вида, палочки, фигурных штампов, ямок, жемчужин, защипов, прямых и волнистых на-

лепов. В орнаментации сосудов преобладают такие элементы, как ямки, прямые и наклонные оттиски гребенкой, оттиски палочкой. В единичных случаях встречены такие элементы, как «жемчужины», защипы, полосы из отступающей палочки. На 4 сосудах и 8 фрагментах (курганы 15, 20, 21 — 2, 29, 34, 36, 39, 46, 52 — 2, 66) присутствуют оттиски фигурным штампом одиннадцати разновидностей. В четырех курганах (16, 18, 35, 39) найдены фрагменты керамики и сосуд, украшенные невысокими прямыми, наклепными валиками. Сосуд из кургана 16 украшен волнистыми валиками.

Наиболее распространенный мотив керамики — полосы, расположенные на сосуде горизонтальным способом. Такие мотивы, как «елочка», зигзаг, полукруг, присутствуют значительно реже, соответственно на 6, 3, 2 сосудах. Большинство мотивов располагаются на сосуде горизонтальным способом. Вертикальный и наклонный способы расположения мотивов встречены лишь на 4 и 2 сосудах.

Большинство сосудов орнаментировались такими элементами, как ямки, прямая и наклонная гребенка, расположенные в мотив: горизонтальная полоса.

По элементам, мотивам, композициям орнамент Тимирязевского курганного могильника I делится на 3 группы и 17 вариантов орнамента керамики Томского Приобья.

I группа. 12 экз. (15,4%). Орнаментация оттисками фигурного штампа. 1. Оттиски фигурного штампа в сочетании с ямками и оттисками гребенки, 11 (14,1%) (рис. 31, 4; 38, 5; 50, 1, 2). 2. Фигурные штампы в сочетании с горизонтальной полосой, 1 (1,3%) (рис. 26, 2).

II группа. 15 экз. (20,5%): 3. Горизонтальные полосы из оттисков гребенки или палочки, дополняются оттисками гребенки, иногда ямками, 6 (7,6%) (рис. 9, 5). 4. В отличие от 3-го варианта дополнены оттисками гребенки вертикального расположения, 1 (1,3%) (рис. 19, 6). 5. Горизонтальные полосы из оттисков горизонтальной и прямой гребенки, оттиски гребенкой, построенные в мотив «елочка», 1 (1,3%) (рис. 34, 8). 6. Горизонтальные полосы из оттисков гребенки, полосы из горизонтальной гребенки вертикального расположения 1 (1,3%) (рис. 36, 4). 7. Керамика с валиковой орнаментацией, 2 (2,6%) (рис. 27, 1; 44, 1). 11. Зигзаг из оттисков гребенки, оттиски гребенки, ямки, 2 (2,6%) (рис. 43, 1). 12. Зигзаг из оттисков гребенки, горизонтальная полоса из оттисков гребенки, 1 (1,3%). 16. Полукруг из оттисков гребенки или палочки, ямки, оттиски гребенкой, 2 (2,5%) (рис. 41, 3).

III группа. 51 экз. (64,1%). 24. Ямочно-гребенчатая орнаментация, 16 (20,5%) (рис. 11, 1; 17, 11). 25. Орнаментация одними ямками, 2 (2,6%) (рис. 30, 1). 26. Ямки в сочетании с оттисками палочки, 8 (10,3%) (рис. 15, 1, 3). 27. Ямки в сочетании с оттисками гребенки и палочки, 10 (12,8%) (рис. 7,

5). 28. Оттиски гребенкой, 6 (7,7%) (рис. 14, 8). 29. Оттиски палочкой, 5 (6,4%) (рис. 28, 5). 33. Орнаментация сочетанием оттисков гребенки и палочки, 3 (3,8%) (рис. 20, 2).

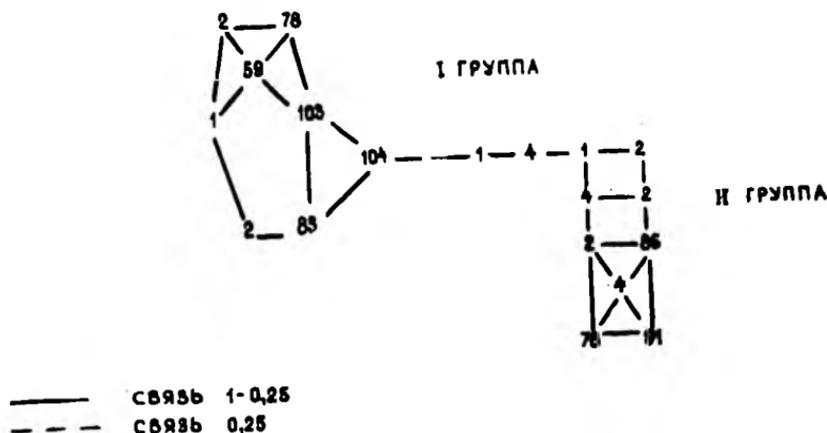
При составлении выделенных групп орнамента с вариантами по форме выяснилось, что прямой зависимости нет. Можно лишь сказать, что орнаментация фигурными штампами (I группа по орнаменту) характерна только для 8-го варианта формы сосудов.

Керамика Тимирязевского курганного могильника II

Всего по материалам раскопок Тимирязевского курганного могильника II М. Ф. Косарева в 1959 г. и Л. М. Плетневой в 1975 г. известно 44 экз. керамики (целые или восстановленные частично сосуды, венчики) (рис. 58, 61, 62, 66—72). Однако, лишь для 13 экз. керамики из 32, полученных в результате раскопок 1959 г., установлена привязка к определенному кургану. Поэтому в обработке керамики участвует 25 венчиков и сосудов, местонахождение которых установлено точно.

Форма. При характеристике формы рассматриваются 19 сосудов (76%). После обработки по модели А и составления графа (схема 2) они разделились на 2 группы баночной и горшковидной формы. Все круглодонные.

Граф по форме сосудов Тимирязевского курганного могильника II Схема 2

I группа. 8 экз. (32,0%). Банки. 1. Сосуды с низким высотным указателем и прямым или слабовыпуклым плечиком, 3 экз. 2. Сосуды с низким или средним высотным указателем и очень слабовыпуклым плечиком, 5 экз.

II группа. 11 экз. (44,0%). Горшки. 3. Сосуды с прямой шейкой и очень слабовыпуклым плечиком, высотный указатель не определен, 2 экз. 4. Сосуды с прямой шейкой и слабовыпуклым плечиком, высотный указатель низкий или не определен, 7 экз. 5. Сосуды со среднепрофилированной шейкой и слабовыпуклым плечиком, высотный указатель средний, 2 экз.

При рассмотрении графа по форме хорошо разделяются группы банок и горшков, между которыми существует слабая связь (менее 0,25).

Орнамент. Все сосуды Тимирязевского курганного могильника II, кроме одного (курган 83), орнаментированы. Общий показатель орнаментированности — 56, для группы банок — 42,0 для группы горшков — 70. Орнаментальный узор на рассматриваемых сосудах включает 8 различных элементов: оттиски гребенки (прямая, наклонная, горизонтальная, поставленная под углом к плоскости сосуда), ямки, оттиски палочкой, жемчужины, прямой желобок. Преобладает элемент гребенка, присутствующий на 15 сосудах из 18 орнаментированных. Основное расположение элементов — полоса горизонтального или вертикального способа расположения на сосуде. Из других мотивов встречена арка, зигзаг, группа отдельных элементов.

В композиционном отношении орнаментация сосудов не кажется монотонной за счет таких часто встречаемых мотивов, как зигзаг, полоса из оттисков горизонтальной гребенки или палочки.

По элементам, мотивам и композициям орнамент Тимирязевского курганного могильника II выделяется в 2 группы (как говорилось ранее, нумерация групп согласно общему описанию орнамента керамики Томского Приобья).

II группа. 11 экз. (44%). Объединяет венчики и сосуды со сложными орнаментальными композициями. 3—6, 11—12, 14, 18. Зигзаг, арка, желобки, горизонтальная полоса из оттисков гребенки или палочки. Дополнительные элементы — жемчужник, палочка, ямка, оттиски гребенкой, 9 (36%) (рис. 66, 3, 4; 70, 11, 13). 21. Основание шейки не орнаментировано, по венчику — ямки, оттиски гребенкой, по плечикам — оттиски гребенкой, 2 (8%) (рис. 61, 2).

III группа. 13 экз. (52%). Орнаментальные композиции этой группы простые, включают такие элементы, как ямки, оттиски гребенкой, жемчужник, оттиски палочкой (рис. 58, 3; 62, 3; 67, 5, 7). Один сосуд (4%), как уже упоминалось, без орнамента. Соотношение формы и орнамента керамики Тимирязевского курганного могильника II ни к чему определенному не привело.

Керамика с фигурно-штамповой орнаментацией в Тимирязевском курганном могильнике II отсутствует.

Керамика могильника у Архиерейской заимки

Керамика могильника у Архиерейской заимки по публикации [ЗРАО, 1899] была представлена серией в 11 сосудов из 10 погребений (5, 13, 14, 15—2, 16, 19, 20, 22, 26, 35). В настоящее время по сохранившейся части коллекции [Эрмитаж, кол. № 37729] восстановлен внешний облик лишь для 5 сосудов (погребения 13, 16, 19, 20, 35). У 4 сосудов из 5 рассматриваемых прослежены размеры по форме. Круглодонные, со средним высотным указателем, слабовыпуклой или среднепрофилированной шейкой, слабовыпуклым плечиком. В орнаменте присутствуют такие элементы, как ямки, оттиски гребенкой, налеп. Мотив — горизонтальная полоса, выполненная отступающей палочкой или горизонтальной гребенкой.

Общая характеристика керамики Томского Приобья V—VIII вв.

Керамика из 8 рассмотренных памятников (могильники Тимирязевский, I, II, у Архиерейской заимки, поселения Тимирязевское I, Кисловка II, VII, городища Тимирязевское IV, Басандайское IV) представлена серией в 447 экз. (сосуды, устья, венчики, стенки).

Форма. Возможности для характеристики форм керамики для разных памятников далеко не равнозначны. Приблизительно для 30% керамики (в основном из могильников) можно получить цифровые указатели, необходимые для описания формы сосудов. Для большей части керамики известен только диаметр по венчику. Поэтому ограничимся визуальной характеристикой сосудов. Все они, за исключением одного (поселение Кисловка II), круглодонные. Хорошо различаются группы банок и горшков. Банки — с прямым, очень слабовыпуклым и выпуклым плечиком. У горшков — шейка от прямой до среднепрофилированной, плечико — от прямого до средневыпуклого. Керамика, представленная венчиками или стенками, по своим отдельным показателям (отогнутость шейки, профилировка плечика) не противоречит выделенным формам сосудов.

Орнамент. Возможности для общей характеристики орнамента из памятников Томского Приобья больше, чем для характеристики формы, но и здесь они не исчерпаны до конца: учитывались сосуды, венчики, стенки, устья.

Орнамент 443^б экз. керамики памятников Томского Приобья группируются в 36 вариантов. В один вариант объединяется керамика с максимально близким орнаментом (по соче-

^б 4 экз. керамики из 447 — без орнамента.

танию определенных элементов, мотивам, способам построения композиции). Объединение вариантов орнамента в группы большей частью условное: для более удобного изложения материала, для сравнения с керамикой отдельных памятников.

Многочисленность вариантов обусловлена обработкой керамики по алгоритму А, предложенному И. С. Каменецким, Б. И. Маршак, Я. А. Шер [Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. 1975, с. 55—59]. Описание вариантов орнамента дается кратко, в основном по перечислению элементов, но всегда имеется в виду построение их в определенный мотив, в определенную композицию. Варианты внутри групп перечисляются по близости друг к другу.

I группа. 18 экз. (4,1%)⁹. Керамика с фигурными штампами: 1. Фигурные штампы разных форм, в качестве дополнения — ямки, оттиски гребенкой, 17 (3,9%). 2. Фигурные штампы разных форм в сочетании с горизонтальной полосой из оттисков палочки, 1 (0,2%).

II группа. 249 экз. (56,2%). Керамика с наиболее сложными орнаментальными композициями. 3. Горизонтальные полосы из оттисков горизонтальной гребенки или палочки. Дополнительный элемент — ямки, оттиски гребенкой, 20 (4,5%). 4. Горизонтальные полосы из оттисков гребенки, оттиски гребенки горизонтального расположения, 2 (0,4%). 5. Горизонтальные полосы из оттисков горизонтальной и прямой гребенки, оттиски гребенкой, построенные в мотив «елочка», 3 (0,7%). 6. Горизонтальные полосы из оттисков прямой гребенки, полосы из горизонтальной гребенки вертикального расположения, 1 (0,2%). 7. Керамика с тонкими валиками по венчику, плечу, тулову. Верх сосуда подчеркнут ямками, по шейке, основанию шейки иногда насечки, оттиски гребенкой. В единичных случаях тулово сосуда заглажено дощечкой. Расположение валиков относительно плоскости сосуда — горизонтальное, вертикальное, наклонное, 55 (12,4%). 8. Налепной валик по венчику, ямки, оттиски гребенкой, 34 (7,7%). 9. Налепной валик по венчику в сочетании с зигзагом из оттисков гребенки, ямки, горизонтальные полосы из горизонтальной, а также прямой или наклонной гребенки, 12 (2,7%). 10. Подобен предыдущему варианту, лишь вместо зигзага присутствует сетка из оттисков гребенки, 4 (0,9%). 11. Зигзаг из оттисков гребенки, оттиски гребенкой, ямки, 33 (7,5%). 12. Зигзаг из оттисков гребенки, горизонтальная полоса из оттисков гребенки или палочки; прямой или наклонной гребенки, ямки, 7 (1,6%). 13. Зигзаг резной, желобки, иногда присутствуют дополнительные элементы, 8 (1,8%). 14. Зигзаг

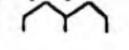
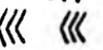
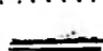
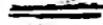
⁹ Процентное исчисление дается от общего количества керамики с орнаментом (443 экз.).

из оттисков гребенки, ямки, оттиски прямой или наклонной гребенки, группа оттисков вертикальной гребенки, 1 (0,2%). 15. Желобки в сочетании с дополнительными элементами (ямки, оттиски гребенкой, палочкой и др.), 17 (3,8%). 16. Полукольцо из оттисков гребенки или палочки, ямки, оттиски гребенкой, 2 (0,4%). 17. Сетки из оттисков гребенки, оттиски гребенки, ямки, 5 (1,1%). 18. Арка из оттисков гребенки, ямки, оттиски гребенки, 4 (0,9%). 19. Арка резная, жемчужник, 4 (0,9%). 20. Керамика с хорошо выделенной орнаментальной зоной по венчику, шейке, основанию шейки, плечикам. Элементы орнамента — ямки, оттиски гребенкой, палочкой, насечки, 10 (2,3%). 21. Керамика подобна варианту 19, исключая орнаментальную зону по основанию шейки, 25 (5,7%). 22. Желобки, полосы из оттисков палочки, ямки, спускающиеся треугольники, 1 (0,2%). 23. Желобки, группа из резных фигур, 1 (0,2%).

III группа. 176 экз. (39,7%). Керамика с наиболее простыми орнаментальными композициями. 24. Ямочно-гребенчатая орнаментация, 59 (13,3%). 25. Орнаментация одними ямками, 44 (9,9%). 26. Ямки в сочетании с оттисками палочки, 18 (4,1%). 27. Орнаментация сочетанием ямок, оттисков гребенки и палочки, 11 (2,5%). 28. Орнаментация оттисками гребенки, 12 (2,7%). 29. Орнаментация оттисками палочки, 7 (1,6%). 30. Орнаментация сочетанием жемчужника и оттисков палочки, 4 (0,9%). 31. Орнаментация сочетанием жемчужника и оттисков гребенки, 6 (1,4%). 32. Орнаментация сочетанием оттисков гребенки, палочки, жемчужника, 7 (1,6%). 33. Орнаментация сочетанием оттисков гребенки и палочки, 4 (0,9%). 34. Орнаментация жемчужником, 2 (0,4%). 35. Орнаментация насечками, 1 (0,2%). 36. Орнаментация дырками, 1 (0,2%).

Далее каждый вариант орнамента описывается перечислением характерных для него признаков, взятых из списка признаков (табл. 2) орнамента для рассматриваемых памятников Томского Приобья. Данный список не претендует на универсальность. Он составлен на ограниченном материале. Составление списка признаков принципиально возможно, так как геометрический орнамент принадлежит к тем свойствам предметов, которые могут быть «описаны конечным набором слов» [Шер Я. А., 1970, с. 9—10]. Подтверждением этому могут служить некоторые работы археологов [Федорова Н. В., 1977; Елькина М. В., 1977]. После выделения вариантов орнамента и составления списка признаков вся информация о керамике Томского Приобья представлена в табл. 3. В ней каждому варианту орнамента соответствует строка 1—36, а признаку — столбец 1—26. Наличие того или иного признака в определенном варианте отмечается крестиком. После вычисления пока-

**Список признаков орнамента для керамики
из памятников Томского Приобья ***

№ п/п	Описание признака	Рисунок
1	Ряд ямок	
2	Ряд оттисков гребенки (вертикальной, наклонной)	
3	Ряд оттисков палочки	
4	Ряд насечек	
5	Ряд жемчужин	
6	Ряд дырок	
7	Ряд оттисков штампов	разные
8	Полоса из оттисков палочки	
9	Полоса из оттисков горизонтальной гребенки	
10	Полоса из оттисков горизонтальной гребенки вертикального расположения	
11	Желобки	
12	Налеп	
13	Сетка из оттисков гребенки	
14	Зигзаг из оттисков гребенки	
15	Зигзаг резной	
16	Арка из оттисков гребенки	
17	Арка резная	
18	Полукруг из оттисков палочки или гребенки	
19	Группа оттисков гребенки	
20	Группа	
21	Спускающиеся треугольники	
22	Оттиски гребенки (мотив «елочка»)	
23	Валики:	
23.1	прямые горизонтальные	
23.2	« вертикальные	
23.3	« наклонные	
23.4	волнистые горизонтального расположения	
24	Заглаживание дощечкой	
25	Орнаментальная зона по венчику, шейке и плечикам (основание шейки орнаментировано)	
26	Орнаментальная зона по венчикам и плечикам (основание шейки, шейка не орнаментированы)	

* При перечислении признаков орнамента расположение мотивов относительно плоскости сосуда упоминается в 10-м и 23-м случаях (вертикальное и наклонное). В остальных случаях имеется в виду горизонтальное расположение мотивов.

зателя сходства для каждой пары памятников по формуле

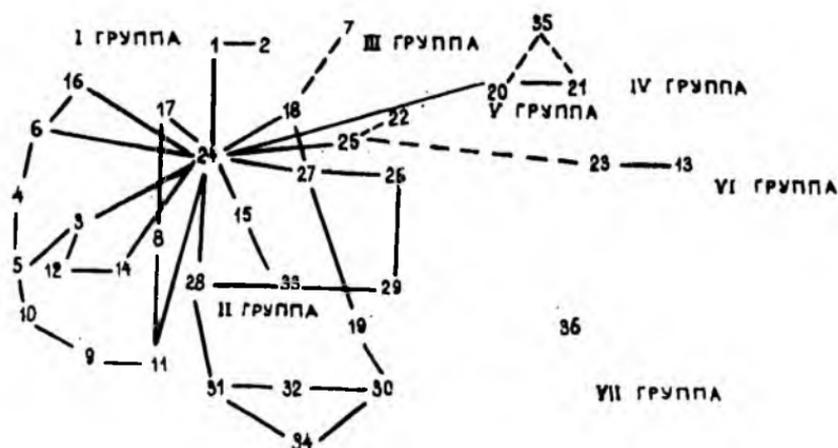
$$g_{ij} = \frac{K_i}{S^2} \quad [\text{Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А., 1975,}$$

с. 57] таблица принимает другой вид (табл. 4). На основе этой таблицы строим граф (схема 3), придерживаясь определенных правил [Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А., 1975, с. 58].

В графе выделяется 7 групп вариантов орнамента: I — 1, 2; II — 3—6, 8—12, 14—19, 24—34; III — 7; IV — 20, 21, 35; V — 22; VI — 23, 13; VII — 36. I группа — керамика с фигурно-штамповой орнаментацией. Во II группе варианты орнамента

Схема 3

Граф по вариантам орнамента керамики из памятников Томского Приобья

Примечание. Цифрами обозначены номера вариантов орнамента. Граф остановлен на значении $g_{ij} = 0,4$.

очень тесно связаны друг с другом через 6-й вариант — ямочно-ребенчатую орнаментацию. Это естественно: ямки и оттиски гребенкой в сочетании или по отдельности присутствуют почти на 70% всей орнаментированной керамики. В эту группу в графе объединились варианты с мотивами: полоса, зигзаг, сетка, полукруг, арка, а также полосы вертикального расположения. Элементы: ямки, оттиски гребенкой, палочкой, жемчужник, налп (по венчику), желобки. III группу составляет вариант с валиковой орнаментацией. Она слабыми связями соединяется с I и II группами. IV группа в графе объединяет керамику с хорошо выделенными орнаментальными зонами по венчику, шейке, основанию шейки, плечикам, тулову. Применяются такие элементы, как ямки, оттиски гребенкой, палочкой, насечки. Они располагаются мотивом полоса, ряд горизонтальным способом. К этой группе примыкает сосуд,

орнаментированный насечками (вариант 35). V группу в графе образует вариант с орнаментом жемчужным и резной аркой. В VI группу входят варианты, объединенные таким элементом, как желобок. VII группа не связана с предыдущими. Ее образует вариант орнамента с одним элементом — дырками. Присутствует лишь на одном сосуде.

Отсутствие строгой связи между формой и орнаментом, вернее, невозможность проследить ее из-за большой фрагментарности, не позволило провести типологию керамики по двум признакам — форме и орнаменту одновременно. Результатом обработки керамики рассмотренных памятников является типология орнамента Томского Приобья. Основой служат результаты классификации, представленные графом (схема 3). При выделении орнамента керамики в типы авторы придерживаются определения типов как реальных классов, различия между которыми порождены хронологическими, этническими, локальными, технологическими и прочими факторами [Шер Я. А., 1970, с. 13; Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А., 1975, с. 78]. По-видимому, группы I—III, выделенные в графе, являются типами орнамента керамики, а группы IV—VI — их окрестностями. Основанием для подобной типологии являются: 1) прежде всего результаты самого графа; 2) сочетание определенных орнаментальных мотивов, способ построения композиций вариантов орнамента в каждой из 7 групп графа.

Всего, таким образом, в орнаменте керамики из памятников Томского Приобья выделяется три типа:

I тип (рис. 104). 18 экз. (4,1%). В орнаменте использовались такие элементы, как оттиски штампом «уточка», «змейка», различными фигурными штампами, а также ямки, оттиски гребенкой, палочкой. Данные элементы орнамента строились в один мотив: полосу (ряд), расположенную на сосуде горизонтальным способом. Орнаментальные композиции очень просты: верх венчика подчеркнут рядом ямок, ниже — ряды из оттисков штампами и гребенкой. Несмотря на простоту орнаментальных композиций орнамента керамики данного типа, она очень нарядна за счет большого количества фигурных штампов. Орнамент керамики данного типа чаще всего наносился по венчику, шейке, основанию шейки. Плечико и тулово орнаментировано в исключительных случаях.

II тип (рис. 105). 370 экз. (83,5%). В графе в этот тип объединяются орнаменты с такими элементами, как ямки, оттиски гребенкой, палочкой, жемчужником, желобки, налестки, нарезные линии. Элементы строятся в мотивы полоса, зигзаг, сетка, арка, полукруг. Композиции несложны: верх сосуда подчеркнут ямками, в некоторых случаях — налесткой, ниже идут оттиски гребенкой, палочкой. Зигзаг, сетка, арка, полукруг располагаются по плечикам, редко — по шейке. Горизон-

талые полосы из оттисков гребенки или палочки, желобки присутствуют по венчику, шейке. Вертикальные полосы — по венчику. Основной способ расположения мотивов — горизонтальный.

III тип (рис. 106). 55 экз. (12,4%). Основной элемент, который объединяет керамику в данный тип, — валики. Кроме этого присутствуют такие элементы, как ямки, насечки, оттиски гребенкой, палочкой. Валики на сосуде по венчику, шейке располагаются горизонтальным способом, по тулову — наклонным. Пространство по шейке (между валиками, по валикам и плечикам) заполнено насечками, оттисками гребенки, палочки. Иногда по тулову отсутствуют валики, а поверхность сосуда заглажена дощечкой.

Перечисленные типы орнамента объединяют 94,7% всей керамики из памятников Томского Приобья. Остальные 5,3% приходится на IV—VII группы вариантов орнамента по графу (схема 3). Выделять их в отдельные типы, по-видимому, неверно. Скорее всего, группы IV—VI являются окрестностями II типа орнамента керамики. Группа VII (орнаментация дырками) не связана ни с каким типом.

Инвентарь

Инвентарь разделен по своему назначению на пять групп: орудия труда, оружие, конское убранство, принадлежности одежды и украшения, предметы культа.

Орудия труда

Ножи. Найдены шесть миниатюрных ножей в курганах: 46 ТКМ-1 (рис. 48, 3), 4 (рис. 63, 3), 42 (рис. 64, 6), 83 ТКМ-II, погребении 7 Арх. з., жилище 6 КЛ-II; два ножа уменьшенных размеров в погребении 4 Арх. з. (рис. 73, 9), погребении 5 Арх. з. (рис. 74, 6); семь ножей обычных размеров в курганах: 66 (рис. 56, 1, 2), 67 ТКМ-1 (рис. 56, 6), 2 (рис. 60, 4), 107 ТКМ-II (рис. 72, 5), погребении 5 Арх. з. (рис. 76, 2, 3). Все ножи с прямой или выгнутой спинкой, с уступом со стороны лезвия в месте перехода лезвия в черешок. В тексте описания упомянут нож в кургане 6 Арх. з., но в коллекции он не соотнесен с этим погребением.

Все варианты ножей есть в Тимирязевском курганном могильнике I, в группе курганов V—VI вв.

Ножны для ножей. Остатки их найдены в кургане 86 ТКМ-II. Сохранилась гофрированная железная тонкая пластина, с одной стороны которой идет по краю узкая накладная железная пластинка с бронзовыми и железными шпеньками для скрепления ножен. Внутри видны остатки дерева,

то есть ножны были деревянные с железными пластинами для скрепления. Часть ножен обнаружена в кургане 62 ТКМ-1 (рис. 63, 8). Железная пластина согнута пополам, закреплена с одной стороны узкой продольной полоской со шпеньками. В погребении 5 Арх. з. есть нож, вложенный в деревянные ножны, которые обложены сверху тонкой железной пластиной, шов ее приходится на середину ширины ножа.

Железные орудия для обработки дерева. Такие орудия найдены в курганах 4, 23, 64 (3 экз.) ТКМ-I, в курганах 2, погребении 1, погребениях 4, 8, 23, 29, 33 могильника у Арх. з. (табл. 5).

Таблица 5

Размеры орудий, см

№ кургана	Общая длина	Длина втулки	Длина рабочей части	Ширина рабочей части
4 ТКМ-I	5,7	2,8	2,9	1,7
23 «	7,7	5,7	2	3,3
64 «	8,4	3,4	5	3
	5,3	2,6	2,7	2,5
	8,6	4,3	4,3	2,5
2, п. I ТКМ-II	6,5	5,2	1,3	2,8
п. 4 Арх. з	8,6	5,9	2,7	3,6
п. 8 «	9	6,3	2,7	3,8
п. 23 «	9	6,0	3	4,3
п. 29 «	9,7	7	2,7	4,6
п. 33 «	8,4	5,8	2,6	3,5

Все упомянутые орудия, за исключением, возможно, двух тесел из кургана 64, употреблялись в работе. Все орудия, кроме орудия из погребения 29 Арх. з., имеют прямоугольное лезвие с прямым рабочим краем. У двух орудий, больших по размерам, лезвие шире втулки, одно из них с овальным рабочим краем. Все орудия раскованы из полосы железа с отогнутыми, несомкнутыми краями втулки.

Эта категория орудий бытовала очень длительное время. На примере могильников Томского Приобья можно видеть, что они встречаются как в курганах V—VI вв., так и в курганах VI—VIII вв. и в более поздних. Эта одна из распространенных категорий средневековья доживает и до позднего времени (XVI—XVII гг.) [Дульзон А. П., 1953, табл. 3]. Аналогии описанным выше орудиям есть в могильниках Красный Яр I, Умна 3 [Троицкая Т. Н., 1977, рис. 1, 21], в могильнике Релка [Чиндина Л. А., 1977, рис. 5, 21; 13, 6; 19, 19; 25, 1], в могильнике на Верхней Оби [Грязнов М. П., 1956, табл. LII, 17], на Алтае [Гаврилова А. А., 1965, табл. XXXI, 47], в Прииртышье [Чагаева А. С., 1973, табл. I, 14; IV, 14].

Орудия для обработки земли. В Тимирязевском курганном могильнике I найдено два сошника (курганы 8 и 35) (рис. 20, 1; 42, 11). В кургане 49 обнаружена копия сошника (рис. 49, 8)¹⁰.

Оба сошника имеют разомкнутую втулку, приостренную рабочую часть. Изготовлены из одного куска железа, втулка раскована. Размеры орудия из кургана 8: общая длина 16 см, длина втулки 7,5 см, длина рабочей части у втулки 4,3 см.

Орудие из кургана 35 по размерам больше: общая длина 19,4 см, длина втулки 8,9 см, длина рабочей части 10,5 см, ширина рабочей части у втулки 6 см.

Два таких орудия происходят из Тимирязевского курганного могильника II, из кургана 103, погребения 2 и из кургана 95. Размер первого: общая длина 13,5 см, длина втулки 9,2 см, длина рабочей части 4,3 см, ширина рабочей части у втулки 4,5 см. Предмет изогнут во внешнюю сторону (рис. 71, 1). Второй предмет имеет размеры: общая длина 16,5 см, длина втулки 7,5 см, длина рабочей части 9 см. Ширина рабочей части у втулки 4,8 см. Предмет также имеет изгиб во внешнюю сторону, что характерно для сошников с однолезвийным полозом (рис. 69, 1).

Все предметы изготовлены из полосы железа, с вытянутыми втулками, имеют клиновидный рабочий конец, изогнуты.

Такие орудия были у енисейских кыргызов [Киселев С. В., 1951, табл. LIII, 4], в Новосибирском Приобье (могильник Юрт-Акбалык 8, курган 17, могила 2, орудие найдено вместе с панцирной пластиной, миниатюрными удилами) [Романцова В. Д., Троицкая Т. Н., Матвеева В. И., 1973, с. 74; Фонды НОКМ]. В более раннее время они известны в памятниках таштыкской культуры [Кызласов Л. Р., 1960]. В Томском Приобье они доживают до позднего средневековья (городище Шеломок, раскопки Л. М. Плетневой в 1976 г.) [Музей АЭС, кол. 6840].

Сошник в миниатюрном исполнении воспроизводит по форме натуральные орудия. Втулка разомкнута, рабочая часть приострена и выгнута внутрь. Орудие расковано из тонкой полосы. Его размеры: длина 8,3 см, длина втулки 3,6 см, длина рабочей части 4,7 см, ширина рабочей части у втулки 1,7 см (рис. 49, 8).

Оружие и доспехи

Железный кинжал со следами ножен (погребение 5 Арх. з.). Рукоять сделана под углом по отношению к клинку. Навершие рукояти в форме овального колпачка. Перекрестье по отношению к клинку прямое. От ножен сохранились две

¹⁰ Предметы из ТКМ-I определены Ю. А. Красновым.

поперечные обоймы и нижний конец их (рис. 76, 1). К сожалению, в настоящее время этот предмет отсутствует и в связи с этим подробная характеристика его затруднена. Укажем, что подобные кинжалы изготовляли енисейские кыргызы [Киселев С. В., 1951, табл. LIII, 1], есть однотипный кинжал и на каменном изваянии из Тувы [Евтюхова Л. А., 1952, рис. 68, 1].

Кинжал из Архиерейской заимки опубликован Л. А. Евтюховой (1952, рис. 68, 3). В публикации он ошибочно назван происходящим из кургана 26. Действительно, в описи таблиц, приложенных к публикации 1899 [ЗРАО; 1899], сноска дана на погребение 26. Но в описи С. К. Кузнецова [Архив ЛОИА, д. 53] и в описи погребений по публикации 1899 кинжал отнесен к погребению 5.

Наконечники стрел. Они найдены во всех исследуемых могильниках. Железные наконечники стрел можно разделить на три группы: трехлопастные, лопаточковидные и бронебойные. Группа трехлопастных наконечников имеет три варианта: трехлопастные ярусные, трехлопастные со сплошными гранями и трехлопастные с отверстиями в лопастях.

1. Железные трехлопастные ярусные наконечники стрел найдены в погребениях 1, 2, 5 (1 экз.) могильника у Архиерейской заимки (рис. 74, 4); в кургане 63 ТКМ-I. Ярусные наконечники известны в могильнике в Степном Чумыше на Алтае [Уманский А. П., 1974, рис. 1, 3, 4].

Трехлопастные наконечники стрел без отверстий в лопастях найдены в курганах 32, 48 (рис. 49, 2), 62 (рис. 53, 4, 5) ТКМ-I; в кургане 46 ТКМ-II (рис. 64, 11; 65, 4), в погребениях 1, 15 (рис. 77, 6) и 33 Арх. з.

Наконечники, происходящие из курганов 32 и 62, очень крупных размеров: 9,5 см общая длина, длина пера 6 см (курган 32), 11,5 см общая длина, длина пера 9 см (курган 62). Этим они выделяются из общей группы. Несколько наконечников имеют размеры: длина пера 7—8 см, ширина лопастей 1—1,3 см, длина черешка до 6 см.

Остальные наконечники стрел более мелкие по сравнению с описанными выше. На черешках видны следы древков. Все наконечники плохой сохранности, сильно испорчены коррозией.

Описанные наконечники стрел распространены очень широко. Они известны у кочевников южнорусских степей [Плетнева С. А., 1967, рис. 43, 11, 13; Ляпушкин И. И., 1958, рис. 16], на Алтае [Гаврилова А. А., 1965, табл. XVII, 9, 10], в Туве [Кызласов Л. Р., 1969, табл. I, 15]. Время их широкого распространения VI—VIII вв.

Трехлопастные наконечники стрел с отверстиями в лопастях найдены в кургане 30 Тимирязевского курганного могильника I (рис. 39, 2). Такие наконечники стрел известны в Томском могильнике [Комарова М. Н., 1952, рис. 27, 13], в мо-

гильнике Капчалы II [Левашова В. П., 1952, рис. 5, 17]. Этот тип стрел характерен для времени тюркских каганатов.

2. Плоские наконечники стрел в виде узких лопаточек-срезней. Они встречены в курганах 46, 62 ТКМ-I (рис. 48, 5, 8; 53, 6), в погребениях 5 (рис. 74, 2), 33 могильника у Архиерейской заимки. Такие наконечники были распространены у мохэ, затем у чжурчженей [Деревянко Е. И., 1977, табл. XIX, 10, 11; табл. XXVIII, 17; XLI, 8; Медведев В. Е., 1975, рис. 6, 1—9]. Найдены они на Южном Урале в Манякском могильнике, погребении 3, раскоп II [Мажитов Н. А., 1977, табл. I, 108, 109]. Памятники группы Б датированы Н. А. Мажитовым VIII в. н. э. (1977, с. 19). Время их бытования VI—XI вв. и позже.

3. Два наконечника стрел с острием в виде долота. Оба происходят из погребения 5 Арх. з. У одного из них ромбический в сечении стержень, черешок с упором (рис. 74, 3), у другого — острие с опущенными жальцами, стержень округлый в сечении, черешок приострен (рис. 74, 4). Бронебойные наконечники стрел встречены в могильнике Рёлка [Чиндина Л. А., 1977], в Туве [Кызласов Л. Р., 1969], у чжурчженей [Медведев В. Е., 1977].

Костяные наконечники стрел происходят из курганов 23 (рис. 32, 6—8), 32 ТКМ-I; 2, погребения 1, 4 ТКМ-II (рис. 60, 5—11; 62, 5—7). В курганах 23, 32 ТКМ-I они встречены вместе с железными.

Все наконечники трехгранные, черешковые. Размер их 7,5 — 10,0 см. Костяные наконечники стрел встречаются очень долго, вплоть до позднего средневековья [Дульзон А. П., 1953, табл. II, 6—8; табл. XXI, 1—4; Чиндина Л. А., 1975, табл. 7, 18—22, табл. 9, 11—13; Плетнева Л. М., 1976, табл. V, 4, 9].

Панцирные пластины найдены в насыпи кургана 6 (рис. 19, 1—3, 5), в насыпи и погребении кургана 48 (рис. 49, 3, 4) и в погребении кургана 62 (рис. 53, 2—3; 54, 2—4). Пластины прямоугольные, один конец которых овальный. Различаются пластины размерами, количеством и расположением отверстий для крепления пластин. Одни пластины узкие и длинные. Размер $9 \times 3,8 \times 2,3$ см. (рис. 19, 1—3), другие, более широкие и короткие: 7×3 ; $6,8 \times 3,5$ (обломлен) $\times 3,8$ см (рис. 49, 3, 4). Расположение отверстий в середине пластины почти на всех экземплярах одинаково: по два отверстия слева и справа и одно в центре. На концах отверстия бывают по одному, по два, по два продольных и два поперечных (рис. 19, 1—3, 5; 54, 3—5).

Пластины из погребения 5 Арх. з. (рис. 75, 4—5) овальной формы, в средней части уже, чем на концах. Такие пластины обнаружены в могиле 7 кургана 6 могильника Рёлка [Чиндина Л. А., 1977, рис. 6, 6].

Панцирные пластины во второй половине I тыс. н. э. най-

дены на Алтае (в могильнике Кудырге, оградка XIII) [Гаврилова А. А., 1965, табл. V, 1), на Средней Оби (в могильнике Релка), [Чиндина, Л. А., 1977, рис. 24, 18; Басандайка, 1947, табл. 32, 52, 55, 56, 75], в Туве (в могильнике Бай-Тал, курган 5), [Грач А. Д., 1966, рис. 29, 1), в Восточной Сибири (Троицкий могильник) [Деревянко Е. И., 1977, табл. III, 1—4], на территории Древней Руси [Медведев А. Ф., 1959, рис. 1, 1, 7, 8, 11, 12).

Пластины из Тимирязевского курганного могильника отличаются от указанных расположением отверстий: у всех перечисленных пластин в центре имеется по две пары с каждой стороны продольных отверстий, у тимирязевских — по одной.

Различная форма тимирязевских пластин и неодинаковое расположение отверстий свидетельствуют о том, что пластины происходят от разных частей панциря.

Конское убранство

Удила. В Тимирязевском курганном могильнике I удила найдены в курганах 30, 32, 48. Все удила без псалий.

1. Одноколычатые удила из кургана 32. Сделаны из четырехгранного дрота, сложенного вдвое на грызле. Место кольца выгнуто на округлой болванке. Сохранились неполностью (рис. 40, 12). Аналогии найдены в могильнике Катанда II, кургане 1, могиле 2 [Гаврилова А. А., 1965, табл. VIII, 8], в могильнике Кудыргэ, могиле 5 [Гаврилова А. А., 1965, табл. XII, 14]. Обе аналогии относятся к кудыргинскому типу (VI—VII вв.).

2. Удила из круглого дрота с загнутыми концами из кургана 30 (рис. 39, 4). Аналогичные удила найдены в могильнике Жеребятино, кургане I (VII—VIII вв.) [Седов В. В., 1974, табл. 28, 4] и в Деменковском могильнике [Генинг В. Ф., 1964, табл. X, 5].

3. Удила из четырехгранного дрота с загнутыми концами и с крюковым сцеплением из кургана 48 (рис. 49, 1). Они очень тонкие, вряд ли могли быть в постоянном пользовании. Возможно, сделаны специально для похоронного обряда. Подобные удила есть в могильнике Релка (VI—VIII вв.), [Чиндина Л. А., 1974, с. 141, табл. III, 22].

Костяная подпружная пряжка с двумя поперечными прорезями и с выемкой для шпеняка. Шпенек костяной, насажен на железный стержень. Размер 7×2,3—3,8 см (ТКМ-I, курган 12, рис. 22, 16). Подобные костяные пряжки встречены: в могильнике Кудыргэ (могила 37), пряжка найдена вместе с маленьким железным ножом, железной пряжкой и серьгой с каплевидной привеской (VI—VII вв.), [Гаврилова А. А., 1965, табл. XX, 37], в Бобровском могильнике II, кургане 6 (VIII—IX вв.) [Арсланова Ф. Х. 1968, табл. I, 71).

Два уздечных (?) набора известны из погребения 4 Арх. з. Один из них состоит из маленькой овальнорамчатой пряжки с полуовальным щитком (см. описание пряжек из наборов в разделе «Пряжки») и мелких бронзовых круглых или овальных бляшек с отверстиями для пришивания (рис. 73, 6). Второй набор представлен такой же пряжкой с одного конца и плоским наконечником с другого конца набора. На кожаную полоску набивались круглые выпуклые бронзовые бляшки со шпеньком с обратной стороны (рис. 73, 7).

Принадлежности одежды, украшения и предметы культа

Пряжки. В основу описания пряжек положены признаки, выделенные В. Б. Ковалевской для разработанной ею типологии: форма рамки, форма щитка, заполнение внутреннего пространства щитка, форма язычка. Опишем сначала бронзовые, затем железные пряжки.

Бронзовые пряжки. Для них использована типология В. Б. Ковалевской.

1. Овальнорамчатая бронзовая бесщитковая пряжка (курган 39 ТКМ-1). Сделана из овального в сечении более массивного дрота в передней части и зауженного в задней части (вариант 2). Язычок железный, слабо коррозированный, короткий, не выступающий за передний конец, слабо профилированный, огибающий конец пряжки петлей (вариант 1), размер пряжки $3 \times 2,6$ см (рис. 44, 2). По типологии Ковалевской — отдел II, тип 1.

2. Овальнорамчатая бронзовая пряжка с овальной рамкой с полуовальным вытянутым щитком, который состоит из двух литых пластин, между которыми вставлялся ремень, закреплялся он тремя бронзовыми гвоздиками. Язычок железный, огибает железный стержень, вставленный в отверстия между рамкой и щитком (соединение нешарнирное). По типологии В. Б. Ковалевской — отдел I, тип 7, подтип 1. Подобная пряжка опубликована В. Б. Ковалевской (1979, табл. IV, 8). Дата пряжки определена В. Б. Ковалевской по сопутствующему материалу VIII в (1979, с. 20). Пряжка происходит из кургана 98 ТКМ-II (рис. 70, 4), размер $2,4 \times 1,0$ см.

3. Овальнорамчатые бронзовые цельнолитые пряжки с полуовальным щитком (2 экз.). Происходят из погребения 4 Арх. з. (рис. 73, 6, 7). Рамка сделана из овального в сечении дрота (вариант 1). Язычок (есть только у одной пряжки) (рис. 73, 6) короткий, не выступающий за передний край рамки, слабо профилированный, огибающий задний конец пряжки. Язычок закреплен стержнем (вариант 1). Щиток полуовальный (вариант 6 б). Прикреплялись обе пряжки к ремню шпеньками. Размер: а) рамка $1,8 \times 1,3$ см, щиток $1,5 \times 1$ см, общая длина пряжки 2,7 см; б) рамка $1,5 \times 1,2$ см, щиток

1,1×1,3 см. Пряжки маленькие, расположены на концах набора, по-видимому, уздечного (рис. 73, 6, 7). Датируются эти пряжки VIII—IX вв. и являются сибирскими [Ковалевская В. Б., 1979, с. 20]. По типологии В. Б. Ковалевской — отдел I, тип. 7, подтип 2.

4. Бронзовая цельнолитая овальнорамчатая пряжка из погребения 6 Арх. з. (рис. 77, 1). отличается от вышеописанных тем, что она плоская (и рамка, и щиток). Язычок отсутствует, был, вероятно, железный, так как в выемке для язычка есть следы железа.

5. Овальнорамчатая бронзовая цельнолитая пряжка с овальным сечением рамки (вариант 3), с полуовальным щитком (вариант б б) с язычком, немного выступающим за передний край рамки, слабо профилированным, огибающим задний конец рамки петлей (вариант I). Язычок закреплен в отверстии на щитке. Здесь же есть второе отверстие, видимо, для гвоздя, при помощи которого пряжка крепилась к ремню. Размер рамки 2,2×1,6 см, длина щитка 1,9 см, общая длина пряжки 3,5 см (курган 58 ТКМ-II, рис. 65, 6). По типологии В. Б. Ковалевской — отдел I, тип 7, подтип 3. В. Б. Ковалевская про пряжки этого подтипа пишет: «Их следует считать датирующими для VIII—IX вв. и восточными (то есть сибирскими, тюркскими) по своему происхождению» (1979, с. 20).

6. Овальнорамчатая бронзовая пряжка (погребение 14 Арх. з.). Сделана из овального в сечении дрота (вариант 1), концы пряжки оформлены в виде четырехпалой лапы. Язычок железный, сильно коррозирован, огибает стержень петлей. Размер рамки 3,3×2,4 см (рис. 78, 2). Аналогии не найдено.

Железные пряжки. 1. Круглорамчатые бесщитковые, сделаны из круглого в сечении дрота одного диаметра. Язычок слабо профилирован, не выступает за конец пряжки (курган 56 ТКМ-I, диаметр 2,5 см; погребение 5 Арх. з., диаметр 2,8 см), (рис. 74, 10).

2. Овальнорамчатые железные бесщитковые пряжки. Они найдены в кургане I ТКМ-II, размер 2,8×2,5 см; курганах ТКМ-1: 6, размер 2,2×1,9 (рис. 19, 4), 29, размер 2,2×1,9 см, (рис. 38, 8), 36, размер 3,5×2,3 (рис. 43, 5), 38, размер 2,7×2,2 см (рис. 4, 11), 53, размер 4×3,5 см (рис. 50, 4), 66 размер 2,7×2,3 см (рис. 56, 3), размер 2,7×2,4 см (рис. 56, 4), в погребении 5 Арх. з., размер 3×2,7 см (рис. 74, 11).

Заметна, судя по размерам, некоторая стандартизация пряжек, излюбленный размер 2,7×2,2—2,4 см, часто встречается размер 2,2×1,9 см. Все пряжки сделаны из круглого в сечении (за исключением пряжки из кургана 53 с овальным сечением и пряжки из кургана 29 с ромбическим сечением) дрота равномерной ширины. Язычок слабо профилированный, одинакового по форме сечения на всем протяжении, огибающий задний конец пряжки петлей, не выступающий или не-

много выступающий за передний конец пряжки (1-го и 2-го вариантов).

3. Овальнорамчатая железная пряжка со щитком 13-го варианта (длина больше ширины). Происходит из кургана 98 ТКМ-II (рис. 70, 3). Рамка сделана из овального в сечении дрота равномерной толщины (вариант 1). Язычок короткий, не выступающий за передний конец пряжки, слабо профилированный, одинакового сечения на всем протяжении, огибающий задний конец пряжки петлей. Щиток сделан из одной пластины, согнутой вдвое с вырезом для язычка. Ремень закладывается между пластинами, крепится, видимо, гвоздиками (на одном конце пластины сквозное отверстие, другой конец пластины обломлен). Соединение щитковое подвижное (вариант 2). Размер пряжки: рамки $2,9 \times 2,1$ см, щитка $3,3 \times 1,7$ см. Сибирь не названа территорией распространения этого типа [Ковалевская В. Б., 1979, с. 27]. Хронология их довольно широка, в рамках III — VIII вв.

4. Треугольная железная пряжка без щитка. Происходит из кургана 62 ТКМ-1 (рис. 53, 10). Сделана из четырехгранного в сечении дрота равномерной толщины. Язычок короткий, слегка выступающий за конец пряжки, слабо профилированный, одинакового сечения на всем протяжении (вариант 1 с одной деталью варианта 2 — язычок слегка выступает за рамку пряжки), огибающий задний конец пряжки петлей. Размер пряжки $2,4 \times 1,6$ см.

Эполетообразная бронзовая застежка из погребения 4 Арх. з. (рис. 74, 1), украшена шнуровым кантом, между рядами которого по кругу расположены выпуклины. Между первым от центра и вторым рядом канта — украшения в виде лучей. С одной стороны бляхи отходит 4 бронзовых отростка. Эполетообразные застежки характерны были для Прикамья в пьяноборское время [Горюнова Е. И., 1961], возможно, и несколько позднее. В Западной Сибири находки их чрезвычайно редки. Кроме находки в Архиерейской заимке авторам известна застежка из могильника Ближние Елбаны VII, могилы 32 [Грязнов М. П., 1956, табл. II, 11]. В Ближних Елбанах и в Архиерейской заимке нахождение застежки М. П. Грязнов объяснил как попадание «антикварной» вещи в поздний комплекс (1956, с. 136). Застежка из Архиерейской заимки найдена в комплексе с другими предметами (рис. 74): бронзовыми наконечниками ремней, железными наконечниками стрел, бляхами с изображениями головы и лап медведя, бронзового изображения птицы с распростертыми крыльями с личиной на груди, бронзовой и железной пряжками. Все эти предметы, особенно бляхи с изображениями медведя и изображение птицы, характерны для VI—VIII вв. н. э. Исходя из этого, найденную в этом кургане бляху нужно датировать этим же временем. Возможно, что это ранний

предмет, он то, что он дожил до VI — VIII вв. н. э., является бесспорным. Видимо, предметы, которые встречаются единицами после периода их массового употребления, нельзя привлекать как датирующие.

Бляшки для поясного набора. Найдены в курганах 12, 24 ТКМ-I; 91, погребении 1; 86, 2; 104 погребении ТКМ-II; погребении 24 Арх. з. Прямоугольные и сегментовидные бронзовые бляшки появились на рубеже VII и VIII вв. [Амброз А. К., 1971а, с. 123]. Вскоре появились и железные прямоугольные, сегментовидные железные нам неизвестны.

Бронзовые сегментовидные бляшки с прямоугольным вырезом (6 шт.) из ТКМ-II курганов 86, 91, 104 (рис. 67, 4; 68, 8; 71, 10). Бляшки из кургана 86 очень грубой работы, две бляшки слились вместе (некачественная отливка). Все бляшки имеют шпеньки для прикрепления.

Одна бронзовая сегментовидная бляшка с прямоугольным вырезом происходит из погребения 24 Арх. з. (рис. 79, 5). Она очень тонкая, прикреплена к кожаному поясу бронзовыми шпеньками. Сегментовидные бляшки часто употреблялись вместе с прямоугольными [Евтюхова Л. А., 1952, рис. 18; Троицкая Т. Н., 1978, рис. 7, 9].

В кургане 24 ТКМ-I найдены остатки кожаного пояса. Бронзовые бляшки пришиты к нему кожаным ремешком, хотя на них имеются шпеньки (рис. 34, 3). Сохранились два отрезка пояса. На одном четыре бляшки: три прямоугольных, одна округлой формы; на другом по три тех и других. Прямоугольные бляшки нашиты на том и другом отрезке вместе, с обеих сторон от них — округлые. Нашиты на кожаную полосу шириной 2,5 — 2,7 см. На остатках пояса сверху, то есть на бляшках, сохранились полоски бересты. Видимо, погребение было покрыто берестой. Подобные бляшки найдены в Туве [Грач А. Д., 1960, рис. 34, 66; Евтюхова Л. А., 1952, рис. 18, 22, 24, 25, 31, 32], в Монголии [Евтюхова Л. А., 1952, рис. 45 — 47], в Хакасии [Левашова В. П., 1952, рис. 1, 7, 16, 17], в Казахстане [История Казахской ССР, 1977, табл. на с. 426], в Башкирии [Ковалевская В. Б., 1972], в южнорусских степях [Плетнева С. А., 1967, рис. 44, 44].

В кургане 12 обнаружены три железные прямоугольные бляшки с прямоугольным вырезом (рис. 22, 14). Такие бляшки, как отмечалось, появились позже бронзовых, но употреблялись наряду с бронзовыми. Железные бляшки, подобные бляшкам из кургана 12, происходят из могильника у д. Могильники [Плетнева Л. М., 1973, с. 96].

Массовость материала, общеевразийская мода [Ковалевская В. Б., 1972, с. 102] не могли минуть район лесостепи, свидетельством чему, являются находки пряжек в Новосибирском и Томском Приобье, в некоторых случаях с набором одинаковых вещей. В приведенных аналогиях пряжки проис-

ходят из комплексов VII—IX вв. Единичные находки встречаются и позже.

Серьги и подвески. 1. Серьга из кургана 26 ТКМ-I луничного типа с привеской в виде трехбусинной грозди. Корпус сделан из тонкого бронзового листа, покрывающего деревянную основу. Часть ушка из тонкой проволоки обломлена. На месте застежки на корпус серьги надето тонкое бронзовое колечко, видимо, закрепляющее бронзовую обкладку бляшки (рис. 36, 3).

Серьги подобного типа найдены в могильниках харинского типа: конец V — начало VIII вв. н. э. [Амброз А. К., 1971а, табл. III, 24; 1980, рис. 8, 39]; V — первая половина VI вв. [Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1973, с. 87].

2. Серьга из кургана 4 ТКМ-I из круглой бронзовой проволоки. Видимо, на нее надевалось еще кольцо, выполненное также из бронзовой проволоки, круглой в сечении, толщиной 1 мм (рис. 17, 6, 7).

3. Бронзовые серьги (скорее подвески) в виде несомкнутого или сомкнутого овала с выступами по обеим сторонам или с одной стороны кольца и с оттяжкой в виде ступенчатого стерженька, заканчивающегося каплей. Найдены в курганах 12, 13, ТКМ-I (рис. 22, 3; 25, 1); 42, 47, 95, погребении 1, 107 ТКМ-II (рис. 64, 7, 9, 13; 68, 10, 11; 72, 2, 4); погребениях 20 (рис. 78, 13), 25 Арх. з. (рис. 79, 6, 16). Такие подвески распространяются в VII — VIII вв. известны и позже [Плетнева Л. М., 1973, с. 99—101].

4. Близки этим серьгам-подвескам подвески в виде ступенчатого или гладкого стерженька с каплевидным основанием. Курганы 12 ТКМ-I (рис. 22, 1, 2), 104 ТКМ-II (рис. 17, 7), 25 Арх. з. (рис. 79, 12). Такие подвески есть в могильнике Рёлка [Чиндина Л. А., 1977, рис. 11, 6; 15, 6], у д. Могильники [Плетнева Л. М., 1973, табл. 2, 1, 2].

5. Подвески бронзовые в виде кольца с выступами, с тремя мелкими кольцами с двух сторон найдены в кургане 10 ТКМ-I (рис. 21, 3), погребении 25 Арх. з. (рис. 79, 10).

6. В кургане 91, погребении I ТКМ-II обнаружены две сердцевидные подвески со стерженьками с отверстием для подвешивания. Одна из них украшена желобком, другая — рифленным кантом (рис. 68, 3, 4). Подобные подвески есть в кургане 2, могиле 3 (VI—VII вв.) могильника Рёлка [Чиндина, Л. А. 1977, рис. 10, 17] и в кургане 7 могильника Красный Яр I [Троицкая Т. Н., 1978, рис. 4, 11] и в кургане 11 могильника Умна 3 [Троицкая Т. Н., 1977, рис. 2, 15]. Видимо, эти подвески существовали в III четверти I тыс. н. э.

Так как в могильниках Новосибирского и Томского Приобья встречаются аналогичные комплексы предметов и отдельные предметы, следует остановиться на датировке могильников Новосибирского Приобья, предложенной Т. Н. Троицкой.

Мы согласны с замечаниями Л. А. Чиндиной по поводу датировки могильников Новосибирского Приобья [Чиндина Л. А., 1977, с. 72—73]. Внесем лишь некоторые уточнения, сводящиеся к тому, что не все курганы и погребения в названных могильниках одновременны.

Положенный Т. Н. Троицкой в основу датировки обряд погребения, в частности трупосожжение, вряд ли в данном случае является надежным и верным признаком. Комплекс предметов: бронзовые подвески со ступенчатым стерженьком и с боковым выступом на кольце, кольцевидные подвески с дополнительными колечками, бронзовые прямоугольные и сегментовидные поясные бляшки, колоколовидные подвески, бубенчики [Троицкая Т. Н., 1977, рис. 1, 17; 2, 1—24] — характерен для VII—VIII вв. [Амброз А. К., 1971, 1980; Киселев С. В., 1951; Ковалевская В. Б., 1979; Плетнева Л. М., 1967; Чиндина Л. А., 1977]. Могильник Умна 3 датирован Т. Н. Троицкой несколько раз: VII—VIII вв. (1963, с. 61); IX—X вв. (1977, с. 125), VIII—X вв. (1979, с. 39). На наш взгляд, для большинства погребений (за исключением, может быть, курганов 1, 3) правильной будет дата — вторая половина VII—VIII вв., можно допустить — до I половины IX в. (при условии, что все датирующие предметы описаны в тексте и приведены на рисунках). Именно в этом могильнике названный выше комплекс предметов встречается наиболее часто и делает этот могильник хронологически единым. В могильнике Красный Яр I к этому времени относятся курганы 1, 2, 4, 7, 17, 18, 20; в могильнике Юрт-Акбалык 8 — курганы 13, 14, 17, могила 2, 21, 23, 24; в могильнике Каменный мыс — погребение 7; курган 9, погребение I, курган 8 [Троицкая Т. Н., 1963, 1977, 1978].

7. Две бронзовые подвески в виде трех колец с петелькой для подвешивания (погребение 25 Арх. з.). Одна из них имеет на кольцах выступы (рис. 79, 7, 11).

8. Бронзовая литая подвеска с тремя выступами (погребение 4 Арх. з.). Поперек идут два желобка, над ними два круглых отверстия (рис. 73, 3).

9. Бронзовые подвески в виде кольца с петелькой, одна из них с выступом (рис. 79, 2, 4).

10. Бронзовая подвеска в виде кольца с четырьмя маленькими кольцами по бокам. По внутреннему краю кольца проходит кант с насечками (погребение 25 Арх. з.). Вероятно, эта подвеска — амулет солярного культа (рис. 79, 9).

Бронзовые подвески в виде колокольчика удлинённой формы с тремя зубцами (курганы 10 ТКМ-I и 95 ТКМ-II). Вверху имеется отверстие. Зубцы орнаментированы горизонтальными прямыми (рис. 21, 2; 68, 9). Такие подвески найдены в могильнике Рёлка, в кургане 5, могиле 1 вместе с перстнем и железным теслом [Чиндина Л. А., 1977, рис. 16, 8],

в кургане 1, могиле 5 вместе с костяной подпружной пряжкой [Чиндина Л. А. 1977, рис. 5, 5]. Похожая подвеска (зубцы не орнаментированы, их четыре) встречена в могильнике Красный Яр I в комплексе с прямоугольной бронзовой пряжкой с прямоугольным вырезом от поясного набора [Троицкая Т. Н., 1978, рис. 7, 22], в могильнике Умна 3, в кургане 22 [Троицкая Т. Н., 1977, рис. 1, 17].

Перстни. 1. Бронзовый цельнолитой перстень, щиток овальной формы (курган 35 ТКМ-1). На щитке есть орнамент: посередине щитка идут две зигзагообразные линии, между ними точки, поперек расположены короткие горизонтальные линии, между некоторыми даны короткие штрихи (рис. 42, б).

Бронзовые цельнолитые перстни найдены в могильнике Красный Яр I, кургане 7, погребении I [Троицкая Т. Н. 1978, рис. 4, 7]. Орнамент на этом перстне другой — «уточка», обрамленная жемчужным кантом.

Такой же перстень известен из могильника Релка, кургана 5, могилы I [Чиндина Л. А., 1977, рис. 16, 3]. Обнаружены перстни в материалах Нижней Оби [Чернецов В. Н., 1953, с. 131, табл. IV, 9, 10].

2. Два бронзовых цельнолитых перстня (курганы 103, 104, ТКМ-II). У одного щиток выполнен в виде линзы, у другого — в виде двух небольших линз (рис. 71, 3, 8). Щитки у обоих перстней без рисунков. Похожий перстень известен из могильника Красный Яр I, кургана 7 [Троицкая Т. Н., 1978, рис. 4, 6] Щиток у него выполнен в виде трех бусин.

Браслет (?) из бронзовой полосы, прямоугольной в сечении (курган 49 ТКМ-I). Толщина 1 мм, диаметр 6,4 см, концы сужены, образуют застежку (рис. 49, б).

Гривны. Они найдены в курганах 4 (целая), 35, 36, (в обломках), ТКМ-I. Гривна из кургана 4 (рис. 17, 12) сделана из полосы, ромбической в сечении, расширяющейся в средней части до 6 мм и сужающейся к концам до 1—2 мм. Концы загнуты, то есть образуют застежку. Гривны, аналогичные описанной, довольно широко распространены в V—VIII вв. н. э. Они встречены в могильниках харинского типа [Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1973, табл. 2, 24], в погребениях Хотимльского могильника (VI—VIII вв.) [Горюнова Е. И., 1961, рис. 56] в Ближних Елбанах III, могиле 15 (VII в. н. э. по Амброзу) [Амброз А. К., 1971 а, с. 120; Грязнов М. П., 1956, табл. XLV, 20].

Два обломка витых гривн из курганов 35 и 36 (рис. 42, 10; 43, 4) из двух перекрученных бронзовых проволочек. В сечении прямоугольные. Подобная гривна найдена в могильнике Ближние Елбаны XII, могиле 11 [VII в. по Амброзу А. К., 1971 а, с. 120; Грязнову М. П., 1956, табл. XL, 1], в Стерлитамакском могильнике (VIII—IX вв.) [Ахмеров Р. Б., 1955, табл. V, 1].

Серебряные с позолотой медальоны (кур-

ган 35 ТКМ-I, рис. 45, 1, 2). Серебряный корпус со вставкой из зеленого камня. Сам камень в серебряной оправе, серебро позолочено. По краю корпуса проложены в два ряда перевитые серебряные нити.

Аналогия им найдена в Апуштинском могильнике, погребении 12 (конец IV — первая половина V в. н. э.) [Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А., 1970, рис. 10, 10, с. 190].

Луницы бронзовые, 2 шт. (курган 10 ТКМ-I). В середине вогнутой стороны есть выступ. Сверху имеется петелька. Украшена одна из них двумя заштрихованными полосами (рис. 21, 4, 4a).

Близкой аналогией луницам из ТКМ-I является луница из погребения 3, кургана 3 Могильнического могильника. Орнамент из них разный [Плетнева Л. М., 1973, с. 98, табл. 2, 8].

Нашивки. 1. Бронзовые литые выпуклые парные нашивки. Курганы 12 ТКМ-I (рис. 22, 12), 42 ТКМ-II (рис. 68, 2), погребение 24 Арх. з. (рис. 79, 3). Такие нашивки встречаются в могильнике Красный Яр I, в курганах 15, 17—18, погребении 2 [Троицкая Т. Н., 1978, рис. 5, 6; 6, 16]. Т. Н. Троицкая датированы эти погребения IX—X вв. Возможно, датировка завышена. Нам представляется, что VIII в. из датировки указанных погребений исключать нельзя. Такие же вышивки происходят из могильника Ближние Елбаны VII, могилы 30 [Грязнов М. П., 1956, табл. LI, 15, 16].

В кургане 91, погребении 2 ТКМ-II найдена парная нашивка, но более крупная по размерам, чем описанные выше, гладкая (рис. 68, 2).

2. Одиночные полушарные нашивки с дырочками для пришивания. Нашивки очень тонкие. В кургане 2 ТКМ-II такие нашивки найдены на лбу черепа. Видимо, это было украшение на головном уборе. Такие же нашивки найдены в погребениях 14, 33 Архиерейской заимки (рис. 78, 9), в кургане 35 ТКМ-I (рис. 42, 4), 42 ТКМ-II (рис. 64, 8, 10). Аналогии им есть в могильнике Ближние Елбаны II, в могилах 6 и 15 [Грязнов М. П., 1956, табл. XLV, 10, 24].

3. Выпуклые нашивки с загибающимися краями и парными дырочками для пришивания (курган 42 ТКМ-II). Подобные нашивки есть в могильнике Релка [Чиндина Л. А., 1977, рис. 15, 15), в могильнике Красный Яр I [Троицкая Т. Н., 1978, рис. 6, 4). По аналогии с названными могильниками эти нашивки можно датировать VI—VIII вв. (рис. 64, 5).

4. Бронзовые литые нашивки в виде трех полушарных бляшек (погребение 4 Арх. з.). На обороте каждое полушарие обведено кантом (рис. 73, 4).

Бусы. В исследуемых памятниках найдены бронзовые и стеклянные бусы.

Бронзовые бусы (бочонкообразные), различаются размерами, но варьируют слабо: от 0,7 до 1,2 см в длину, диаметр 0,6—0,8 см, толщина их до 1 мм. Найдены в курганах 7, 12, 23 ТКМ-I; 2, 42, 83, 95, 98, ТКМ-II; 4, 5, 25 могильника у Архиерейской заимки. Аналогии им находятся в могильнике Релка [Чиндина Л. А., 1977, рис. 6, 16; 20, 11; 21, 7]. В первом случае бусы найдены в комплексе с саблей, панцирными пластинами, удилами, бронебойной стрелой. Л. А. Чиндина датирует могилу 7 в кургане I VII—VIII вв., скорее VIII в. (1977, с. 76). В могильнике Новосибирского Приобья Красный Яр I такие бусы обнаружены в кургане 10, могиле 1 вместе с удилами, костяной подпружной пряжкой [Троицкая Т. Н., 1978, рис. 3, 18]. Т. Н. Троицкая датирует это погребение IX—X вв. (1978, с. 114). Такие же бусы встречены в кургане 7 этого же могильника [Троицкая Т. Н. 1978, рис. 4, 10].

Интересно отметить тот факт, что бронзовые бусы в курганах V—VI вв. н. э. Тимирязевского курганного могильника I не встречены. Есть они в Могильницком могильнике [Плетнева Л. М., 1973, с. 97]. В публикации могильника допущена ошибка в определении китайских монет. Монеты династии Тан, как известно, имели очень долгое употребление [Воробьев М. В. 1963]. Поэтому они могут указывать лишь на нижнюю границу—вторую половину VII в. Дату могильника следует определить по бляшкам наборного пояса, серьгам и подвескам VIII—первой половины IX вв.

Стеклянные бусы (глазчатые, полосатые и однотонные) происходят из курганов 4, 12, 23 ТКМ-I, 103, 104, ТКМ-II, 5, 20, 24 могильника у Архиерейской заимки. Поскольку они встречаются редко, дадим более подробное описание.

Курган 4 ТКМ-I (рис. 17, 10). Найдено девять стеклянных бусин, круглых в сечении, по продольному сечению имеют форму бисера. Непрозрачная желто-зеленоватая основа покрыта тонким стеклом.

Курган 12 ТКМ-I (рис. 22, 13). Одна стеклянная полосатая бусина. Чередуются желтые и черные полосы.

Курган 104, погребение 2 ТКМ-II. Найдено пять стеклянных круглых бусин. Две бусины зеленые с красными глазками в желтой кайме, двухчастная буса из прозрачного стекла, одна полосатая, коричнево-желтая.

Погребение 20 Арх. з. Стеклянная эллипсоидная зеленая бусина с желтыми полосками и с желтыми глазками в коричневой кайме (рис. 78, 15).

Погребение 24 Арх. з. Граненая сердоликовая бусина.

Погребение 25 Арх. з. (рис. 79, 14). Найдено четыре стеклянные круглые бусины с темной позолотой (?).

Все описанные бусы были распространены в VI—IX вв.

[Деопик В. Б., 1961]. В среднеобских памятниках бусы найдены в могильниках Релка [Чиндина Л. А., 1977, с. 40], Красный Яр I [Троицкая Т. Н., 1978, с. 106, 109], Могильцом [Плетнева Л. М., 1973, с. 97].

Две бронзовые чаши, одна целая (погребение 3 Арх. з.), вторая сломана, сохранились фрагменты ее (погребение 5 Арх. з.). Обе чаши украшены неглубокими каннелюрами. Б. И. Маршак относит целую чашу из Архиерейской заимки к изделиям среднеазиатской торевтики к школе С [Маршак Б. И., 1971, с. 91; 1976, с. 228, 234]. Вторая чаша, судя по фрагментам, близка первой (рис. 75, 1). Находки эти интересны тем, что для Архиерейской заимки представляют собой импорт из Средней Азии. В Среднем Приобье известны еще две бронзовые чаши, происходящие из могильника Релка [Чиндина Л. А., 1977, рис. 3, 31], и из Васюганского клада [Фонды МАЭС, кол. 6837; Могильников В. А., 1964, рис. 1]. Обе чаши декоративных украшений не имеют. По мнению исследователей, чаши из могильника Релка и из Васюганского клада также относятся к среднеазиатскому импорту [Чиндина Л. А., 1977, с. 27]. Васюганский клад В. А. Могильников датирует VII в. (1964, с. 230, могильник Релка относится к VI—VIII вв., чаша из Архиерейской заимки близка предметам № 25 и 26 по схеме Б. И. Маршака (1976, с. 228), которые датируются VIII в. [Маршак Б. И., 1971, с. 91]. По-видимому, вторую чашу из Архиерейской заимки можно отнести к этому же времени.

Антропоморфные изображения

1. Антропоморфное изображение из кургана 15 найдено в слое пережженных костей, разбросанных грабителями. Изображен человек в полный рост, в статичной позе: руки прижаты к туловищу, ноги расставлены, ступни немного развернуты. Голова передана овалом, на голове султан. Все детали переданы углублениями. На обеих щеках по три косые насечки. На ногах и руках на месте суставов есть нарезки, сделанные, видимо, по холодному металлу. Остальные линии плавные, то есть нанесены были на форму. На груди овалом передана линия жизни. Ниже пояса, поперек фигуры, немного наискось изображен меч (рис. 26, 4). Литье одностороннее, возможно, в открытой форме, высота фигурки 9,2 см.

2. Антропоморфное изображение из кургана 39 представлено личиной. Голова овальной формы. Глаза выполнены небольшими углублениями. Брови, лоб, нос выполнены в плоском рельефе. На щеках по две косые линии. Рот передан рельефным валиком. Шея отлита небрежно, на ней есть знак в виде полумесяца (рис. 44, 6). Литье одностороннее. Высота

изображения 6 см. Найдено в северо-восточном секторе на глубине 8—9 см вместе с железным ножом под сосудом. Эта личина имеет сходство с личиной из могильника Релка, из насыпи кургана 6 [Чиндина Л. А., 1971, рис. 1, 2].

3. Антропоморфное изображение из кургана 59 выполнено в виде личины. Голова овальной формы, шея в виде пластинки. Детали лица — глаза, рот — переданы углублениями в виде ромбов. На щеках — на месте насечек — углубления. На лбу — три небольших углубления. На шее две поперечные насечки. Так, видимо, обозначена линия жизни. Интересна одна деталь: на переносице и на краях изображения на уровне глаз сделаны углубления для того, чтобы держалась нитка, которой, видимо, привязывали изображение к какой-нибудь основе (рис. 51, 3). Высота 4 см. Найдено в юго-восточном секторе на глубине 10—12 см вместе с обломком железного предмета и фрагментом керамики.

Зооморфные изображения

В анализируемых могильниках найдены зооморфные объемные (полые), объемные сплошного литья и плоские изображения одностороннего литья, выполненные в низком рельефе.

1. Полая фигурка медведя (?). Изображение объемное. Пасть приоткрыта, овалом дан глаз. Лапы соединены с головой пластиной с насечками. Сзади — также пластинка соединяет лапы с крупом (курган 91, погребение 1 ТКМ-II), Аналогии неизвестны. По стилю исполнения эту фигурку можно отнести к I тыс. н. э. (рис. 68, 5).

2. Бронзовые полые фигурки медведей. Голова опущена на уровне лап, в спине есть отверстие. Изображение профильное. Курганы 35 ТКМ-I, 2 экз. (рис. 42, 8); 62 ТКМ-I, 1 экз. (рис. 53, 12). Точные аналогии неизвестны. Есть фигурка из могильника Саргина харинского типа, но у нее голова повернута, по туловищу проходит два ряда жемчужного канта, чего нет у фигурок из ТКМ-I [Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1973, табл. I, 14].

3. Полая фигурка зайца в сидячей позе, (погребение 25 Арх. з.) опирается на лапы, пасть приоткрыта, глаз передан овалом. На шее — полоска из жемчужного канта (рис. 79, 15).

4. Бронзовое изображение лошади (погребение 14 Арх. з.). В литературе это изображение трактуется как лошадь с всадником. На спине лошади в том месте, где должно быть седло, действительно есть овальной формы выступ. Четкого изображения всадника нет. Морда лошади поднята, стоячие уши отпрянули назад, глаз передан овалом. Передние и задние ноги слегка согнуты, то есть лошадь передана в движе-

нии (рис. 78, 1). Ноги соединены узкой пластиной, характерная деталь профильных изображений второй половины I тыс. н. э.

5. В погребении 3 Архиерейской заимки найдено 6 пластин с изображением медведя в ритуальной позе: голова положена на передние лапы. Изображение отделено от поля пластины жемчужным кантом, такой же кант проходит по краям пластины. На лапах нанесены поперечные полосы (рис. 73, 1). Обычно на пластинах дается по три головы медведя. Подобные пластины найдены в кургане 7, могилах 1 и 3 могильника Релка [Чиндина Л. А., 1977, рис. 23, 9; 24, 13]. Могила 1 датируется VII—VIII вв., могила 3 — VI—VIII вв. [Чиндина Л. А., 1977, с. 77].

Сложные изображения

К сложным изображениям относятся птицы с личинами на груди. Происходят из курганов 2, погребения 1; 4, погребений 1, 2 ТКМ-II; 5 Арх. з.

1. Бронзовое изображение птицы с распростертыми крыльями (тетеревятник)¹¹. Лежало на шейных позвонках погребенного. Изображение литое, одностороннее, рельефное (курган 2, погребение 1 ТКМ-II). На груди тетеревятника — личина человека. Глаза, рот даны кольцевой канавкой на месте носа нанесен полумесяц, обращенный выпуклой стороной к глазам. Под личиной — трехпалые лапы птицы. Перья крыльев переданы углубленными бороздками. По верхнему краю изображения и справа и слева от личины идут мелкие жемчужины. Хвост распушен, перья разделены бороздками и украшены мелкими ямками. На крыльях с обратной стороны отлито по петельке. Голова птицы выполнена в высоком рельефе (рис. 60, 1).

2. Бронзовое изображение птицы с распушенными крыльями и хвостом (погребение 5 Арх. з.). На груди птицы — личина человека. На крыльях справа и слева отлито по петельке. Голова птицы с острыми ушами напоминает сову. Перья хвоста украшены выемками (рис. 74, 13).

3. Бронзовое изображение птицы — орла найдено на груди (курган 4, погребение I ТКМ-II). Изображение плоское, вырублено из пластины. Глаза переданы кружочками, сделанными острым предметом по холодному металлу. На груди орла — личина человека. Овал лица сделан также острым предметом в виде сердца, кружочками выделены глаза. Под личиной знак в виде полумесяца, обращенный выпуклой стороной к личине. На крыльях два отверстия (рис. 62, 4). Аналогии неизвестны.

¹¹ Определения даны орнитологом С. С. Москвитиним.

4. Бронзовое изображение птицы с распушенными крыльями и хвостом. Найдено с левой стороны костяка выше тазовых костей (курган 4, погребение 2 ТКМ-II). Изображение литое, двустороннее. На месте головы — петелька. Крылья с обеих сторон изображения оконтурены желобком, внутри которого расположены выпуклые ромбики. На груди птицы с лицевой стороны отлита личина человека. Все детали лица, как и контур его, переданы желобками. Под личиной кольцевой канавкой дан кружок, разделенный линией. По-видимому, так передана «линия жизни» (рис. 63, 1). Вместе с последним изображением найдено бронзовое изображение в виде бабочки. Техника исполнения та же, что и птицы. Бляшка двустороннего литья с разным рисунком по обеим сторонам. На одной стороне два желобка с выпуклыми ромбиками, проходящими через все изображение. С другой стороны один желобок, заканчивающийся завитками. Усики с обеих сторон украшены желобчатой спиралью. Для подвешивания есть петелька (рис. 63,2).

Изображения птиц с личиной на груди известны из могильников Релка [Чиндина Л. А., 1977, рис. 35, 5, 10], Томского [Комарова М. Н., 1952, рис. 27, 8], из Васюганского клада [Фонды МАЭС, кол. 6837; Могильников В. А., 1964, рис. 2, 3].

Изображение птиц с личиной на груди связано с представлением сибирских народов о душах человека. У каждого человека их несколько. По представлению хантов, последняя душа, покидающая тело в образе птицы [Чернецов В. Н., 1959, с. 126 и др.].

Датировка памятников

Для датировки памятников Томского Приобья VI—VIII вв. мы располагали следующими данными для могильников: железными и бронзовыми предметами, керамикой, несколькими монетами и тремя датами на S_{14} ; для городищ и поселений — керамикой и также тремя датами на S_{14} .

Сначала рассмотрим датировку могильников по инвентарю, а затем всех памятников по керамике. При описании инвентаря, опираясь на аналогии комплексов предметов из близлежащих могильников, мы пришли к заключению, что все категории его существовали в пределах VI—VIII вв., хотя некоторые предметы имеют более длительный срок употребления (ножи, топоры-тесла, некоторые железные наконечники стрел).

Хронологический комплекс VI—VIII вв. составляют железные трехлопастные наконечники стрел, панцирные пластины, железные и бронзовые пряжки, бляшки поясного набора, некоторые украшения (подвески в виде кольца с боковыми

выступами или без них, со ступенчатым стерженьком). Из этого комплекса выделяются такие предметы, как бляшки поясного набора, характерные украшения (рис. 105), по которым определяется более узкая дата курганов или погребений — вторая половина VII — VIII вв. н. э.

Рассмотрим датировку по курганам и погребениям каждого могильника. Для определения даты каждого кургана в отдельности используется весь комплекс предметов данного кургана (анalogии опущены, поскольку речь о них уже шла).

Тимирязевский курганный могильник I

Курган 4 (рис. 17). Его дату определяет гривна, небольшое тесло, бронзовые бусы VI — VIII вв. В этом кургане найдены также полушарные бронзовые нашивки, как в кургане 36.

Курган 5 (рис. 18). В нем найден обломок железного трехлопастного наконечника стрелы (VI — VIII вв.).

Курган 6 (рис. 19). Панцирные пластины и кольцевидная пряжка определяют дату кургана — VI — VIII вв.

Курган 8 (рис. 20). Сошник пока узкой даты не имеет. Они есть в кургане 35 и 49, где в первом найден сошник в натуральную величину, а во втором — его миниатюрное изображение. Курган 35 датирован VI — VIII вв. Так же датируется курганный могильник Юрт-Акбалык 8 (курган 17, могила 2), где найден такой же сошник (одинаковый по размеру с предметом из кургана 8).

Курган 23 (рис. 32, 2 — 8). Относительную датировку дают бусы и железный наконечник стрелы. Курган относится к VI — VIII вв.

Курган 26 (рис. 36, 3, 4). В нем найдена бронзовая серьга с гроздью, которая позволяет отнести курган к этой группе.

Курган 35 (рис. 42). В этом кургане найдена самая драгоценная вещь: пять медальонов в серебряном корпусе с изумрудными (?) вставками. Поиски аналогий увели далеко на юг. Похожие по технике изготовления медальоны происходят из погребения 12 (конец IV — первая половина V в. н. э.) Апуштинского могильника, а те, в свою очередь, восходят к римским прототипам I — II вв. н. э. Возможно, техника изготовления подобных изделий сохраняется и позже.

Перстень бронзовый по аналогии можно датировать VI — VIII вв. н. э.

Витая гривна дает дату не совсем определенную, так как встречается слишком широко. Правда, если брать территорию, близкую к Томскому Приобью — район Ближних Елбан, то там она есть в комплексе V — VI вв.

Бронзовая подвеска в виде медведя датируется V — IX вв. н. э.

Самой значительной находкой является сошник, который, к сожалению, пока не датирован.

Исходя из вышеизложенного, курган 35 следует отнести к VI—VIII вв.

Вероятно, также датируется курган 36, в котором найден обломок витой гривны и железная пряжка (рис. 43).

Курган 48 (рис. 49, 1—5). В нем найдены удила с крюковым сцеплением и с загнутыми концами в кольцо, трехлопастной наконечник стрелы и панцирные пластины. Этот комплекс определяет дату кургана — VI—VIII вв.

Курган 49 (рис. 49, 6—9). В кургане найдены небольшое тесло, миниатюра сошника, бронзовый браслет (?) и керамика.

Курган 62 датируется VI—VIII вв. панцирными пластинами и наконечниками стрел (рис. 53, 54).

Курган 64 (рис. 55, 1, 4) относится к VI—VIII вв. по находкам тесел, железной пряжки.

Курганы 66 и 67 (рис. 55, 6; 56, 1—7), несмотря на находки в них железных ножей, пряжки и льячки, отнести к ранней или поздней группам курганов затруднительно. Время существования находок не противоречит дате VI—VIII вв.

Не все курганы Тимирязевского курганного могильника I можно датировать по найденным в них предметам. Так, в двадцати одном кургане найдена только керамика, в тринадцати — керамика и либо обломки железных предметов, по которым форма не восстанавливается, либо предметы, имеющие слишком широкий хронологический диапазон, например, в кургане 19 керамика и оселок, в кургане 20 — керамика и обломки железных предметов. Все эти курганы отнесены к VI—VIII вв. по погребальному обряду, найденным в них предметам и в основном по керамике.

Тимирязевский курганный могильник II

Курган 2 (рис. 60, 61) датируется бронзовыми бусами, железным теслом и бронзовым изображением птицы.

Курган 4, погребения 1, 2 (рис. 62, 2—7; 63). Их дату определяют бронзовые изображения птиц. Оба погребения можно отнести к VI—VIII вв. н. э.

Курган 42 (рис. 64, 2—10). Его дату определяют бронзовые бусы, сдвоенные круглые нашивки, нашивки выпуклые в середине со сквозными отверстиями для пришивания.

Курган 46 (рис. 64, 11—12). В нем найден бронзовый трехлопастный наконечник стрелы, характерный для VI—IX вв., и железное кольцо с пластиной. Такие предметы встречаются во второй половине I тыс. н. э.

Курган 83 (рис. 67, 1—3). В нем найдены бронзовые бусы.

Курган 98 (рис. 70, 1—12). Здесь также есть бронзовые бусы, псевдопряжка, цельнолитая бронзовая пряжка с железным вращающимся язычком и железная пряжка со щитком и с вращающимся язычком. Как отмечалось, эти предметы характерны для VI—VIII вв. н. э.

Могильник у Архиерейской заимки

Погребения 1 и 2 датируются железными ярусными наконечниками стрел, которые были распространены в VI—VIII вв. н. э.

Погребение 3 (рис. 73, 1). В нем найдено 6 пластин с изображением медведей в ритуальной позе. Как уже отмечалось, они были распространены во второй половине I тыс. н. э. Здесь же найдена бронзовая чаша (фрагменты), которая относится к VIII в. По этой находке курган датируется VIII в.

Погребение 4 (рис. 73, 2—10; рис. 74, 1). Из этого погребения происходят два набора с бронзовыми пряжками и гладким наконечником, бронзовая подвеска и бронзовые бусы. Все предметы датируются VI—VIII вв. В этом же погребении найдена эполетообразная застежка. Здесь имеет место случай попадания ранней вещи в поздний комплекс, что уже нами отмечено. Интересны происходящие из этого погребения бронзовые тонкие пластинки треугольной формы с отверстиями. Пластинки немного выгнуты (рис. 73, 8). Назначение неясно. Остальные предметы: миниатюрный нож, топор-тесло и бронзовые мелкие тройные бляшки — дате VI—VIII вв. не противоречат.

Погребение 5 (рис. 74, 2—13; 75, 1, 3—5; 76). Это погребение богато находками, причем почти каждый предмет имеет дату в пределах VI—VIII вв. Это железные бронебойные, ярусный, лопаточковидный наконечники стрел, панцирные пластины, бронзовый плоский наконечник ремня, бронзовое изображение птицы. Более конкретно определяет дату погребения бронзовая чаша — VIII в. В этом же кургане найдены кузнечные клещи. В VIII в. на территории Среднего Приобья они найдены впервые.

Погребение 6 отнесено к описываемому периоду по находке в нем бронзовой пряжки (рис. 77, 1).

Погребение 14 (рис. 78, 1—3). Найденное в этом погребении бронзовое изображение лошади определяет время погребения — VI—VIII вв.

Погребение 15 (рис. 77, 5—7). Железные трехлопастные наконечники стрел с упором, как и ярусные наконечники стрел, широко были распространены в VI—VIII вв.

Погребение 33. Дату этого погребения VI—VIII вв. оп-

ределяют железные наконечники стрел, железное тесло (рис. 78, 4 — 10).

Погребение 7, 8, 13, 23, 29, 35 в составе инвентаря не имеют предметов с узкой датой существования. Так, в погребении 7 найден железный нож, в погребениях 8, 23, 29 — железные топоры-тесла, в погребениях 13 и 35 — сосуды.

Исходя из того, что в датированных комплексах этого могильника нет предметов, которые заканчивают свое существование в V в., нижнюю дату могильника можно определить VI в. Верхнюю дату определяют узорчатые бляхи поясного набора — IX—X вв. Следовательно, названные погребения можно отнести ко второй половине I тыс. н. э.

Курганы второй половины VII — VIII вв. н. э.

Во второй половине VII в. н. э. появляются геометрические бляшки (прямоугольные и сегментовидные) с прямоугольным вырезом. Широко распространены они в VIII в. н. э. Иногда встречаются и позже, но вместе с бляшками и наконечниками ремней, украшенных растительным узором. Для этого же времени (вторая половина VII — VIII вв.) характерны серьги с боковым выступом (одним или двумя) на кольце. Эти признаки послужили основанием для датировки ряда курганов Тимирязевского курганного могильника I, II и могильника у Архиерейской заимки второй половиной VII — VIII вв. н. э.

Тимирязевский курганный могильник I

Курган 10 (рис. 21). В нём найдены подвеска в виде кольца с двумя боковыми выступами и тремя кольцами с противоположных сторон, луница и колоколовидная подвеска. Все эти предметы существовали в одно время. Найденное здесь же железное тесло указывает на продолжение существования их во второй половине I тыс. н. э.

Курган 12 (рис. 22, 23) В этом кургане найдены железные прямоугольные бляшки с прямым вырезом для поясного набора, подвеска с боковыми выступами по бокам кольца и со ступенчатым стерженьком, две подвески со ступенчатым стерженьком и ушком для подвешивания, колоколовидная подвеска, костяная подпружная пряжка, которая раньше VII в. не встречается. Кроме того, здесь же найдены бронзовые бусы и двойные полушаровидные нашивки. Эти предметы встречаются на протяжении VI — VIII вв. н. э. В этом же кургане найдена китайская монета династии Тан, что указывает на возможную нижнюю дату кургана.

Курган 13 (рис. 25, 1, 2). В нем найдена бронзовая цельнолитая серьга с боковыми выступами на конце, со сту-

пенчатым стерженьком, что позволяет отнести курган во второй половине VII—VIII вв. н. э.

Курган 24 (рис. 34). Часть наборного пояса с бронзовыми прямоугольными сегментовидными бляшками с прямым вырезом и бронзовая цельнолитая подвеска с боковыми выступами на кольце и со ступенчатым стерженьком определяют время возведения кургана — вторую половину VII—VIII вв. н. э.

Тимирязевский курганный могильник II

Курган 86 (рис. 67, 4—7). Бронзовые сегментовидные бляшки с прямым вырезом от поясного набора позволяют выделить этот курган, как относящийся ко второй половине VII—VIII вв. н. э. Кроме того, в этом же кургане найдены часть ножен, два железных ножа, пастовая бусина желто-зеленого цвета. Время существования этих предметов шире, чем геометрических бляшек поясного набора, но не противоречит времени бытования названных бляшек.

Курган 91, погребение I (рис. 68, 2—5, 8). Две сегментовидные бляшки с прямым вырезом и полая фигурка медведя позволяют отнести курган ко второй половине VII—VIII вв., скорее VIII в., так как бляшки тонкие, очень аккуратно выполненные, что характерно для VIII в.

Сердцевидные подвески со стерженьком, найденные в этом погребении, были распространены в VI—VIII вв. н. э., то есть они подтверждают дату VIII в. н. э.

Курган 91, погребение 2 (рис. 68, 1, 6, 7). В этом погребении найден бронзовый наконечник ремня. Такие наконечники употреблялись в VI—VII вв. Двойные бронзовые бляшки употреблялись в VI—VIII вв.

Курган 95 (рис. 68, 9—17; 69). Из этого кургана происходят серьги с боковым выступом на кольце и со ступенчатым стерженьком. Время бытования их VII—VIII вв. Редко встречаются в первой половине IX в. Верхнюю границу VIII в. ограничивает колоколовидная подвеска. Такие подвески позже VIII в. неизвестны.

Найденный в насыпи кургана сошник дате кургана в целом не противоречит.

Курган 104 (рис. 71, 3, 6, 7, 9—11, 76,1). Дату этого кургана определяют сегментовидная нашивка с прямоугольным вырезом со шпеньками для прикрепления (вторая половина VII—первая половина IX вв.) и подвески со ступенчатым стерженьком. Последняя ограничивает время сооружения кургана VIII в., так как позже VIII в. такие подвески пока не известны. Остальной инвентарь этого кургана (бусы, перстень) вполне укладывается в рамки второй половины VII—VIII вв. н. э.

Могильник у Архиерейской заимки

Погребение 20 (рис. 78, 12—15) датируется серьгой с боковыми выступами, со ступенчатым стерженьком второй половины VII—VIII вв.

Погребение 24 (рис. 79, 1—5). В погребении обнаружены поясная сегментовидная бляшка с тремя шпеньками, такая же, как в кургане 104 ТКМ-II, две кольцевидные подвески, одна с боковым выступом, обе с маленьким колечком для подвешивания, одна двойная полушарная нашивка. Более узкая дата существования у бляшки поясного набора. Это тонкая бляшка тщательной выделки. Такие бляшки существовали в VIII—первой половине IX вв. Описание подвески в IX в. как будто не встречаются. Таким образом, дата погребения VIII в. Здесь же найдена китайская монета династии Тан, которая ограничивает нижнюю дату погребения второй половиной VII вв.

Погребение 25 (рис. 79, 6—16). Из этого погребения происходит пять кольцевидных подвесок с боковыми выступами, все они несколько по-разному оформлены, хотя, безусловно, выполнены в одном стиле. Пятая подвеска с гладким стерженьком с петелькой для подвешивания¹². Такие подвески были распространены в VII—VIII вв. Здесь же найдены тройчатки и полая фигура зайца. Данные предметы бытовали в это же время.

Кроме указанных предметов в кургане найдены две плоские бронзовые подвески в виде трех небольших колец с петлей. По стилю они близки описанным подвескам.

В итоге к VI—VIII вв. относятся: все курганы Тимирязевского курганного могильника I, за исключением группы курганов V—VI вв. и курганов 7 и 9, относящихся к IX—X вв.; все курганы Тимирязевского курганного могильника II, кроме курганов 47 и 58 (IX—X вв.); погребения 1—8, 13—15, 23, 33, 35 могильника у Архиерейской заимки. Для части курганов и погребений определена более узкая дата вторая половина VII—VIII вв. Это курганы 10, 12, 13, 24 Тимирязевского курганного могильника I, курганы 86, 91, 95, 104, 107 Тимирязевского курганного могильника II, погребения 20, 24, 25 могильника у Архиерейской заимки.

Для трех курганов Тимирязевского курганного могильника I получены данные радиоуглеродного анализа¹³:

¹² На табл. II, 20 [ЗРАО, 1899] эта подвеска нарисована неверно: стерженек дан ступенчатый. В коллекции и на фотографии С. К. Кузнецова стерженек у подвески гладкий.

¹³ Анализы выполнены Н. Н. Ковалюхом в Институте геохимии и физики минералов (Киев).

КИ — 978 курган 10 630 ± 30
 КИ — 994 курган 23 550 ± 30
 КИ — 980 курган 46 560 ± 45

По результатам анализа курганы 23 и 46 сооружены в VI в., курган 10 — в VII в.

Керамика из могильников надежно датирована предметами VI—VIII вв. На городищах и поселениях датирующих предметов не найдено. Для определения даты последних необходимо было рассмотреть их керамику в сопоставлении с керамикой могильников. При анализе керамики было установлено, что керамика городищ, поселений и могильников характерна для всех памятников и составляет три типа по орнаментации и несколько вариантов по форме. Попытаемся проследить относительную хронологию памятников и типов керамики.

Относительная хронология керамики из 8 памятников Томского Приобья определялась по модели С [Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А., 1975, с. 74 — 78]: Объектом в нашем случае будет считаться каждый памятник, признаком — количество единиц орнаментированной керамики определенного типа. Исходные данные для обработки по модели С представлены в табл. 6.

Таблица 6

Распределение типов орнамента керамики Томского Приобья по памятникам

Памятник	Тип			Всего
	I	II	III	
ТГ-IV	2	22		24
ПТ-I	4	188	35	227
БГ-IV		4	5	9
КЛ-II		55	14	69
КЛ-VII		7		7
ТКМ-I	12	64	2	78
ТКМ-II		24		24
Арх. з.		5		5
Всего	18	369	56	443

После вычисления весов признаков данная таблица принимает следующий вид (табл. 7):

Таблица 7

Показатели веса признака орнамента керамики
Томского Приобья

Памятник	Т и п			Всего
	I	II	III	
ТГ-IV	0,08	0,92	0	1,00
ПТ-I	0,02	0,83	0,15	1,00
БГ-IV	0	0,44	0,56	1,00
КЛ-II	0	0,80	0,20	1,00
КЛ-VII	0	1,00	0	1,00
ТКМ-I	0,15	0,82	0,03	1,00
ТКМ-II	0	1,00	0	1,00
Арх. з.	0	1,00	0	1,00

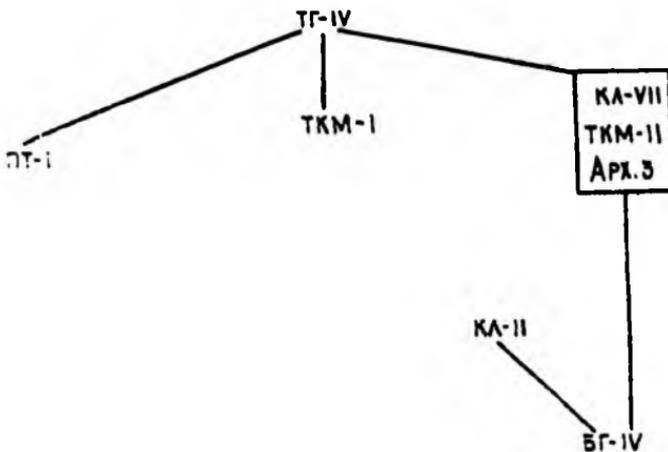
Затем вычисляется мера близости между каждой парой памятников (табл. 8).

Таблица 8

Значения мер близости для памятников Томского Приобья по керамике

ТГ-IV								
ПТ-I	0,89							
БГ-IV	0,40	0,71						
КЛ-II	0,74	0,18	0,93					
КЛ-VII	0,92	0,83	0,83	0,80				
ТКМ-I	0,96	0,88	0,50	0,76	0,82			
ТКМ-II	0,92	0,83	0,44	0,80	1,00	0,82		
Арх. з.	0,92	0,83	0,44	0,80	1,00	0,82	1,00	
ТГ-IV	ПТ-I	БГ-IV	КЛ-II	КЛ-VII	ТКМ-I	ТКМ-II	Арх. з.	

Рассмотренные памятники в итоге образуют следующий граф (схема 4):

Схема 4
Граф по орнаментации керамики памятников Томского Приобья

Полученная форма графа показывает сосуществование различных памятников, наиболее ранним из них является Тимирязевское городище IV.

Попытаемся датировать типы орнамента керамики (I, II, III).

I тип (рис. 104). Керамика с фигурно-штамповой орнаментацией присутствует на Тимирязевском городище IV, Тимирязевском поселении I, Тимирязевском курганном могильнике I (табл. 6). Для первых двух памятников отсутствуют даты по металлическим вещам. В Тимирязевском курганном могильнике I керамика с фигурно-штамповой орнаментацией встречена с предметами VI—VIII вв., отсутствует она в курганах предшествующего периода—V—VI вв., но вряд ли это объясняется хронологической причиной; в памятнике IV—V вв. [Тимирязевское городище III]; [Плетнева Л. М., 1978, с. 53] она встречена в значительном количестве (50,2% от общего числа керамики) [МАЭС, кол. 9004]. Отсутствие подобной керамики в курганах V—VI вв., скорее всего, зависит от небольшой выборки сосудов—из 9 курганов. На поселении Кисловка II, дата которого по радиоуглеродному анализу определена в пределах второй половины V—первой половины VII вв. н. э. (жилище 5—510 ± 50 лет н. э., жилище 6—590 ± 40 лет н. э.), керамика с фигурно-штамповой орнаментацией отсутствует. Нет ее и с вещами VI—VIII вв. в могильниках у Архиерейской заимки и Тимирязевском II. Таким образом, находки керамики с фигурно-штамповой орнаментацией по материалам V—VIII вв. Томского Приобья единичны. По-видимому, I тип орнамента керамики в данном регионе в V—VIII вв. прекращает свое существование. В более поздних памятниках: в Могильницком могильнике (вторая половина VIII—IX вв.) [Плетнева Л. М., 1973, с. 101], погребениях Басандайского курганного могильника (IX—XVI вв.) [Басандайка, 1974], Еловском курганном могильнике (X—XIV вв.) [Матющенко В. И., Старцева Л. М., 1970] фигурно-штамповая керамика не встречена. Л. А. Чиндина, рассматривая подобную керамику по материалам Нарымского Приобья, считает возможным продлить срок ее существования до конца VII—IX вв. [Чиндина Л. А., 1977, с. 113—114]. В Новосибирском Приобье, судя по имеющимся публикациям, названная керамика была распространена в более раннее время: I—III вв. [Троицкая Т. Н., 1979, табл. XLVI, 122—124].

II тип орнамента керамики (рис. 105) (гребенчатый, ямочный и др.) для памятников Томского Приобья является основным (83,3%), присутствует на всех его памятниках. Преобладание керамики II типа (свыше 60%) является хронологическим признаком V—VIII вв. для памятников Верхнего и Среднего Приобья [Грязнов М. П., 1956; Троиц-

кая Т. Н., 1978; Чиндина Л. А., 1977]. Существование этого типа выходит за пределы V—VIII вв. Подобная керамика в достаточном количестве встречена на более ранних памятниках: поселении Шеломок III—37,5% [МАЭС, кол. 7212], Тимирязевском городище III—48,4% [МАЭС, кол. 9004] и др. Присутствует такая керамика и в более поздних памятниках (вплоть до XVI—XVII вв.).

Из рассмотренных в данной работе 8 памятников III тип орнамента керамики с валиковой орнаментацией (рис. 106) зафиксирован на четырех поселениях: Тимирязевском I, Кисловке II, Басандайском городище IV, Тимирязевском курганном могильнике I. Вопрос о хронологии, распространении и происхождении данной керамики в Среднем Приобье в археологической литературе остается открытым. В связи с этим обратимся к материалу других памятников, которые в данной работе подробно не рассматривались.

Валиковая керамика встречена на Тимирязевском городище III. Керамика представлена следующими типами орнамента (в соответствии с номерами типов, выделенных по памятникам V—VIII вв.): I тип — 50,2%, в том числе 8,6 керамики орнаментировано «уточкой»; II тип — 48,4 проц; III тип — 1,4 %, то есть керамика на Тимирязевском городище III представлена теми же типами орнамента, что и на памятниках V—VIII вв., но в разном процентном соотношении и с новым вариантом — орнаментация штампом «уточка». По-видимому, Тимирязевское городище III существовало несколько раньше, чем памятники V—VIII вв. Этому не противоречат и данные радиоуглеродного анализа по Тимирязевскому городищу III: 370 ± 70 лет н. э. (начало IV—первая половина V в. н. э.). Кроме перечисленных выше в небольшом количестве керамика с валиковой орнаментацией встречена также на следующих памятниках Томского Приобья: городищах Шеломок I (7 фрагментов) [МАЭС, кол. 5983, 6740], Тоянов городок (2 фрагмента) [МАЭС, кол. 6708, 6717], Лагерный сад (1 фрагмент) [МАЭС, кол. 4173], Басандайка (3 венчика) [Басандайка, 1947, с. 145—146], поселениях Иринский Борик I (1 фрагмент) [МАЭС, кол. 6871], Оськино (1 фрагмент) [Чиндина Л. А. 1977, с. 115], Басандайском курганном могильнике (2 венчика из курганной насыпи) [Басандайка, 1947, с. 145—146]. Памятники, из которых происходят указанные находки, точно не датированы, так как в большинстве своем это сборы. Наиболее поздняя находка керамики с валиковой орнаментацией происходит из погребения 22 могильника у Архиерейской заимки, которое датируется IX—X вв. н. э. (погребение в данной работе не рассматривалось).

Таким образом, всего из Томского Приобья известно 86 единиц керамики с валиковой орнаментацией из 12 пунктов.

Л. А. Чиндина, рассматривая валиковую керамику из Том-

ского и Нарымского Приобья, дает ее относительную датировку, предполагая более позднее ее появление по сравнению с двумя другими типами (I и II) керамики из могильника Рёлка [Чиндина Л. А., 1977, с. 115], то есть в конце VI—VIII вв. По новым материалам из Томского Приобья прослеживается, что валиковая керамика встречается в археологических памятниках значительного хронологического диапазона — с IV—V вв. (материалы Тимирязевского городища III) и до IX—X вв. (сосуд из погребения 22 Архирейской заимки). Основная часть ее приходится на середину периода (поселение Кисловка II, Тимирязевский курганный могильник I, Басандайское городище IV). В начале и конце его находки керамики с валиковой орнаментацией исчисляются единицами. Таким образом, по материалам Томского Приобья наблюдается, что в V—VIII вв. сосуществуют три типа орнамента керамики: I тип завершает свое существование, II — является основным, III — присутствует в небольшом количестве. По отношению к первому и последнему трудно проследить, как видоизменялись они на протяжении V—VIII вв. Попытаемся это сделать относительно II типа по материалам Тимирязевского курганного могильника I. Несмотря на большую близость между керамикой разных хронологических периодов (V—VI и VI—VIII вв.), выявляется ряд различий.

Сосуды VI—VIII вв. по форме мало отличаются от сосудов предыдущего периода. Реже встречены сосуды со среднепрофилированной шейкой. В орнаментации реже, чем на керамике V—VI вв., присутствуют отпечатки печатной гребенки. Из новых мотивов появляются следующие: горизонтальные полосы, выполненные элементом горизонтальная гребенка, и вертикальные полосы из этого же элемента. Однако эти особенности являются характерными лишь для данного могильника. В остальных памятниках они не отличаются.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что по выявленным в процессе исследования общим чертам в керамике поселений, городищ и могильников памятники Томского Приобья относятся к V—VIII вв. Они одновременны таким памятникам, как части могильников Красный Яр I, Умма 2, 3, Юрт-Акбалык 8, в Новосибирском Приобье [Троицкая Т. Н., 1979а, с. 75], могильнику Рёлка, части поселения Малгет и ряду других памятников в Нарымском Приобье [Чиндина Л. А., 1977] и составляют с ними один хронологический ряд.

ГЛАВА III

ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРЫ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ V—VIII вв.

Хозяйство

Хозяйственно-культурный тип населения Томского Приобья V—VIII вв. может быть охарактеризован как комплексный, включающий скотоводство, земледелие в небольших размерах, охоту и рыболовство с преобладанием скотоводства. Природные условия обеспечивали возможность ведения комплексного хозяйства. На современной карте Западной Сибири Томское Приобье входит в подзону максимальной биологической продуктивности климата [Сергеев Г. М., 1972, с. 47, карта]. Биологическая продуктивность климата составляет здесь 97—100 баллов (урожайность, тепло, влага, их взаимозависимость). К югу и к северу от этой подзоны биологическая продуктивность климата снижается [Сергеев Г. М., 1972, с. 47, карта]. По мнению специалистов, климат в Томском Приобье за последние 1—1,5 тыс. существенно не изменялся. В этом случае современные климатические условия можно, с определенной долей вероятности, экстраполировать на V—VIII вв. Комплексное хозяйство томского населения V—VIII вв. было, видимо, неплохо сбалансировано и обеспечивало населению необходимый прожиточный минимум. Развитие скотоводства для Томского Приобья характерно с эпохи бронзы [Матющенко В. И., 1974]. Дальнейшее его развитие происходит в эпоху раннего железа [Плетнева Л. М., 1977, 1979, с. 74—75]. Для V—VIII вв. наличие его подтверждается находками на памятниках костей лошади, крупного рогатого скота, широким использованием костей коня в погребальном ритуале, косвенно об этом говорят и находки фигурок лошадей.

При раскопках Тимирязевских курганных могильников I, II были найдены земледельческие орудия: три сошника к плугу с однолезвийным полозом (курганы 8, 35 ТКМ-I и курган 95 ТКМ-II). Кроме того, в кургане 49 ТКМ-I обнаружена миниатюра сошника. Сошник являлся главным земледельческим орудием не только в V—VIII вв., но и значительно позже [Плетнева Л. М., 1979]. Кроме костей домашних

животных на исследуемых памятниках найдены кости соболя, бобра. Наличие этих видов в списке промысловых животных свидетельствует о пушном промысле. Возможно, именно пушнина являлась предметом обмена с южными соседями. Из орудий охоты найдены костяные и железные наконечники стрел. Почитание медведя, орла, сохранившееся в погребальном обряде, тоже свидетельствует о связи населения с охотой. Данных о рыболовстве для V—VIII вв. мало, о нем можно говорить только благодаря находкам грузил.

В V—VIII вв. железо прочно вошло в сферу производства томского населения. Достаточно сказать, что все основные орудия труда и оружие были изготовлены из железа: сошники, топоры-тесла, мечи, наконечники стрел, кузнечный инструмент, бытовые предметы (ножи, молотки, шилья и т. д.), удила, пряжки. Часть предметов, наиболее сохранившихся, из Тимирязевского курганного могильника I была подвергнута металлографическому анализу [Зиняков Н. М., 1982]. Н. М. Зиняковым, проводившим анализ, было установлено, что кузнецы для изготовления топоров-тесел, ножей использовали низкоуглеродистую сталь или чистое железо. Из приемов обработки, повышающих качество изделий, томские кузнецы использовали кузнечную сварку и цементацию. Кроме кузнечного ремесла у населения Томского Приобья V—VIII вв. по находкам фиксируется наличие таких ремесел, как гончарное, ткацкое, обработка шкур, выделка кожи, обработка дерева (постройка жилищ, выдалбливание лодок, выделка деревянной и берестяной посуды, различных бытовых предметов). Эти виды хозяйственной деятельности носили характер домашнего производства.

Жилища

На памятниках Томского Приобья в исследуемый период жилища зафиксированы на Тимирязевском городище IV, на поселениях Кисловка I, II, VII. Топография поселков определялась рельефом местности. На некоторых памятниках можно проследить определенный порядок в планиграфии жилищ. Так, на поселениях Кисловка I, II, видимые на поверхности западины расположены рядами (рис. 86, 87), а на поселении Кисловка VII они вытянуты цепочкой вдоль невысокой гряды.

Ориентированы жилища по сторонам света либо углами, либо стенками. В описании жилищ используется этнографическая классификация и терминология [ИЭАС, 1961]. Жилища народов Сибири подразделяются на временные и постоянные. Временные жилища на археологическом материале прослеживаются очень редко и с большей или меньшей долей вероятности.

По конструкции постоянные жилища делятся на каркасные и срубные [ИЭАС, 1961, с. 135]. Каркасные жилища могли быть наземными, полуподземными и подземными. Как показали исследования, население Томского Приобья в VI—VIII вв. пользовалось наземными и полуподземными жилищами. Хозяйственные постройки были, вероятнее всего, наземными. В строительной технике характерно употребление колотых плах, жердей, горбылей, бревен. Основным инструментом был топор, употребление гвоздей не зафиксировано. Плахи, облицовывающие котлован жилища, укреплялись деревянными кольями. Каркасные полуподземные жилища на материалах Томского Приобья VI—VIII вв. характеризуются следующими чертами: котлован жилища вырывался на глубину от 0,2 до 0,65 м, имел прямоугольную или квадратную форму, в некоторых случаях углы округлены. Размер сторон котлована от 3 до 8 м. Площадь жилища от 15 до 64 м². Крыша могла быть плоской у жилища в форме усеченной пирамиды (жилища 5 Тимирязевского городища IV и предположительно у жилища 3 поселения Кисловка II) и четырехскатной (предположительно у жилища 4 поселения Кисловка II). Опорных столбов не обнаружено, за исключением ямы, возможно, от столба диаметром 0,25 м, глубиной 0,25 м, (к низу яма сужается), выявленной в котловане жилища 19 поселения Кисловка II. Очаги были открытого типа размером от 0,6×0,8 м (поселение Кисловка II, жилище 17) до 1×1,4 м (поселение Кисловка II, жилище 3). Очаги не имели каких-либо укреплений (рамы), за исключением очага в жилище 6 на поселении Кисловка II, где были зафиксированы две ямки диаметром 6—8 см, глубиной 0,2 м с восточной стороны очага. Можно предположить, что эти ямки от колышков, поддерживающих раму очага. Мощность очагов от 0,1 до 0,22 м, заполнены они песком темно-красного цвета, мелкими углями и прокаленным песком оранжевого цвета. Располагались очаги либо в центре жилища (поселение Кисловка II, жилища 2, 3, 17), либо в западной половине его (поселение Кисловка II, жилища 6, 18). Пол в некоторых жилищах прослеживается в виде плотно утоптанной темной прослойки земли толщиной до 3—4 см. На полу котлованов жилищ обнаружена керамика: целые сосуды, скопления от одного или нескольких сосудов, отдельные фрагменты. Только в жилище 6 на поселении Кисловка II был найден железный миниатюрный нож. Следует отметить такую деталь, как нахождение керамики около очагов (поселение Кисловка II, жилища 6, 18). Находки на площади котлована располагались в разных его частях: в северо-западной (поселение Кисловка II, жилища 5, 15, 17) в южной (поселение Кисловка II, жилища 10, 16), или в юго-западной (поселение Кисловка II, жилища 3, 4). Интересно, что в северо-восточной части жилищ находок почти не

встречается. Вход в жилище выявлен только в двух случаях: в жилище 2 на поселении Кисловка II он прослежен в восточной половине юго-западной стенки в виде коридора длиной 1,6 м, шириной 0,7 — 0,8 м. В жилище 5 на поселении Кисловка II он расположен также в юго-западной стене, почти посередине ее (немного смещен к западу). Коридор имеет длину 2,15 м, ширину 0,6 — 0,7 м.

Наземную конструкцию жилища удается частично реконструировать по расположению обуглившихся остатков бревен, жердей, плах, иногда угольных пятен от них. Наиболее сохранившимся является жилище 5 Тимирязевского городища IV.

Жилище было каркасным полуподземным, квадратное в плане, площадью 64 м². Котлован жилища был вырыт на глубину 0,6 — 0,65 м. Он был укреплен плахами, положенными на ребро. Наземная часть сооружения представляется в виде усеченной пирамиды: сохранились стоявшие наклонно жерди и плахи толщиной 5 — 6 см, шириной до 20 см, длина их до 2,2 м. Одним концом они упирались в землю, другим, опирались на раму. Жерди и плахи стен уложены неплотно друг к другу, расстояние между ними от 0,1 до 0,2 м. Это каркас, который затем покрывался, возможно, берестой, соломой и дерном. Крыша крылась так же, как и стены. Возможно, в ней оставляли окно для освещения, выхода дыма. Вход в жилище прослежен не был. Обратимся к этнографическим данным. Интересное описание шатровой полуземлянки приведено в монографии В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной «Васюганско-ваховские ханты» (описание составлено авторами по литературным источникам; см. примечание 13 на с. 65 названной монографии). Представляется уместным привести полное описание: «Шатровые полуземлянки служили в качестве постоянных зимних жилищ. Это были сооружения размером от 2,5 × 2,5 до 7,5 × 7,5 м, с глубиной жилищной ямы от 20 — 30 до 80 — 90 см. Основу жилища составляли наклонные опорные столбы, установленные как в углах ямы, так и на поверхности земли, на некотором расстоянии от углов ямы. Количество опорных столбов могло быть до двенадцати, они устанавливались и в середине стен. Вверху столбы соединялись рамой, на нее укладывались жерди в продольном и поперечном направлениях. Опорные столбы на середине их высоты соединялись перекладинами, решетчатый остов создавался из наклонно поставленных жердей и имел вид усеченной пирамиды. Его покрывали прутьями, дранками, соломой и землей. У правой стены помещался чумал. Иногда в шатровых полуземлянках устраивали нары. Для этого оставляли невынутым слой земли на месте нар, их высота была равна глубине ямы полуземлянки. Окном служило квадратное отверстие (30 × 40 см) в середине крыши. Обычно его закрывали

льдиной или затягивали брюшиной. Дверь устраивали в наклонной стене и открывалась она не вбок, а вверх. Пол был земляным. Иногда полуземлянки имели крытые сени или сени-навесы с плоской крышей на вертикальных столбах» [Кулемзин В. М., Лукин Н. В., 1977, с. 73—74].

В приведенном описании обращают на себя внимание многие сходные элементы в конструкции жилищ Томского Приобья VI—VIII вв. и жилищ восточных хантов.

Все раннеизвестные этнографические сведения о жилищах обских угров были обобщены в работах З. П. Соколовой, специально исследовавшей этот вопрос [Соколова З. П., 1957, 1959, 1963, 1963а]. Названный автор в результате изучения данных литературы и полевых материалов, как этнографических, так и археологических, пришел к выводу: «Тип углубленного в землю дома шатровой конструкции является, очевидно, древнесибирским типом» [Соколова З. П., 1963, с. 230, 1963 а, с. 348]. Жилища населения Томского Приобья VI—VIII вв., как мы уже отмечали, имеют достаточное количество сходных деталей в конструкции (глубина, форма жилищ, сходство в деревянной конструкции), чтобы определить их как каркасные шатровые полуземлянки. Такие жилища были характерны для этого района с эпохи раннего железа: в V—III вв. до н. э. они прослежены на поселении Шеломок II [Плетнева Л. М., 1977], III—IV вв. н. э. на поселении Шеломок III и Тимирязевском городище III. В более позднее время подобные жилища реконструируются по материалам раскопок городищ Шеломок, Кижирова, Тимирязевского поселения IV (раскопки Л. М. Плетневой, 1972—1979 гг.) [Архив МАЭС, кол. 509, 555—558, 657, 732, 733].

Таким образом, в Томском Приобье, по археологическим данным, фиксируется шатровая полуземлянка начиная с V в. до н. э. по XVI—XVII вв. н. э.

Погребальный обряд

В V—VIII вв. основным способом погребения умерших является труположение (в 35 погребениях ТКМ-I и в 13 погребениях ТКМ-II). Так же, как и в предшествующий период, выделяются наземные и грунтовые погребения. Наземных погребений меньше, чем грунтовых (по данным ТКМ-I в 3 раза), чаще всего наземными были трупосожжения. Погребения в могилах характерны для труположений. Могилы зафиксированы в нескольких кенотафах. Глубина могил от 0,2 до 0,45 м. Их форма четко не прослеживается, что говорит об отсутствии каких-либо сооружений в могиле. Возможно, погребенного клали на берестяную подстилку и покрывали берестой, что фиксируется по отдельным кусочкам бересты под

бронзовыми предметами и над ними. В двух случаях (курганы 86, 98 ТКМ-II) под погребенными прослежен пепел, возможно, производилось обжигание места захоронения. Целых костяков не сохранилось, за исключением погребений в кургане 66 ТКМ-I. Это объясняется тремя причинами: очень плохой сохранностью костей в связи с большим доступом воздуха в сыпучем песке, малой глубиной захоронений от современной дневной поверхности и наличием повторных захоронений, когда погребали уже останки разложившегося трупа. Там, где удавалось проследить, умершие положены были на спину, в вытянутом положении. Ориентация умерших определена в немногих случаях. Надо отметить, что в Тимирязевском курганном могильнике I преобладает северо-восточная ориентация (6 случаев), исключение составляют 3 захоронения в кургане 66, ориентированных головой на В, и один умерший из этого же кургана, ориентированный на ЮВ. В Тимирязевском курганном могильнике II преобладает южное направление ориентации: 2 — Ю, 3 — ЮВ, 2 — ЮЮВ, 2 — ЮЗ, 1 — ЮЮЗ.

В каждом кургане, как правило, захоронен один умерший, за исключением курганов 13, 20 ТКМ-I, где зафиксированы парные погребения, и курганов 4, 91, 104 ТКМ-II, в которых обнаружено по два отдельных захоронения; кургана 2 ТКМ-II, 66 ТКМ-I, в первом было трое умерших, погребенных одновременно, а во втором — четверо умерших.

При труположении нередко захоронения одних черепов (в курганах 26, 49 ТКМ-I; 91, погребении 2; 104, погребении 1; 107 ТКМ-II).

Возраст умерших определен только по данным Тимирязевских курганных могильников I, II (раскопки Л. М. Плетневой): погребенных старше 50 лет нет, большинство захороненных были в возрасте 35—40 лет. Детских захоронений два: в кургане 13 ТКМ-I ребенок 4—7 лет захоронен вместе с женщиной 30—35 лет, в кургане 2 ТКМ-II ребенок 2—3 лет захоронен с двумя женщинами 30—35 лет.

В VI—VIII вв. в Томском Приобье зафиксировано появление трупосожжения. В Тимирязевском курганном могильнике I трупосожжение на стороне выявлено в курганах 10, 12, 15, 23, 24, 27, 36, 65. В Тимирязевском курганном могильнике II этот обряд засвидетельствован в кургане 85, а в кургане 86 произведено обожжение трупа на месте захоронения. В могильнике у Архиерейской заимки в публикации 1899 г. [ЗРАО, 1899] отмечено трупосожжение в погребениях 4, 5, 23, 29. Каких-либо сооружений над умершим обнаружено не было, за исключением кургана 10 ТКМ-I, где сохранились сгоревшие остатки жердей, вытянутые с юго-запада на северо-восток. Вероятно, был сооружен помост, затем подожжен.

Значительную часть Тимирязевского курганного могильника I составляют курганы-кенотафы. Их устройство описано в

I главе. Отличительным признаком могилы в кургане-кено-тафе является меньший размер ее по сравнению с могилами с труположением.

Снабжение умерших инвентарем можно проследить по всем рассматриваемым нами могильникам. Только в могильнике у Архиерейской заимки разделить инвентарь, происходящий из насыпи кургана и из погребения, не представляется возможным из-за отсутствия дневников. Поэтому анализ будет проведен по Тимирязевским курганным могильникам.

Предметы, положенные в насыпь кургана, следует рассматривать, по нашему мнению, как снабжение умершего. Оно может быть не одноразовым, то есть положенным не только во время похорон, но и позже, во время поминок. Из общего числа инвентаря для умершего могут быть исключены те предметы, которыми пользовались участники похорон, но которые уносить с кладбища не полагалось. Например, найденные в полах кургана или на поверхности их фрагменты сосудов больших размеров (курганы 34, 52, 54 ТКМ-1).

Инвентарь представлен орудиями труда (ножи, топоры-тесла, сошники, стамески, клещи, льячка), оружием и частью оборонительного доспеха (железные и костяные наконечники стрел, панцирные пластины), предметами упряжи (удила, остатки узды), деталями одежды и украшениями (часть наборного кожаного пояса с пряжками, различные пряжки, нашивки, гривны, перстни, кольца), предметами культа (бронзовые антропоморфные изображения, изображение медведя, фигурка лошади).

Рассмотрим инвентарь, положенный непосредственно с захороненным. Почти все умершие, независимо от вида погребения, снабжены инвентарем. Не обнаружен он только с погребенными в кургане 14, 35 (1), 42 ТКМ-1.

Выделяются несколько курганов, где вместе с погребенными положено больше предметов, чем в других. В Тимирязевском курганном могильнике I это курганы: 24 (трупосожжение взрослого), 35 (повторное захоронение женщины 25 лет). В Тимирязевском курганном могильнике II по количеству инвентаря выделяются курганы 47, погребение 2; 91, погребения 1, 2; 104, погребение 2.

Расположение предметов в погребении определить удастся в редких случаях, так как имеется всего лишь несколько костяков, лежащих в анатомическом порядке. Плохая сохранность костяков, повторные захоронения, трупосожжения не позволяют детально исследовать этот вопрос. Проанализировав то, что удалось зафиксировать при раскопках.

Железные черешковые ножи лежали на уровне пояса, между колен. На черешках ножей обычных размеров есть следы дерева или кости, то есть рукояти были деревянными

или костяными. Есть и остатки ножен. Они были деревянными с железными обкладками (курган 1 ТКМ-I).

В курганах 24 и 57 из ТКМ-I умершим положены точила, но нет ножей.

Железные тесла найдены в шести погребениях (курганы 4, 23, 35 (2), 69 ТКМ-I, 47, 58, ТКМ-II). Местонахождение фиксируется в двух случаях: справа от черепа (курган 35 (2)), в ногах (курган 4).

Панцирные пластины — остатки защитного доспеха воина — в погребении найдены в кургане 48, 62, ТКМ-I.

Костяные и железные наконечники стрел встречены в 9 погребениях: 9, 23, 30, 45 из ТКМ-I; 2 (1), 4 (1), 46, 47, 98 из ТКМ-II в количестве от 1 до 6. Местонахождение их различное: справа или слева от черепа, под плечевой костью правой руки, у левого колена, у ступней ног. Возможно, в курганах 23 и 46 из ТКМ-I стрелы были положены в колчане.

Деталь конской упряжи — удила — найдена в ногах у погребенного (курган 66).

Предметы культа, зооморфные и антропоморфные изображения вместе с погребенными встречены в трех случаях (курганы 15 из ТКМ-I и курганы 2 и 4 из ТКМ-II).

Сосуды, скопления или отдельные фрагменты керамики. Расположение керамики относительно костяка, как и других предметов, не бывает постоянным. Сосуды ставились либо около черепа, то с той, то с другой стороны, либо у пояса, чаще — у ног.

Каждому умершему ставили по одному сосуду и лишь в курганах 12, 35, 59 ТКМ-I — по два. Почти все сосуды из погребений хорошей выделки, на внешней и внутренней сторонах имеются следы нагара. Эти сосуды были в употреблении до похорон. Кроме того, есть несколько сосудов, отличающихся более грубой выделкой (рыхлое тесто) и отсутствием каких-либо следов употребления, то есть сделанных специально для погребального обряда.

Насыпь кургана дает дополнительные сведения о различных действиях после предания умершего земле.

Так, в насыпи, на различной глубине, встречаются костры с предметами, костями животных или только костры, отдельные предметы, керамика.

Костры на насыпях располагались на глубине 0,2—0,6 м. Преимущественное расположение костров в полах кургана или ближе к ним. Чаще всего костры расположены в западной части кургана, с отклонениями на С (чаще) и Ю.

В кострах обнаружены кости животных, фрагменты керамики, целые сосуды, тесла (курган 64), железная проколка (курган 39). Костры отсутствуют в насыпях над остатками трупосожжения.

Кости животных. Определение произведено по находкам из Тимирязевского курганного могильника I.

В насыпи курганов на разных уровнях, в кострах, расположенных также в насыпях, встречены кости животных. Определены кости животных в 48 случаях из 22 курганов¹⁴. В 46 из них — кости лошади, по одному — кости бобра и крупного рогатого скота (данные приводятся по всему могильнику). В скоплениях костей находилось до 70 экз. и более, есть небольшие скопления (2 — 20 экз.).

В заключении В. П. Данильченко, производившей определения костей, отмечается: «Как правило, в костях лошади были представлены либо челюсти, зубы, либо фаланги ног (более 90% всех костей лошади)»¹⁵.

Интересно отметить тот факт, что кости животных с погребением человека найдены всего лишь в 4 случаях (курганы 4, 7, 51, 52). В кургане 51 кости лошади были и в насыпи кургана.

В насыпи курганов кости животных располагались часто в полах курганов на незначительной глубине и на разных глубинах в кострах и вне их.

При раскопках курганов 16 — 18 сплошным раскопом между курганами обнаружено скопление 8 челюстей и 1 черепа лошади. Скопление находилось в яме размером 0,8×0,75 м на глубине 0,55 — 0,6 м.

Принято считать, что животные приносились в жертву умершему. Это явление распространено очень широко, но форма его различна. Так, в Среднем Приобье в эпоху бронзы известна подобная форма снабжения умершего лошастью [Матюшенко В. И., 1974, с. 125].

В могильниках, близких по времени к описываемым, на территории Среднего Приобья подобный обряд не зафиксирован. В могильнике Релка клали шкуру с конечностями, череп отдельно от шкуры [Чиндина Л. А., 1977, с. 99].

Термин «принесение в жертву» по своему содержанию больше подходит к обряду принесения жертвы духам, небу, то есть тесно связан с дарением или с задабриванием, так как предполагает взаимную связь: после хорошей жертвы будет хорошо (удача на охоте, в ловле рыбы, в семейных делах и т. д.). Поэтому вернее было бы, наверное, говорить о снабжении умершего лошастью, как говорим о снабжении инвентарем. Но необходимо учитывать время и место. Термин «снабжение лошастью» как ездовым животным, нам представляется, можно употреблять применительно к территории Среднего Приобья с эпохи развитой бронзы до середины II тыс. н. э.

¹⁴ Из нескольких курганов кости животных были плохой сохранности, вследствие чего не определены.

¹⁵ Архив Музея АЭС, кол. 511.

Позднее, когда, например, селькупы и ханты, утратив скотоводство как одну из составляющих их комплексного хозяйства, стали привозить лошадей с южных территорий специально для похоронного обряда, употреблять этот термин вряд ли обоснованно. В этом случае основа остается та же (снабжение ездовым животным), но, видимо, большой акцент делался на культовую сторону обряда.

Огонь в похоронном обряде использовался в различных видах. Так, в Тимирязевском курганном могильнике II наблюдается применение огня в качестве обжигания места умершего. В насыпях курганов ТКМ-I, II прослежены костры, разводившиеся для умерших. В трех могильниках выявлены трупосожжения.

Одной из архаических черт погребального обряда томских могильников является нахождение каменных предметов и плоских галек как в насыпи курганов, так и в погребениях. Подобный обычай известен в погребениях верхнеобской культуры [Грязнов М. П., 1956, с. 100]. Каменный скребок найден также и в Троицком могильнике [Деревянко Е. И., 1977, с. 150].

Вера в жизнь после смерти является одним из основных догматов любой религии или системы религиозных представлений, и там, где есть представление о возрождении, обе формы жизни неразрывно связаны между собой. Поэтому могильники являются, с одной стороны, источником для восстановления религиозных воззрений, с другой стороны, это источник по восстановлению реальной жизни, поскольку жизнь в потустороннем мире является ее отражением.

При рассмотрении черт погребального обряда, прослеживаемых как в насыпи, так и в самом захоронении, нами отмечалась многократность действий, что было связано с соблюдением установленного ритуала. В ритуале отражались определенные религиозные верования и обычаи. Попытаемся найти объяснение некоторым чертам погребальной церемонии путем анализа их, засвидетельствованных археологически, известных по письменным источникам и данным сибирской этнографии.

Истоки обряда повторных погребений в настоящее время не прослежены. Можно лишь отметить по археологическим и этнографическим свидетельствам, что он зафиксирован у ряда сибирских народов: у мохэ [Деревянко Е. И., 1977, с. 144], чжурчженей [Медведев В. Е., 1977, с. 115 — 118], ненцев [Хомич А. В., 1966, с. 218], селькупов [Пелих Г. И., 1972, с. 72; Прокофьева Е. Д., 1976, с. 115]. Встречен этот обряд в средневековых памятниках Среднего Приобья: в могильниках То-янов Городок [Плетнева Л. М., 1976, с. 66], Пачанга [Дульзон А. П., 1955]. В одновременных Тимирязевскому курганному могильнику I памятниках Среднего Приобья несколько

повторных захоронений есть в могильнике Релка [Чиндина Л. А., 1977, с. 87].

По данным этнографии известно, что страну мертвых сибирские народы помещают в различных местах, часто у одного народа есть несколько вариантов: под землей, на севере, на западе, куда уходит солнце, чтобы светить мертвым [Алексеенко Е. А., 1967, с. 197, 202 — 203; Соколова З. П., 1972, с. 59].

На основании расположения большинства костров, приношений умершему и посылаемых умершему животных в виде черепов и костей лошади, преимущественно в западной или северной частях курганной насыпи, можно заключить, что по представлениям населения, оставившего могильника, страна мертвых располагалась на севере или западе.

Первое время после смерти живые должны помочь умершему (другая сторона этой помощи — забота о живых, так как при невнимании к умершему его душа могла прийти и увести с собой кого-либо из живущих) [Кулемзин В. М., 1976, с. 43]. С этим связаны поминки. Так у тувинцев окончательные проводы были на 49-й день, у кумандинцев — на 9, у сагайцев — через год [Дьяконова В. П., 1975, с. 59—60, 65—68]. У хантов поминают несколько раз в году в течение 2—3 лет [Кулемзин В. М., 1976, с. 43]. Следы проводов фиксируются в археологическом материале. В Тимирязевском курганном могильнике I в нескольких случаях найдены предметы в сосудах, сосуды и отдельные предметы на небольшой глубине (10—15 см) в насыпи курганов. По нашему мнению, это может свидетельствовать о поминках, связанных с заботой об умершем. С этой же целью разводят костры (чтобы обогреть душу умершего и чтобы огонь был у него). О том, что эти костры разводились для умершего, говорит их расположение, уже отмеченное нами. С заботой о дальнейшей жизни, то есть в потустороннем мире, связан, видимо, такой обычай, как заворачивание в бересту. Так, например, ханты начинали заботиться об умершем с последним его вздохом, чтобы успеть проводить в нижний мир, пока умерший не изменился внешне, так как, по их представлениям, нарушение телесной оболочки ведет к уничтожению человека. С этой целью заворачивали в бересту [Кулемзин В. М., 1976, с. 40, 42]. Наличие бересты прослежено и в исследуемых могильниках. Часто береста использовалась при воздушных захоронениях [Пелих Г. И., 1972, с. 72; Алексеенко Е. А., 1967, с. 206, 208].

Одной из культурных особенностей курганов V—VI вв. в Томском Приобье является нахождение антропоморфных изображений. В четырех случаях (антропоморфное изображение из кургана 15 не учитывается, так как оно было выброшено грабителями, хотя по аналогии с находками в других курганах можно предположить, что оно находилось в верхнем

слое насыпи кургана) они найдены в верхнем слое насыпи кургана, и в одном случае — на глубине 0,55 м (курган-кено-таф). Во всех случаях фигурки положены не в момент захоронения сразу после смерти, а по прошествии какого-то промежутка времени. Одному из авторов уже приходилось говорить об антропоморфных изображениях на керамике и из бронзы, найденных на поселениях и происходящих из Степановской коллекции [Плетнева Л. М., 1970, с. 165—179; 1975, с. 54—58; 1976 б, с. 232]. Теперь антропоморфные фигурки происходят из могильника и, следовательно, они имели совершенно конкретное назначение.

Следует обратить внимание на антропоморфное изображение из кургана 59 (рис. 54, 3): на переносице и на краях изображения сделаны ризки для того, чтобы держалась нитка. В данном случае мы имеем конкретный пример прикладывания изображения к какой-то основе, возможно, к деревянной или тряпочной кукле. Есть сведения, что после смерти селькупы, ханты, манси, кеты, ненцы, нивхи изготавливали кукол как вместилище одной из душ умершего [Пелих Г. И., 1972, с. 86; Чернецов В. Н., 1959, с. 148—152]. Но назначение и употребление их было неодинаковым. Так, например, у кетов куклу делали для умерших «не своей смертью» или людей, отличившихся при жизни «мудренностью», причастностью к сверхъестественному [Алексеев Е. А., 1967, с. 181—182]. Считалось, что куклы помогают в промысле, их хранили. У селькупов, по сведениям Г. И. Пелих, о фигурках умерших заботились, кормили, возили с собой. У некоторых групп селькупов изображение души умершего помещали в лодку или вырезали сразу вместе с изготовлением лодки [Пелих Г. И., 1972, с. 86]. Ни у кетов, ни у селькупов не приводится данных о том, что было с этими фигурками в дальнейшем. В работах З. П. Соколовой (1971, с. 213; 1976, с. 90—92, 94) есть указание на то, что после прошествия какого-то времени фигурки умерших либо захоранивали, либо уносили из дома в определенное место.

Захоронения антропоморфных изображений, известные по данным этнографии, подтверждаются археологическими находками на территории Среднего Приобья на примере Тимирязевского курганного могильника I и могильника Рёлка [Чиндина Л. А., 1971, с. 233—236].

В могильниках Тимирязевском курганном I и у Архиерейской заимки найдено несколько изображений птиц с личиной на груди. Эти изображения, по-видимому, следует связывать с представлениями сибирских народов об одной из душ человека в образе птицы [Чернецов В. Н., 1959, с. 134].

У Карьялайнена есть интересное замечание о душе-тени: «Общеугорским является представление о существовании двух душ: души-дыхания и души-тени. Последняя, отделенная

от своего живого владельца, летает вокруг него как крылатое существо, но может принять призрак какой-нибудь фигуры» [Kagjalainen K. F., 1921—1922, т. 1, с. 38]. Возможно, что отражением этого представления и являются фигурки птиц с личиной на груди.

По определению фигурок из ТКМ-I С. С. Москвитиним этими птицами были тетеревиный и орел. Этнографических данных о том, что орел изображал одну из душ человека, авторам встречать не приходилось. Если верно определение С. С. Москвитина, то изображение орла с личиной человека, вероятнее всего, имело другое смысловое значение, чем то, на которое указывалось выше. Общеизвестно, что у многих народов, в частности, сибирских, был распространен культ орла [Анисимов А. Ф., 1958; Ионов В. М., 1913; Штернберг Л. Я., 1936]. В каком качестве выступает изображение орла в похоронном обряде, определить затруднительно, но факт очень интересный.

У населения Томского Приобья во второй половине I тыс. н. э. зафиксировано особое отношение к медведю. Свидетельством этого являются находки бронзовых пластин с головой и лапами медведя, изображенного в ритуальной позе, и бронзовые фигурки медведя плоского и полого литья (погребение 3 Архиерейской заимки, курганы 9, 35 и 62 ТКМ-I, курган 91 ТКМ-II).

Особое отношение к медведю прослежено на территории Томского Приобья еще в эпоху неолита (фигурка медведя из Самусьского могильника [Матюшенко В. И., 1973, рис. 17, 1] и в эпоху бронзы (находка головы медведя и медвежьих черепов на поселении Самусь IV) [Матюшенко В. И., 1973 а, рис. 23, 7, с. 95].

Наилучшее описание медвежьего праздника у хантов и манси и раскрытие сущности этого ритуала дано В. Н. Чернецовым, который сам не однажды наблюдал его, подробно, записал и зарисовал персонажи, выступающие на этом празднике [Tschernjertzow W. N., 1974]. «Голова и передние лапы остаются со шкурой и укладываются на колыбель ача, сделанную из согнутой березы. В этой колыбели шкуру несут в поселок» [Tschernjertzow W. N., 1974, с. 287]. Шкуру и голову на лапах клали «против входа» [Соколова З. П. 1972, с. 57]. «...шкура свернута таким образом, что его голова покоится между передними лапами» [Соколова З. П., 1976, с. 61]. Описание положения медведя на празднике совпадает с изображением его на бронзовых пластинах из Архиерейской заимки и могильника Релка [Чиндина Л. А., 1977, рис. 23, 9].

Этот древний обычай на протяжении своей истории имел, по-видимому, разное значение. Еще Богораз отмечал: «Праздник возрождения зверей превратился в праздник важнейших возрождающихся зверей — медведя, кита, бобра» [по Tschern-

njetzow W. N., с. 306]. Эту же мысль проводит и В. Н. Чернецов: «В древности такие обычаи в равной мере относились ко всем важнейшим видам добываемых животных и рыб, позднее они сконцентрировались на одном-единственном животном, чем-то выделяющемся среди местных зверей» (с. 306). Наличие в медвежьих празднике хантов и манси танца лося, песен белки, лисы, танца журавля и являются отражением существовавших промыслово-охотничьих культов отдельных зверей и птиц. Кроме того, надо учитывать и тотемный характер этого культа, сложившегося, по мнению В. Н. Чернецова, позже, чем промысловые культы [Tschjernetzow W. N., 1974, с. 307 — 308].

В наши дни медвежий праздник у хантов и манси наблюдали З. П. Соколова (1976, с. 60—70), В. М. Кулемзин (1972, с. 93 — 98).

Культурная и этническая принадлежность памятников

Для определения культурной принадлежности памятников Томского Приобья V — VIII вв. необходимо выяснить отношение авторов к понятию «археологическая культура». Это понятие является составной частью понятия «культура», рассматриваемого как специфически характерного для людей способа деятельности [Маркарян Э. С., 1973, с. 41]. В свою очередь, археологическая культура отражает не весь комплекс существовавшей культуры, а лишь отдельные фрагменты ее. Термин «археологическая культура» является одним из основных понятий. Дискуссия об определении этого понятия продолжается многие годы и в последнее время стала еще оживленнее, чем прежде [Брюсов А. Я., 1952; Смирнов А. П., 1963, 1964; Фосс М. Е., 1949; Захарук Ю. Н., 1969, 1970; Каменецкий И. С., 1970; Клейн А. С., 1970; Генинг В. Ф., 1975; Массон В. М., 1976; Арутюнов С. А., Хазанов А. М., 1979, 1979 а и др.]. О незавершенности выработки понятийного аппарата археологии свидетельствует тот факт, что в настоящее время существует более пятнадцати определений понятия «археологическая культура» [Городцов А. В., 1924, с. 18 — 19; Брюсов А. Я., 1952, с. 20; Смирнов А. П., 1963, с. 6, 1964; Захарук Ю. Н., 1969, 1970; Клейн Л. С., 1970; Каменецкий И. С., 1970; Генинг В. Ф., 1975, с. 8; Массон В. М., 1976, с. 3 и др.

В своей работе мы придерживаемся определения И. С. Каменецкого. При определении археологической культуры должны учитываться как материальные, так и нематериальные признаки. Только совокупность всех признаков, образующих сложную взаимосвязанную систему, может характеризовать археологическую культуру [Каменецкий И. С., 1970, с. 29]. По-

сколькx категории представленного в исследуемых памятниках Томского Приобья оружия и орудий труда являются общераспространенными для степной и лесостепной полосы Западной Сибири и Алтая V — VIII вв. н. э. и никаких функционально обусловленных деталей этих категорий, которые были бы характерны только для Томского Приобья, не прослежено, основное внимание при поисках отличительных черт культуры данного района будет обращено на некоторые черты погребального обряда и керамики.

Исследователи, работающие на материалах со смежных территорий, обращались к материалам и Томского Приобья, определяя культурную принадлежность памятников последнего. Так, М. П. Грязнов при сравнении верхнеобских материалов с материалами из могильника у Архиерейской заимки и из Томского могильника отмечал большое сходство в культуре населения этих двух районов. Однако имеющиеся отличия в составе погребального инвентаря и керамики не позволили ему включить томские памятники в одну группу с памятниками фоминского этапа на Верхней Оби [Грязнов М. П., 1956, с. 134]. Заметим, что наряду с одновременными материалами М. П. Грязнов сравнивал и разновременные, о чем речь уже шла во втором разделе II главы. Л. А. Чиндина, анализируя памятники Нарымского Приобья, отметила сходство их с памятниками Томского Приобья. На основании этого Томское и Нарымское Приобье были объединены в рамках одной культуры — релкинской с двумя вариантами: томским и нарымским [Чиндина Л. А., 1977, с. 116].

В последнее время Т. Н. Троицкой выделена одинцовская культура, которая складывается на базе слияния пришлых северных лесных племен кулайской культуры с местным населением. Территорией ее распространения является Барнаульское, Новосибирское и Томское Приобье [Троицкая Т. Н., 1979 а, с. 75].

Выделенный М. П. Грязновым фоминский этап VII — VIII вв. Т. Н. Троицкой отождествляется со вторым этапом распространения кулайской культуры на юг, когда она охватывает кроме Новосибирского и Верхнее Приобье [Троицкая Т. Н., 1979, с. 63].

Нам представляется, что не все материалы, отнесенные М. П. Грязновым к фоминскому этапу, следует включать в кулайскую культуру. Часть из них следует отнести к более позднему времени, на что указывал и А. К. Амброз (1971, с. 120).

На протяжении ряда лет ведется дискуссия о правомерности и последовательности выделенных М. П. Грязновым этапов верхнеобской культуры и их датировке [Кызласов Л. Р. 1960, с. 171; Могильников В. А., 1964, с. 14; Амброз А. К., 1971, с. 120 — 121; Чиндина Л. А., 1970, с. 195,

1977, с. 70—72; Троицкая Т. Н., 1979, с. 43—44]. Мы придерживаемся следующего мнения: большереченскую культуру на Верхней Оби сменяет кулайская — II—IV вв. (бывший фоминский этап верхнеобской культуры, по Грязнову), на базе слияния местного населения с кулайским складывается одинцовская культура [Троицкая Т. Н., 1979 а]; заметим, что название можно было бы оставить прежнее — верхнеобская культура, по Грязнову, которая наиболее ярко выражена материалами V—VI вв. Но, видимо, доживает до сrostннинской культуры: в VII—VIII вв. она испытывает, вероятно, небольшие включения тюркского населения.

Сравним погребальный обряд могильника Релка и двух могильников Томского Приобья — Тимирязевское I, II. Данные по погребальному обряду могильника у Архирейской заимки далеко не полные, поэтому он не взят для сравнения.

Информация для сравнения обрядов представлена в табл. 9. Могильники Томского Приобья сравниваются с могильником Релка по 20 признакам. Учитывалось 11 признаков погребального обряда, зафиксированных в насыпи, и 8 — в погребении, а также количество погребений в курганах. Каждый признак погребального обряда делится на взаимноисключающие варианты. Количество вариантов для каждого признака может быть различным. В одних случаях их два (фиксируют наличие или отсутствие признака в том или ином регионе), например, все признаки погребального обряда, зафиксированные в насыпи. В других случаях их несколько (учитываются все разновидности признака), например, такие признаки, как тип погребения, ориентация и т. д. В табл. 9 отсутствуют те признаки, достоверное определение которых по разным причинам затруднено: вторичность погребений, положение костяка для могильников Притомья, поминальный характер кургана или погребения, следы ограбления.

Сравнение происходило следующим образом: сначала вычислялась мера веса каждого варианта признака (для признаков насыпи — от числа насыпей, для признаков погребения — от числа погребений). Далее, по формуле $AB \left(\frac{\sum}{i=1} \sqrt{pq} \right)^2$

[Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А., 1975, с. 75] вычисляется показатель сходства между памятниками по отдельным признакам. В итоге вычислялся среднearифметический показатель сходства. Он равен 0,80.

Рассмотрим керамику. Сначала сравним керамику по форме погребальных памятников как однородных: могильника Релка и могильников Томского Приобья. Сравнение проведено по трем показателям В. Ф. Генинга: ФА, ФГ, ФЖ [Генинг В. Ф., 1973]. Результаты сравнения форм керамики представлены в табл. 10. Данные по могильнику Релка взяты из монографии Л. А. Чиндиной (1977, табл. 4, с. 56). Мера близости,

Признаки погребального обряда могильника Рёлка и могильников Томского Приобья *

Могильники	Признаки погребального обряда в насыпи кургана																								
	Количество погребений в кургане			Отдельные предметы		Находки керамики		Скопление вещей		Кострища или угольные пятна с вешами		Кострища или угольные пятна без вещей		Кости лошади (без черепов)		Череп лошади		Кости собаки		Кости крупн. рогатого скота		Кости бобра		Кости рыб	
	одно	два	более двух	есть	нет	есть	нет	есть	нет	есть	нет	есть	нет	есть	нет	есть	нет	есть	нет	есть	нет	есть	нет	есть	нет
Рёлка	5	2	6	13	0	13	0	5	8	7	6	8	5	10	3	5	8	2	11	0	13	0	13	1	12
Могильники	0,39	0,15	0,46	1,00	0,00	1,00	0,00	0,38	0,62	0,54	0,46	0,61	0,49	0,77	0,23	0,38	0,62	0,15	0,85	0,00	1,00	0,00	1,00	0,08	0,92
Томского	83	4	0	26	61	61	26	12	57	5	82	16	71	18	69	1	86	0	87	1	86	1	86	0	87
Приобья	0,95	0,05	0,00	0,30	0,70	0,70	0,30	0,14	0,86	0,06	0,94	0,18	0,82	0,21	0,79	0,01	0,99	0,00	1,00	0,01	0,99	0,01	0,99	0,00	1,00
Показатель сходства		0,48		0,30		0,70		0,92		0,70		0,93		0,69		0,71		0,85		0,99		0,99		0,92	

* Верхняя цифра обозначает количество курганов или погребений с определенным признаком, нижняя — меру веса, выраженную в десятичных дробях.

Продолжение табл. 9.

Признаки погребального обряда в погребении

Форма погребения			Тип погребения				Количество костяков в погребении				Берестяная подстилка		Обожжение могилы		Керамика		Кости лошади		Ориентация										
в насыпи	на дневной поверхности	в могиле	труполо- жение (полное)	погребение черепов	трупосож- жение (полное)	трупосож- жение (частичное)	одиночное	парное	групповое	не выяснено	есть	нет	есть	нет	есть	нет	есть	нет	есть	нет	Ю	З	ЮВВ	В	ЮЮЗ	ЮВ	ЮЗ	СЗ	не опре- делена
10	22	36	52	10	5	1	32	5	1	15	8	60	4	64	39	29	17	51	3	0	0	4	0	13	1	2	30		
0,15	0,32	0,53	0,77	0,15	0,07	0,01	0,61	0,09	0,02	0,28	0,12	0,88	0,07	0,93	0,57	0,43	0,25	0,75	0,03	0,00	0,00	0,07	0	0,25	0,02	0,04	0,57		
3	26	18	34	5	7	1	28	5	2	0		47	0	47	28	19	2	45	2	2	2	3	1	3	2	6	14		
0,06	0,56	0,38	0,72	0,11	0,15	0,02	0,8	0,14	0,06	0,00	0,00	1,00	0,00	1,00	0,59	0,41	0,04	0,96	0,06	0,06	0,06	0,08	0,03	0,08	0,06	0,17	0,40		
	0,93		0,98				0,71			0,88		0,93		0,99		0,79		0,75				0,75							

Сравнение форм керамики могильника Рёлка и могильников
Томского Приобья

Форма сосудов	Могильник Релка			Могильники Томского Приобья	
	Вариант	Коли- чество	Мера веса	Коли- чество	Мера веса
Горшки	1	74	0,28	2	0,02
	2	36	0,13	6	0,06
	3	24	0,09		
	4	15	0,06	4	0,04
	5	15	0,06		
	6	34	0,13		
	7	30	0,11		
	другие			49	0,51
Банки	8	8	0,03		
Чаша	9	13	0,05	35	0,37
	10	9	0,03		
Ладья	11	9	0,03		
Всего...		267	1,00	95	1,00

вычисленная по формуле, равна 0,12, что позволяет говорить о большом несхождении форм керамики из могильников Томского и Нарымского Приобья. Далее проведем сравнение по орнаментации (табл. 11). Данные по орнаменту керамики могильника Релка получены при визуальном анализе коллекции [Фонды МАЭС, кол. 6942]. Кроме сосудов и частей тулова учитывались также и все венчики с полными орнаментальными композициями, поэтому сравнение в нашем случае ведется с несколько большим количеством керамики (299 экз.) могильника Релка, чем опубликовано Л. А. Чиндиной (270 экз.) [Чиндина Л. А. 1977]. Сравнение проводится на уровне вариантов орнамента, как наиболее сопоставимых признаков. По типам такое сравнение провести затруднительно, так как типы могильника Релка выделены по сочетаниям формы и орнамента, а для керамики Томского Приобья дана типология по орнаменту. Мера близости, вычисленная по упомянутой выше формуле, между Релкой и могильниками Томского Приобья равна 0,52, между Релкой и поселениями и городищами, вместе взятыми, Томского Приобья — 0,49. Разница мер близости небольшая, но она еще раз подчеркивает необходимость сравнения памятников одного характера (могильников — с могильниками). Общий показатель схождения между Релкой и памятниками Томского Приобья по орнаменту — 0,55. Таким образом, проведенное сравнение орнаментов позволяет говорить о значительном, но далеко не полном (или близком к этому) схождении керамики Томского и Нарымского Приобья. Безусловно, указанный показатель схождения не является окончательным: нельзя забывать, что оуб-

ликованные материалы по керамике Нарымского Приобья на сегодняшний день представлены лишь одним могильником Релка.

Среднеарифметическое двух мер близости керамики по форме и орнаментации Томского и Нарымского Приобья равно 0,32.

По Новосибирскому Приобью современные публикации не дают количественного соотношения типов керамики. Сравнение проведено визуальное. Раннее средневековье представлено комплексами IV—V вв. и VI—VIII вв. могильника Красный Яр I. Наибольшее сходство прослеживается со II типом керамики Томского Приобья, I тип в Новосибирском Приобье в комплексах IV—V вв. представлен вариантом с «уточкой», валиковая керамика отсутствует.

При визуальном сравнении керамики Томского и Новосибирского Приобья мы пришли к заключению о большой их близости. Различие состоит в отсутствии в Новосибирском Приобье керамики с фигурно-штамповой и валиковой орнаментацией (использованы только публикации). При сравнении керамики Томского Приобья и верхнеобской культуры (одинцовский и переходный этапы), [Грязнов М. П., 1956] отмечается большое сходство как в формах, так и в орнаментации сосудов. Единство в керамике прослеживается и по более ранним материалам: между фоминскими памятниками и комплексами III—V вв. Томского Приобья (поселение Шеломок III, городище Тимирязевское III). В обоих случаях присутствует фигурно-штамповая керамика с «уточкой» и керамика с гребенчатой орнаментацией.

Культурные связи Томского Приобья нашли отражение в существовании III типа керамики. Валиковая керамика, как отмечала Л. А. Чиндина, в Среднем Приобье местных истоков не имеет [Чиндина Л. А., 1977, с. 130]. Ее нет в памятниках Томского и Нарымского Приобья раннего железного века [Плетнева Л. М., 1977; Чиндина Л. А., 1973]. Впервые она зафиксирована в Томском Приобье на Тимирязевском городище III (IV—V вв. н. э.). Наибольшее распространение она получает в этом районе во второй половине V—первой половине VII вв. В Нарымском Приобье валиковая керамика отмечена в могильнике Релка (VI—VIII вв.) и в сборах с поселений Кондрашкино I, IV [разведка Я. А. Яковлева, 1980 г. по р. Тым; Фонды МАЭС, кол. 7427, 7437]. Большое распространение и длительное существование валиковая керамика имела в Восточной Сибири. Она встречена в памятниках Верхнего Вилюя начиная с эпохи неолита и включая середину I тыс. н. э. [Федосеева С. А., 1968, с. 88—90, 143—148], в Прибайкалье VI—X вв. [Асеев И. В., 1980, с. 94, 12, 13, 20], в Забайкалье, также с эпохи неолита и включая эпоху железа [Кириллов И. И., 1979, рис. 7], эпохи хунну [Коновалов И. И., 1979, рис. 7].

Таблица 11

Соотношение вариантов орнамента керамики могильника Рёлка и памятников Томского Приобья

Вариант орнамента	Могильник Рёлка					Памятники Томского Приобья					Могильники Томского Приобья					Поселения и городища Томского Приобья				
	Тип.	№ варианта	экз.	%	мера веса	Тип.	№ варианта	экз.	%	мера веса	Тип.	№ варианта	экз.	%	мера веса	Тип.	№ варианта	экз.	%	мера веса
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21

Фигурно-гребенчатый (пильчатый) с ямками, желобками с фигурными штампами.

II 5,6 49 16,4 0,17

Фигурные штампы сочетаются между собой, с желобками, ямками

II 7 6 2,0 0,02 I 1,2 18 4,1 0,04 I 1,2 12 11,3 0,11 I 1,2 6 1,8 0,02
3 1,0 0,01

Ямочно-гребенчатый

I 23 7,8 0,08 II 24 59 13,3 0,13 II 24 20 18,8 0,19 II 24 39 11,6 0,12

Ямки

I 4 1,3 0,01 II 25 44 9,9 0,10 II 25 5 4,8 0,05 II 25 39 11,6 0,12

Ямки, оттиски палочкой

I 12 4,0 0,04 II 26 18 4,1 0,04 II 26 9 8,5 0,08 II 26 9 2,7 0,03

Ямки, оттиски гребенкой, палочкой

I 4 1,3 0,01 II 27 11 2,5 0,02 II 27 11 10,4 0,10

Оттиски гребенкой

I 5 1,7 0,02 II 28 12 2,7 0,02 II 28 7 6,6 0,06 II 28 5 1,5 0,01

Оттиски палочкой

I 5 1,7 0,02 II 29 7 1,6 0,02 II 29 5 4,8 0,05 II 29 2 0,6 0,01

Жемчужник, оттиски палочкой (стек.).

I 3 1,0 0,01 II 30 4 0,9 0,01 II 30 2 1,9 0,02 II 30 2 0,6 0,01

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Жемчужник, оттиски гребенкой	1		19	6,5	0,06	II	31	6	1,4	0,01						II	31	6	1,8	0,02
Жемчужник, оттиски гребенкой, палочкой						II	32	7	1,6	0,02						II	32	7	2,0	0,02
Оттиски гребенкой, палочкой						II	33	4	0,9	0,01	II	33	3	2,8	0,03	II	33	1	0,3	0,003
Жемчужник	1	6	2,0	0,02		II	34	2	0,4	0,004	II	34	1	0,9	0,01	II	34	1	0,3	0,003
Насечки						II	35	1	0,2	0,002						II	35	1	0,3	0,003
Дырки						II	36	1	0,2	0,002						II	36	1	0,3	0,003
Зигзаг из оттисков гребенки, ямки, жемчужник, оттиски гребенкой	1		4	1,3	0,01	II	11	33	7,5	0,07	II	11	3	2,8	0,03	II	11	30	8,9	0,09
Зигзаг из оттисков гребенки, горизонтальная полоса из оттисков гребенки	1		16	5,5	0,05	II	12	7	1,6	0,02	II	12	3	2,8	0,03	II	12	4	1,2	0,01
Зигзаг резной, желобки, дополнительные элементы						II	13	8	1,8	0,02						II	13	8	2,4	0,02
Зигзаг из оттисков гребенки, ямки, группа оттисков вертикальной гребенки, оттиски гребенки	1		4	1,3	0,01	II	14	1	0,2	0,002	II	14	1	0,9	0,01					
Желобки с дополнительными элементами	1		14	4,6	0,05	II	15	17	3,8	0,04	II	15	1	0,9	0,01	II	15	16	4,8	0,05
Полукруг из оттисков гребенки или палочки, ямки, оттиски гребенкой	1		1	0,3	0,003	II	16	2	0,4	0,004	II	16	2	1,9	0,02					

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Сетка из оттисков гребенки, горизонтальные полосы из оттисков гребенки	I		3	1,0	0,01	II	17	5	1,1	0,01						II	17	5	1,5	0,01
Арка, горизонтальные полосы из оттисков гребенки, оттиски гребенки	I		7	2,3	0,02	II	18	1	0,2	0,002	II	18	1	0,9	0,01					
Арка из оттисков гребенки, ямки, оттиски гребенкой	I		2	0,7	0,01	II	18	3	0,9	0,01						II	18	3	0,9	0,01
Арка резная, жемчужник						II	19	4	0,9	0,01						II	19	4	1,2	0,01
Шейка орнаментирована						II	20	10	2,3	0,02						II	20	10	3,0	0,03
Шейка не орнаментирована	I		48	16	0,16	II	21	25	5,7	0,06	II	21	4	3,7	0,04	90'0	2'9	12	12	11
Желобки, горизонтальные полосы из оттисков палочки, ямки, резные треугольники						II	22	1	0,2	0,002										
Желобки, группа из резных фигур	I		1	0,3	0,003	II	23	1	0,2	0,002	II	23	1	0,9	0,01					
Горизонтальные полосы из оттисков гребенки или палочки, ямки, оттиски гребенкой, палочкой, жемчужник	I		39	13	0,13	II	3,4	22	4,9	0,05	II	3,4	11	10,3	0,10	II	3,4	11	3,3	0,03

Продолжение табл. II

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Горизонтальные полосы из оттисков горизонтальной и прямой гребенки, оттиски гребенкой мотивом «елочка»						II	5	3	0,7	0,01	II	5	1	0,9	0,01	II	5	2	0,6	0,01
Горизонтальные полосы из оттисков гребенки или палочки, группа элементов, ямки, жемчужник	I		4	1,3	0,01	II	6	1	0,2	0,002	II	6	2	1,9	0,02					
Насечки шахматного расположения	I		4	1,3	0,01															
Валики по венчику, плечу, тулову сосуда	III		10	3,3	0,03	III	7	55	12,4	0,12	III	7	2	1,9	0,02	III	7	53	15,8	0,16
			2	0,76	0,01															
Валик по венчику, ямки, оттиски гребенкой	III		2	0,76	0,01	II	8	34	7,7	0,08						II	8	34	10,1	0,10
Валик по венчику в сочетании с зигзагом из оттисков гребенки, ямки, горизонтальная полоса из оттисков горизонтальной или прямой гребенки	III		2	0,76	0,01	II	9	12	2,7	0,03						II	9	12	3,6	0,04
Подобен предыдущему, но вместо зигзага — сетка						II	10	4	0,9	0,01						II	10	4	1,2	0,01
Всего...			299				443						107					336		

лов П. Б., 1976, с. 195], в чжурчженской культуре на Нижнем Амуре [Медведев В. Е., 1979, рис. 3, 5]. Есть валиковая керамика в памятниках таштыкской культуры [Кызласов Л. Р., 1960, с. 57; Грязнов М. П., 1980], но эта керамика, по нашему мнению, имеет меньше сходства с томской керамикой, чем керамика из Восточной Сибири. Следует констатировать, опираясь на керамический материал нескольких памятников Томского Приобья, проникновение в этот район, а затем и в Нарымское Приобье каких-то групп населения из Восточной Сибири.

Рассматривая погребальный обряд и керамику Томского Приобья в сравнении с памятниками Верхнего (по Грязнову), Новосибирского и Нарымского Приобья, мы показали сходство и различия в культуре населения этих районов.

Основываясь на сходстве хозяйственно-культурного типа для названных районов и вследствие этого выработанных сходных черт в материальной и духовной культуре, памятники Верхней и Средней Оби следует включить в одну культурную общность, о чем свидетельствует проведенное сравнение погребального обряда и керамики (табл. 9—11).

Имеющиеся различия в пределах одной культурной общности, а именно: преобладание скотоводства у населения Верхнего Приобья и рыболовства и охоты у населения Среднего Приобья [Чиндина Л. А., 1977, с. 118], сложившиеся различия в материальной культуре (что отражает, в первую очередь, керамика) дают основание отнести эти два района к различным культурам: одиновской (по Троицкой) и релкинской (по Чиндиной). Различия этих двух районов складывались исторически. Томское Приобье, находясь в пограничной зоне между лесостепью и южной кромкой тайги, больше было связано с южными районами. Так, в эпоху развитой бронзы — с южным вариантом еловской культуры [Матющенко В. И., 1974; Косарев М. Ф., 1974], в финальную бронзу — с ирменской культурой [Членова Н. Л., 1955, 1970; Посредников В. А., 1968; Косарев М. Ф., 1974], в эпоху раннего железа сложившаяся здесь томская культура V—III вв. до н. э. находилась под воздействием тагарской культуры и, вероятно, включила в свой состав небольшую группу больше-реченского населения. В III в. до н. э. в Томское Приобье проникают кулайцы, которые на некоторое время оттеснили местное население, но затем вступили с ним во взаимодействие. Мы уже отмечали, что Томское Приобье расположено в зоне максимальной биологической продуктивности климата. Это важное обстоятельство делало Томское Приобье привлекательным как для жителей тайги, так и населения лесостепи. Именно поэтому Томское Приобье было контактной зоной более северного и более южного населения. Все неблагоприятные климатические изменения, видимо, меньше сказывались на

экономике Томского Приобья. Так, при увлажнении климата в Томское Приобье устремлялось северное население, например, в период молчановской культуры [Косарев М. Ф., 1974, с. 36—38], на васюганском этапе кулайской культуры [Чиндина Л. А., 1979, с. 50]. При смене климата более засушливой фазой наблюдается отток населения на север, усиление контактов с южными соседями, например, эпохи развитой бронзы [Косарев М. Ф., 1974, с. 32—34], V—III вв. до н. э. [Плетнева Л. М., 1977].

Безусловно, наряду с природным фактором важную роль играл и социально-экономический. Так, вторая волна движения кулайцев, как отмечала Л. А. Чиндина, была связана с социальным фактором — перенаселением; на юге усиление контактов с таштыкцами и отдельные проникновения их на север и северо-запад было следствием гунского передвижения и т. д. Мы разделяем мнение Л. А. Чиндиной о том, что культурная общность населения Средней Оби (добавим и Верхней Оби) базировалась на кулайском компоненте [Чиндина Л. А., 1977, с. 116]. Но уже в кулайское время, особенно к концу его, четко проявились различия между памятниками Средней и Верхней Оби (включая Томское Приобье). Еще больше эти различия стали проявляться во второй половине I тыс. н. э., что привело к сложению одиновской и релкинской культур.

Этническая интерпретация археологических памятников лежит на стыке двух наук: археологии и этнографии [Арутюнов С. А., Хазанов А. М., 1979 а, с. 80]. При определении этнической принадлежности по археологическим материалам отсутствуют два важных признака: этническое самосознание и язык, хотя первое находит выражение в отличительных признаках материальной и духовной культуры. Но культура в археологических памятниках представлена лишь во фрагментах. Все это делает невозможным определить археологические материалы этнически с полной достоверностью. При соотнесении археологических культур Западной Сибири с каким-то определенным этносом трудности усиливаются еще и тем, что материальная культура хантов, манси, селькупов по многим показателям очень близка, особенно интересующих нас хантов и селькупов, что отмечено рядом исследователей, в том числе Н. В. Лукиной и З. П. Соколовой [Лукина Н. В., 1972; Соколова З. П., 1980, с. 90]. Исследователи называют несколько причин этого явления: единый, в основном, хозяйственно-культурный тип, древняя общая основа культуры, близкое территориальное соседство [Соколова З. П., 1980, с. 90, 98]. Благодаря природным условиям и основанному на этом хозяйственно-культурному типу стал возможным процесс переконпоновки, перехода отдельных групп и целых родов из одного этноса в другой [Арутюнов С. А., Хазанов А. М.,

1979 а, с. 83]. Примеры таких переходов хорошо показаны В. И. Васильевым при исследовании ненцев [Васильев В. И. 1979]. Отмеченные явления способствовали еще большей нивелировке культуры западносибирского населения.

Однако в археологической литературе есть примеры соотнесения археологических культур эпохи железа на территории Приобья с этносом.

М. П. Грязнов, говоря в целом о верхнеобской культуре, отмечал, что она привнесена извне [Грязнов М. П., 1956, с. 99]. Далее, рассматривая памятники фоминского этапа, он указывал: «Они связаны не со степными племенами Южной Сибири, а с широко расселившейся в то время в лесной и лесостепной полосе Сибири и северного Приуралья группой культурно родственных им племен, по всей вероятности, угорских» [Грязнов М. П., 1956, с. 140].

В. Н. Чернецов, основываясь на различиях в археологическом материале Нижней и Средней Оби, население Средней Оби считал древнеселькупским [Чернецов В. Н., 1957, с. 238].

В. А. Могильников определял памятники Томско-Нарымского Приобья как принадлежащие самодийцам [Могильников В. А., 1964 а, с. 13]. Несколько позднее он подтвердил свое мнение, отнеся их к самоодам [Могильников В. А., 1969, с. 138; 1976, с. 82; 1980, с. 242].

По мнению некоторых исследователей, одним из наиболее показательных этнокультурных признаков для археологических культур Западной Сибири является керамика [Косарев М. Ф., 1974, с. 12—13; Чиндина Л. А., 1973; 1977, с. 137]. На основе ретроспективного анализа керамики Л. А. Чиндина связывает население, оставившее могильник Релка, с будущей селькупской общностью [Чиндина Л. А., 1977, с. 139—140]. В другой работе она определяет релкинскую культуру как принадлежащую самодийскому населению [Чиндина Л. А., 1979, с. 88].

При определении культурной принадлежности памятников Томского Приобья мы пришли к заключению, что памятники Верхней и Средней Оби представляют собой одну культурную общность. Обратимся теперь к населению, проживающему на этой территории: хантам и селькупам. В настоящее время, исходя из хозяйственно-культурного типа, большой близости их культур, по нашему мнению, у них должен быть как общий фонд орнаментов, так и орнаменты, характерные только для хантов или только для селькупов. В этнографической литературе пока такой сравнительной работы еще не появилось. При сопоставлении археологического и этнографического материалов мы не знаем, какие именно орнаменты сопоставляем: характерные ли только для хантов или для селькупов или для тех и других вместе. Как пример, можно привести сле-

дующее. Под руководством Л. М. Плетневой в 1980 г. была выполнена дипломная работа С. В. Виноградовой «Орнаменты Томского Приобья V в. до н. э. — XVII в. н. э., обработанные математическими алгоритмами И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака, Я. А. Шера». В итоге выявились группы орнаментов, которые просуществовали на всем протяжении эпохи железа и отражали традиции в культуре населения. Это свидетельствует о сохранении древнего компонента населения, которое участвовало в формировании современного аборигенного населения на рассматриваемой территории, но какого конкретно, установить не удастся. Так, в заключение работы над орнаментами было проведено сравнение, правда, визуальное и по ограниченному кругу источников [ИЭАС, 1961; Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1977; Прокофьева Е. Д., 1950], орнаментов хантов и селькупов с орнаментами керамики Томского Приобья. В результате было зафиксировано, что орнаменты Томского Приобья встречаются как у хантов, так и у селькупов. Далее, если обратимся к сравнительному анализу погребального обряда, жилищ, то сможем наблюдать то же самое: отсутствие сравнительного анализа в этнографии этих народов и сходство археологических материалов с культурой названных этносов.

Исходя из общности историко-культурных традиций таких народов, как ханты, селькупы, кеты, археологические культуры V—VIII вв. Среднего Приобья и, в частности, Томского Приобья вряд ли могут быть с достоверностью отнесены к какому-то определенному этносу. На современном этапе исследования, скорее всего, мы можем говорить лишь о традиционности культурных черт, сохраняемых по нашим материалам с середины I тыс. н. э. и зафиксированных у названных выше народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материал рассмотренных городищ, поселений и могильников в целом характеризует культуру населения Томского Приобья V—VIII вв. Хозяйственно-культурный тип представлен комплексным хозяйством: скотоводством, земледелием, охотой и рыболовством. Новым в хозяйстве было освоение земледелия. Впервые в это время найдены земледельческие орудия.

Состав населения не был однородным. В предшествующее время на местное население наложился кулайский компонент. К концу кулайской культуры произошло слияние местного населения с кулайским. Все отмеченные явления происходили в рамках одной историко-культурной общности (угро-самодийской). По наличию керамики с валиковой орнаментацией прослеживается вливание небольшой группы населения, по своему происхождению связанного с территорией Восточной Сибири. В VII—VIII вв. усиливаются связи томского населения с тюркским миром. Сначала наблюдается проникновение вещей, не исключено и проникновение отдельных малочисленных групп тюрков. Это же на материалах Новосибирского Приобья отмечает Т. Н. Троицкая (1979 а). Массовое появление тюрков в Томском Приобье по археологическим материалам прослеживается с X—XII вв. С XII в. можно ставить вопрос о тюркизации Томского Приобья.

Анализ материалов Верхнего и Среднего Приобья позволил сделать вывод о близости материальной и духовной культуры населения этих районов и объединить эти районы в рамках одной культурной общности.

Различия в культуре названных районов дают основание говорить о двух культурах: релкинской в Нарымском Приобье и одинцовской в Верхнем Приобье. Безусловно, эти культуры были близкородственны и входили в одну этническую общность. Дальнейшие работы исследователей по выделению этнизирующих признаков как на археологическом, так и на этнографическом материалах позволят углубить наши знания о древнейшей истории аборигенного населения Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Е. А. 1967. Кеты. Л.
- Амброс А. К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.—СА, № 2.
- Амброс А. К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.—СА, № 3.
- Амброс А. К. 1980. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV—VII вв. — В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М.
- Анисимов А. Ф. 1958. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.—Л.
- Анучин В. И. 1914. Очерки шаманства енисейских остяков.—СМАЭ, 2, вып. 2. Спб.
- Арсланова Ф. Х. 1968. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
- Арутюнов С. А., Хазанов А. М. 1979. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблема соотношения.— В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.
- Арутюнов С. А., Хазанов А. М. 1979 а. Проблема археологических критериев этнической специфики.—СЭ, № 6.
- Асеев И. В. 1980. Прибайкалье в средние века. Новосибирск.
- Ахмеров Р. Б. 1955. Могильник близ г. Стерлитамака.—СА, 22. М.
- Басандайка. 1947. Труды ТГУ (т. 98) и ТПИ. Томск.
- Боброва А. И., Гребнева Г. И., Кирюшин Ю. Ф. 1978. Новые материалы к археологической карте Притомья — В кн.: Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск.
- Брюсов А. Я. 1952. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.
- Василевич Г. М. 1969. Эвенки. М.
- Васильев В. И. 1979. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М.
- Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. 1966. Памятники в могильнике Кокзель конца I тыс. до н. э.—первых вв. н. э.—ТТКАЭЭ, т. 2, М.—Л.
- Воробьев М. В. 1963. К вопросу определения старинных китайских монет «кайюань тунбао». —Эпиграфика Востока, вып. 4. М.
- Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. 1970. Апуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии.—СА, № 1.
- Гаврилова А. А. 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л.
- Генинг В. Ф. 1964. Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры.—ВАУ, вып. 6. Свердловск.
- Генинг В. Ф. 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I.—ВАУ, вып. 10. Ижевск.

Генинг В. Ф. 1971. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 2. Ижевск.

Генинг В. Ф. 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок.—СА, № 1.

Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. 1973. Курганные могильники хариинского типа в Верхнем Прикамье.—ВАУ, вып. 12. Свердловск.

Генинг В. Ф. 1975. Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии.—ВАУ, вып. 13. Свердловск.

Городцов А. В. 1924. Археологическая классификация.—В кн.: Никольский В. К. Очерк первобытной культуры. М.—Пг., 1924.

Горюнова Е. И. 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья.—МИА, № 94, М.—Л.

Грач А. Д. 1960. Археологические раскопки в Монгун-Тайге.—ТТКАЭЭ, т. 1, М.—Л.

Грач А. Д. 1966. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге.—ТТКАЭЭ, т. 2, М.—Л.

Грязнов М. П. 1956. История древних племен Верхней Оби.—МИА, № 48, М.—Л.

Грязнов М. П. 1976. Дневник раскопок Тоянова городка, произведенных в 1924 г.—В кн.: Из истории Сибири, вып. 19. Томск.

Грязнов М. П. 1980. Таштыкская культура.—В кн.: Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Л.

Деоник В. Б. 1961. Классификация буе Юго-Восточной Европы V—IX вв.—СА, № 3.

Деревялко Е. И. 1977. Троицкий могильник. Новосибирск.

Дульзон А. П. 1953. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар.—УЗ ТГПИ, т. 10, Томск.

Дульзон А. П. 1955. Остяцкие могильники XVI—XVII вв. у с. Мочаново на Оби.—УЗ ТГПИ, т. 13. Томск.

Дьяконов В. П. 1975. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.

Евтюхова Л. А. 1952. Каменные изделия Южной Сибири и Монголии.—МИА, № 24, М.—Л.

Елькинд М. В. 1977. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье.—Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск.

Записки Русского археологического общества. 1899, т. 11, вып. 1—2 Нов. сер. Спб.

Захарук Ю. Н. 1969. О методологии археологической науки и ее проблемах.—СА, № 3.

Захарук Ю. Н. 1970. Ленинское теоретическое наследие и некоторые вопросы развития археологической науки.—СА, № 2.

Зиняков Н. М. 1982. Кузнечные изделия Тимирязевского курганного могильника I.—В кн.: Археология и этнография Приобья. Томск.

Иванов С. В. 1963. Орнамент народов Сибири как исторический источник.—ТИЭ, новая серия, т. 81. М.—Л.

Иоганзен Б. Г. 1971. Природа Томской области. Новосибирск.

Ионов В. М. 1913. Орел по воззрениям якутов.—СМАЭ, т. 1, вып. 16. Спб.

Историко-этнографический атлас Сибири. 1961, М.

История Казахской ССР. 1977. Алма-Ата.

История Сибири. 1968, т. 1. Л.

Каменецкий И. С. 1970. Археологическая культура — ее определение и интерпретация.—СА, № 2.

Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. 1975. Анализ археологических источников. М.

Каменецкий И. С., Узьянов А. А. 1977. О правилах построения гисграмм.—В кн.: Вопросы археологии Урала. Свердловск.

Кириллов И. И. 1979. Восточное Забайкалье в древности и в средневековье. Иркутск.

- Киселев С. В. 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Клейн Л. С. 1970. Проблема определения археологической культуры.—СА, № 2.
- Ковалевская В. Б. 1972. Башкирия и евразийские степи IV—IX вв. (по материалам поясных наборов).— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Ковалевская В. Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пяржи.—САИ, Е1-2. М.
- Комарова М. Н. 1952. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Верхней Оби.—МИА, № 24.
- Коновалов П. Б. 1976. Хунку в Забайкалье. Улан-Удэ.
- Косарев М. Ф. 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.
- Крейнович Е. А. 1973. Нивхгу. М.
- Кулемзин В. М. 1972. Медвежий праздник у ваховских хантов (сообщение).— В кн.: Материалы по этнографии Сибири. Томск.
- Кулемзин В. М. 1976. Шаманство васюганско-ваховских хантов (кошеч XIX—начало XX вв.).— В кн.: Из истории шаманства. Томск.
- Кулемзин В. М., Лукнина Н. В. 1977. Васюганско-ваховские ханты. Томск.
- Кызласов Л. Р. 1960. Таштыкская культура. М.
- Кызласов Л. Р. 1969. История Тувы в средние века. М.
- Левашова В. П. 1952. Два могильника кыргыз-хакасов.—МИА, № 24.
- Лукнина Н. В. 1972. Об этнических связях васюганско-ваховских хантов.— В кн.: Материалы по этнографии Сибири. Томск.
- Ляпушкин И. И. 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона.—МИА, № 62.
- Мажитов Н. А. 1968. Бахмутинская культура. М.
- Мажитов Н. А. 1977. Южный Урал в VII—XIV вв. М.
- Маркряк Э. С. 1973. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван.
- Маршак Б. И. 1971. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.
- Маршак Б. И. 1976. Материалы по среднеазиатской торевтике.—СА, № 1.
- Массон В. М. 1976. Культура в понятийном аппарате археологии.— В кн.: Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово.
- Матющенко В. И., Старцева Л. М. 1970. Еловский курганный могильник I эпохи железа.— В кн.: Вопросы истории Сибири, вып. 5. Томск.
- Матющенко В. И. 1973. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 1.— В кн.: Из истории Сибири, вып. 9. Томск.
- Матющенко В. И. 1973 а. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2.— В кн.: Из истории Сибири, вып. 10. Томск.
- Матющенко В. И. 1974. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 4.— В кн.: Из истории Сибири, вып. 12. Томск.
- Медведев А. Ф. 1959. К истории пластинчатого доспеха на Руси.—СА, № 2.
- Медведев В. Е. 1975. Материалы раскопок могильника у с. Надеждинского.— В кн.: История и культура Востока Азии. т. 3. Новосибирск.
- Медведев В. Е. 1977. Культура амурских чжурчженей. Новосибирск.
- Медведев В. Е. 1979. О некоторых находках чжурчженской культуры на Нижнем Амуре.— В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Могильников В. А. 1964. Васюганский клад.—СА, № 2.
- Могильников В. А. 1964 а. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тыс. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Могильников В. А. 1969. К вопросу о самоедской принадлежности культур эпохи железа Среднего Приобья.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири. Томск.

Могильников В. А. 1976. К проблеме тюркизации населения Приобья.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.

Могильников В. А. 1980. Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н. э.— В кн.: Народы и языки Сибири. Новосибирск.

Отчет Археологической комиссии за 1896 г. 1898, Спб.

Пелих Г. И. 1972. Происхождение селькупов. Томск.

Плетнева Л. М. 1970. Памятники кулайского типа в Томском Приобье.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.

Плетнева Л. М. 1973. Курганный могильник у деревни Могильники.— В кн.: Из истории Сибири, вып. 5. Томск.

Плетнева Л. М. 1975. Некоторые вопросы культуры и культурных связей населения Томского Приобья в конце I тыс. до н. э.— В кн.: Из истории Сибири, вып. 16. Томск.

Плетнева Л. М. 1975 а. Работа Томского отряда Среднеобской экспедиции.— В кн.: Археологические открытия 1974 г. М.

Плетнева Л. М. 1976. Тоянов городок (по раскопкам М. П. Грязнова в 1924 г.).— В кн.: Из истории Сибири, вып. 19. Томск.

Плетнева Л. М. 1976 а. Работы Томского отряда Среднеобской экспедиции.— В кн.: Археологические открытия 1975 г. М.

Плетнева Л. М. 1976 б. Погребальный обряд Тимирязевского курганного могильника.— В кн.: Языки и топонимия. Томск.

Плетнева Л. М. 1977. Томское Приобье в конце VIII—XI вв. до н. э. Томск.

Плетнева Л. М. 1978. Томское Приобье в кулайское время.— В кн.: Ранний железный век Западной Сибири. Томск.

Плетнева Л. М. 1978 а. Работы Томского отряда Среднеобской экспедиции.— АО 1977 г. М.

Плетнева Л. М. 1979. Влияние природных условий на хозяйство населения Приобья в эпоху железа.— В кн.: Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск.

Плетнева С. А. 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.

Посредников В. А. 1968. К вопросу о происхождении ирменской культуры.— В кн.: Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска. Т. 2, секция гуманитарных наук. Томск.

Прокофьева Е. Д. 1950. Орнамент селькупов.— КСИЭ, вып. 9.

Прокофьева Е. Д. 1976. Старые представления селькупов о мире.— В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.

Розов Н. С., Дремов В. А. 1966. Материалы по антропологии Среднего Приобья VII—X вв. н. э.— СЭ, № 5.

Романцова В. Д., Троицкая Т. Н., Матвеева В. И. 1973. Археологическая карта побережья реки Уень.— В кн.: Вопросы археологии Сибири, вып. 85. Новосибирск.

Седов В. В. 1974. Длинные курганы кривичей.— САИ, Е1-8.

Сергеев Г. М. 1972. Агроклиматические ресурсы лесной зоны западносибирской равнины. Новосибирск.

Смирнов А. П. 1964. К вопросу об археологической культуре.— СА, № 4.

Смирнов А. П. 1967. Понятие археологической культуры. Тезисы доклада на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М.

Смоляк А. В. 1969. Этнографические данные об обрядах ложных погребений у народов Нижнего Амура.— СА, № 3.

- Соколова З. П. 1957. К истории жилища обских угров.—СА, № 2.
- Соколова З. П. 1959. К вопросу о развитии обско-угорской землянки.— В кн.: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Вып. 1 (изд. 1960 г.). Тюмень.
- Соколова З. П. 1963. Материалы по жилищу, хозяйственным и культурным постройкам обских угров.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. 5 (ТИЭ, н. с., т. 84). М.
- Соколова З. П. 1963 а. Из истории жилища обских угров (к вопросу о развитии обско-угорской землянки). Budapest.
- Соколова З. П. 1971. Пережитки религиозных верований у обских угров.—СМАЭ, 27, Л.
- Соколова З. П. 1972. Ханты рр. Сыня и Куноват.— В кн.: Материалы по этнографии Сибири. Томск.
- Соколова З. П. 1976. Страна Югория. М.
- Соколова З. П. 1980. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов.— В кн.: Этногенез народов Севера. М.
- Троицкая Т. Н. 1963. К вопросу о культуре медведя в Приобье.— Известия СО АН, 9 серия общественных наук, вып. 3. Новосибирск.
- Троицкая Т. Н. 1968. Исследования на берегах Обского моря.—АО 1967 г.
- Троицкая Т. Н. 1971. К вопросу о взаимосвязях населения Новосибирского Приобья с уральскими племенами в эпоху раннего железа.— В кн.: АЭБ, т. IV, Уфа.
- Троицкая Т. Н. 1973. Курганный могильник Ордынское I.— В кн.: Вопросы археологии Сибири, вып. 85. Новосибирск.
- Троицкая Т. Н. 1973 а. Об этногенезе племен лесостепного Приобья в конце I тыс. н. э.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.
- Троицкая Т. Н. 1973 б. Пояса из погребений Новосибирского Приобья II—IV вв. н. э.—КСИА, 136. М.
- Троицкая Т. Н. 1977. Погребения с трупосожжениями конца I тыс. н. э. на р. Уени Новосибирской области.— В кн.: Археология Южной Сибири. Кемерово.
- Троицкая Т. Н. 1978. Красный Яр I — памятник позднего железного века.— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Троицкая Т. Н. 1979. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.
- Троицкая Т. Н. 1979 а. К вопросу о тюркизации населения Новосибирского Приобья во второй половине I тыс. н. э.— В кн.: Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск.
- Уманский А. П. 1974. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чулыме.— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск.
- Федосеева С. А. 1968. Древние культуры Верхнего Вилюя. М.
- Федорова Н. В. 1977. Код для описания и возможности машинной обработки фигурно-штампованной керамики эпохи средневековья.— В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск.
- Фосс М. Е. 1949. О терминах «неолит», «бронза», «культура».— КСИИМК, 29.
- Хомич А. В. 1966. Ненцы. М.— Л.
- Худяков Ю. С. 1978. О вооружении таштыкского воина.— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Чагаева А. С. 1973. Могильники в окрестностях деревни Айткулово Омской области.— В кн.: Из истории Сибири, вып. 5. Томск.
- Чернецов В. Н. 1953. Бронза усть-полудского времени.— В кн.: Древняя история Нижнего Приобья.— МИА, 35.
- Чернецов В. Н. 1957. Нижнее Приобье в I тыс. н. э.— МИА, 58.
- Чернецов В. Н. 1959. Представление о душе у обских угров.— ТИЭ, новая серия, т. 51. М.

Чиндина Л. А. 1967. О погребальном обряде Молчановского могильника (VI—VIII вв.).— Труды ТГУ, т. 190. Томск.

Чиндина Л. А. 1970. О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тыс. н. э.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.

Чиндина Л. А. 1971. Личины из Васюганья.— СА, № 4.

Чиндина Л. А. 1974. Могильник Рёлка.— В кн.: Вопросы истории Сибири, вып. 8. Томск.

Чиндина Л. А. 1975. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья.— В кн.: Из истории Сибири, вып. 16. Томск.

Чиндина Л. А. 1977. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск.

Чиндина Л. А. 1979. Угро-самодийские традиции Западной Сибири в эпоху железа.— В кн.: Вопросы финноугроведения. Сыктывкар.

Членова Н. Л. 1955. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. — СА, XXIII.

Шер Я. А. 1970. Интуиция и логика в археологическом исследовании.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.

Штернберг Л. Я. 1936. Первобытная религия в свете этнографии. Л.

Karjalainen K. F. 1921—1922, 1927. Die Religion der Jugra-Yölkler, 1—2, 3. Rovoo.

Tschernjetzov W. N. 1974. Bärenfest bei den Ob Ugrien.— Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. Tomus 23 (3—4), Budapest.

ПРИЛОЖЕНИЯ

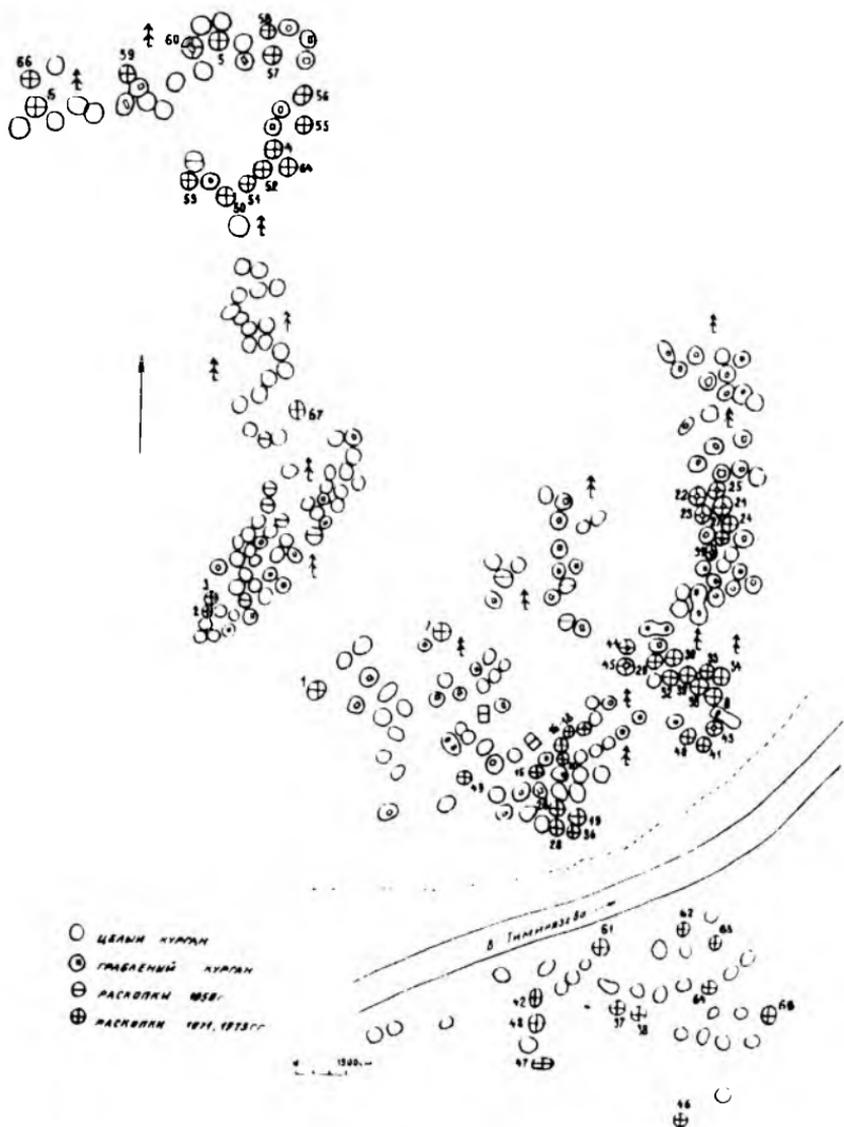

Рис. 1. Тимирязевский курганный могильник I. Общий план

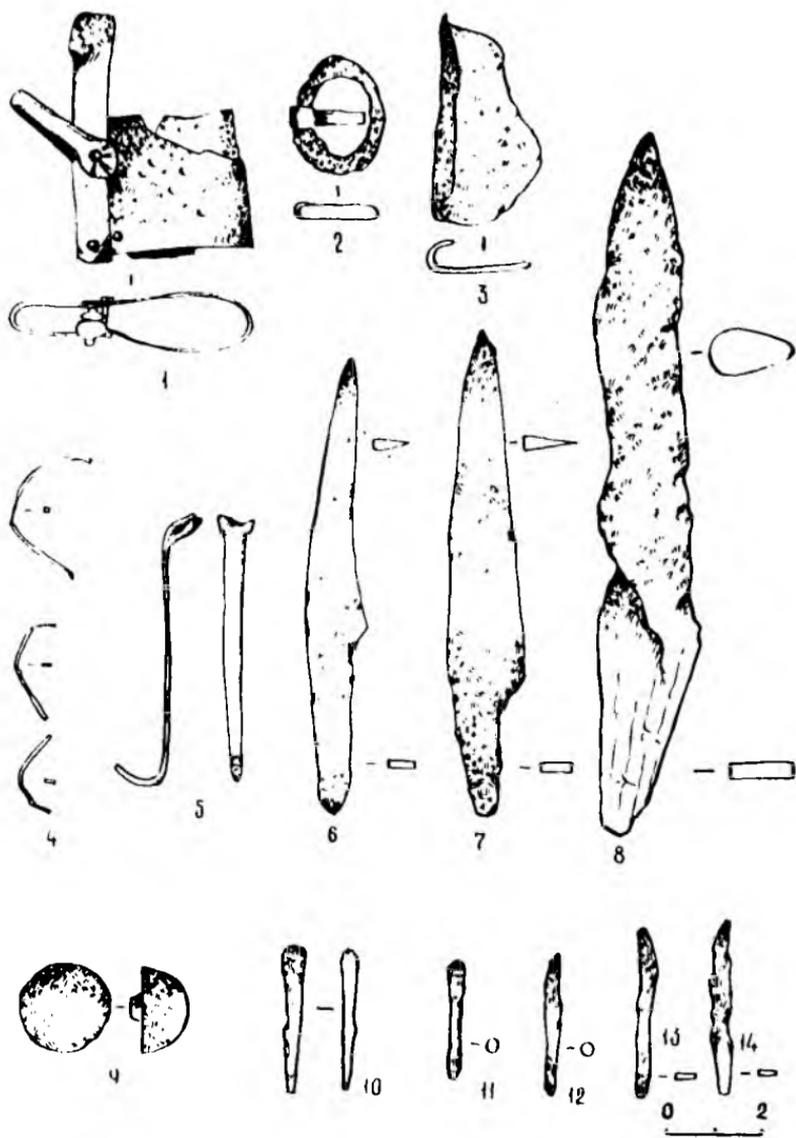

Рис. 2. ТКМ-1, Курган 1. 1, 7, 10-14 из насыпи; 8, 9 — из погребения. 1-3, 6 — железо; 4, 5 — бронза.

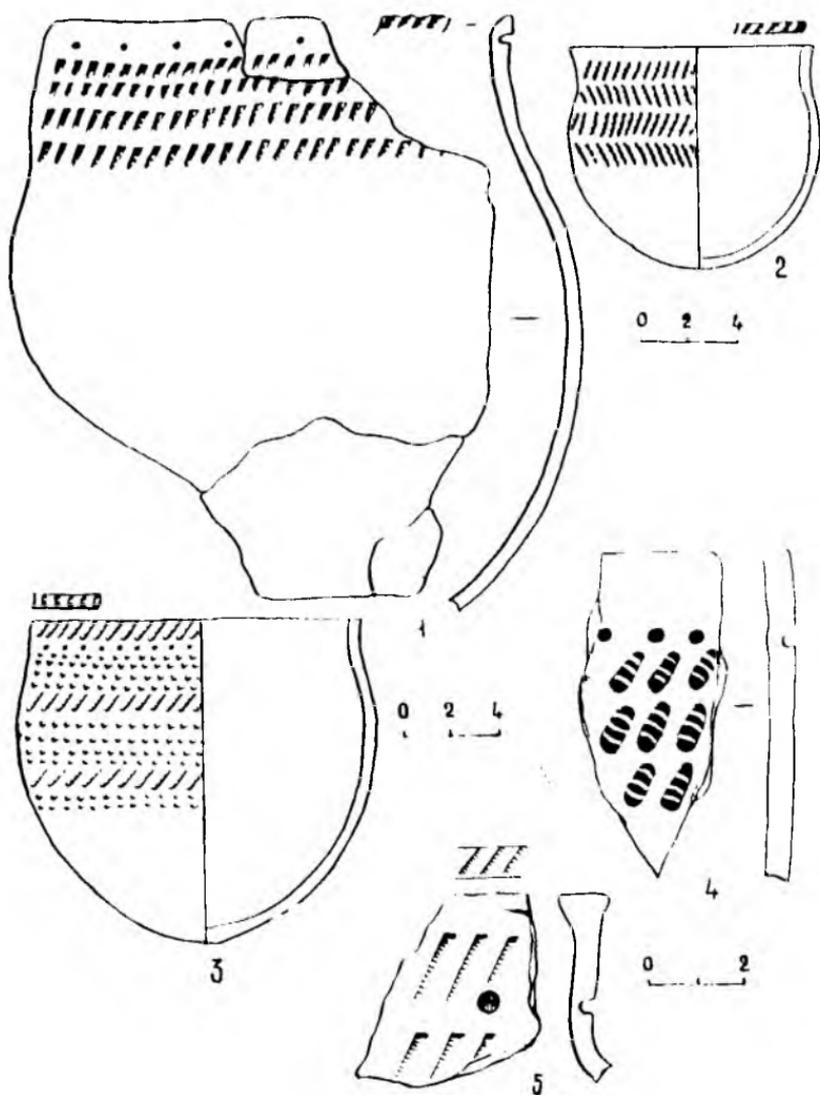

Рис. 3. ТКМ-1. Курган 1. 1, 2, 4, 5 — из насыпи; 3 — из погребения,
1—5 — керамика

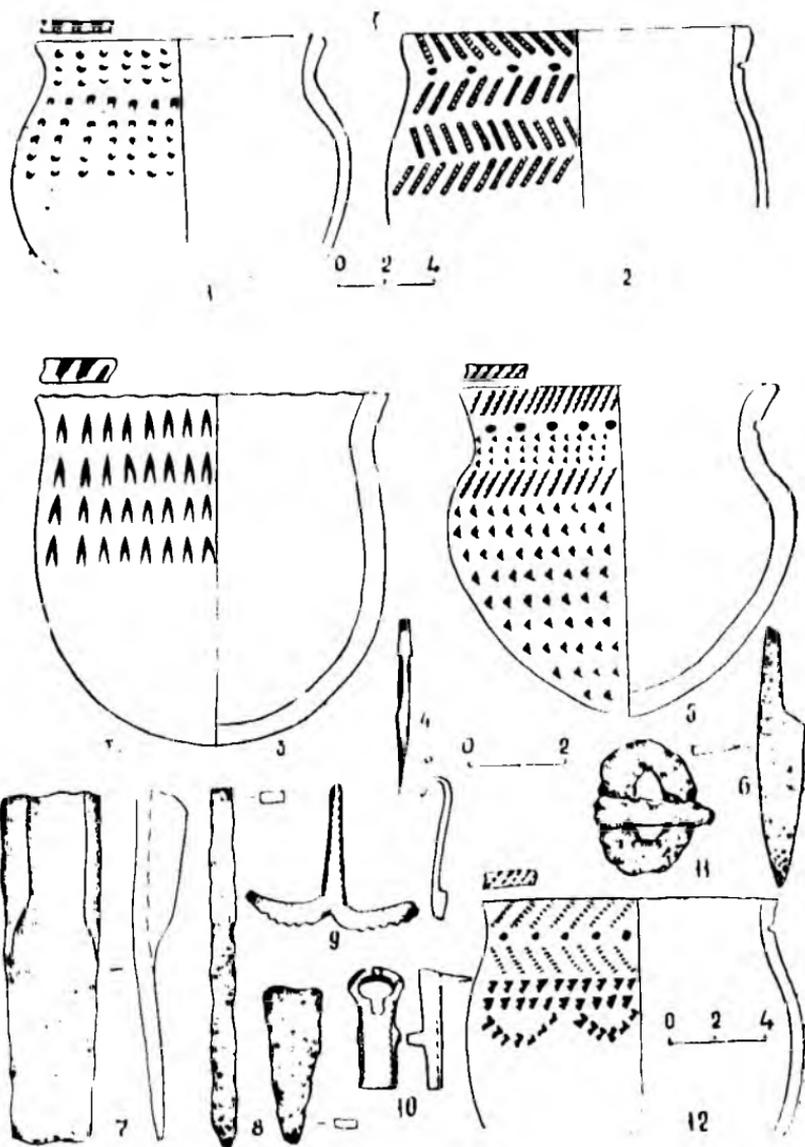

Рис. 4. ТКМ-1. Курган 37. 1—7, 9—10 — из насыпи; 8 — из погребения. Курган 38. 11 — из пятна; 12 — из насыпи, 1, 2, 4, 6 — керамика; 5, 7—9 — железо, 10 — бронза

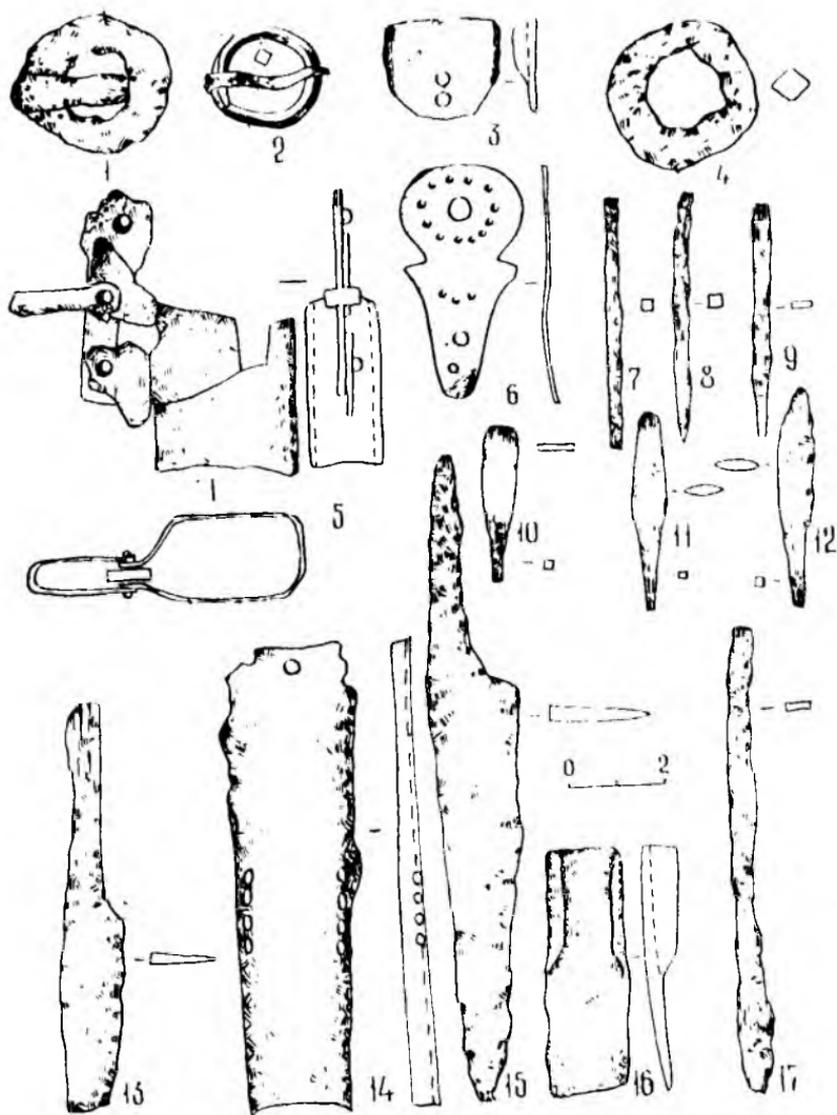

Рис. 5. ТКМ-1. Курган 40. 1, 17 — из погребения, 2—16 из насы-
пи. 1, 3—5, 7—17 — железо; 2, 6 — бронза

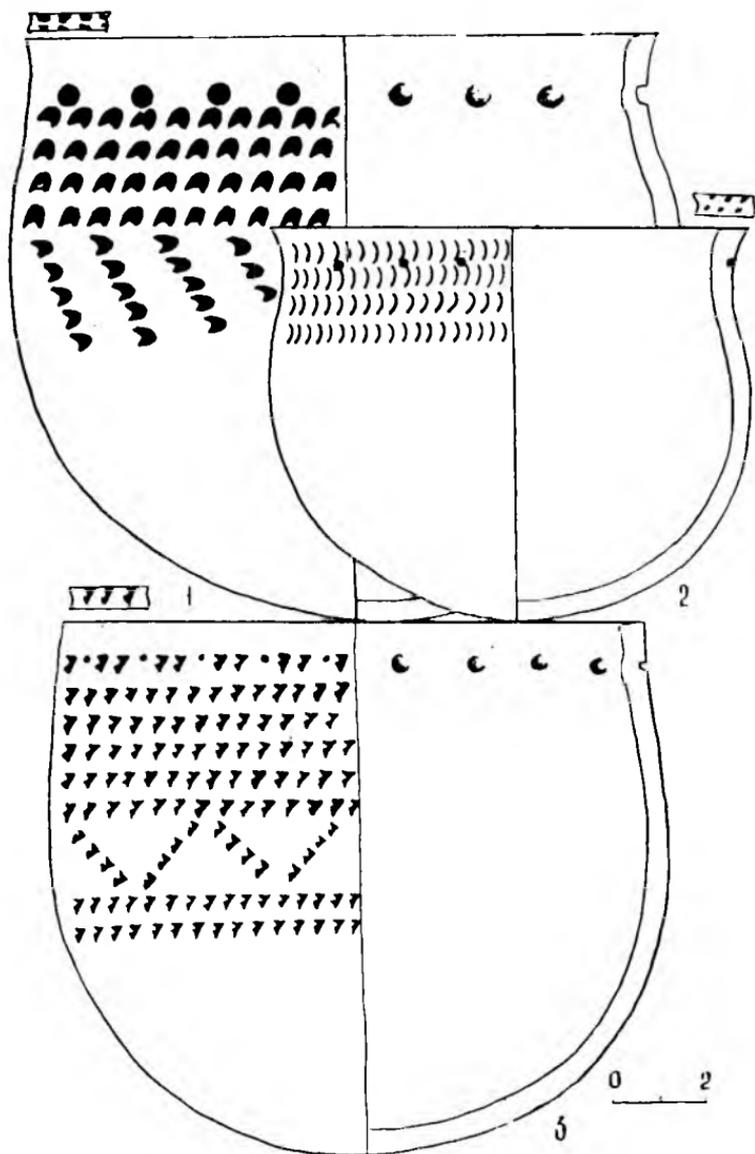

Рис. 6. ТКМ-1. Курган 40. 1 — из насыпи; 2 — из пятна. Курган 41, 3, 1—3 — керамика

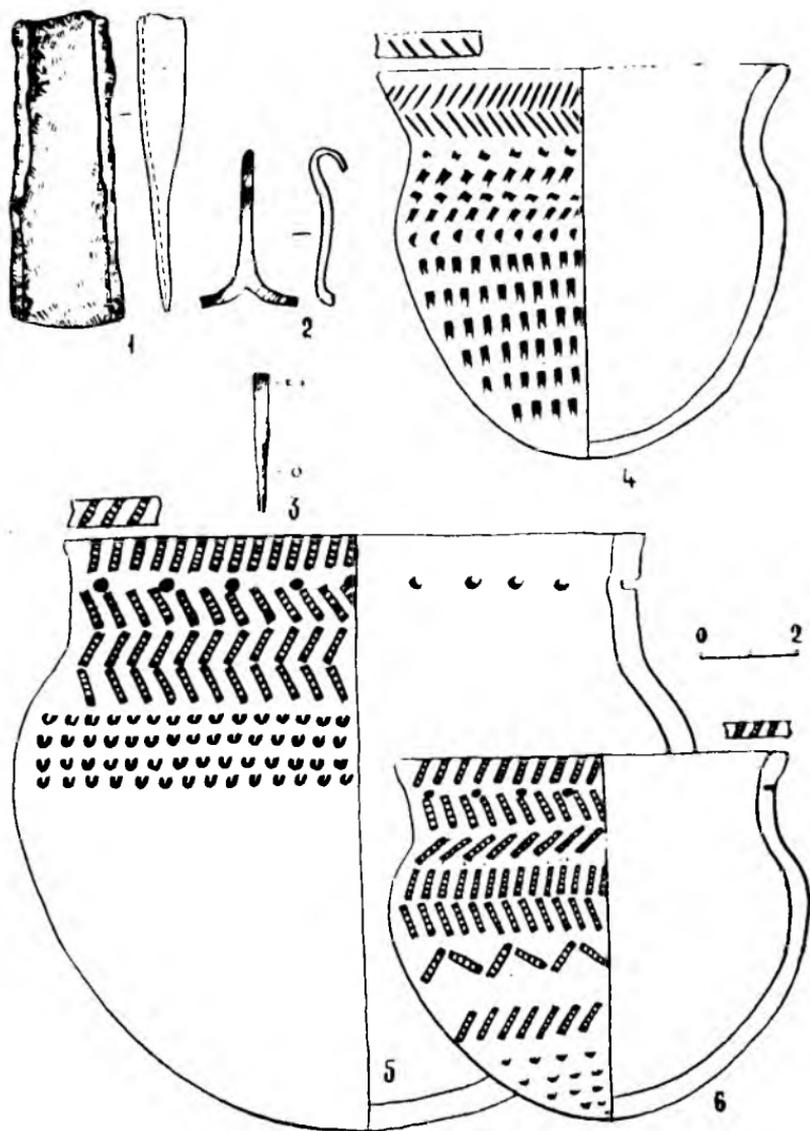

Рис. 7. ТКМ-I. Курган 47. 1-6 — из погребения, 1-3 — железо; 4-6 — керамика

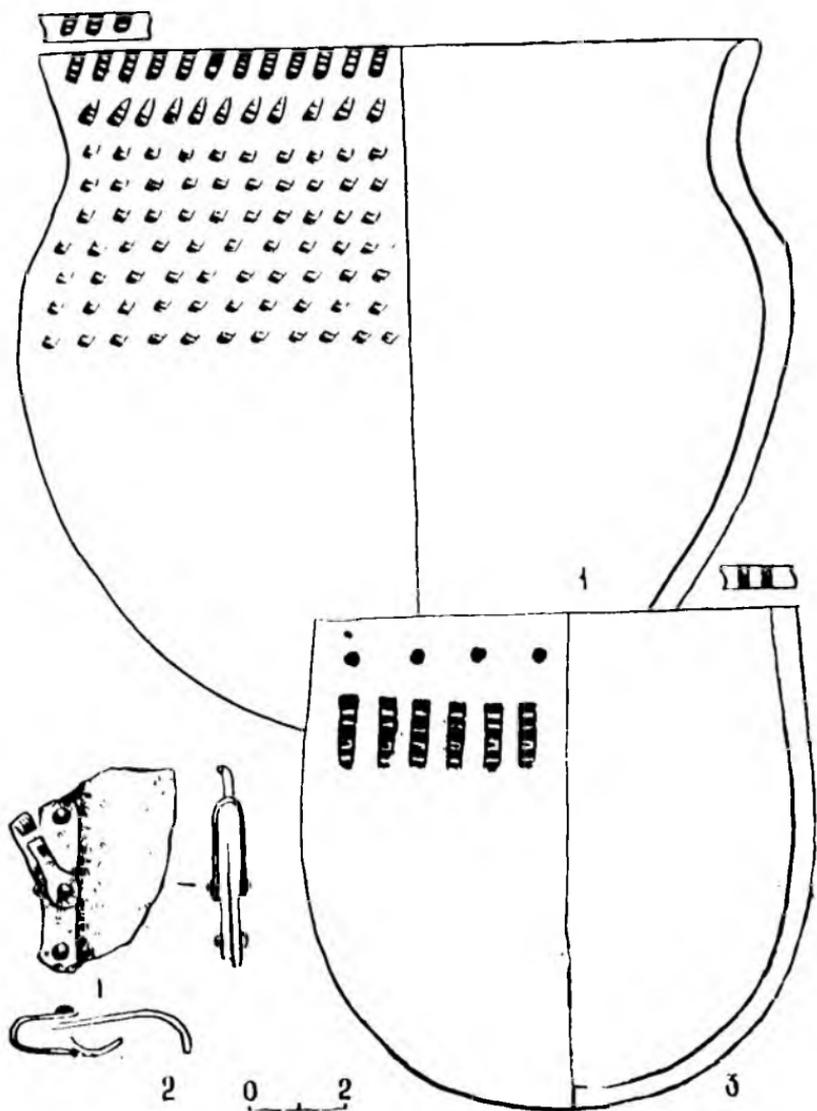

Рис. 8. ТКМ-1. Курган 50. 3 — из погребения. Курган 51. 1 — из насыпи; 2 — из погребения. 1, 3 — керамика; 2 — железо

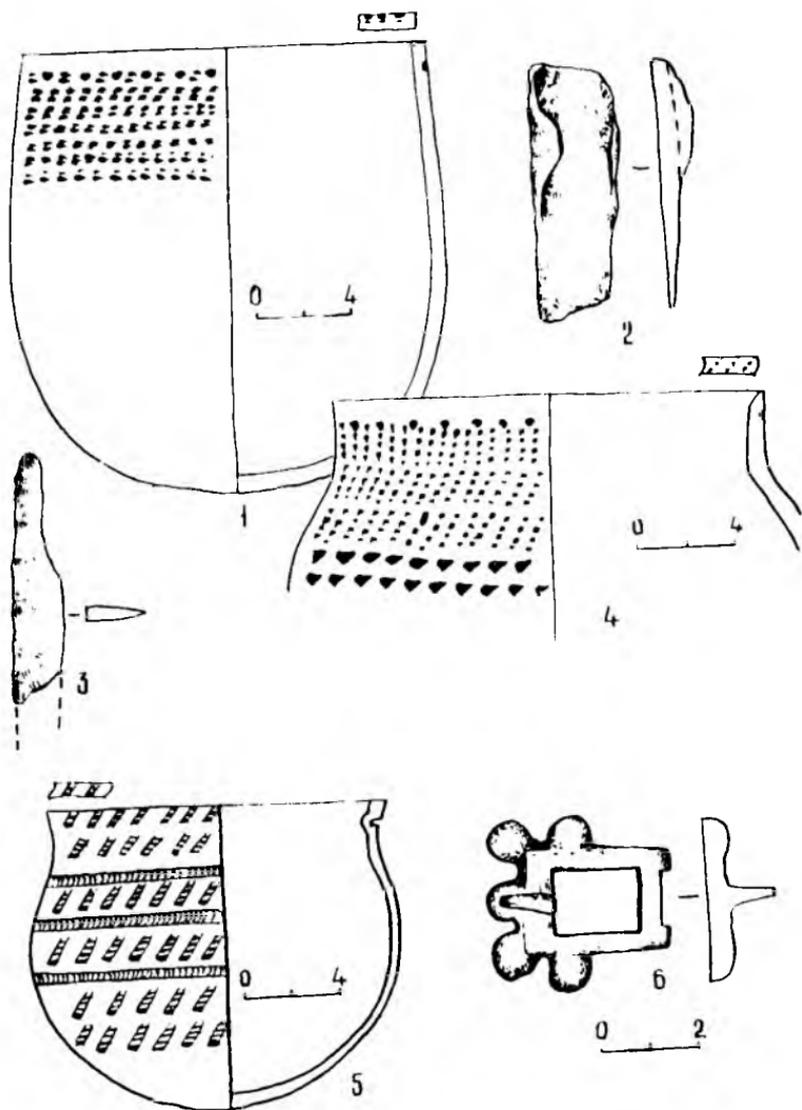

Рис. 9. ТКМ 1. Курган 54. 1-3, 5 - из могилы; 4, 6 - из насыпи.
1, 4, 5 - керамика; 2, 3 - железо; 6 - бронза

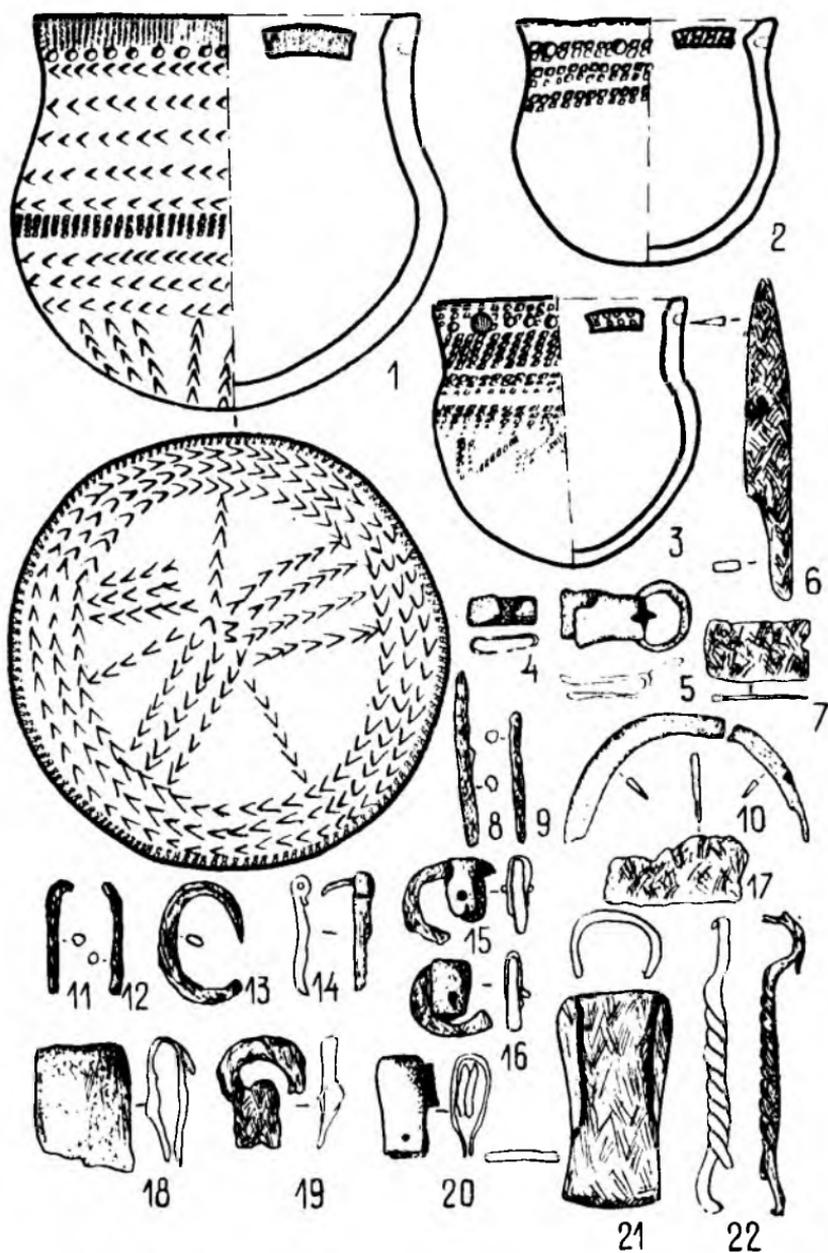

Рис. 10. ТКМ 1. Курган 55. 1—22 — из насыпи. 1—3 — керамика; 4—9, 11—19, 22 — железо, 10, 20 — бронза

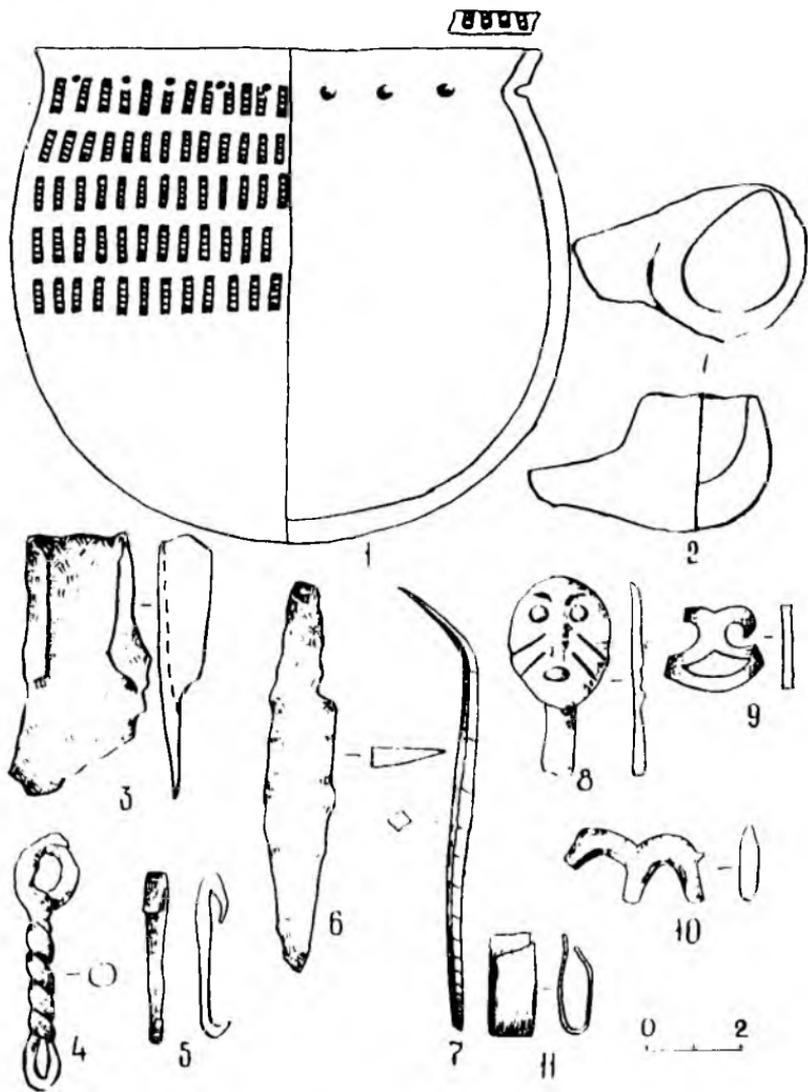

Рис. 11. ТКМ-I. Курган 55. 3-11 — в насыпи. Курган 56. 1 -- в насыпи; 2 — в пятне. 1, 2 — керамика; 3, 7, 11 — железо, 8-10 — бронза

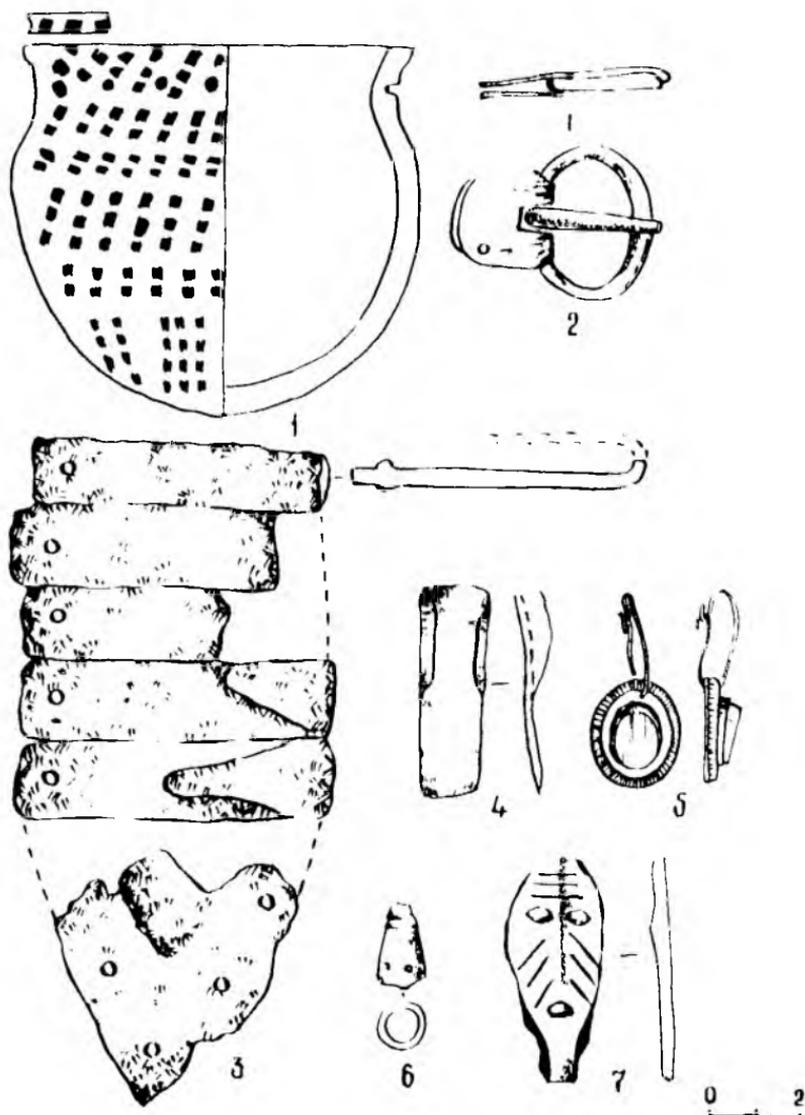

Рис. 12. ТКМ-1. Курган 60. 1, 4, 5, 7 — из насыпи; 2, 3, 6 — из погребения. 1 — керамика; 2, 6, 7 — бронза; 3, 4 — железо; 5 — бронза и камень

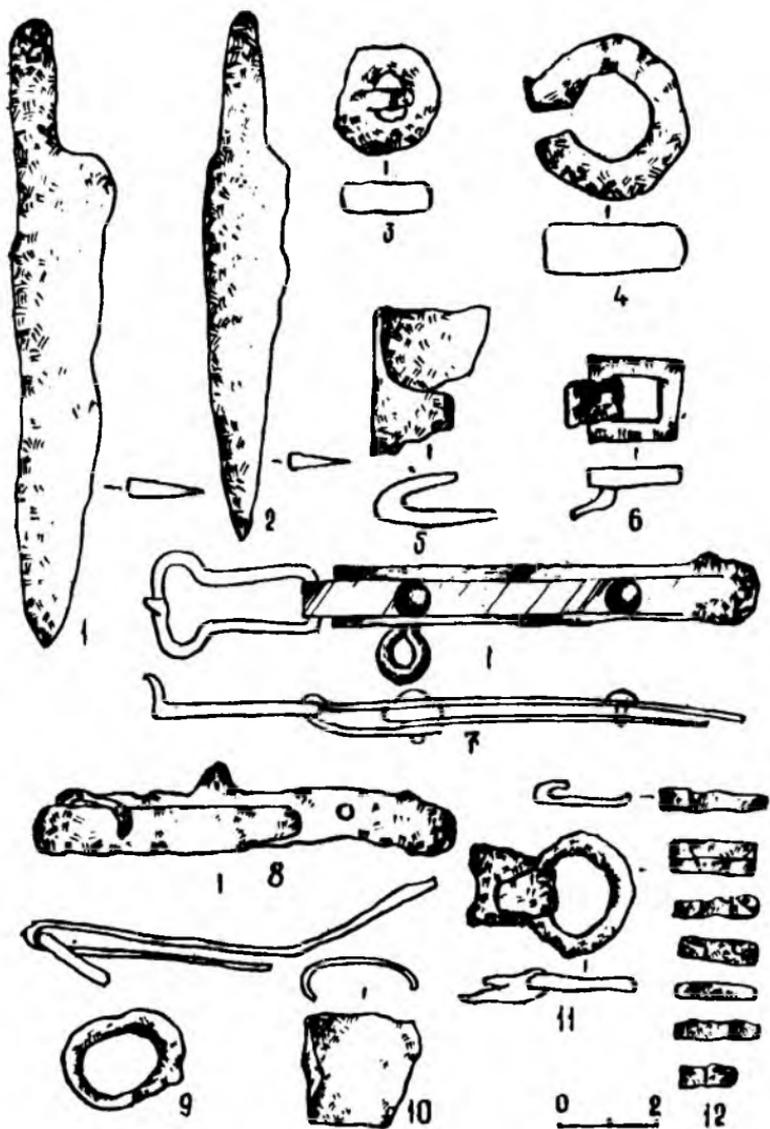

Рис. 13. ТКМ-1. Курган 60. 1, 3—6, 8—12 — из погребения; 2—7 — из насыпи. 1—12 — железо

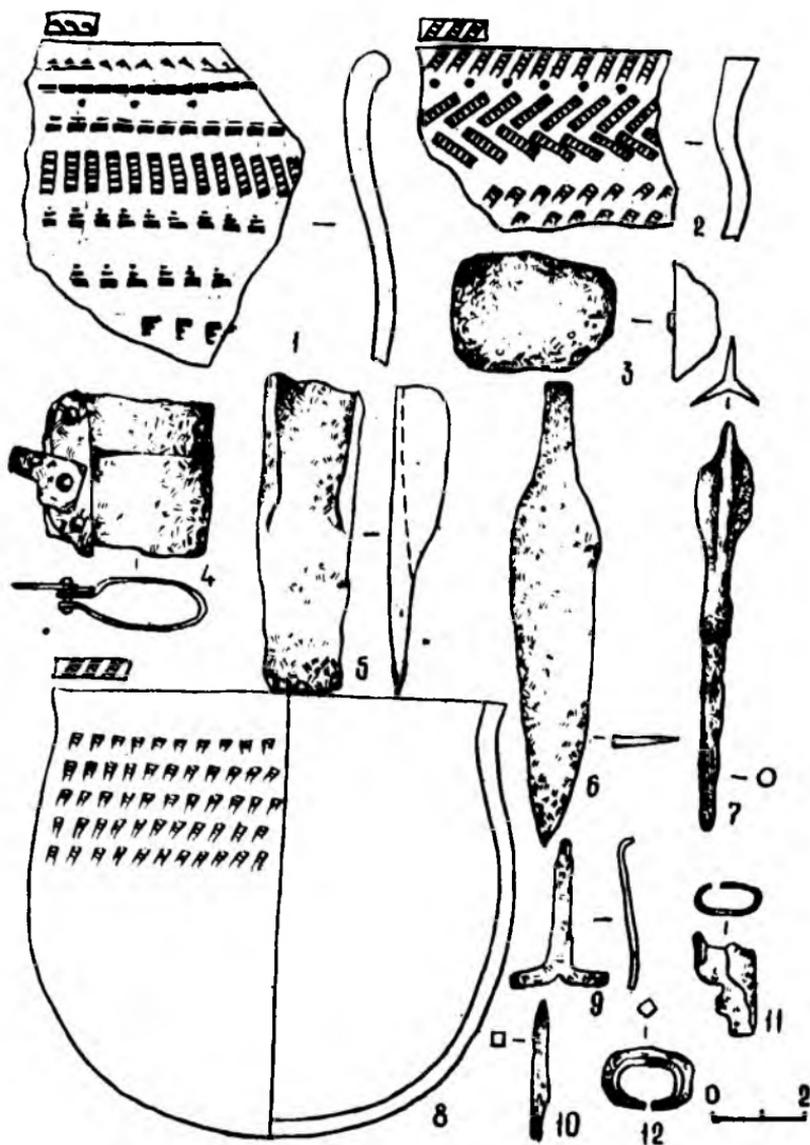

Рис. 14. ТКМ-I. Курган 69. 1-7, 9-12 — из погребения; 8 — из насыпи 1-7, 9-11 — железо; 8 — керамика

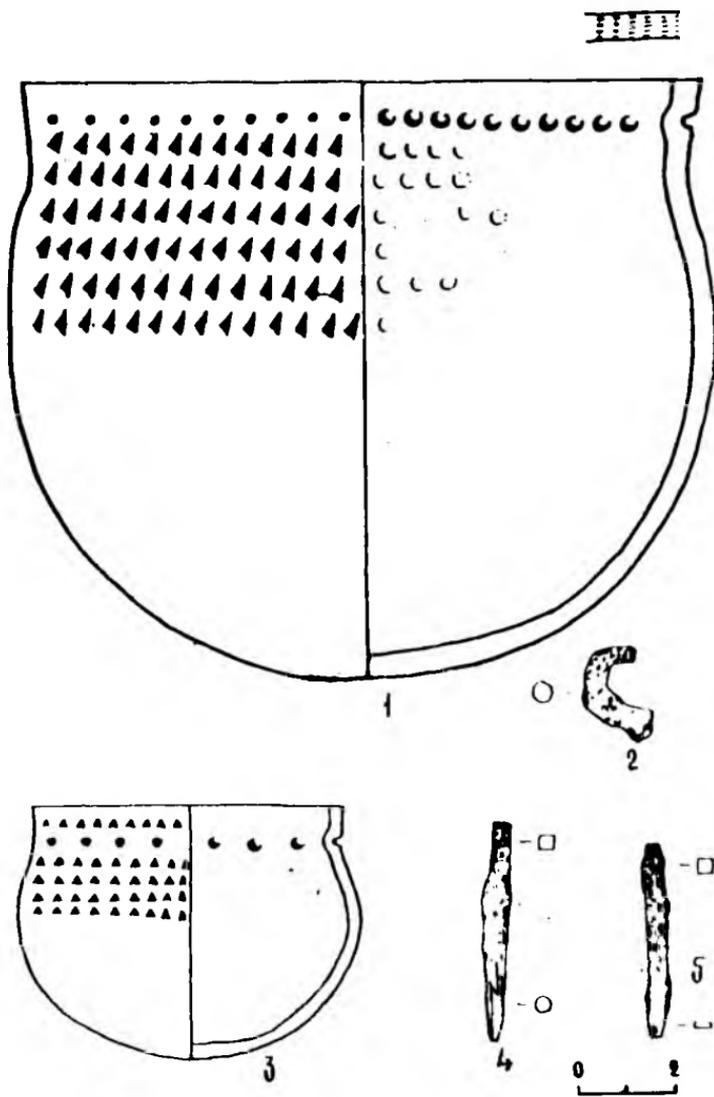

Рис. 15. ТКМ-1. Курган 2. 1, 4, 5 — из погребения; 2, 3 — из насыпи. 1, 3 — керамика; 2, 4, 5 — железо

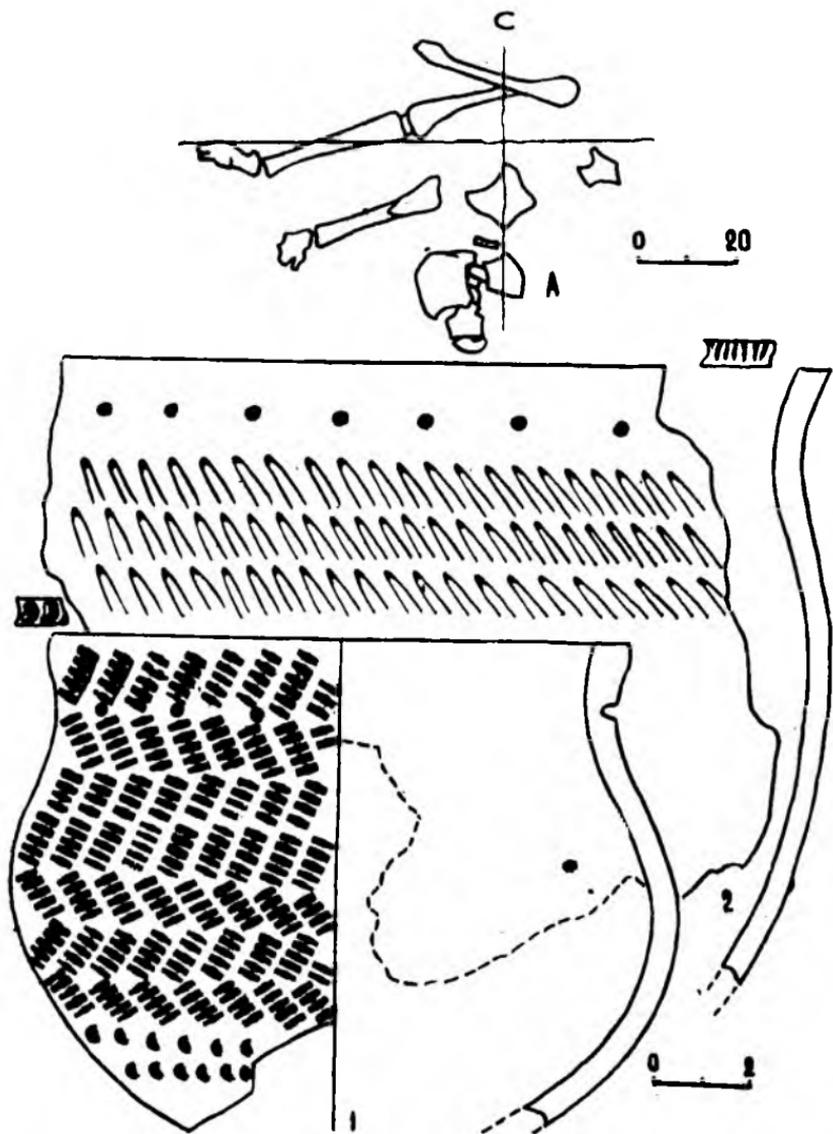

Рис. 16. ТКМ-I. Курган 3. 1 — из погребения; 2 — из насыпи. А — план погребения. 1, 2 — керамика

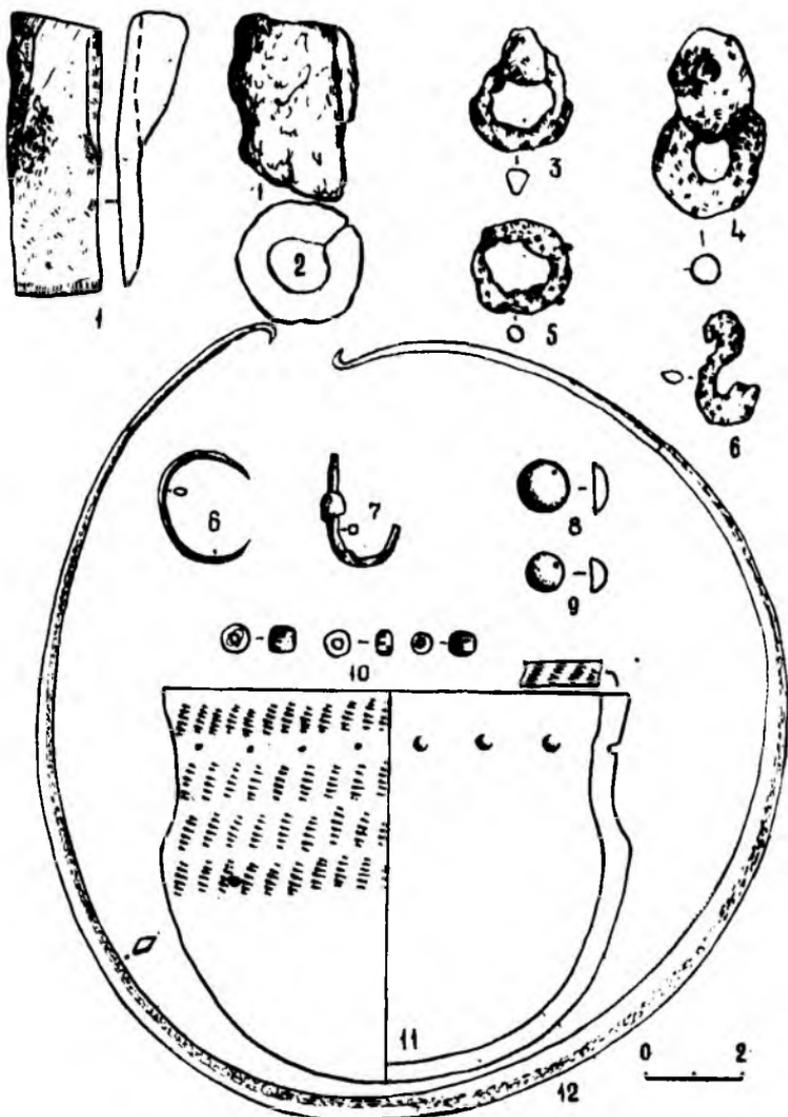

Рис. 17. ТКМ-I. Курган 4. 1, 7-10, 12 — из погребения; 2-6, 11 — из насыпи. 1, 2, 6 — железо; 7-9, 12 — бронза; 10 — стекло; 11 — керамика

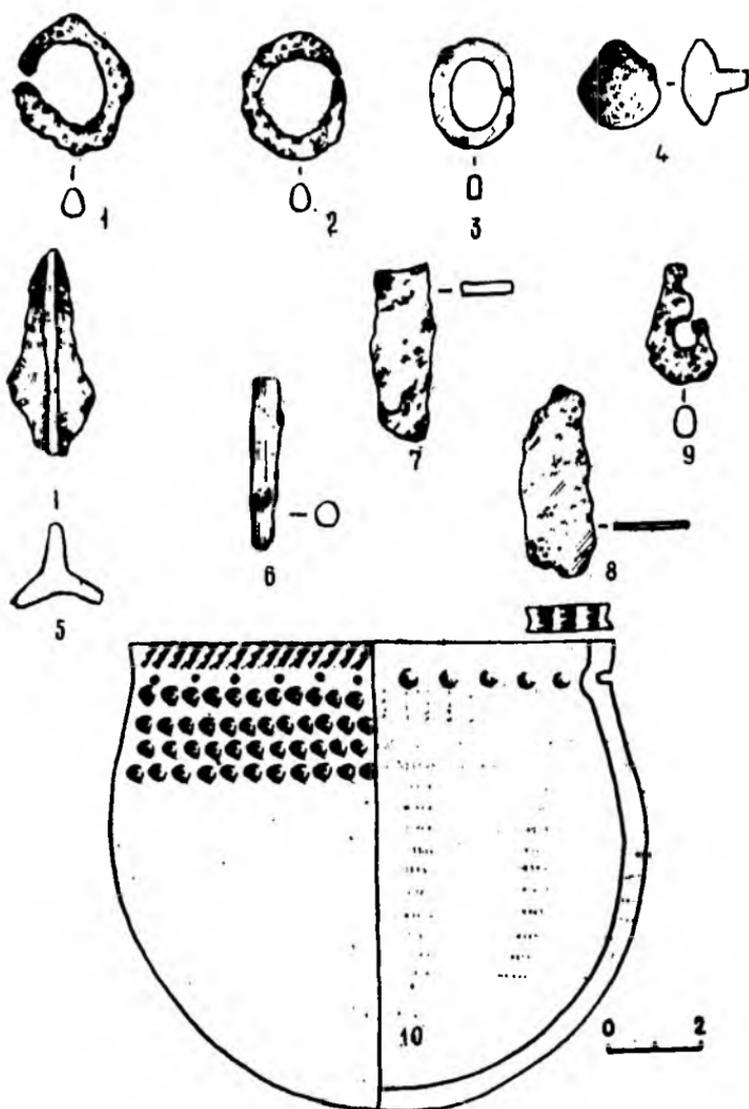

Рис. 18. ТКМ-1. Курган 5. 1, 10 — из насыпи; 2—9 — из погребения.
1—9 — железо; 10 — керамика

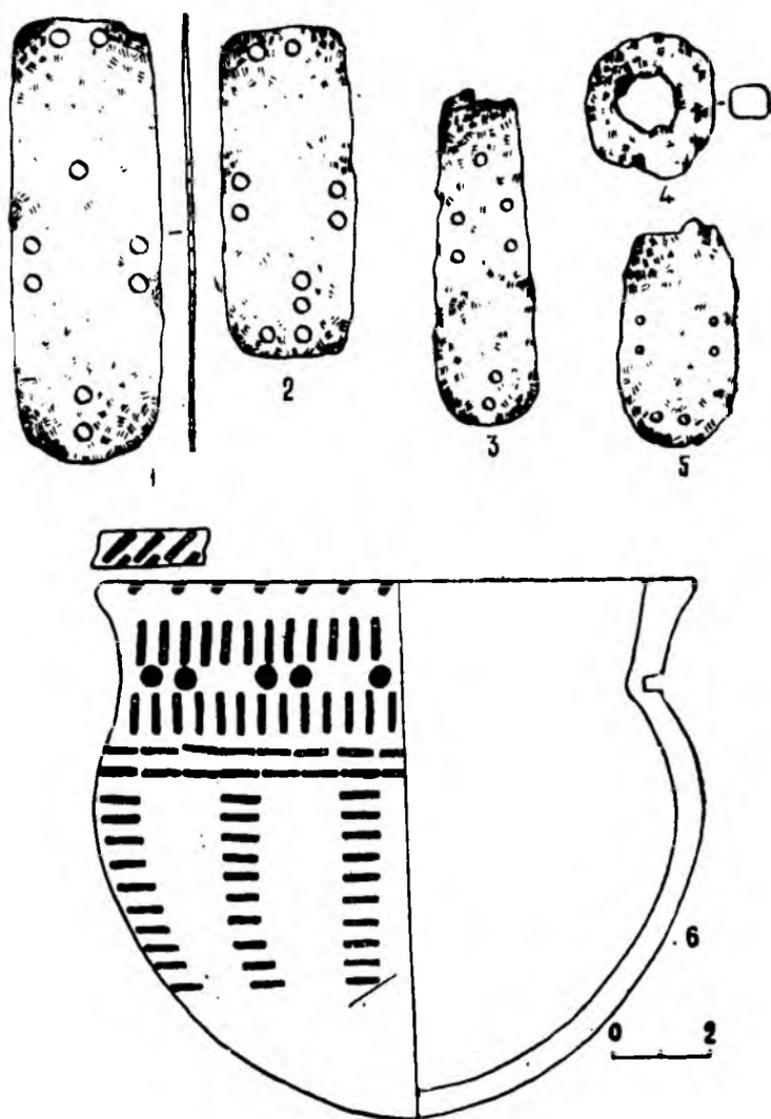

Рис. 19. ТКМ-1. Курган 6. 1—3, 5 — из насыпи; 4, 6 — из погребения.
1—5 — железо; 6 — керамика

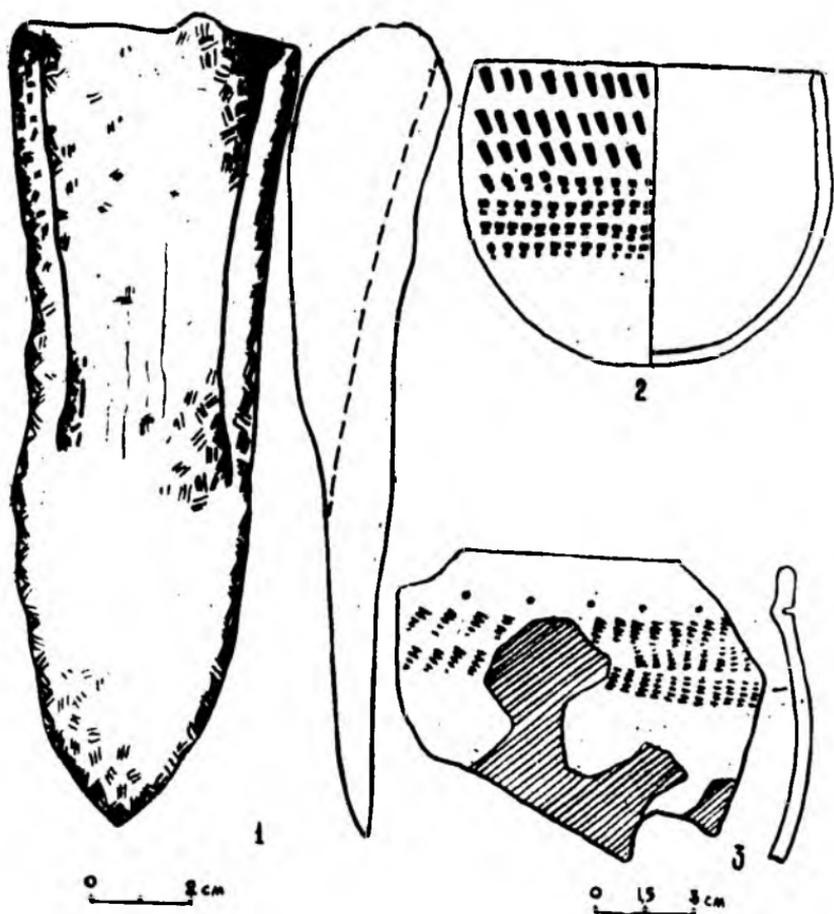
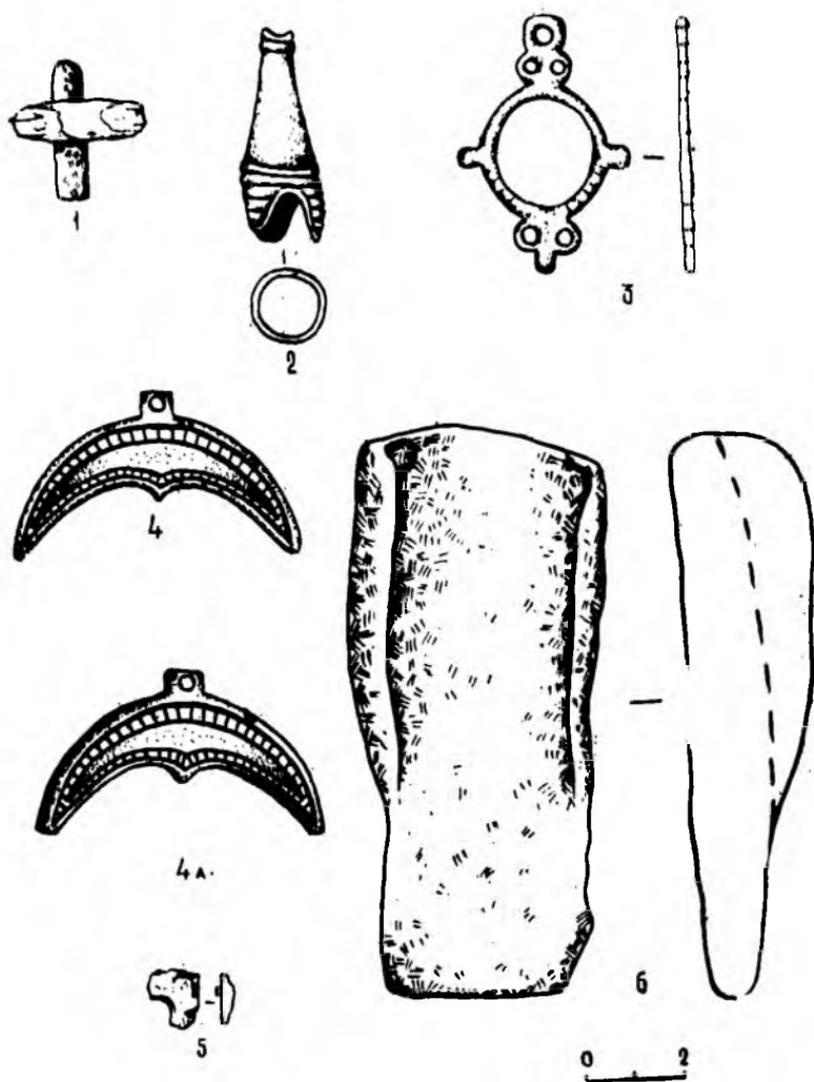

Рис. 20. ТКМ-1. Курган 8. 1 — из погребения; 2, 3 — из насыпи.
1 — железо; 2, 3 — керамика

21. ТКМ-I. Курган 10.1—5 — из погребения; 6 — из насыпи.
2—4 А — бронза; 1, 5, 6 — железо

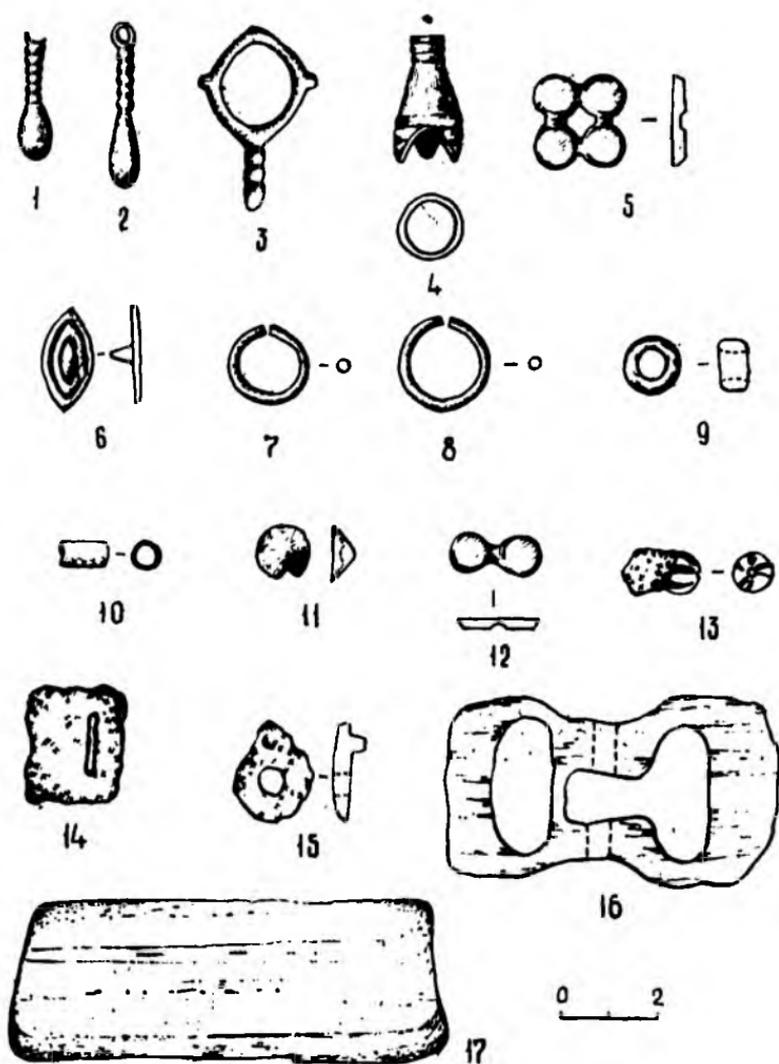
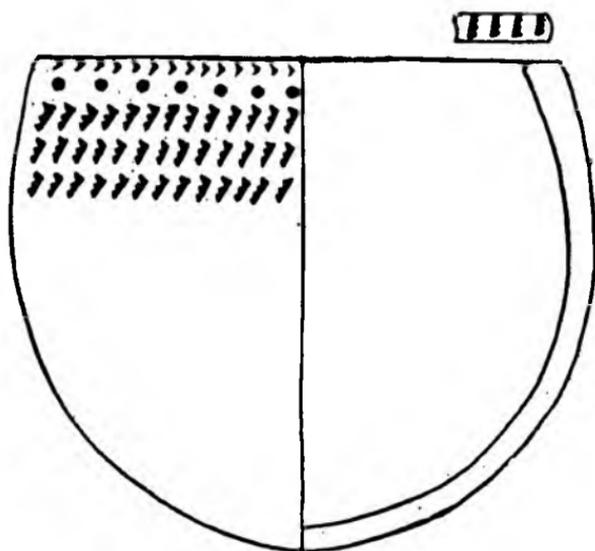

Рис. 22. ТКМ-1. Курган 12. 1—16 — из погребения; 17 — из насыпи. 1—12 — бронза; 13 — стекло; 14, 15 — железо; 16 — кость; 17 — камень

1.

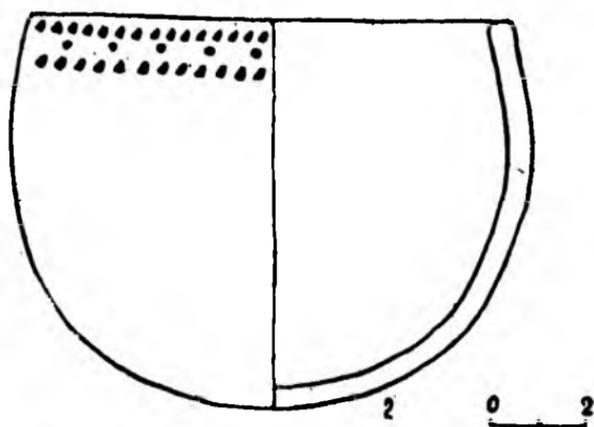

Рис. 23. ТКМ-1. Курган 12. Керамика из погребения

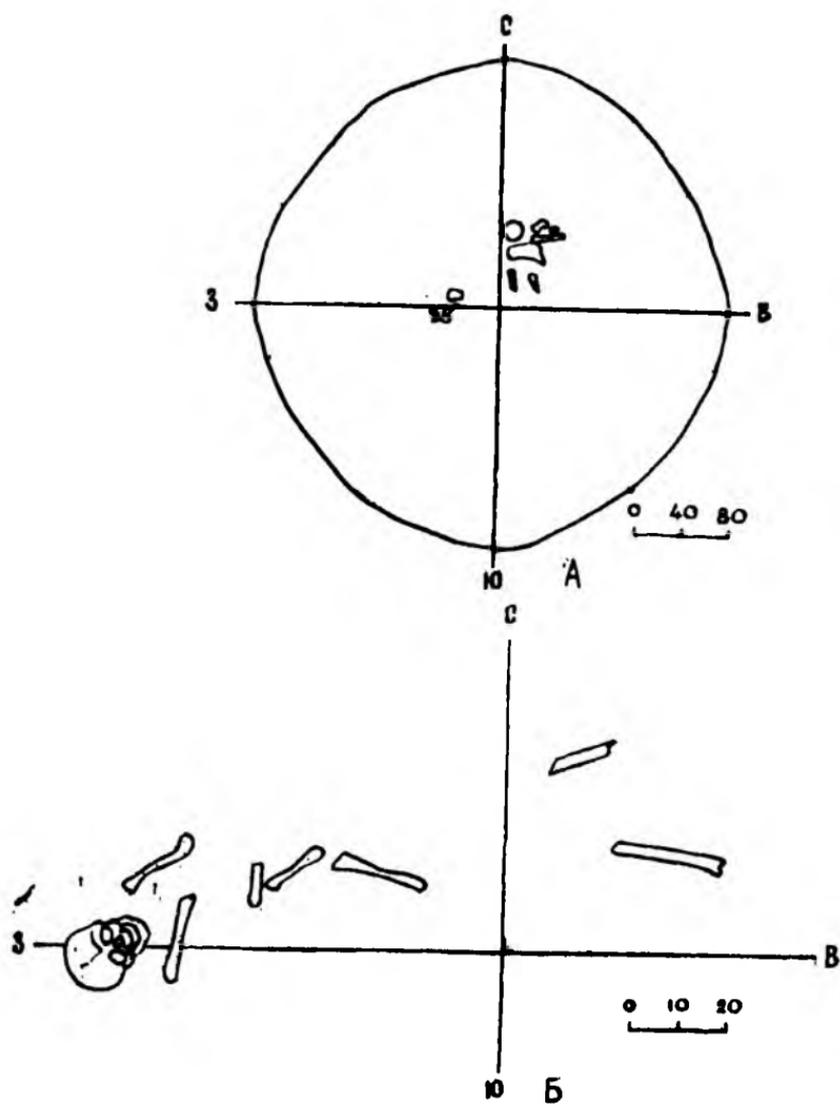

Рис. 24. ТКМ-1. Курганы 13, 14. А, Б — планы погребений

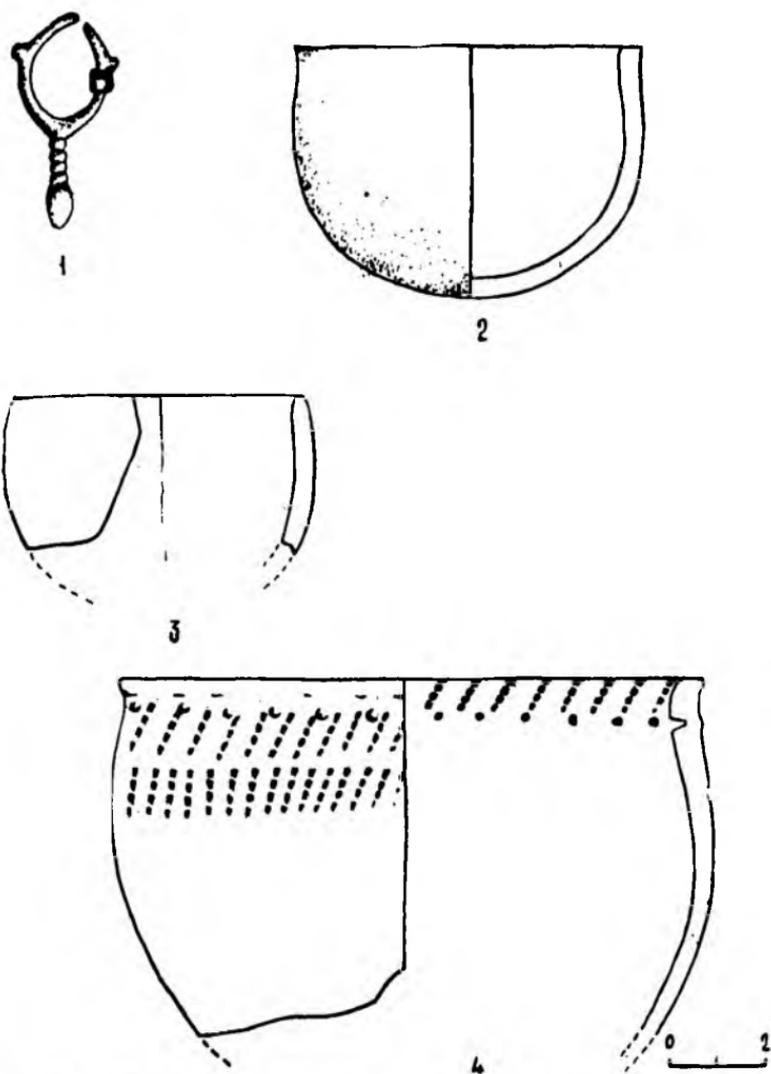

Рис. 25. ТКМ-1. Курган 13. 1, 2 — из погребения. Курган 14. 3, 4 — из насыпи. 1 — бронза, 2—4 — керамика

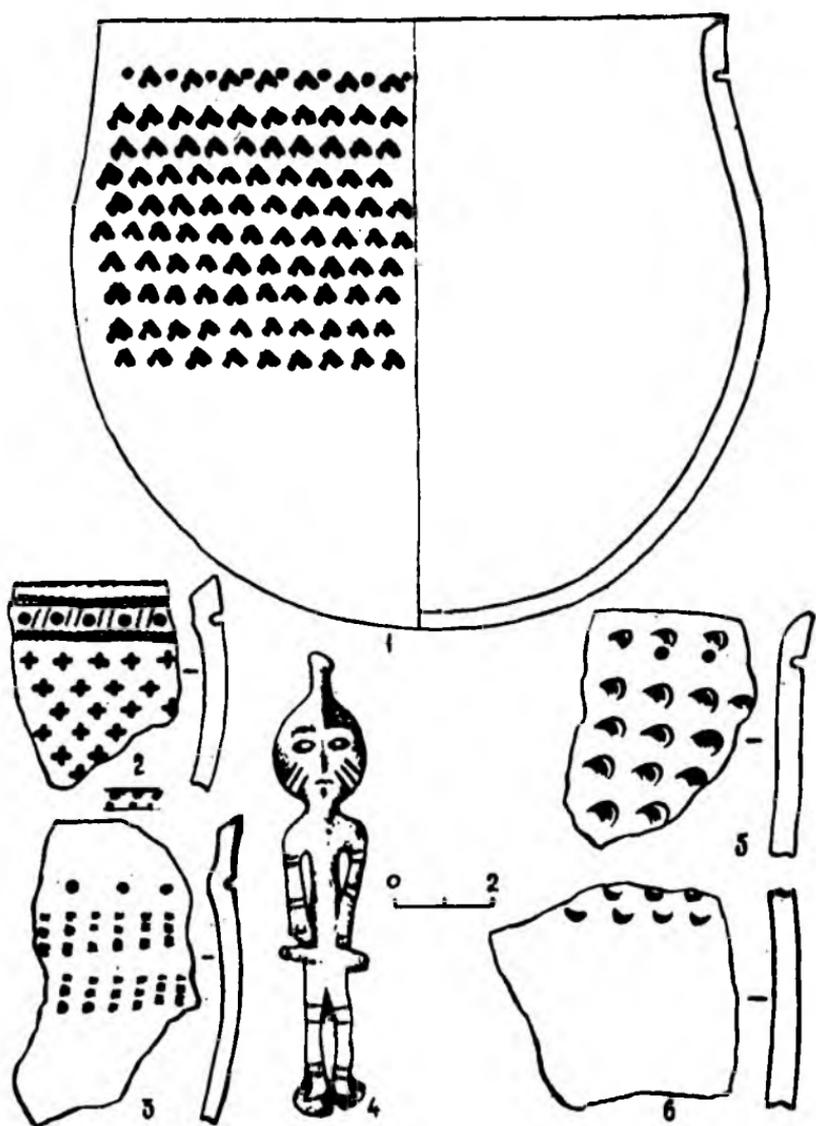

Рис. 26. ТКМ-1. Курган 15. 1 — из погребения; 2, 3, 5, 6 — из пятна; 4 — из насыпи. 1—3, 5, 6 — керамика; 4 — бронза

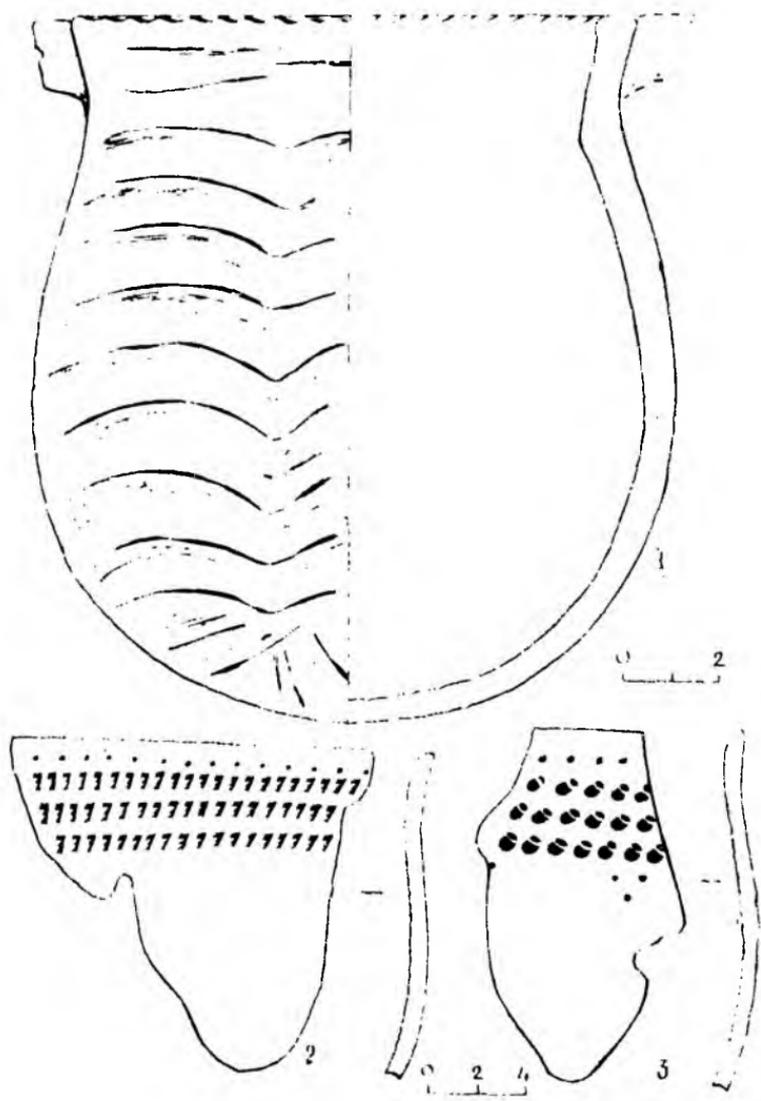

Рис. 27. ТКМ-I. Курган 16. 1, 3 — из пятеп. Курган 17. 2 — из насы-
пи, 1-3 — керамика

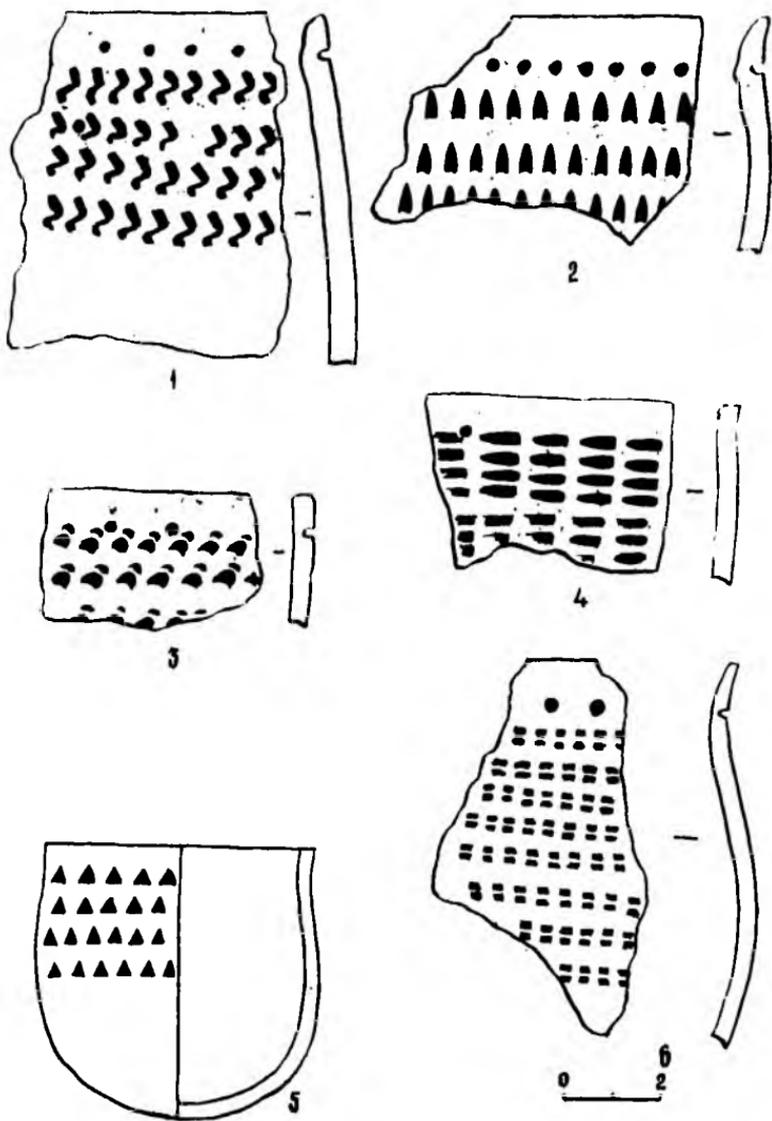

Рис. 28. ТКМ-I. Курган 16. 1-3 — из погребения; 4 — из пятна.
 Курган 17. 5, 6 — из насыпи. 1-6 — керамика

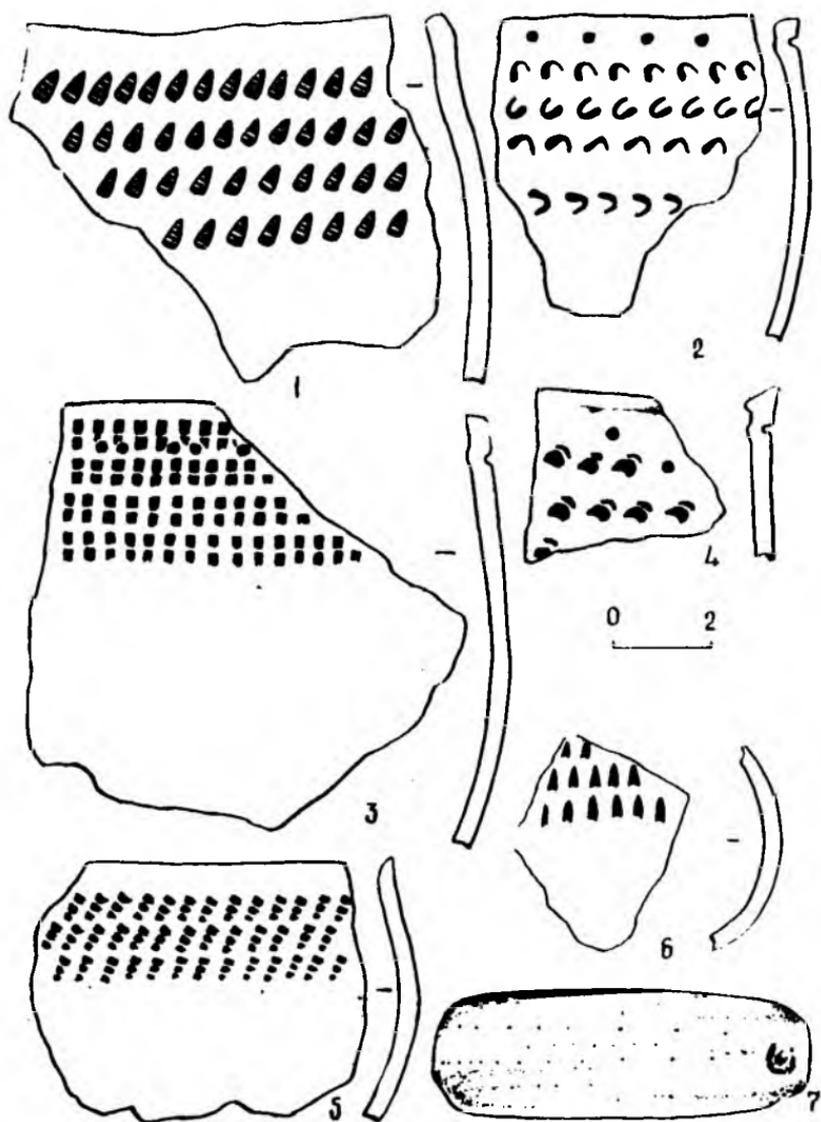

Рис. 29. ТКМ-I. Курган 19. 1-7 — из насыпи. 1-6 — керамика; 7 — камень

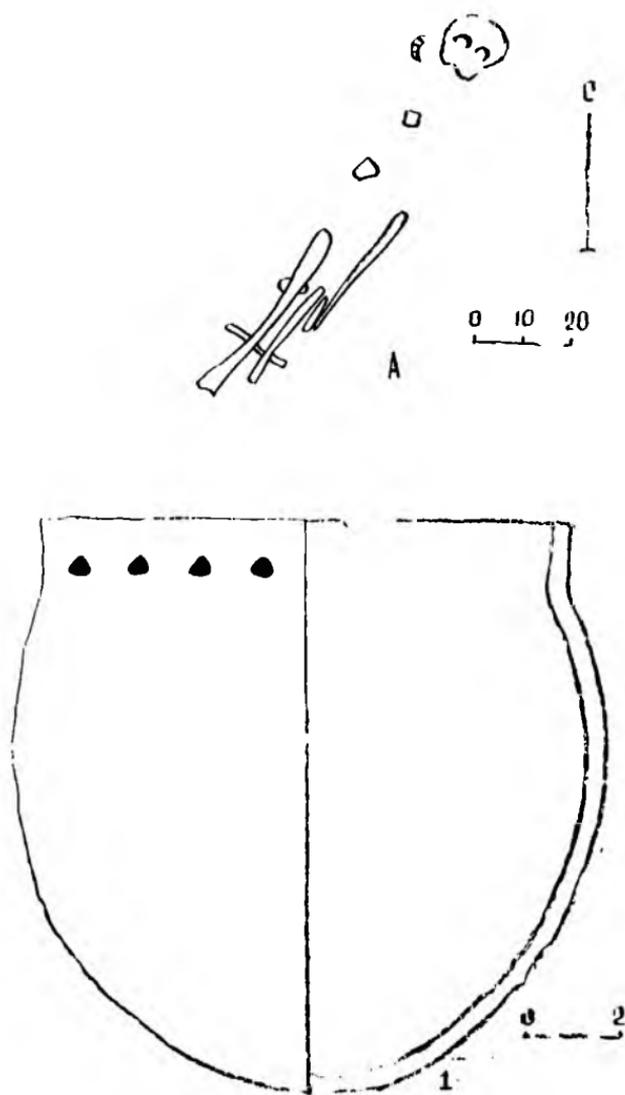

Рис. 30. ТКМ-I. Курган 20. 1 — керамика из насыпи. А — план погребения 1

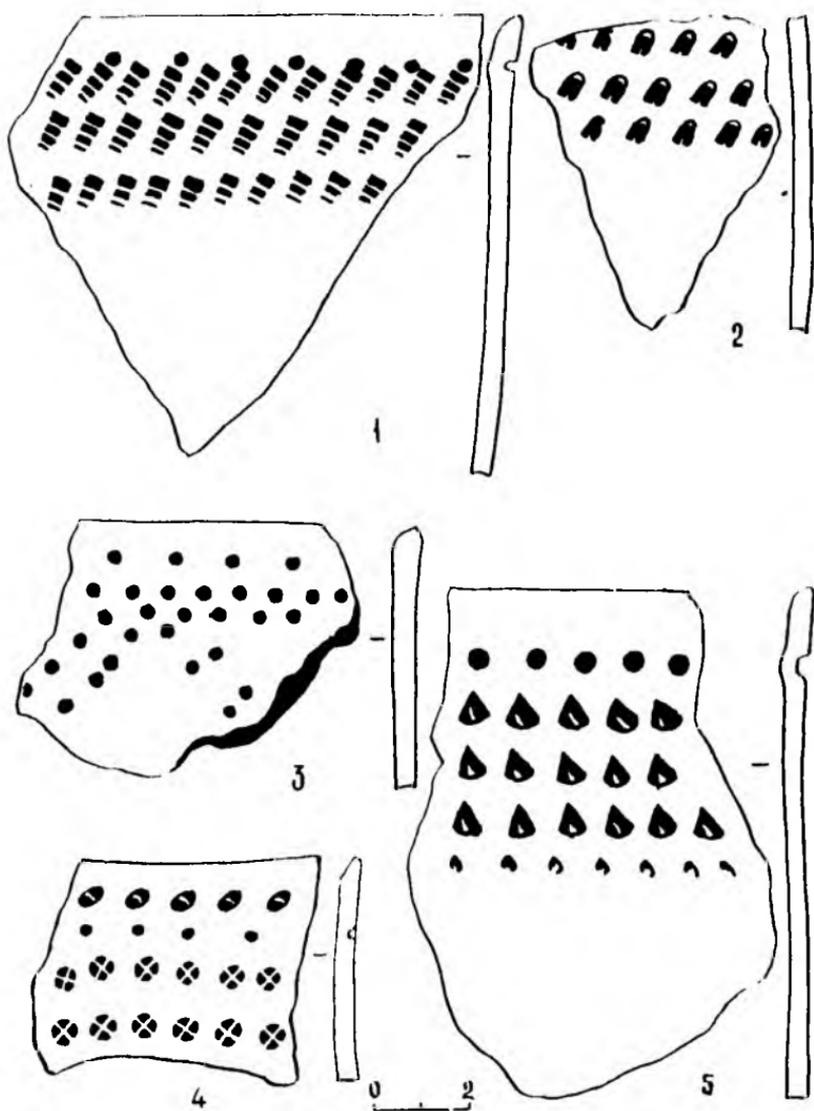

Рис. 31. ТКМ-I. Курган 20. 1-3 — из погребения 2. Курган 21. 4, 5 — из насыпи. 1-5 — керамика

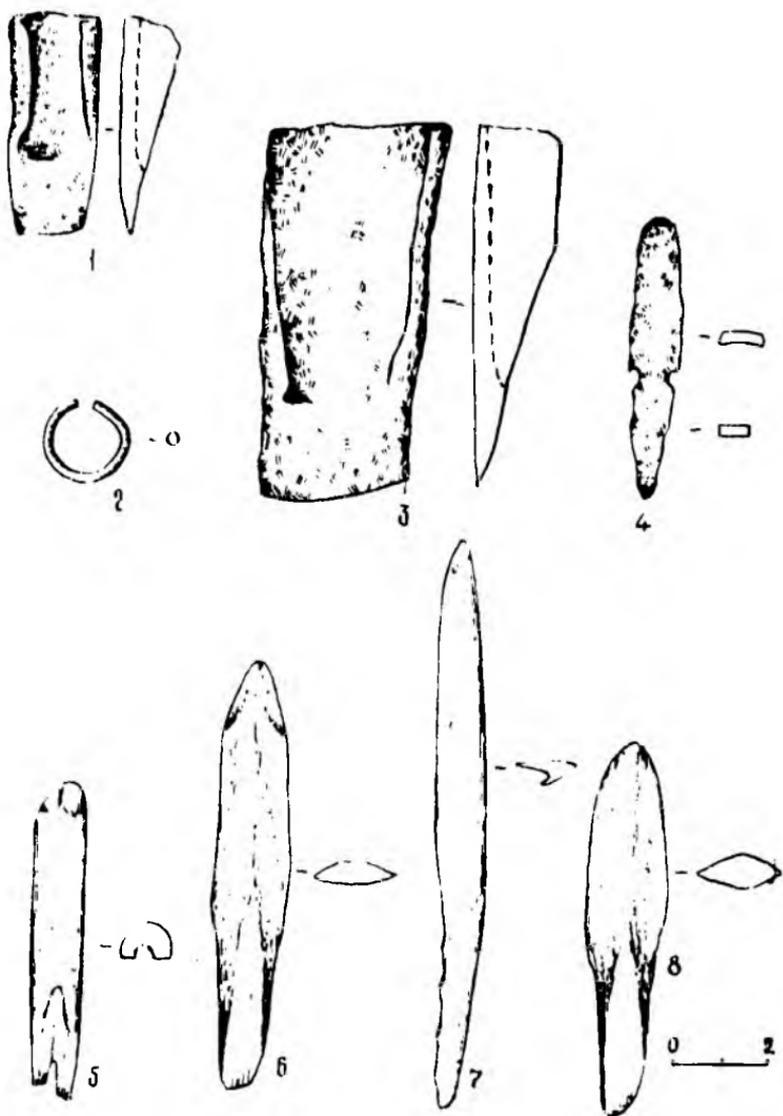

Рис. 32. ТКМ-1. Курган 22. 1 — из пятна. Курган 23. 2—8 — из погребения (?). 1, 3, 4 — железо; 2 — бронза; 5—8 — кость

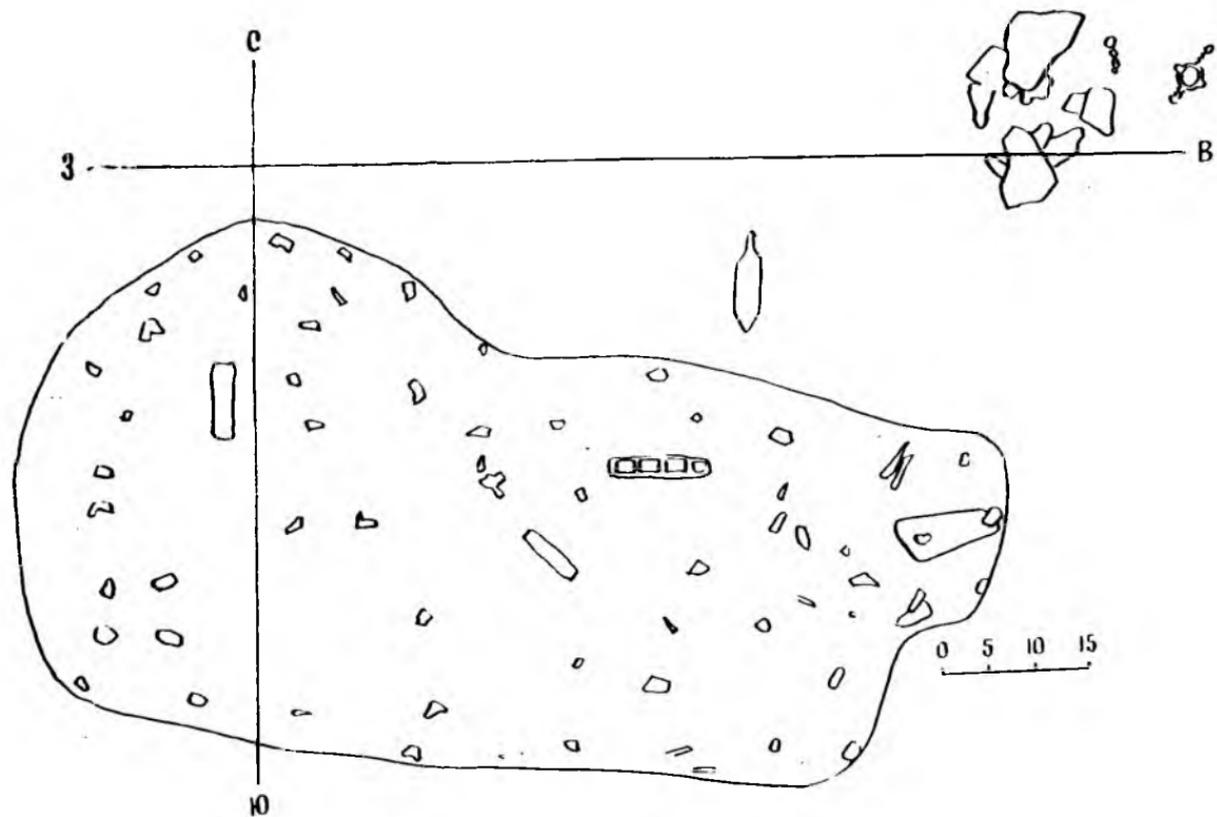

Рис. 33. ТКМ-I. Курган 24. План погребения

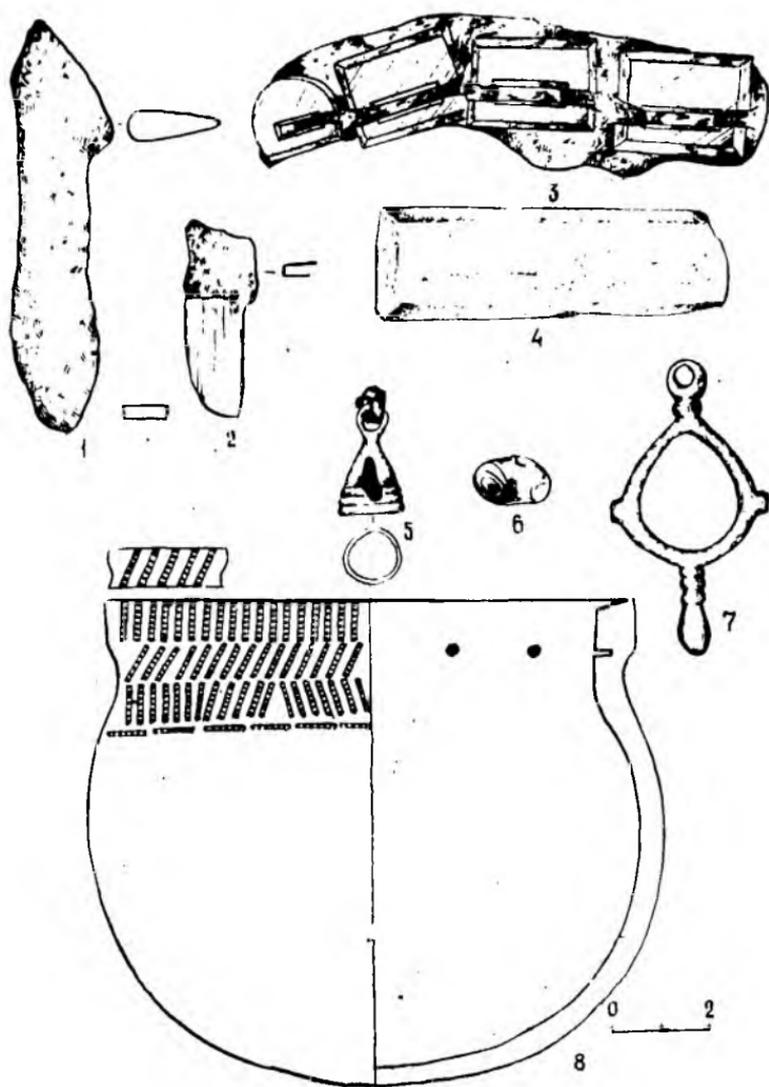

Рис. 34. ТКМ-1. Курган 24. 1—8 — из погребения. 1, 2 — железо; 3, 5, 7 — бронза; 4 — камень; 6 — стекло; 8 — керамика

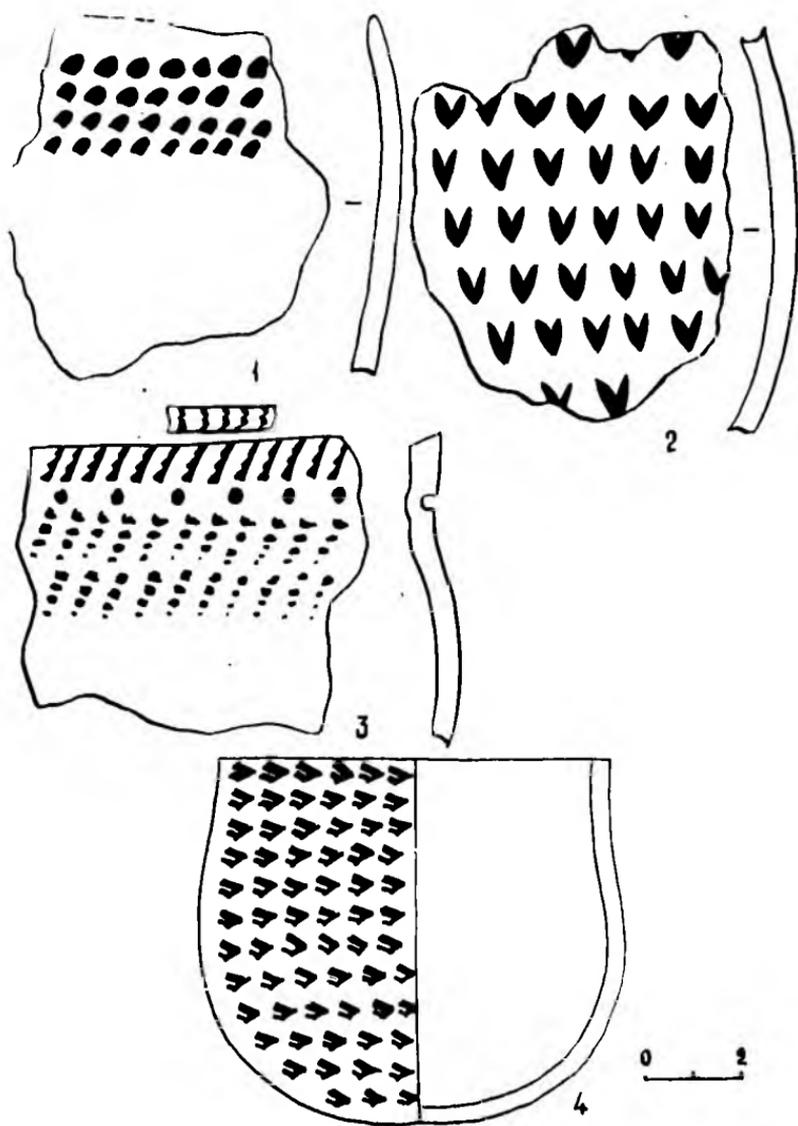

Рис. 35. ТКМ-I. Курган 25. 1—4 — керамика

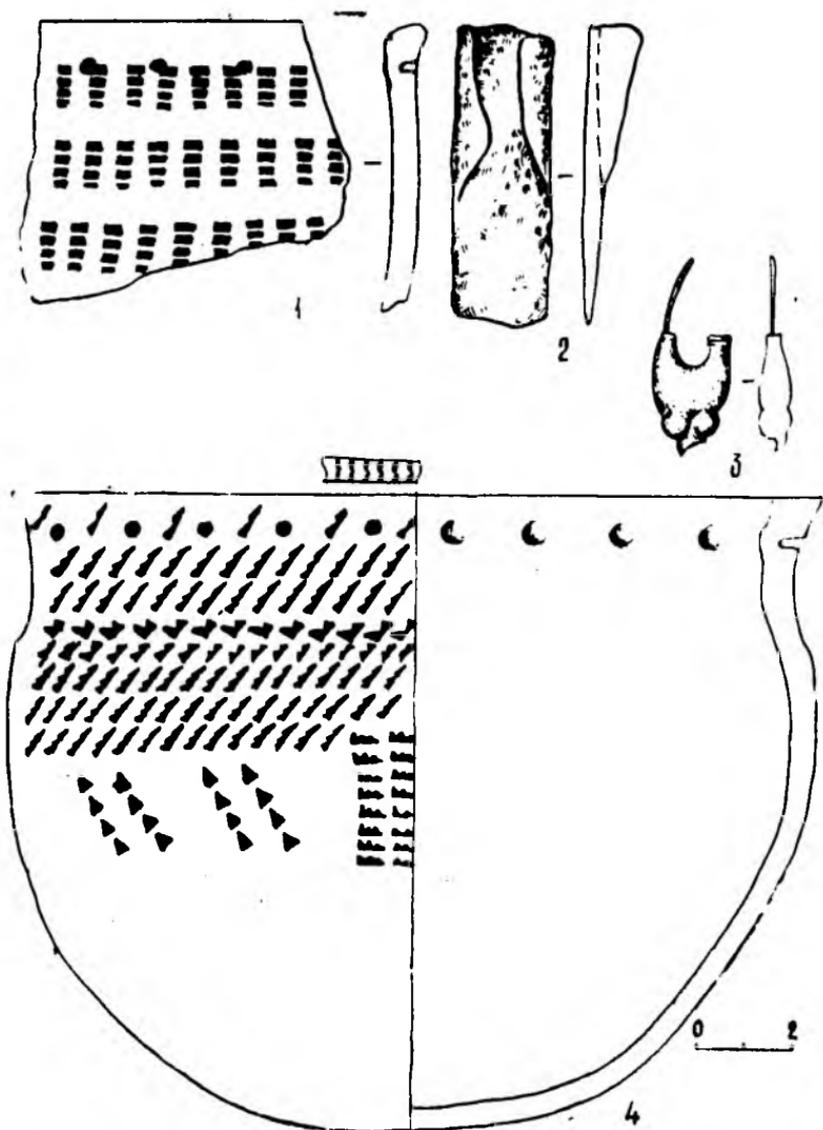

Рис. 36. ТКМ-I. Курган 25. 1, 2 — из насыпи. Курган 26. 3, 4 — из погребения. 1, 4 — керамика; 2 — железо; 3 — бронза

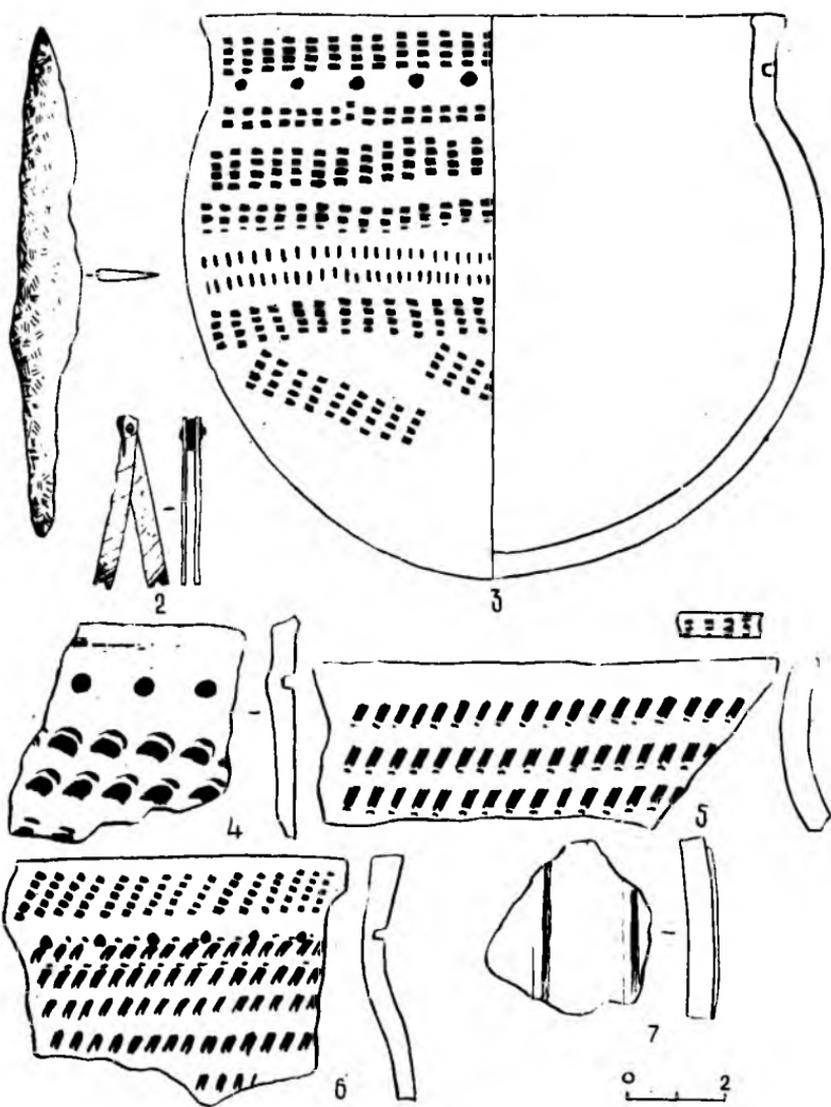

Рис. 37. ТКМ-I. Курган 27. 1, 2 — из погребения (?). Курган 28. 3—7 — из насыпи. 1 — железо; 2 — бронза; 3—7 — керамика

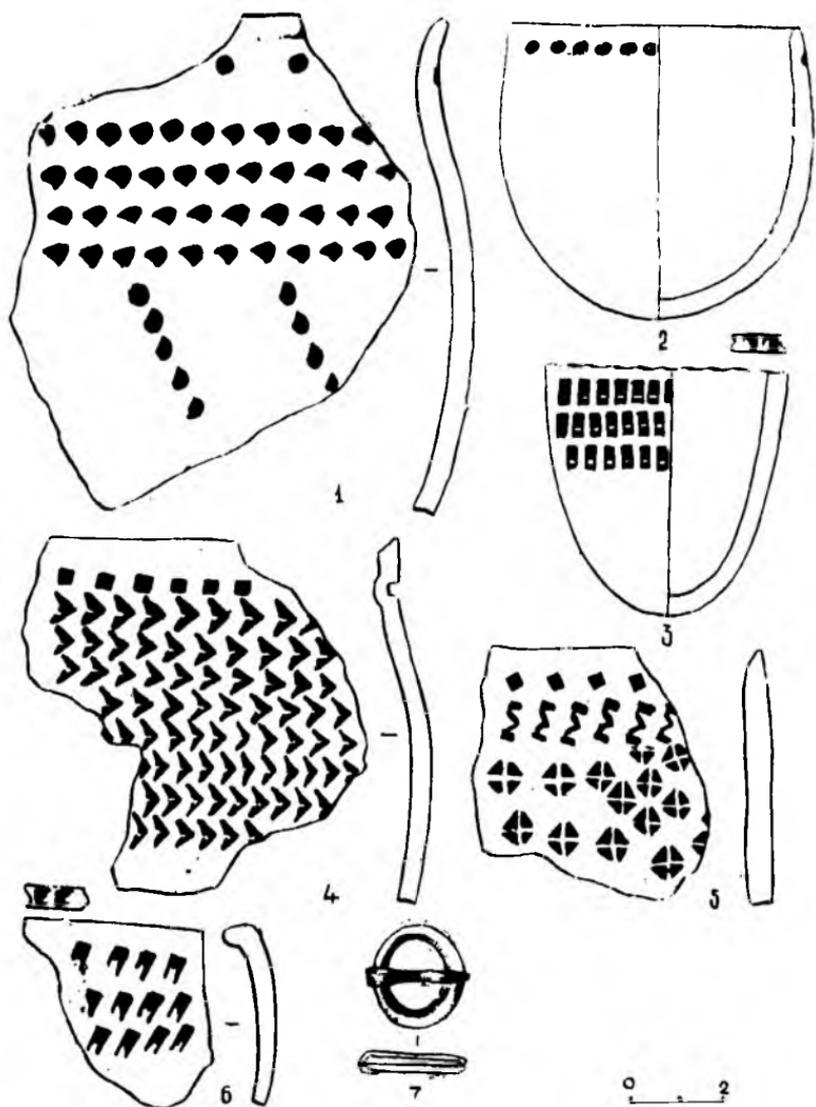

Рис. 38. ТКМ-I. Курган 28. 1 — из насыпи. Курган 29. 2 — из пятна; 3—7 — из насыпи. 1—6 — керамика; 7 — железо

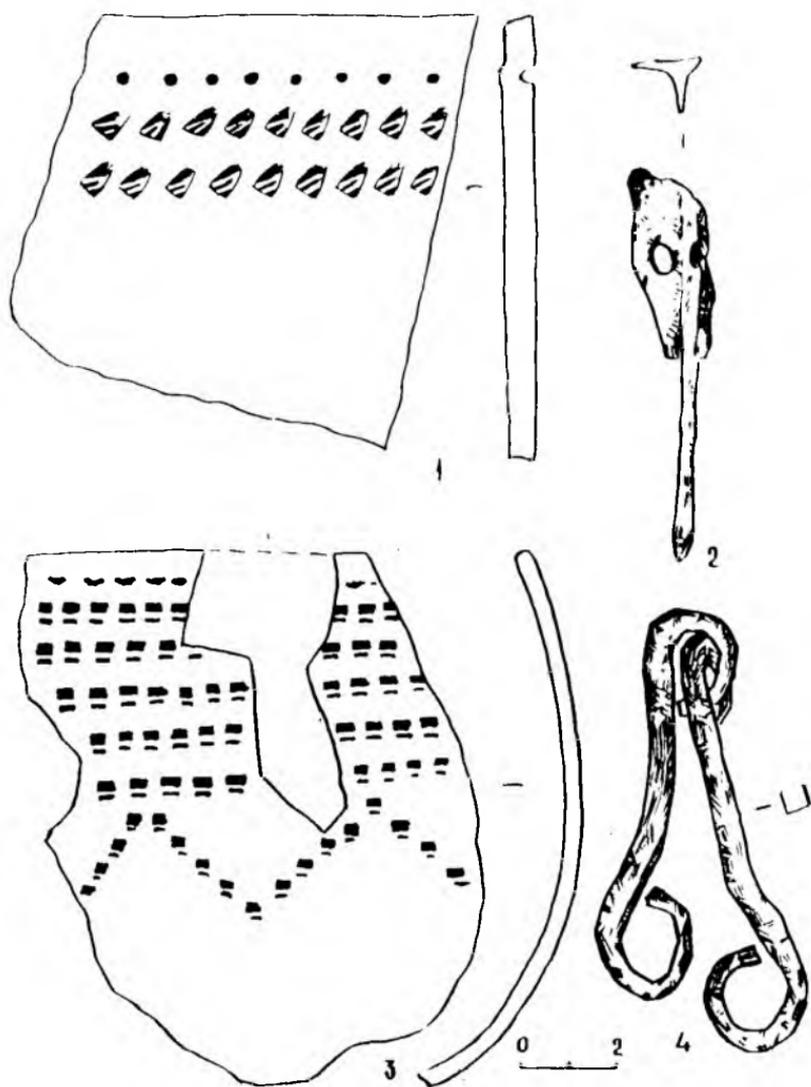

Рис. 39. ТКМ-I. Курган 30. 1, 3, 4 — из насыпи; 2 — из погребения.
1, 3 — керамика; 2, 4 — железо

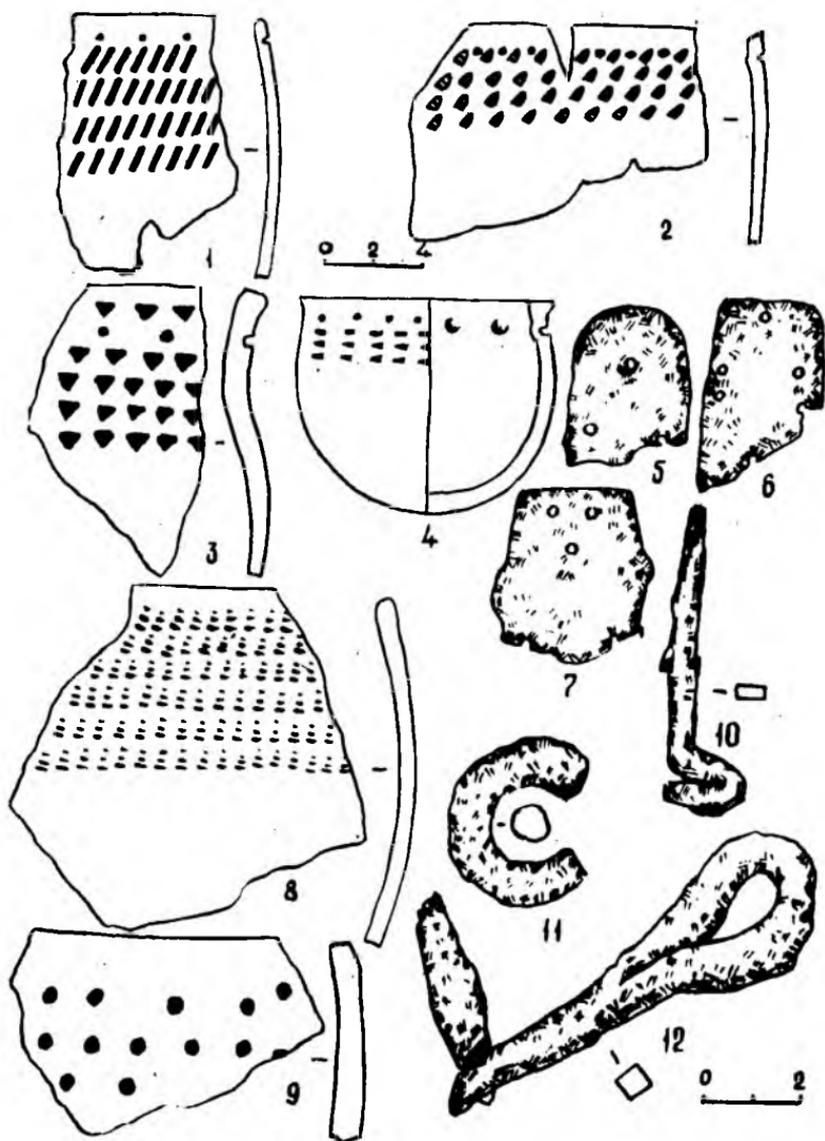

Рис. 40. ТКМ-1. Курган 31. 1 — из пятна; 2 — из насыпи. Курган 32. 3, 8, 9, 12 — из насыпи; 5, 7, 10, 11 — из погребения. 1, 4, 8, 9 — керамика; 5, 7, 11—12 — железо

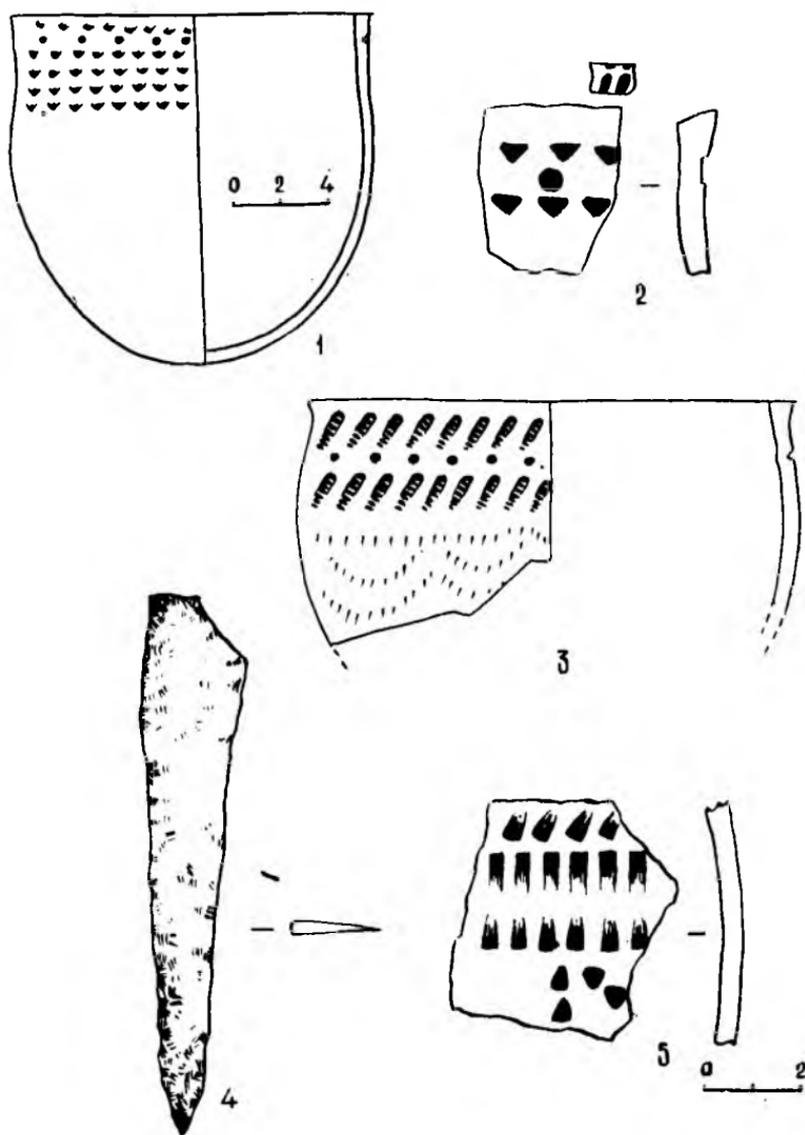

Рис. 41. ТКМ-I. Курган 33. 4, 5 — из грабительской ямы. Курган 34.
1, 3 — из насыпи; 2 — из пятна. 1—3, 5 — керамика; 4 — железо

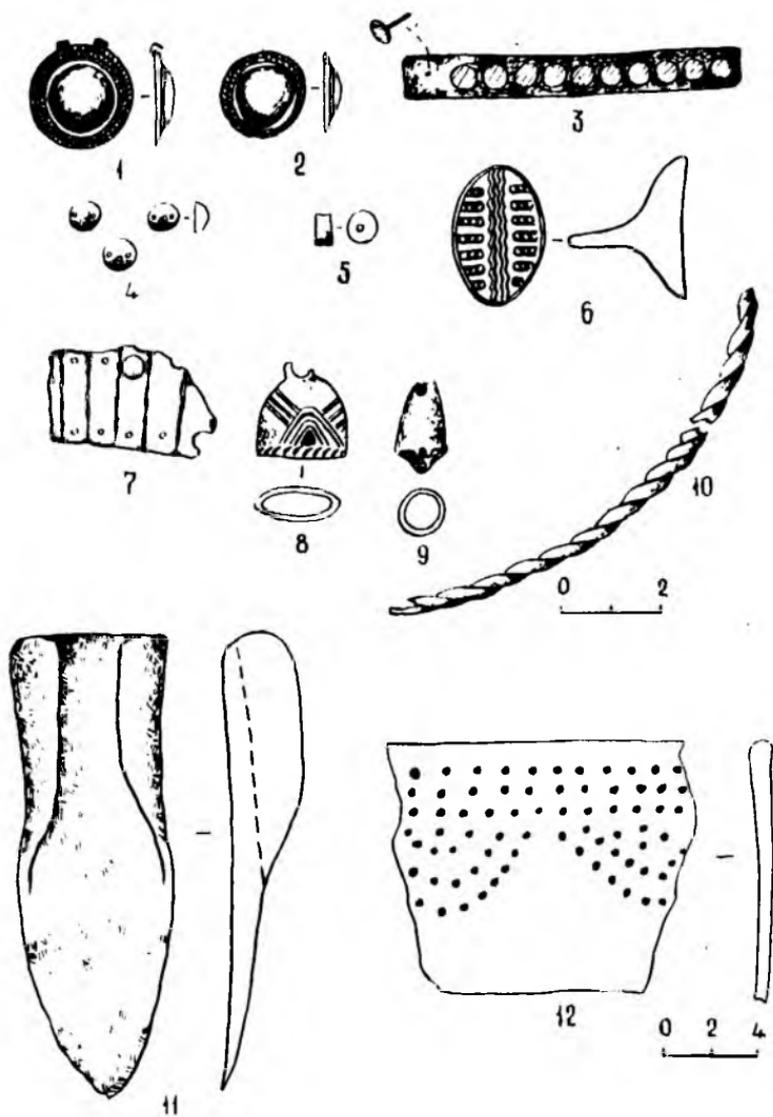

Рис. 42. ТКМ-I. Курган 35. 1-12 — из погребения. 1,2 — серебро, позолота, камень; 3, 7 — кожа и бронза; 4-6, 8-10 — бронза; 11 — железо; 12 — керамика

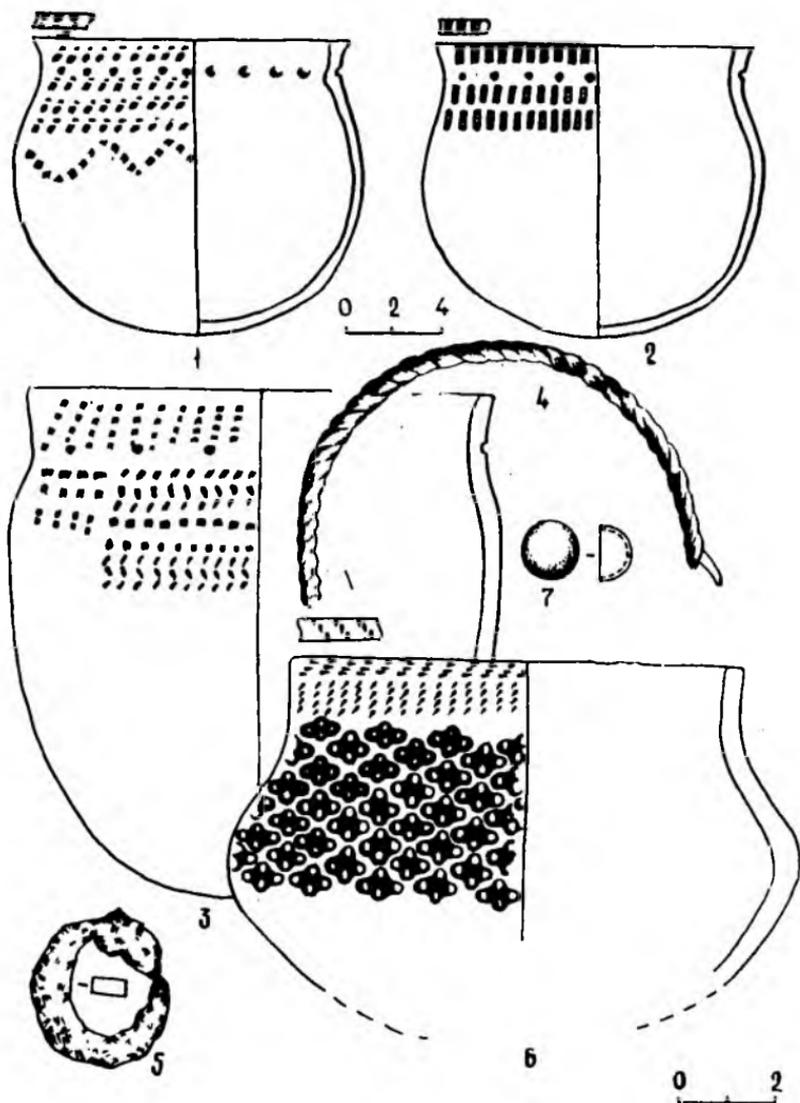

Рис. 43. ТКМ-1. Курган 36. 1, 2, 5-7 — из насыпи; 3, 4 — из погребения. 1-3, 6 — керамика; 4, 7 — бронза; 5 — железо

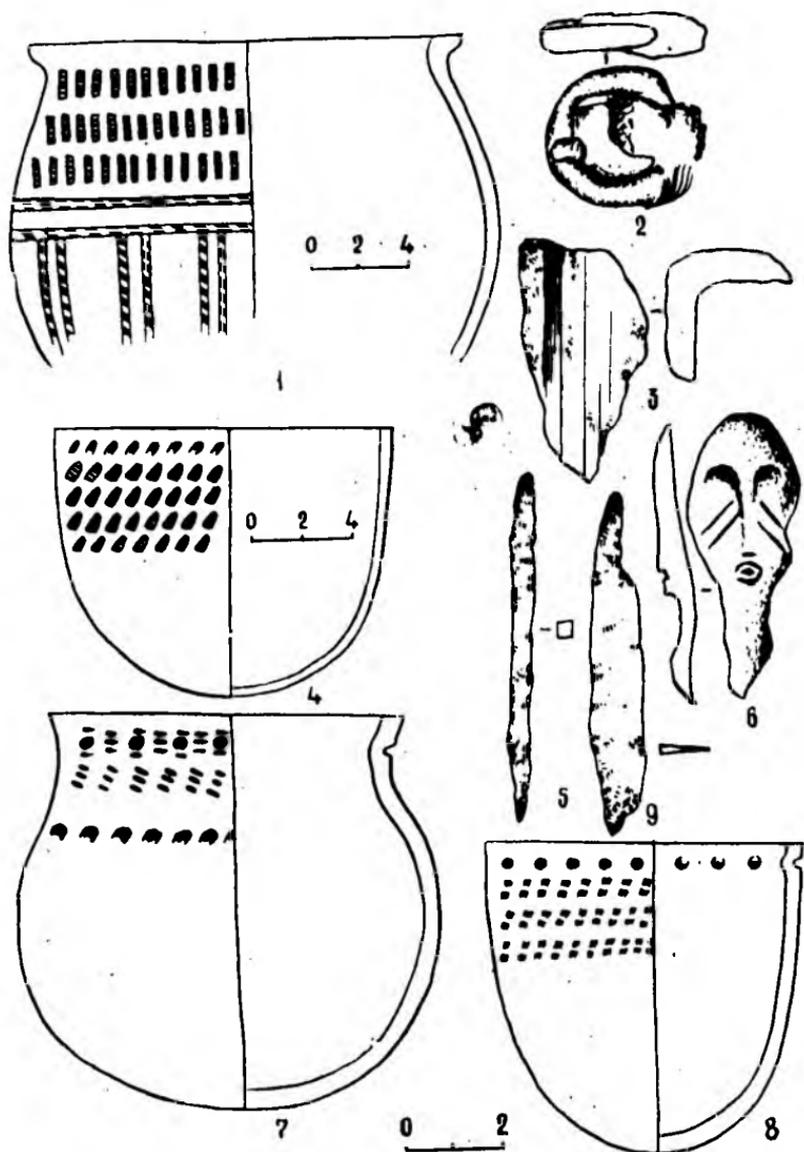

Рис. 44. ТКМ-1. Курган 39. 1, 3, 5—9 — из насыпи; 2, 4 — из погребения. 1, 4, 7, 8 — керамика; 2, 3, 5, 9 — железо; 6 — бронза

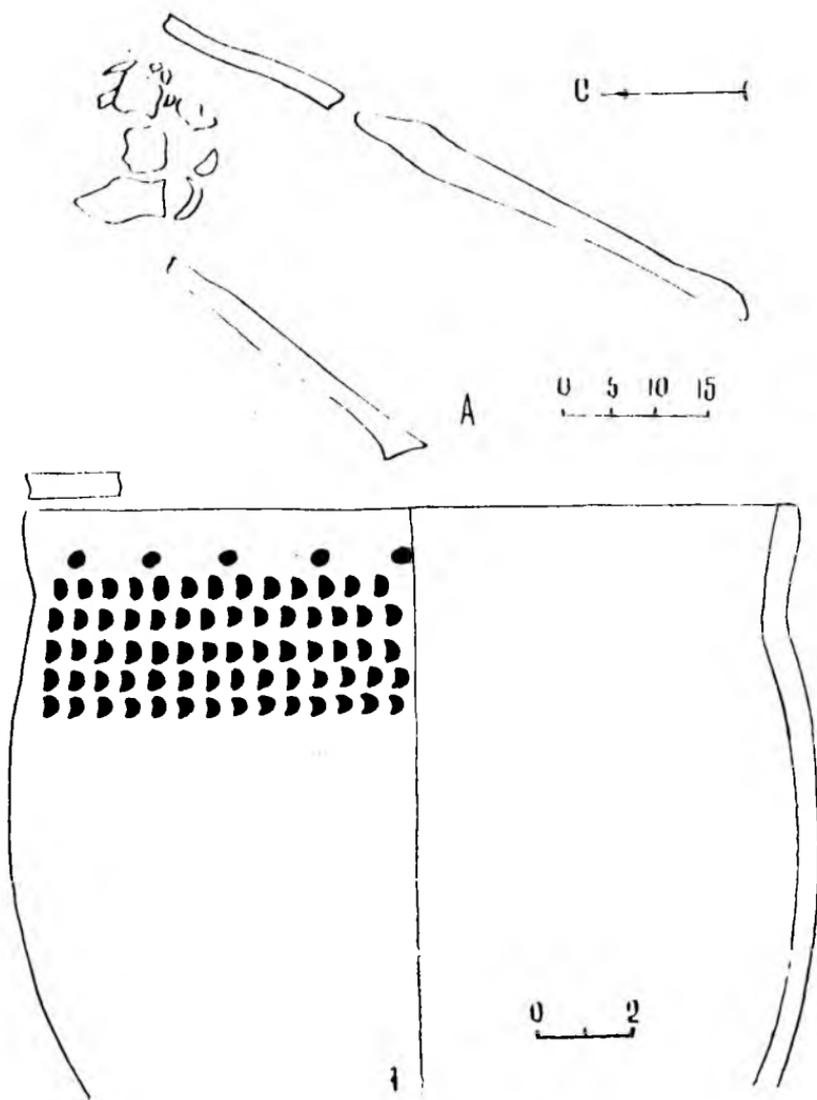

Рис. 45. ТКМ-I. Курган 43. *1* — из насыпи. *A* — план погребения.
1 — керамика

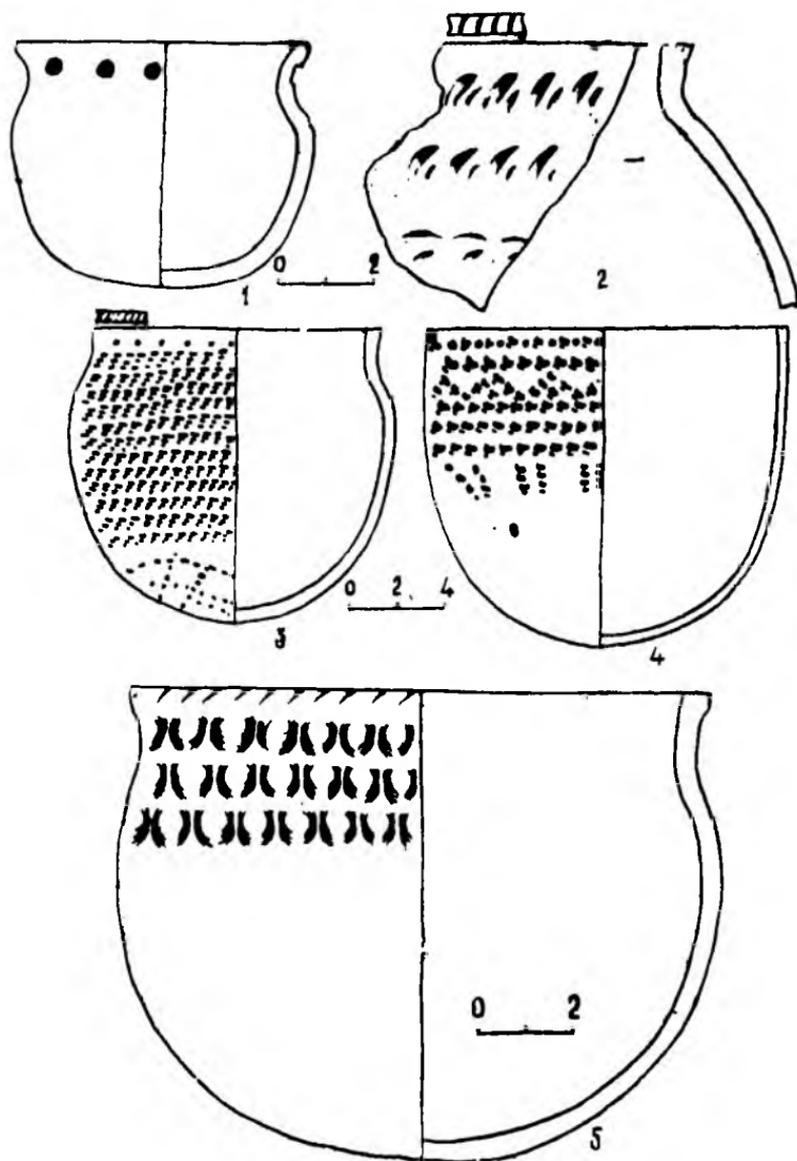

Рис. 46. ТКМ-1. Курган 44. 1, 2, 4, 5 — из насыпи; 3 — из грабительской ямы. 1—5 — керамика

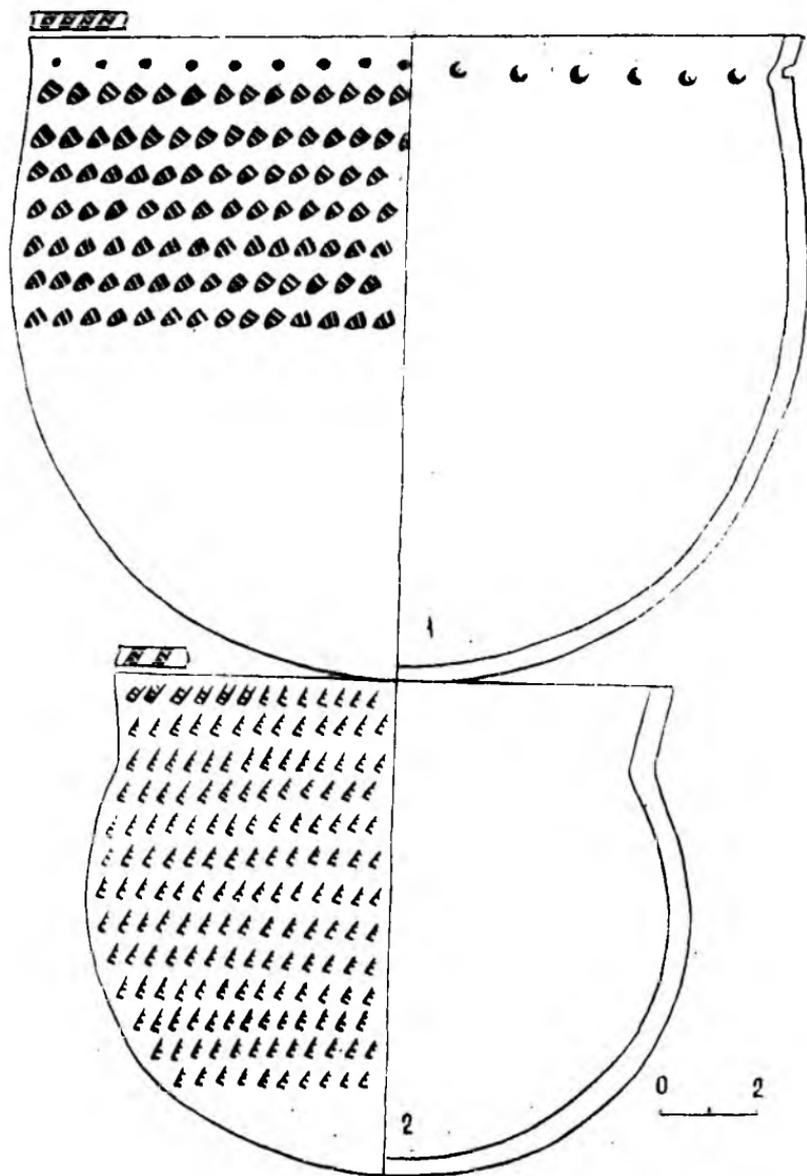

Рис. 47. ТКМ-I. Курган 45. 1, 2 — керамика из насыпи

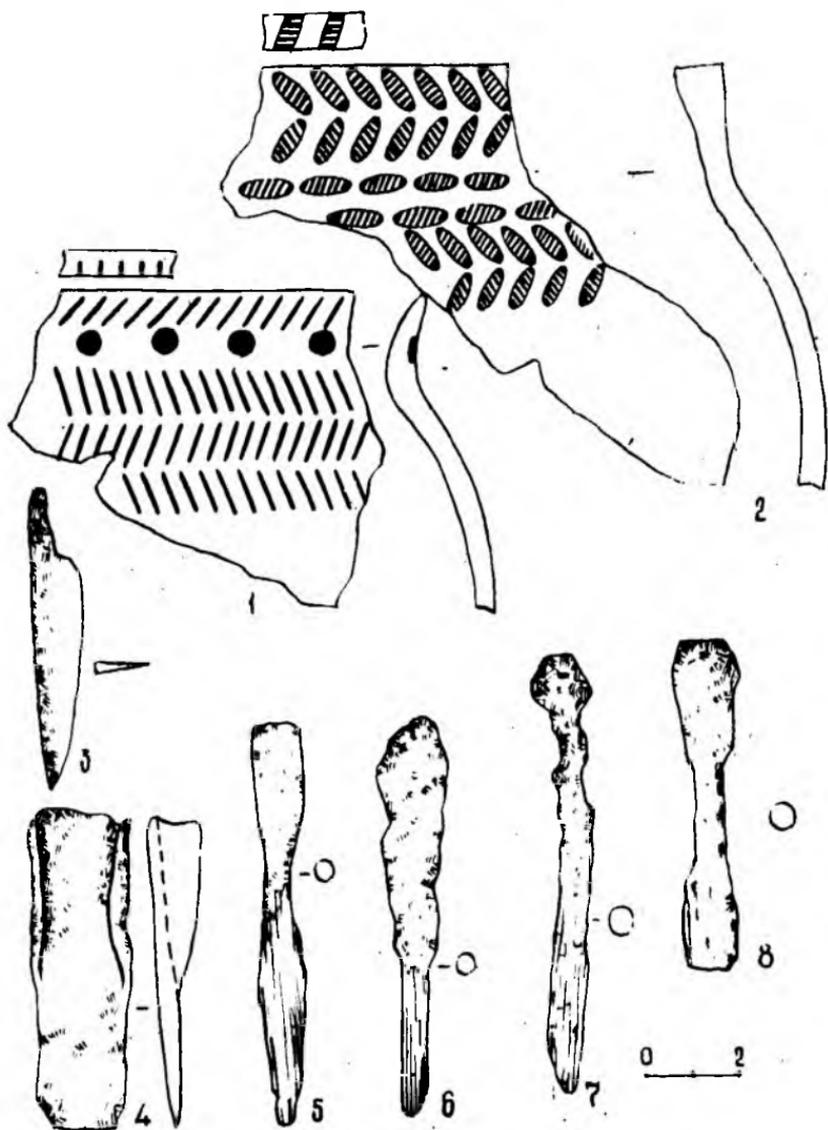

Рис. 48. ТКМ-I. Курган 46. 1-4 — из насыпи; 5-8 — из погребения. 1, 2 — керамика; 3-8 — железо

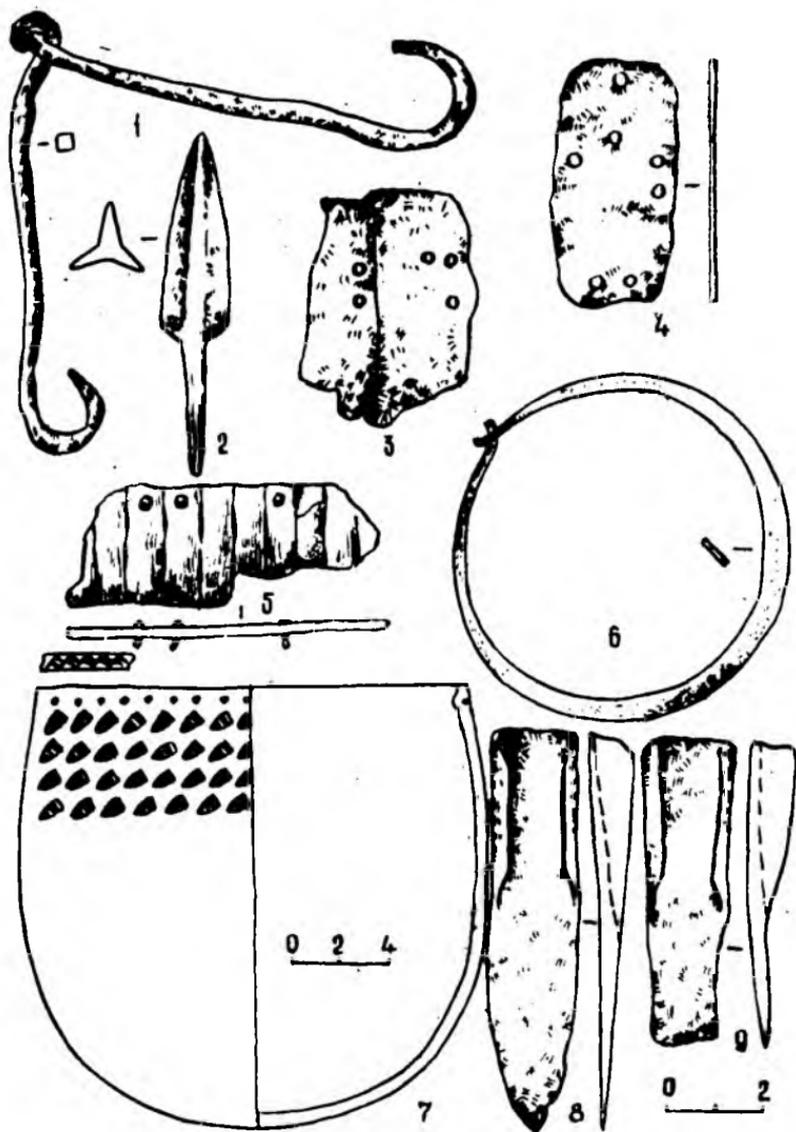

Рис. 49. ТКМ-1. Курган 48. 1—4 — из насыпи; 5 — из погребения.
 Курган 49. 6—9 — из нарушенного погребения. 1—4, 8—9 — желе-
 зо; 5 — кожа, бронза; 6 — бронза; 7 — керамика

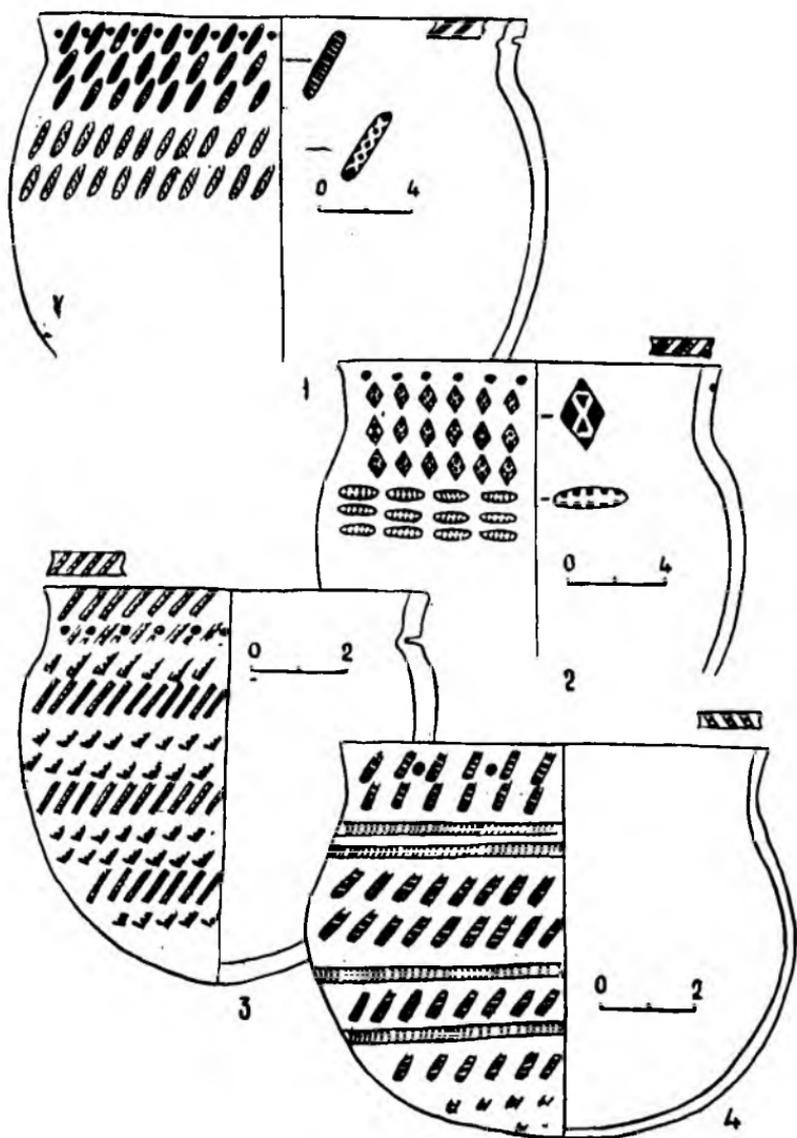

Рис. 50. ТКМ-1. Курган 52. 1 — из насыпи, 2 — из погребения. Курган 53. 3 — из насыпи. Курган 54. 4 — из погребения. 1—4 — керамика

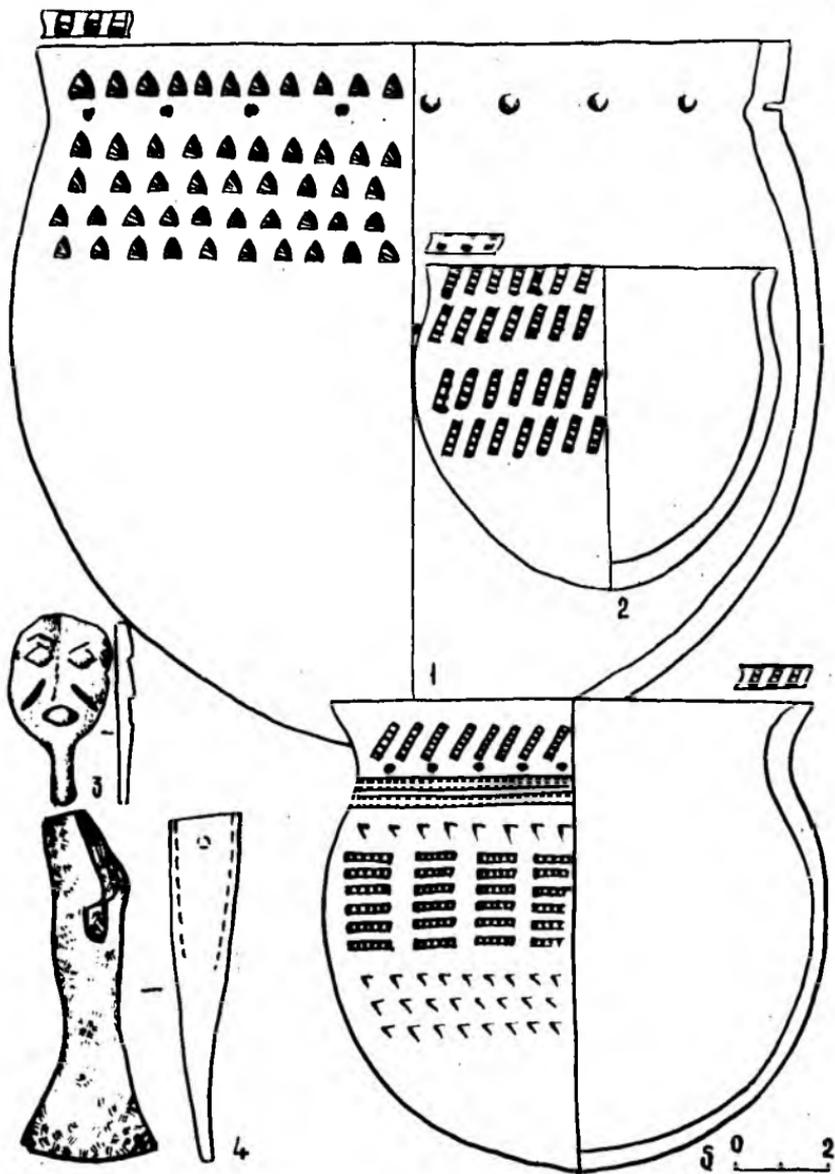

Рис. 51. ТКМ-I. Курган 59. 1, 3 — из насыпи; 2, 4, 5 — из погребения, 1, 2, 5 — керамика; 3 — бронза; 4 — железо

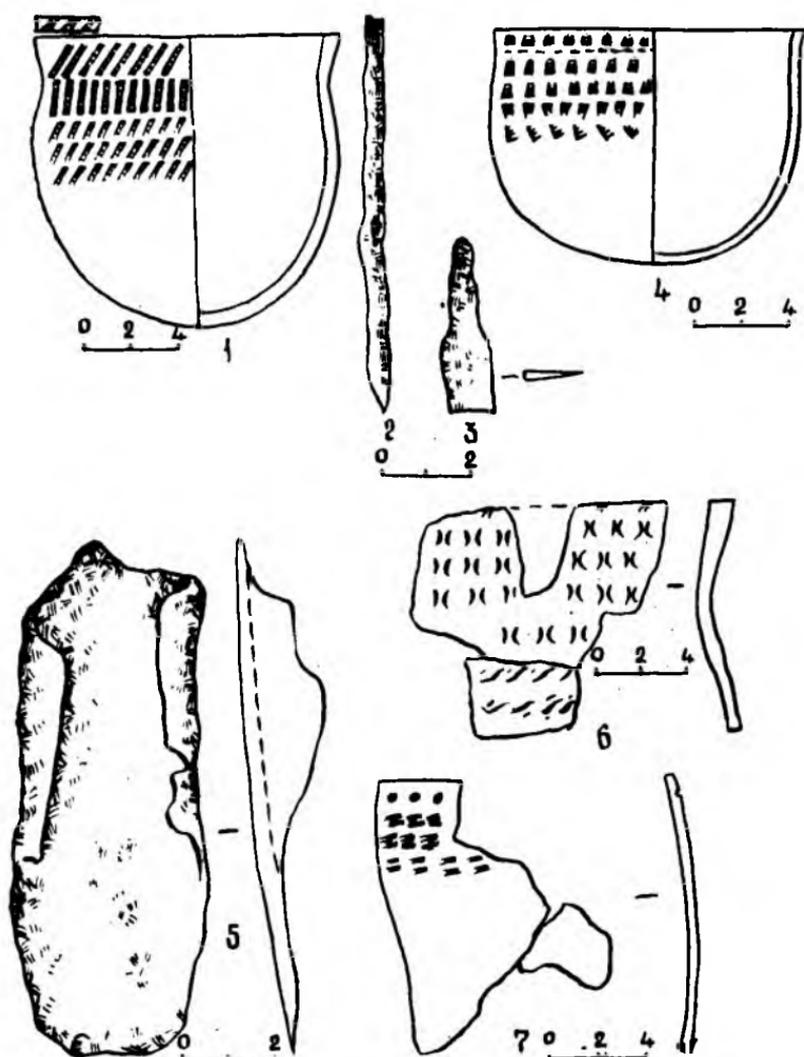

Рис. 52. ТКМ-I. Курган 61. 1—7 — из насыпи. 1, 4, 5—7 — керамика; 2—3 — железо

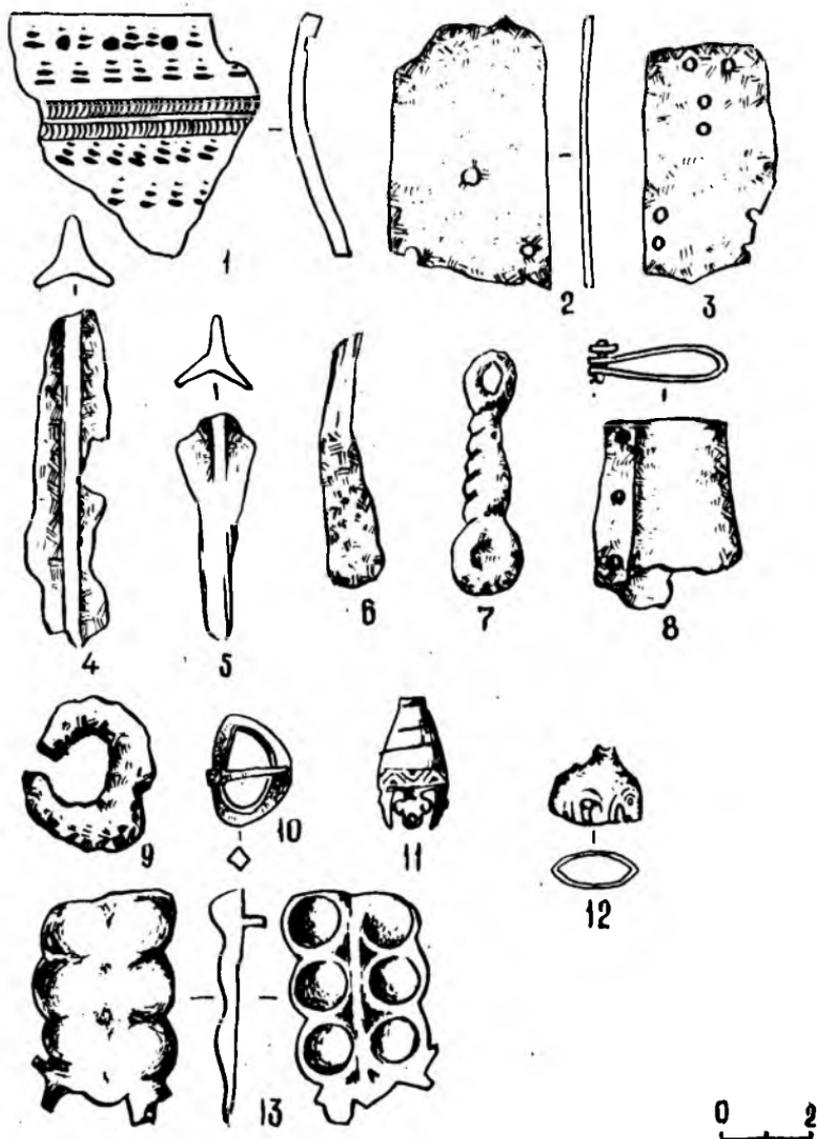

Рис. 53. ТКМ-1. Курган 62. 1—7, 9—13 — из погребения; 8 — из насыпи. 1 — керамика; 2—10 — железо; *11—13 — бронза

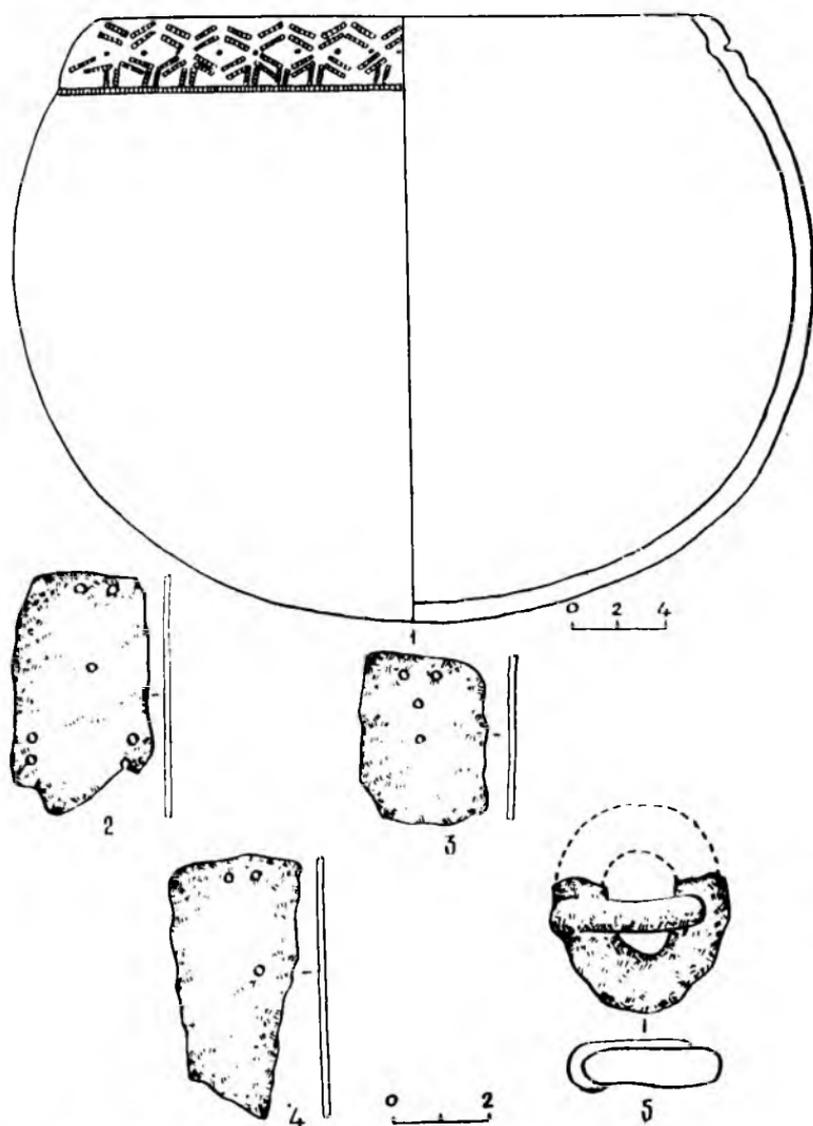

Рис. 54. ТКМ-I. Курган 62. 2-5 — из погребения. Курган 63. 1 — из насыпи. 1 — керамика; 2-5 — железо

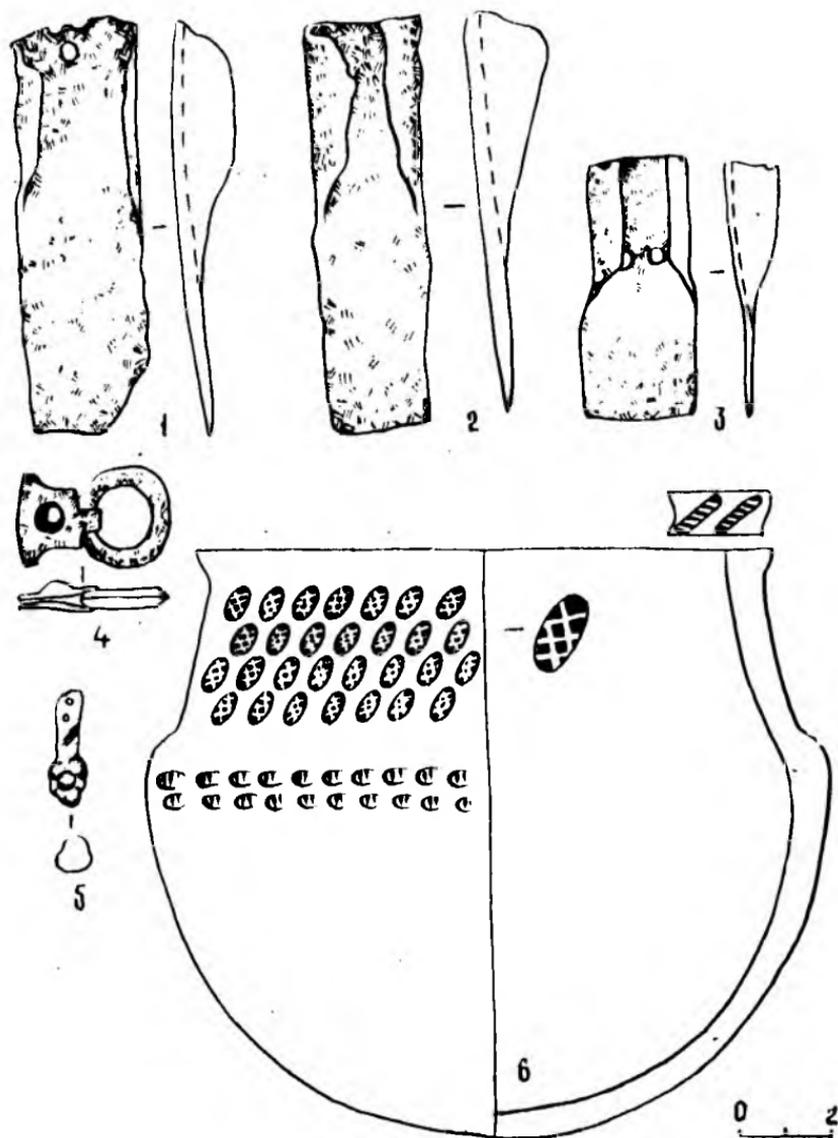

Рис. 55. ТКМ-I. Курган 64. 1 — из насыпи; 2—4 — из пятна. Курган 65. 5 — из погребения. Курган 66. 6 — из погребения. 1—4 — железо; 5 — бронза; 6 — керамика

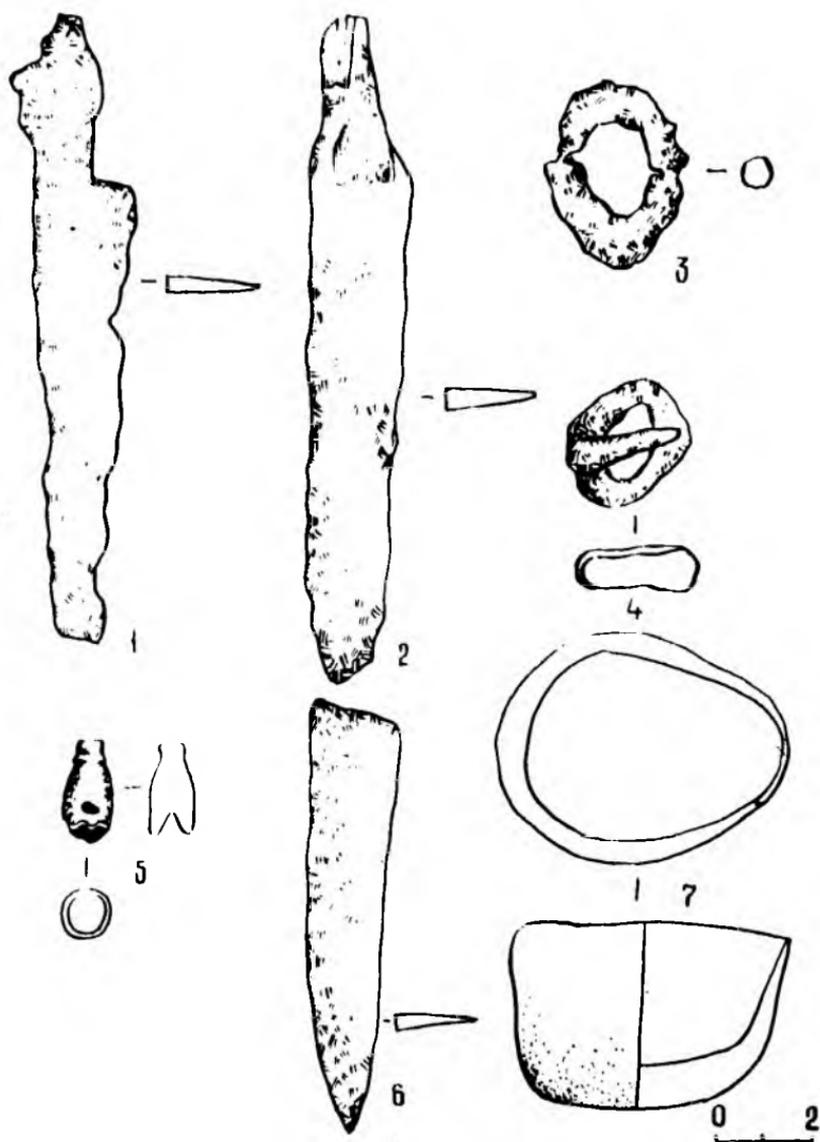

Рис. 56. ТКМ-I. Курган 66. 2—5 — из погребений. Курган 67. 1, 6 — из погребения; 7 — из насыпи. 1—4, 6 — железо; 5 — бронза; 7 — керамика

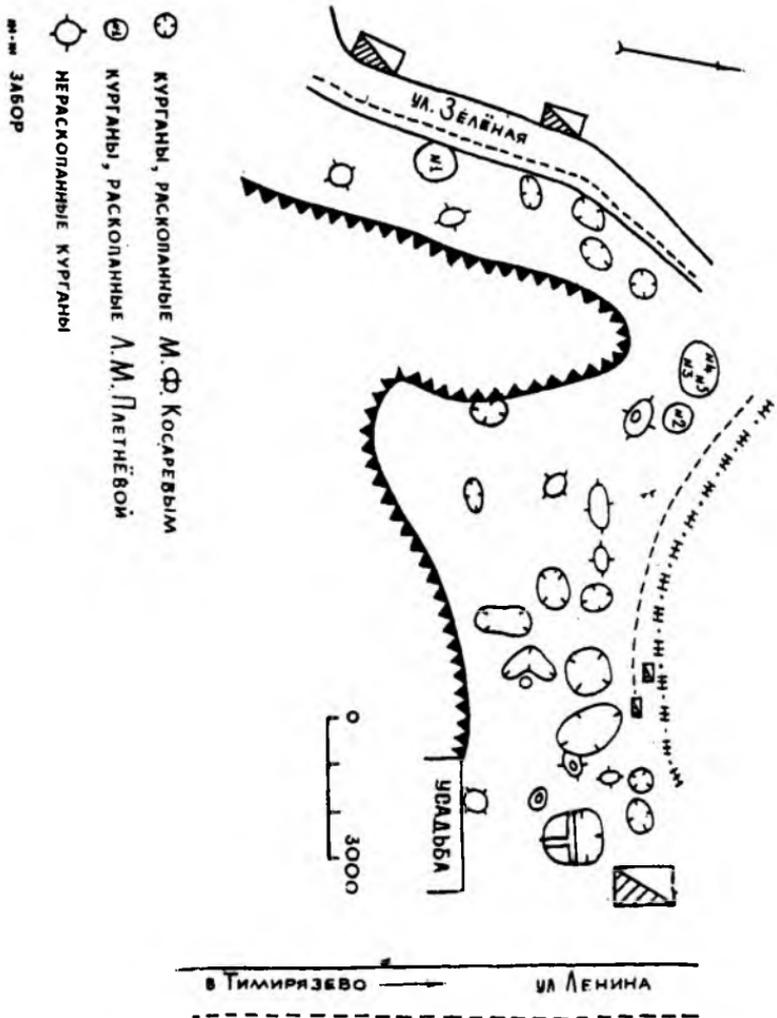

Рис. 57. ТКМ-II. Общий план могильника

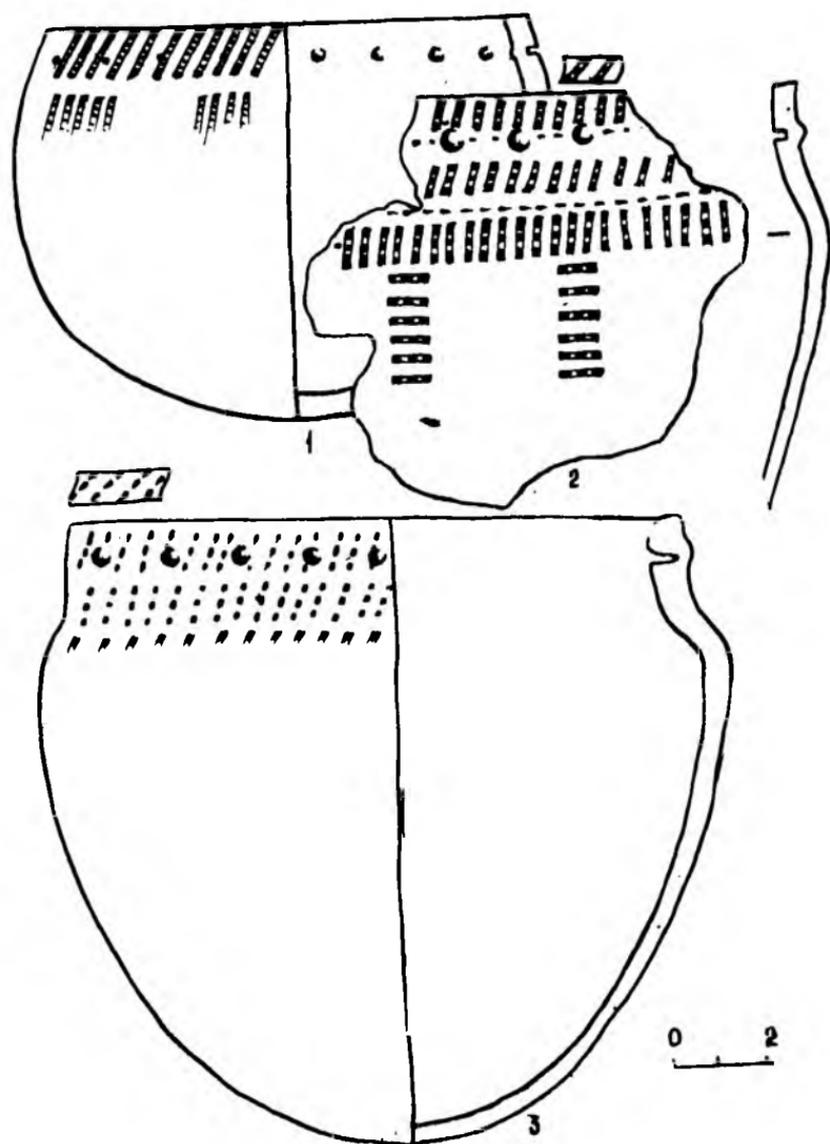

Рис. 58. ТКМ-II. Курган 1. 1-3 — из насыпи. 1-3 — керамика

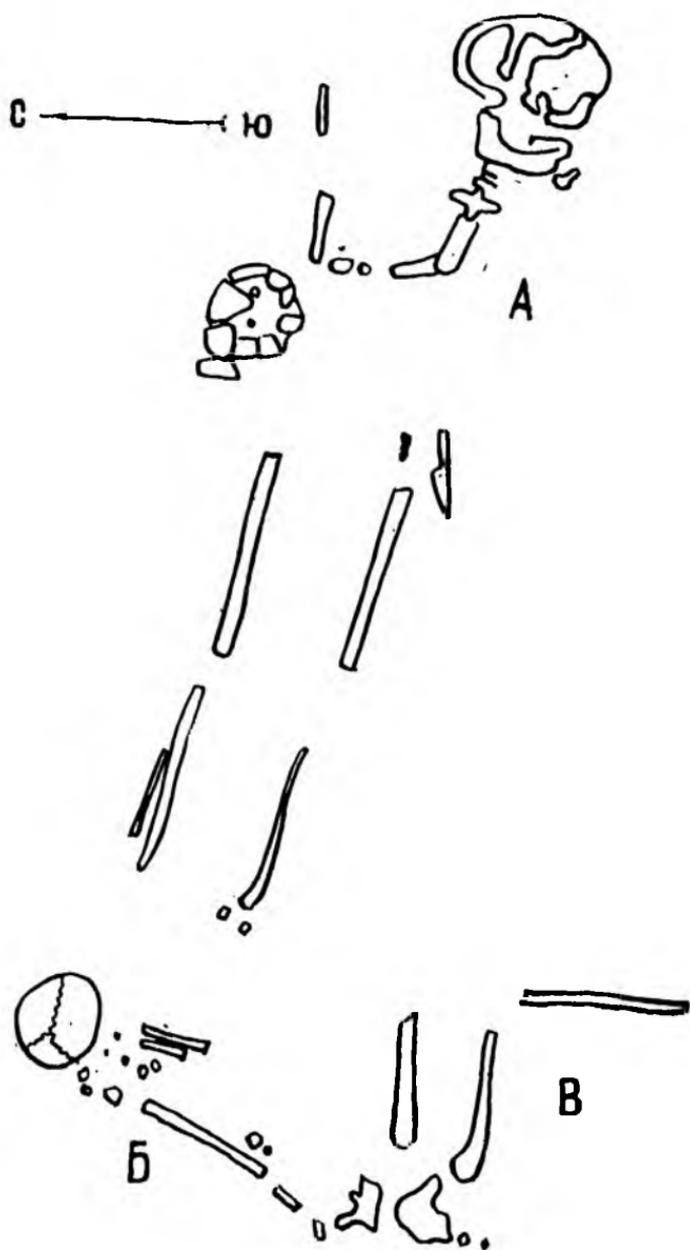

Рис. 59. ТКМ-1L. Курган 2. А — костяк 1, Б — костяк 2, В —
зубы ребенка

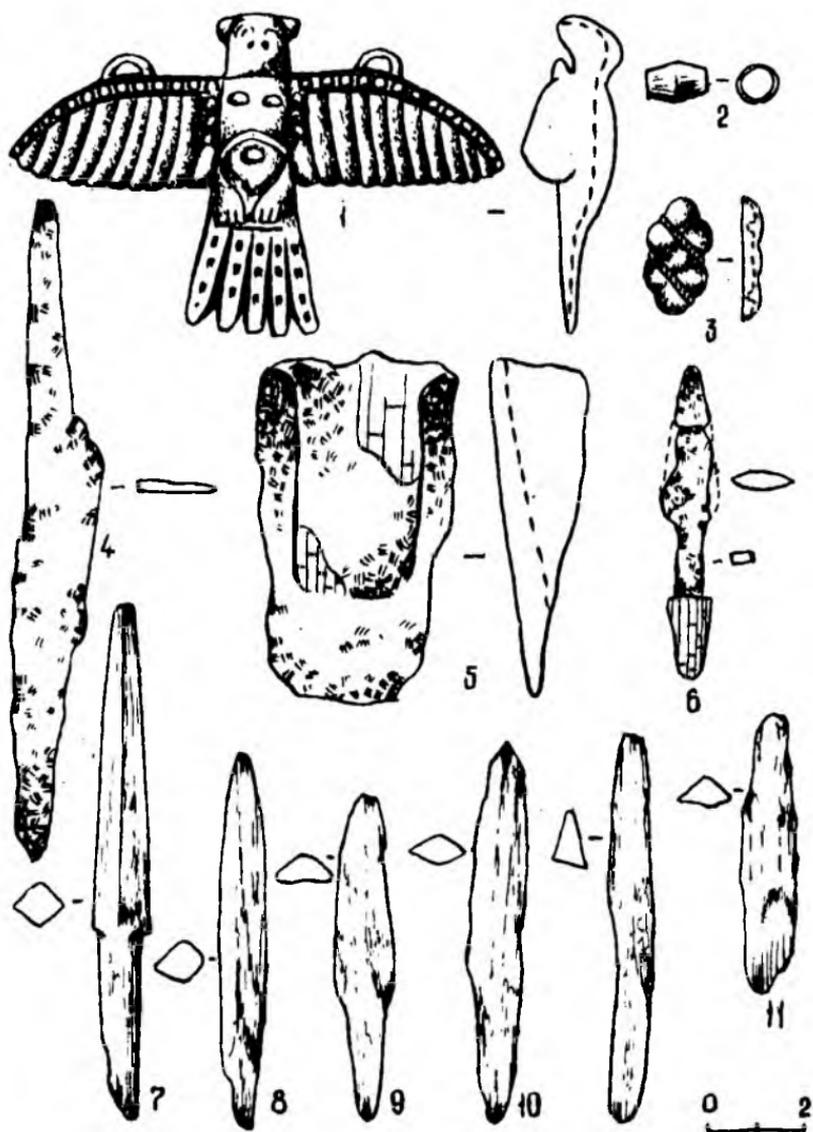

Рис. 60. ТКМ-II. Курган 2. 1—11 — из погребения. 1—3 — бронза; 4—6 — железо; 7—11 — кость

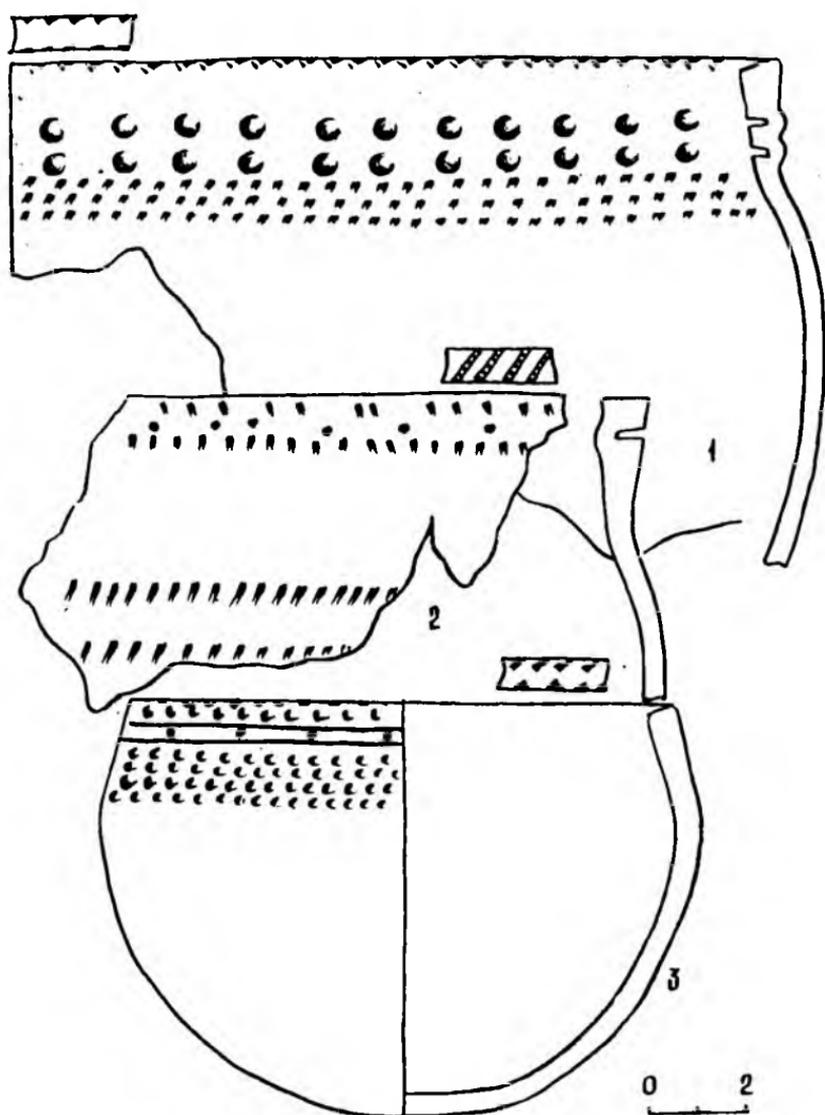

Рис. 61. ТКМ-II. Курган 2. 1-2 — из насыпи; 3 — из погребения.
1-3 — керамика

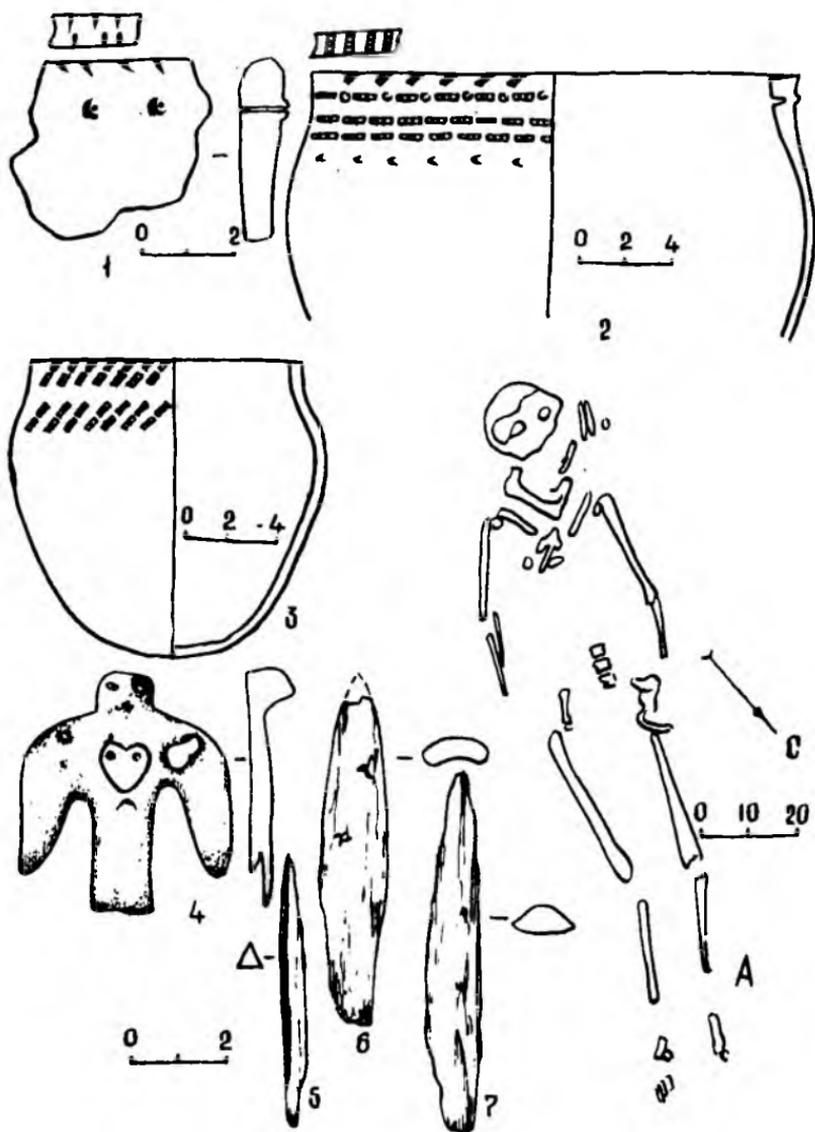

Рис. 62. ТКМ-11. Курган 3. 1 — из насыпи. Курган 4. А — план погребения 1. 4—7 — из погребения 1; 2, 3 — из насыпи. 1—3 — керамика; 4 — бронза; 5—7 — кость

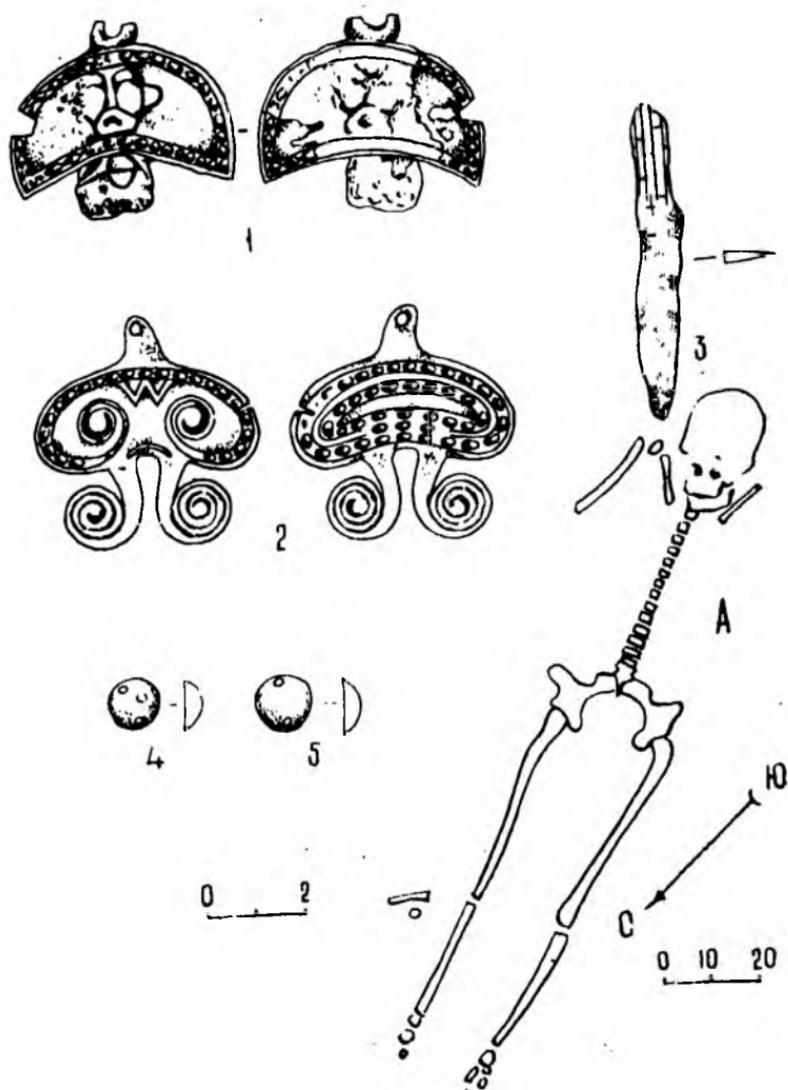

Рис. 63. ТКМ-II. Курган 4. А — план погребения 2. 1—5 — из погребения 2. 1—2, 4, 5 — бронза; 3 — железо

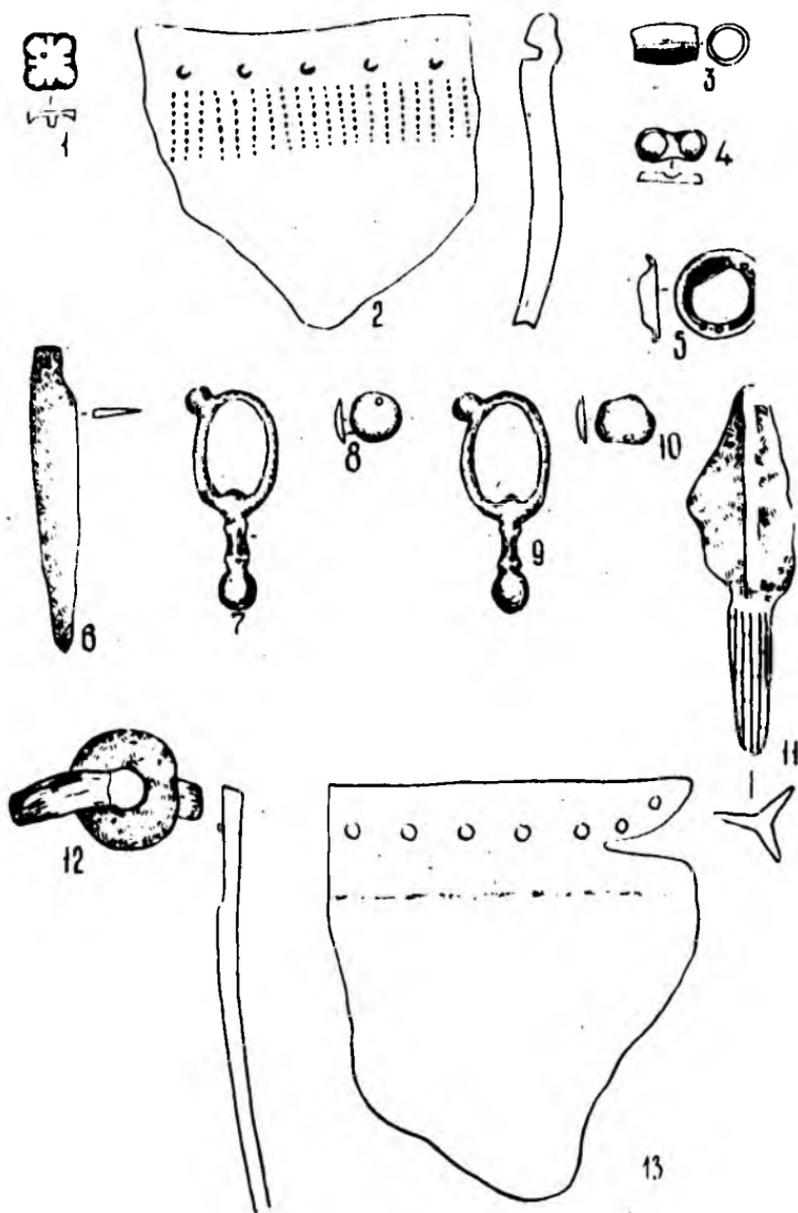

Рис. 64. ТКМ-II. Курган 7. 1 — из насыпи. Курган 42, 2—10. Курган 46, 11—12 — из погребения. 1, 3, 4, 5, 7—10 — бронза; 2 — керамика; 6, 11, 12 — железо

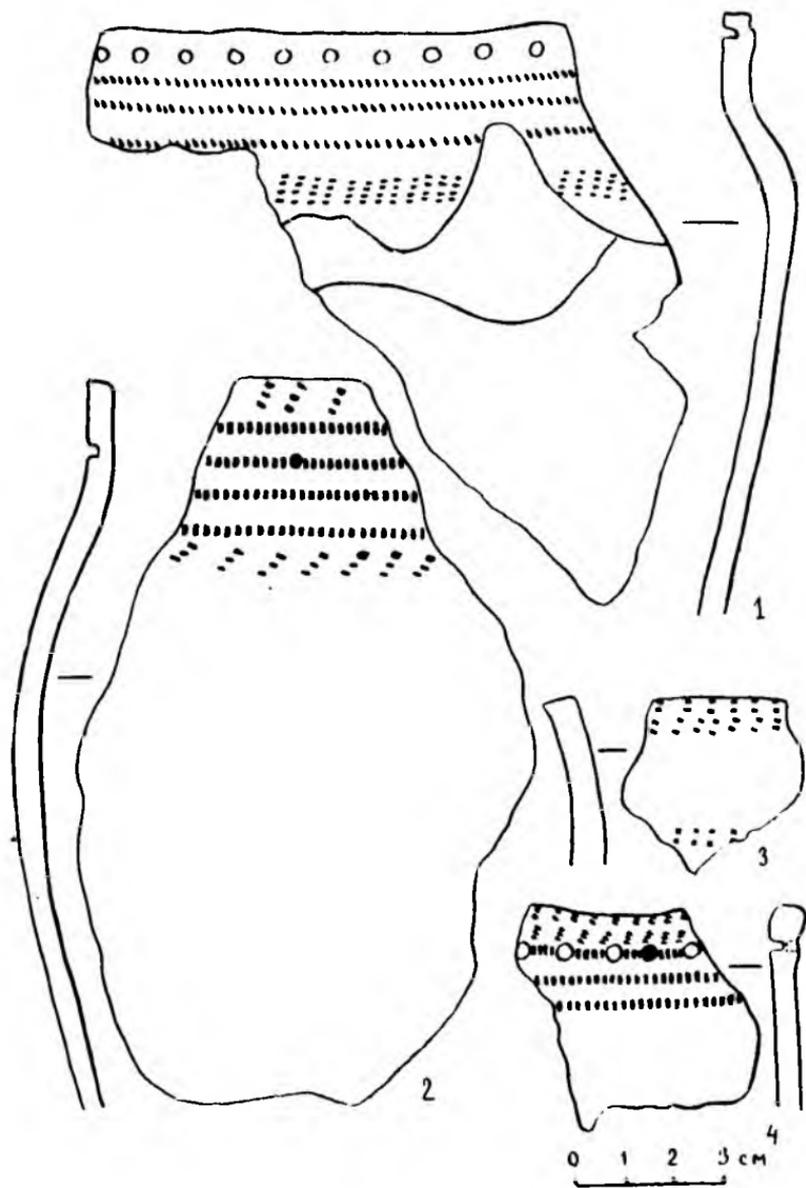

Рис. 65. ТКМ-II. Курган 2. 2, 4 — из насыпи. Курган 4. 1, 3 — из насыпи. 1, 4 — керамика

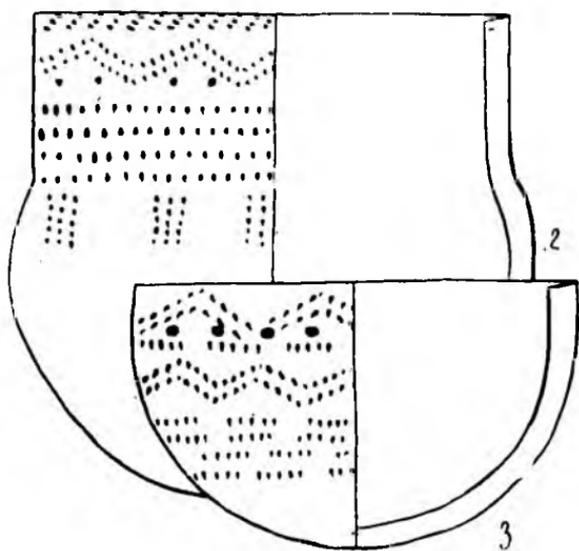
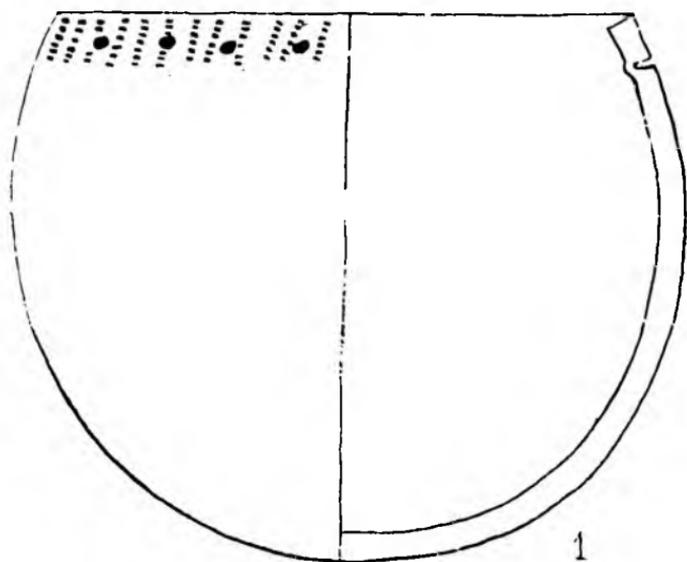

Рис. 66. ТКМ-II. Курган 59. 1 — из погребения. Курган 78. 2, 3 — из насыпи. 1—3 — керамика

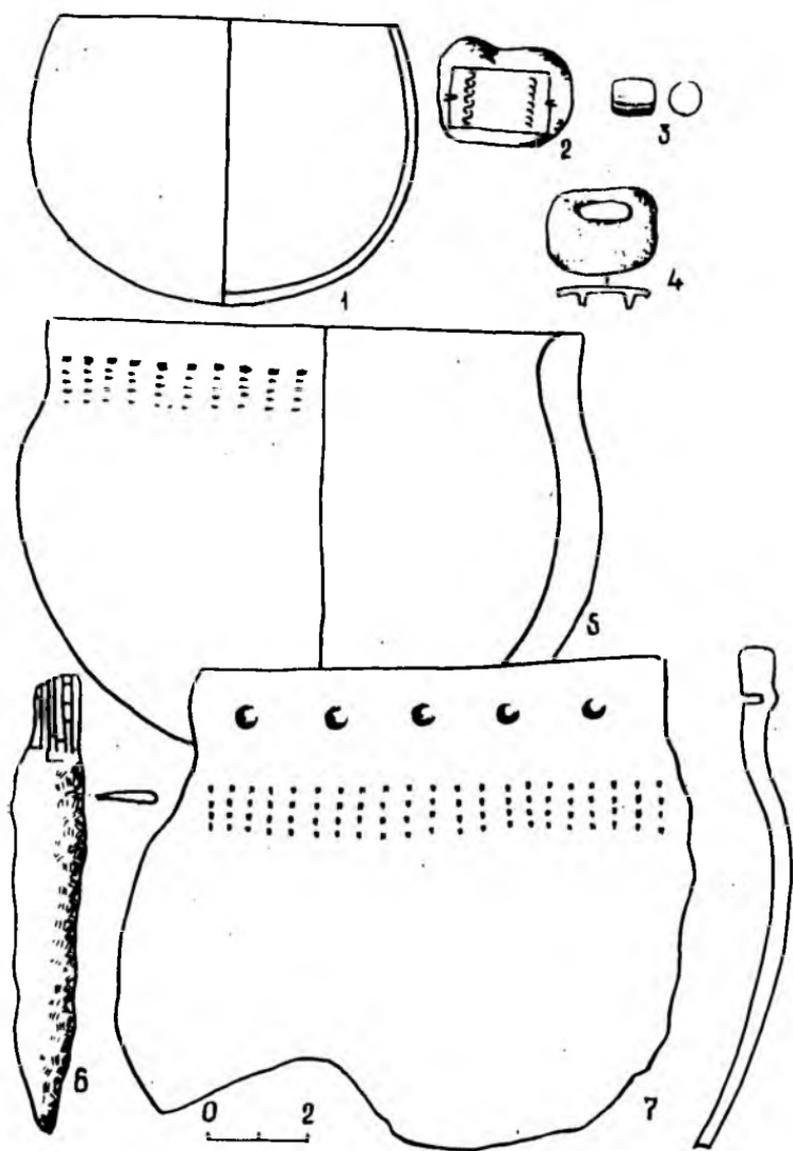

Рис. 67. ТКМ-II. Курган 83. 1-3 — из погребения. Курган 86, 4-6 — из погребения; 7 — из насыпи. 1, 5, 7 — керамика; 2 — кожа и бронза; 3, 4 — бронза; 6 — железо

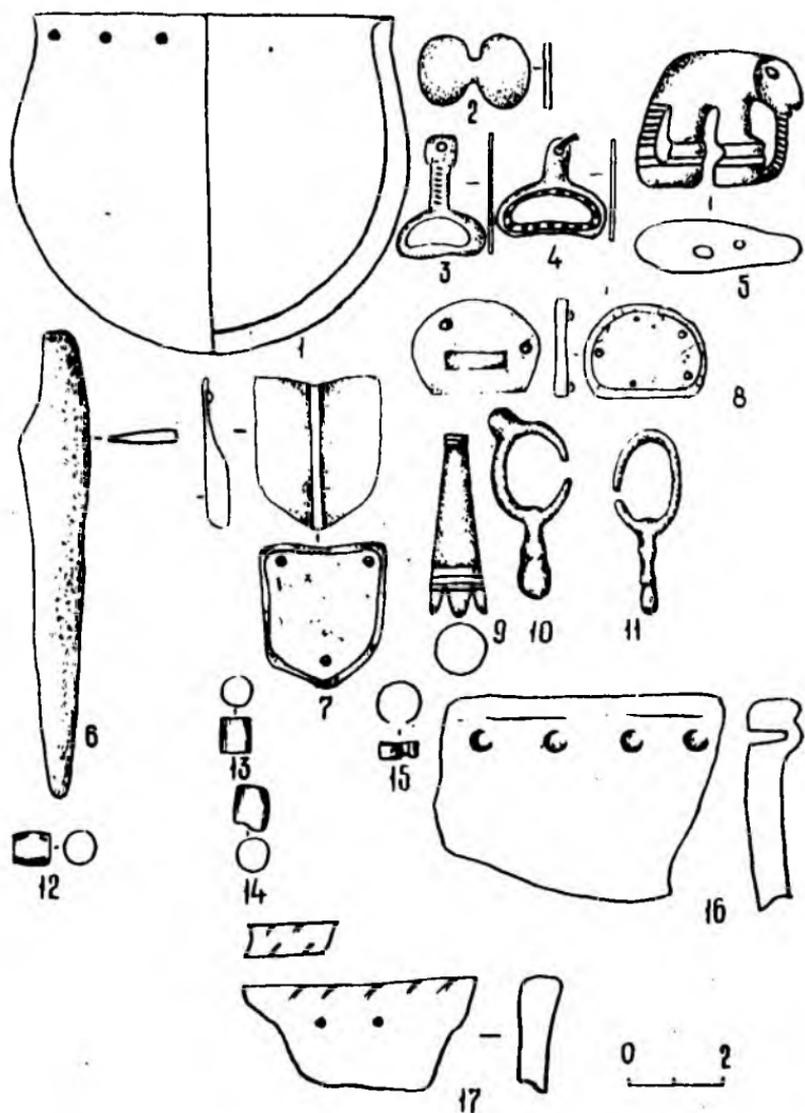

Рис. 68. ТКМ-II. Курган 91. 1, 6, 7 — из погребения 2; 2—5, 8 — из погребения 1. Курган 95. 9—17 — из погребения. 1, 16, 17 — керамика; 2—5, 7—15 — бронза; 6 — железо.

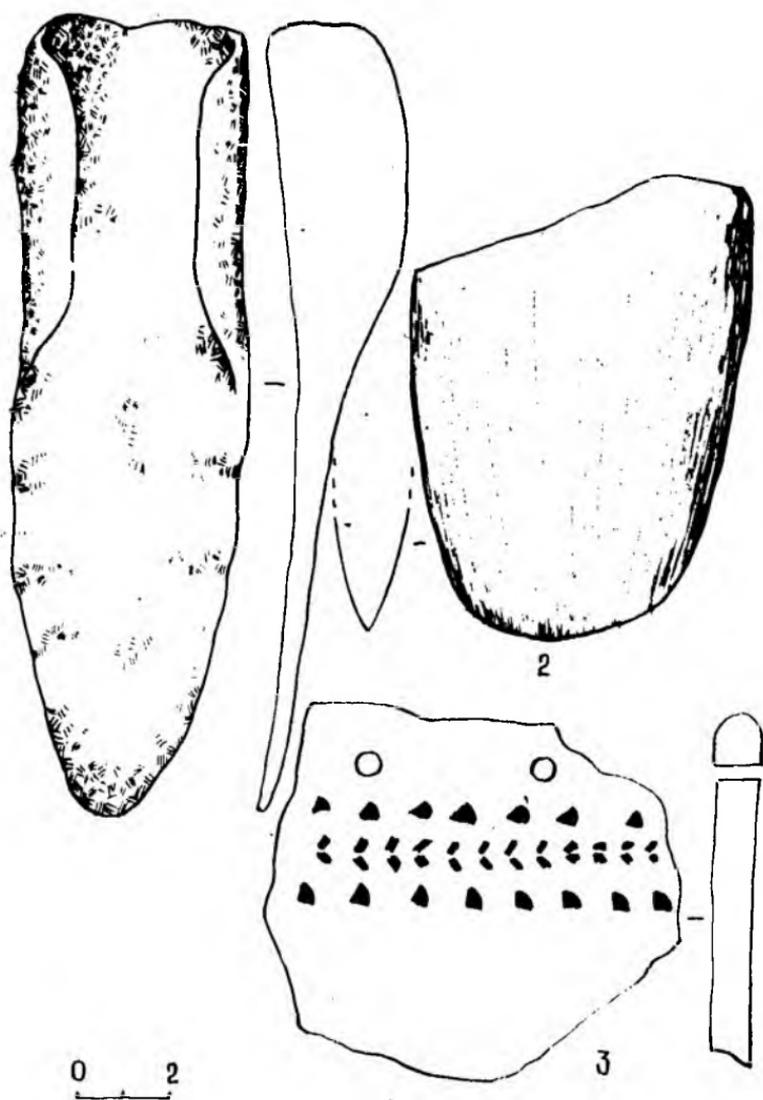

Рис. 69. ТКМ-II. Курган 95. 1, 3 — из насыпи; 2 — из погребения.
 1 — железо; 2 — камень; 3 — керамика

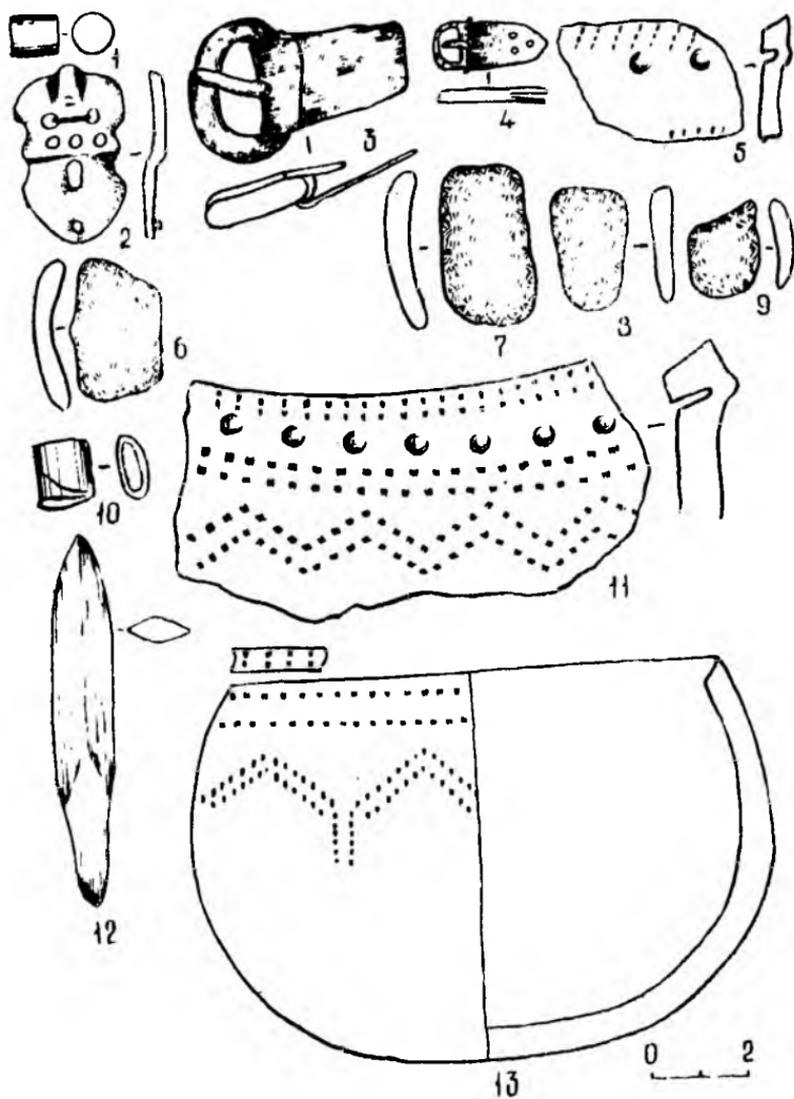

Рис. 70. ТКМ-II. Курган 98. 1—12 — из погребения. Курган 103. 13 — из погребения. 1, 2, 4 — бронза; 3, 6—10 — железо; 5, 11, 13 — керамика; 12 — кость

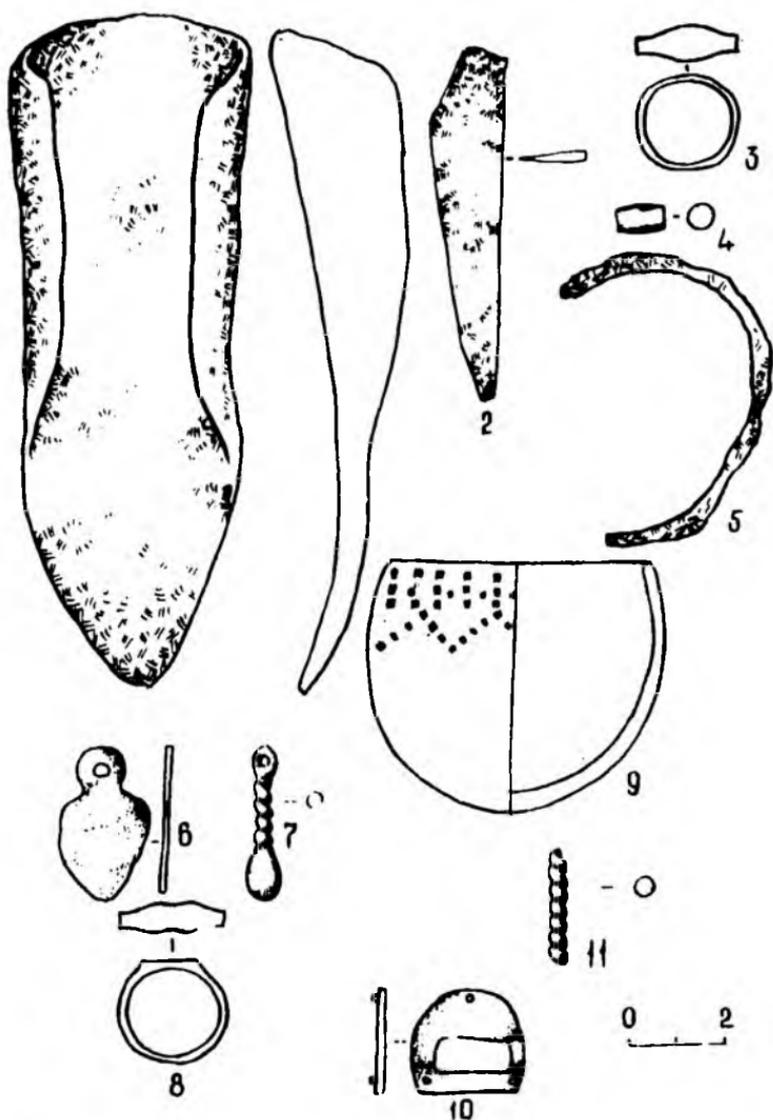

Рис. 71. ТКМ-II. Курган 103. 1, 2, 4, 5, 8; 2 — из погребения; 1, 4, 5, 8 — местонахождение неизвестно. Курган 104. 7, 9, 11 — из погребения 1; 3, 6, 10 — из погребения 2. 1, 2, 5 — железо; 3, 4, 6 — бронза; 9 — керамика

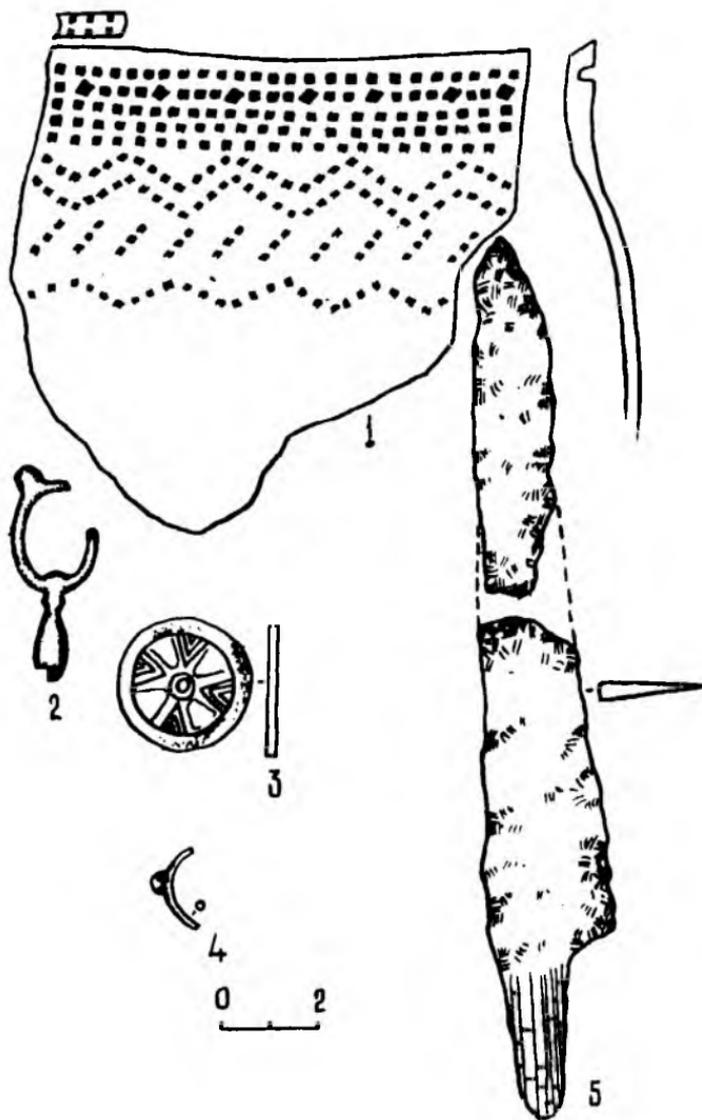

Рис. 72. ТКМ-11. Курган 104. 1 — из погребения 2. Курган 107. 2—
5 — из погребения 1. 1 — керамика; 2—4 — бронза; 5 — железо

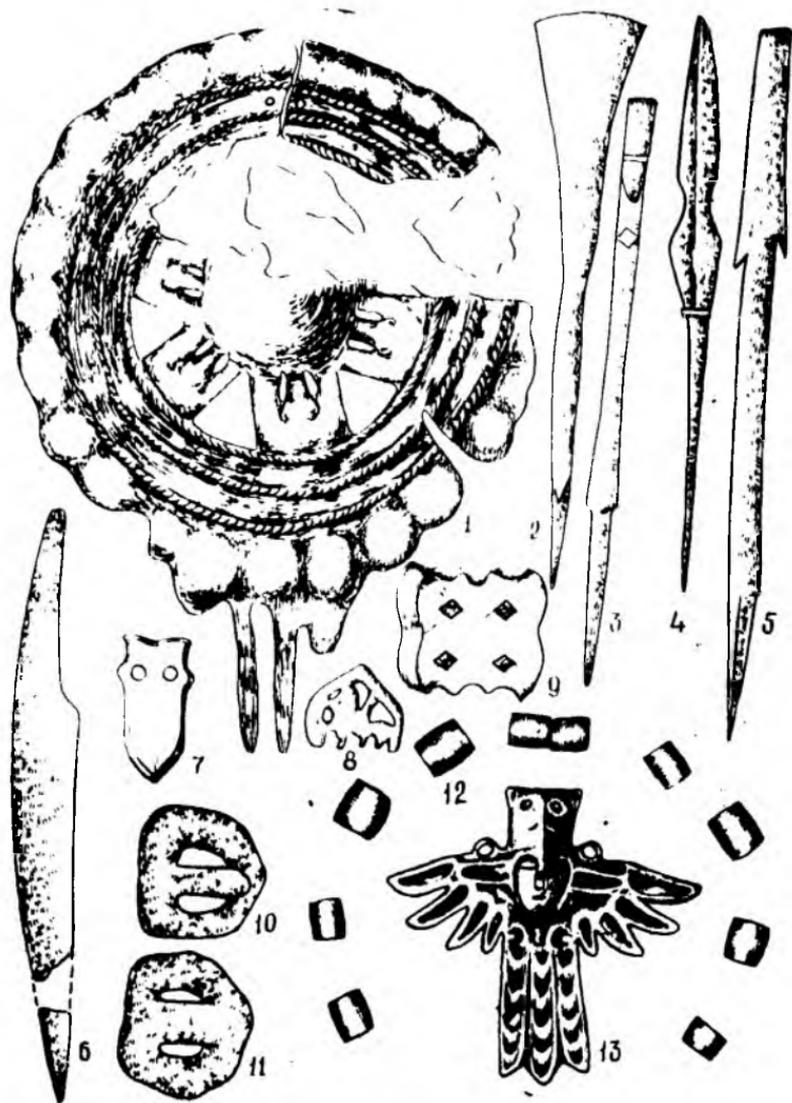

Рис. 74. Могильник у Архиерейской заимки. 1 — из погребения 4; 2—13 — из погребения 5. 1, 7—9, 12, 13 — бронза; 2—6, 10, 11 — железо

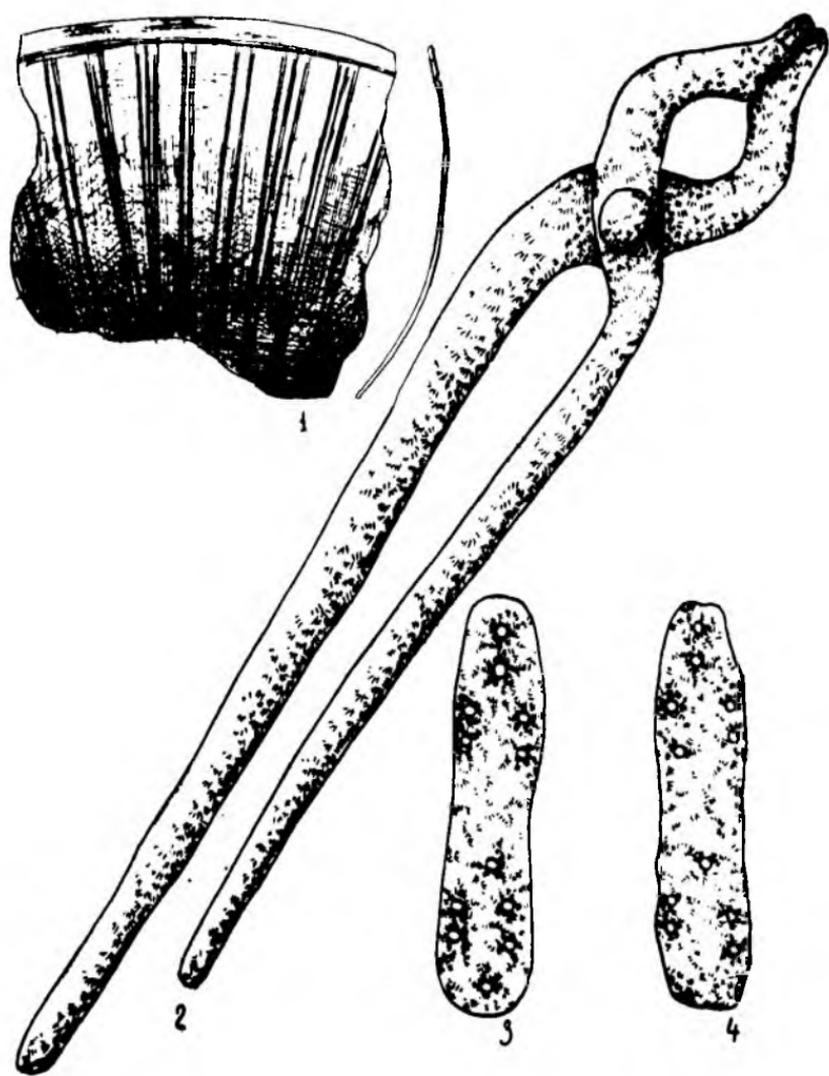

Рис. 75. Могильник у Архнерейской заимки. 1, 3—5 — из погребения 5; 2 — из погребения 4. 1 — бронза; 2—5 — железо

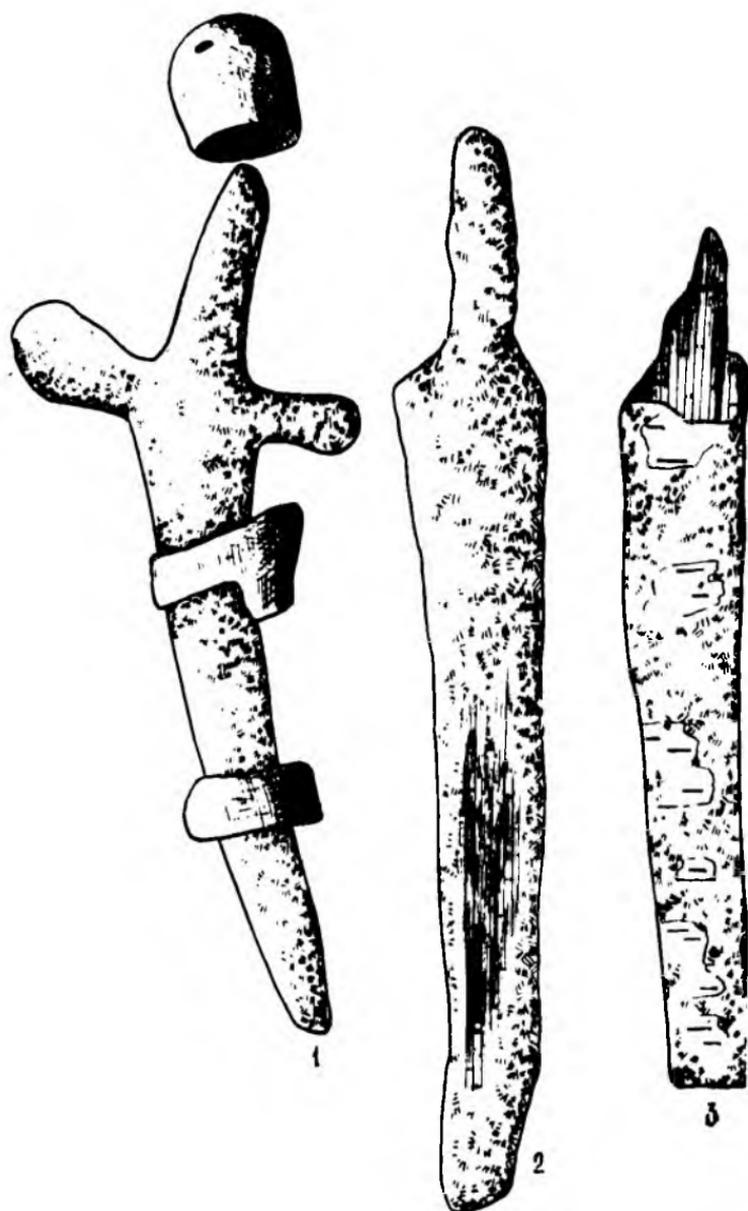

Рис. 76. Могильник у Архиерейской заимки. Погребение 5. 1 — железо, бронза; 2, 3 — железо

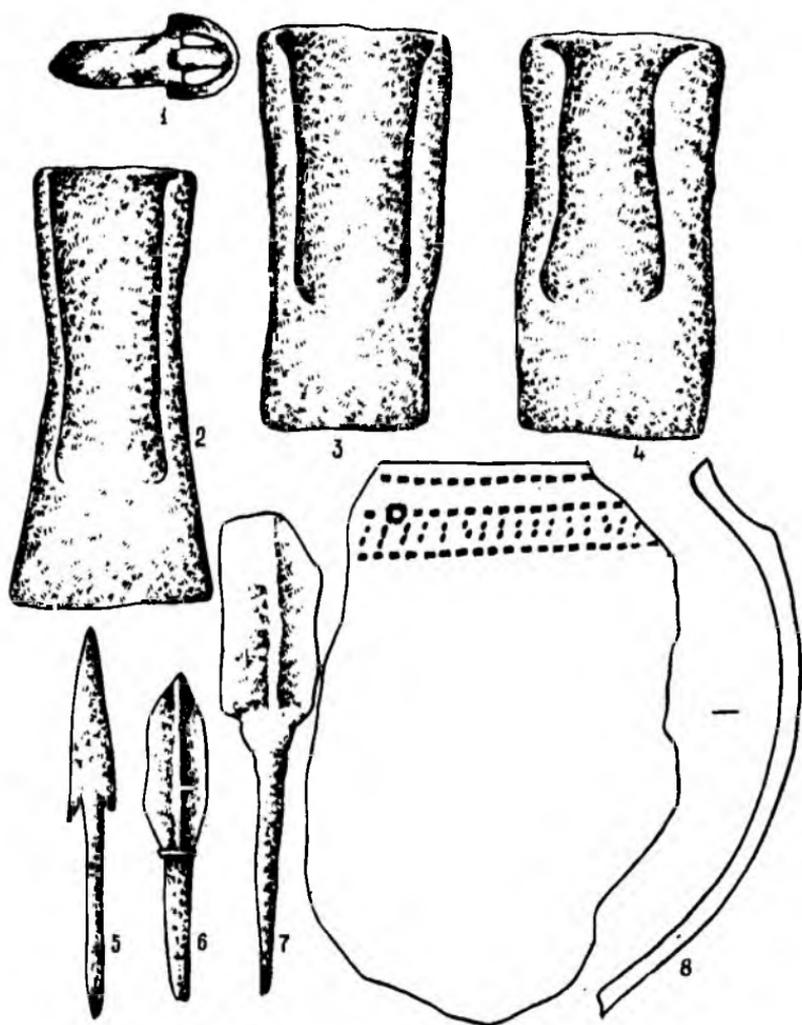

Рис. 77. Могильник у Архиерейской заимки. 1 — из погребения 6; 2 — из погребения 29; 3 — из погребения 8; 4 — из погребения 23; 5—7 — из погребения 15; 8 — из погребения 13. 1 — бронза; 2—7 — железо; 8 — керамика

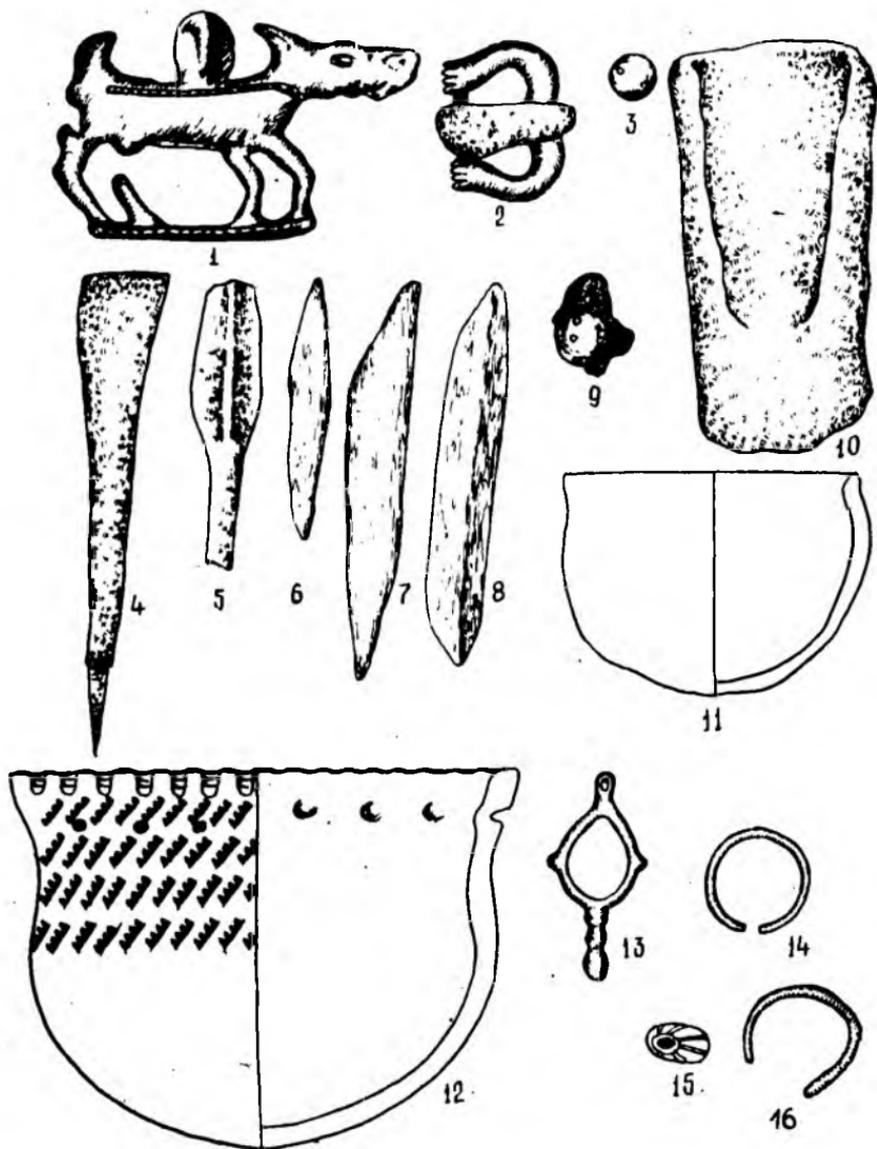

Рис. 78. Могильник у Архиерейской заимки. 1—3, 16 — из погребения 14; 4—10 — из погребения 33; 11 — из погребения 35; 12—15 — из погребения 20. 1—3, 9, 13, 14 — бронза; 4, 5 — железо; 6—8 — кость; 11, 12 — керамика; 15 — стекло

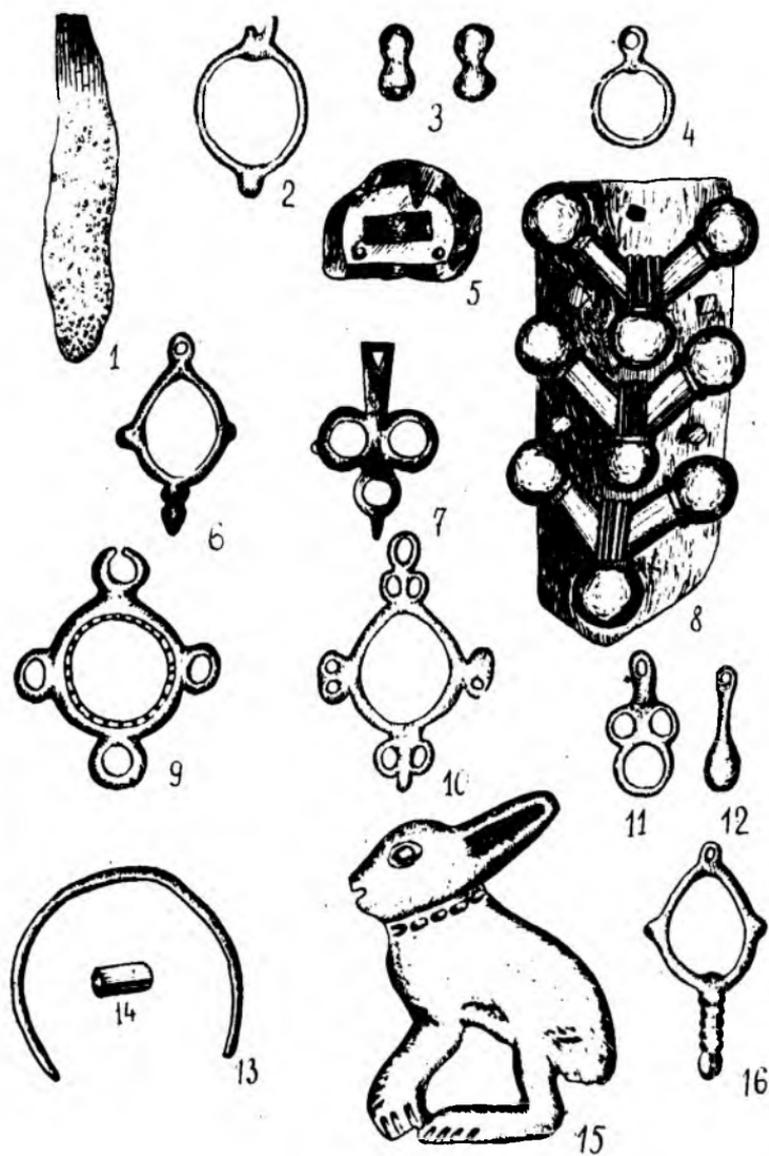

Рис. 79. Могильник у Архиерейской заимки. 1—5 — из погребения 24; 6—16 — из погребения 25. 1, 17, 18 — железо; 2—16 — бронза

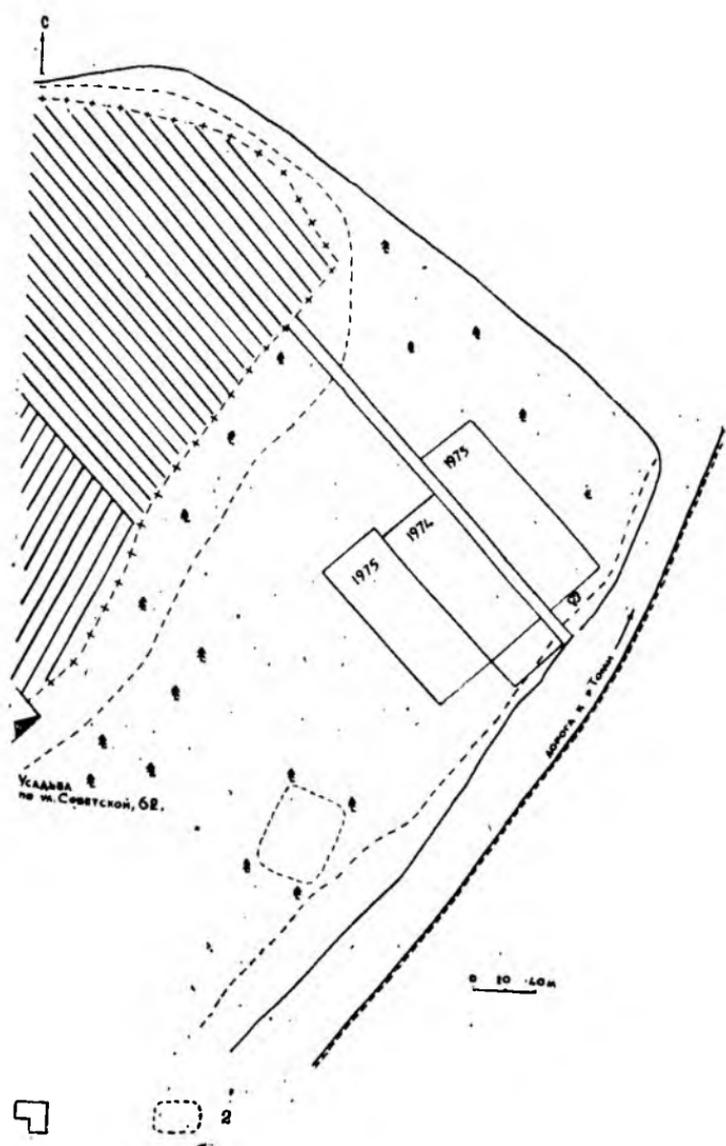

Рис. 80. Поселение Тимирязевское I. Общий план. 1 — раскоп, 2 — западина

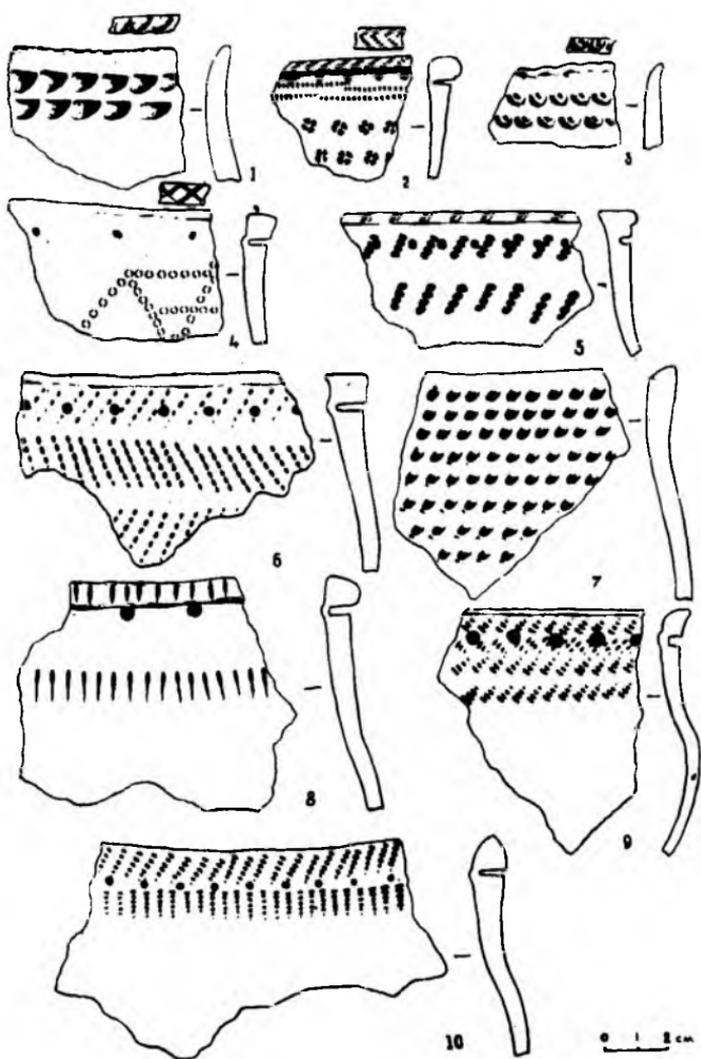

Рис. 81. Поселение Тимрязовское I. Керамика

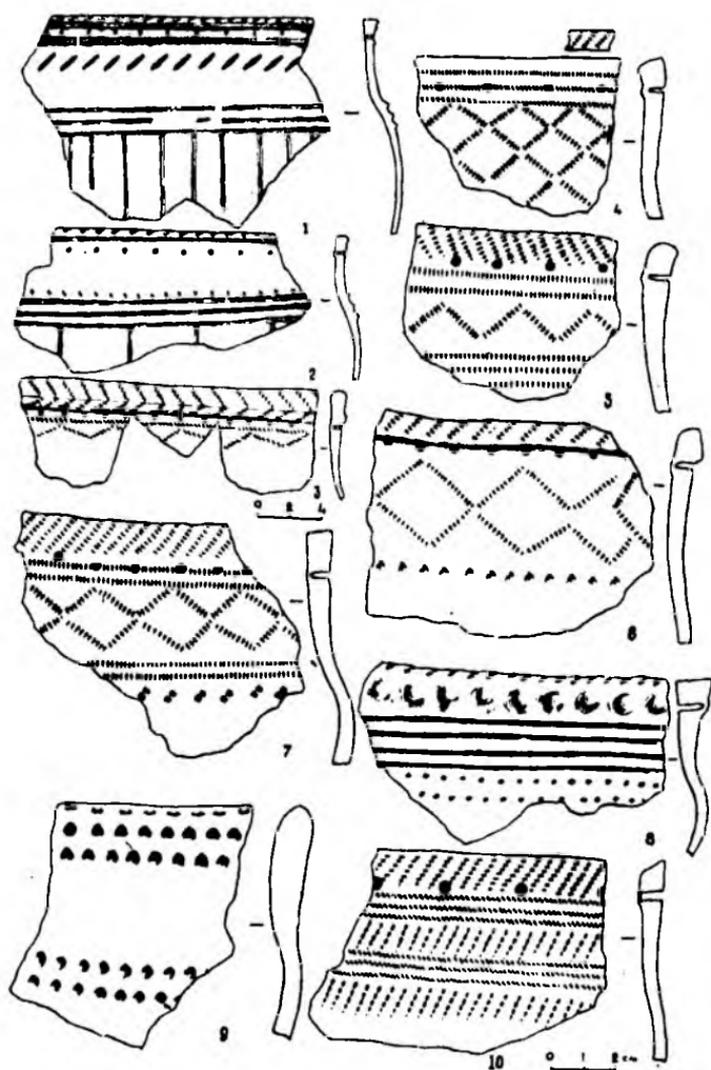

Рис. 82. Поселение Тимирязевское I. Керамика

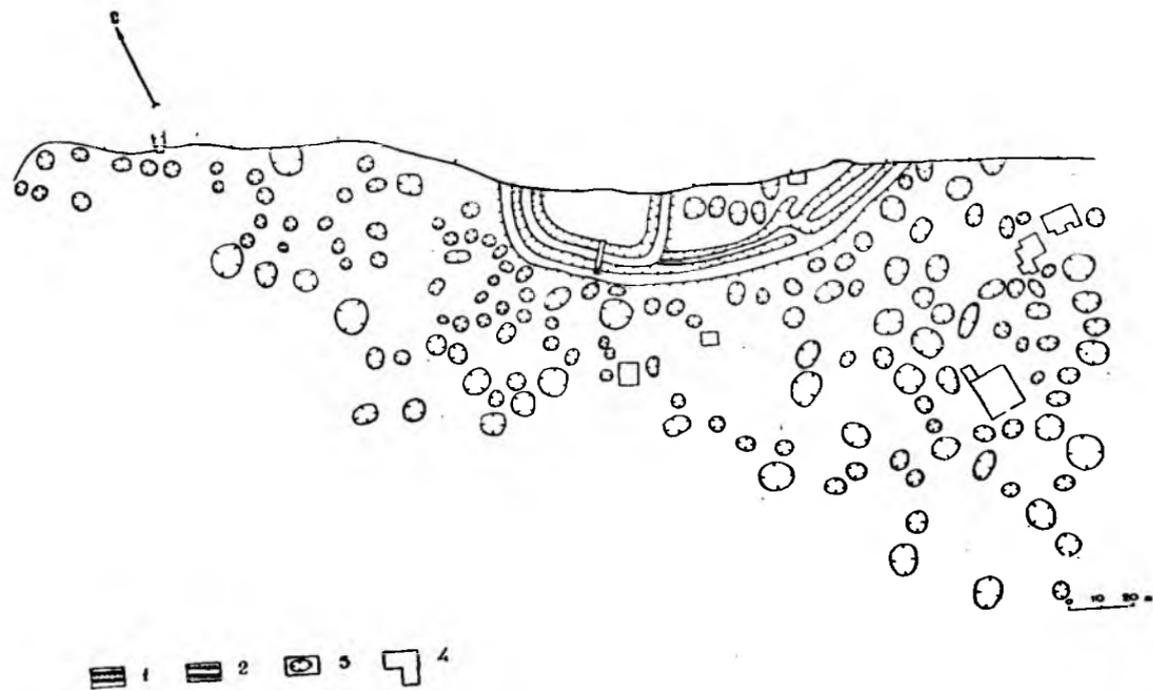

Рис. 83. Тимирязевское городище IV. Общий план. 1 — ров, 2 — вал, 3 — западина, 4 — раскоп

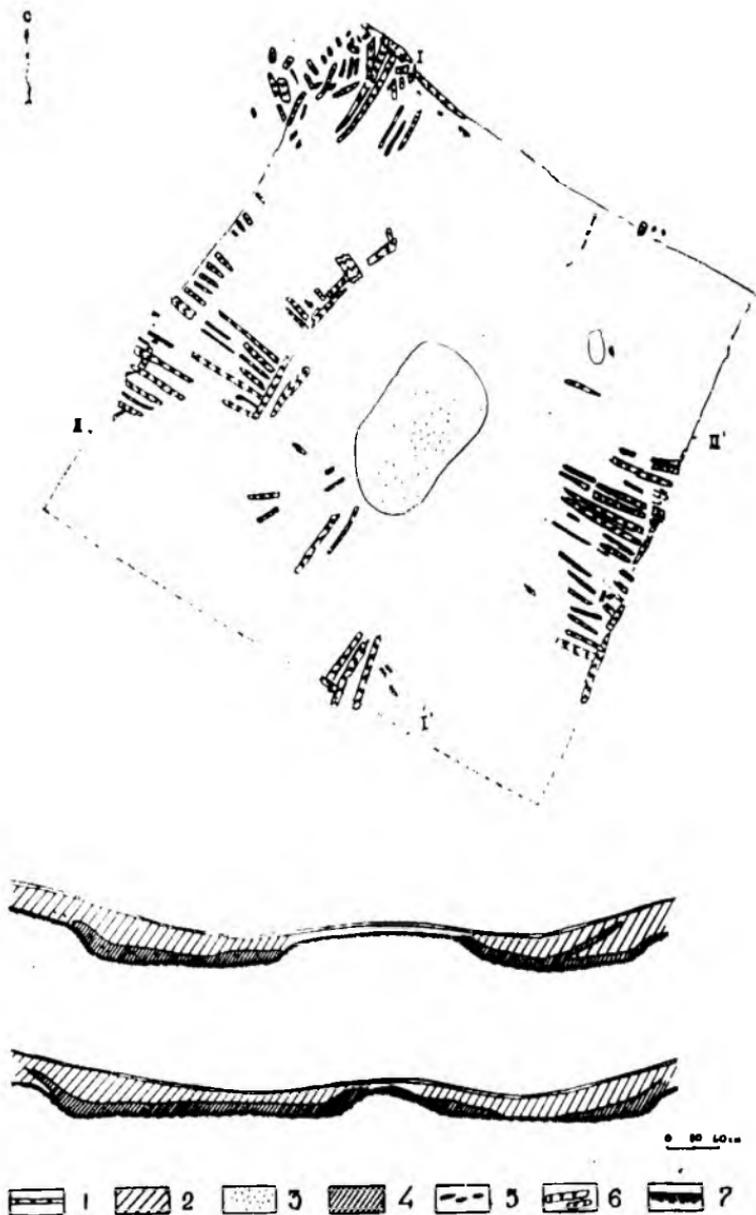

Рис. 84. Тимирязевское городище IV. Жилище 5. План. 1 — гумус, 2 — культурный слой, супесь серого цвета, 3 — песок, 4 — культурный слой, супесь темно-серого цвета, 5 — уголь, 6 — сгоревшее дерево, 7 — материк

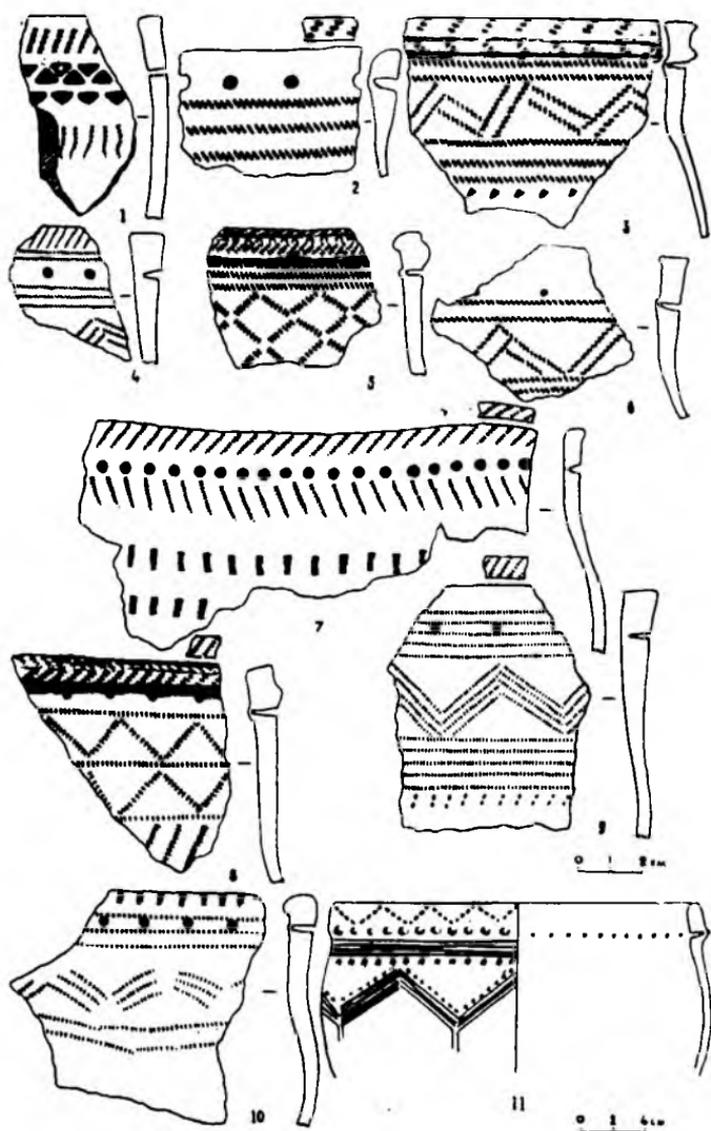

Рис. 85. Тимирязевское городище IV. Керамика. 1—5, 8—11 — жилище 5; 7 — жилище 1

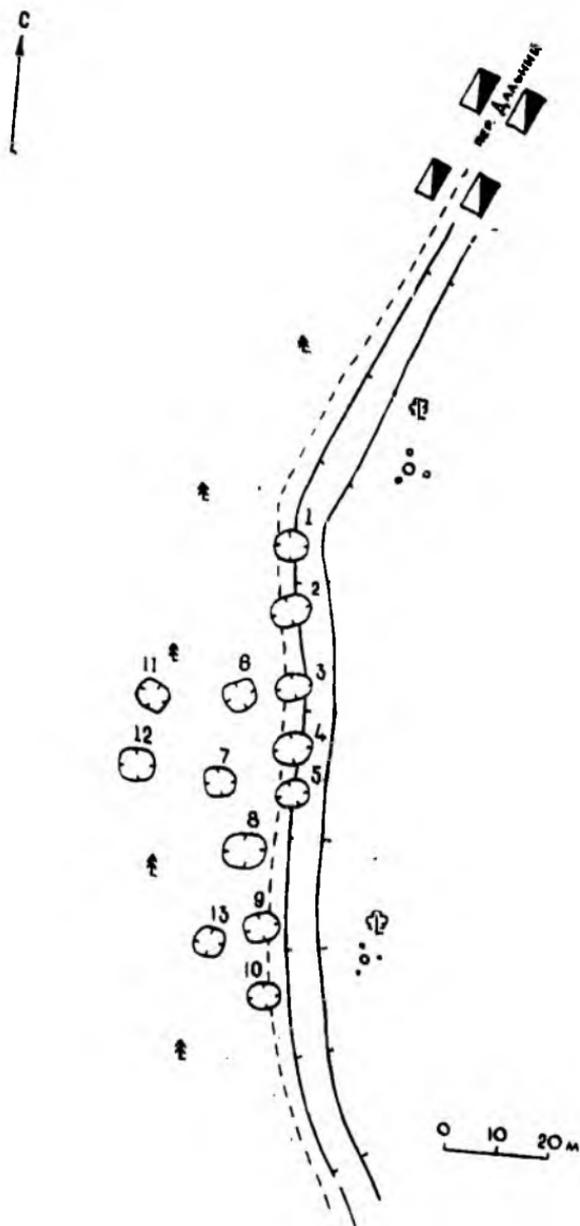

Рис. 86. Поселение Кисловка 1. Общий план

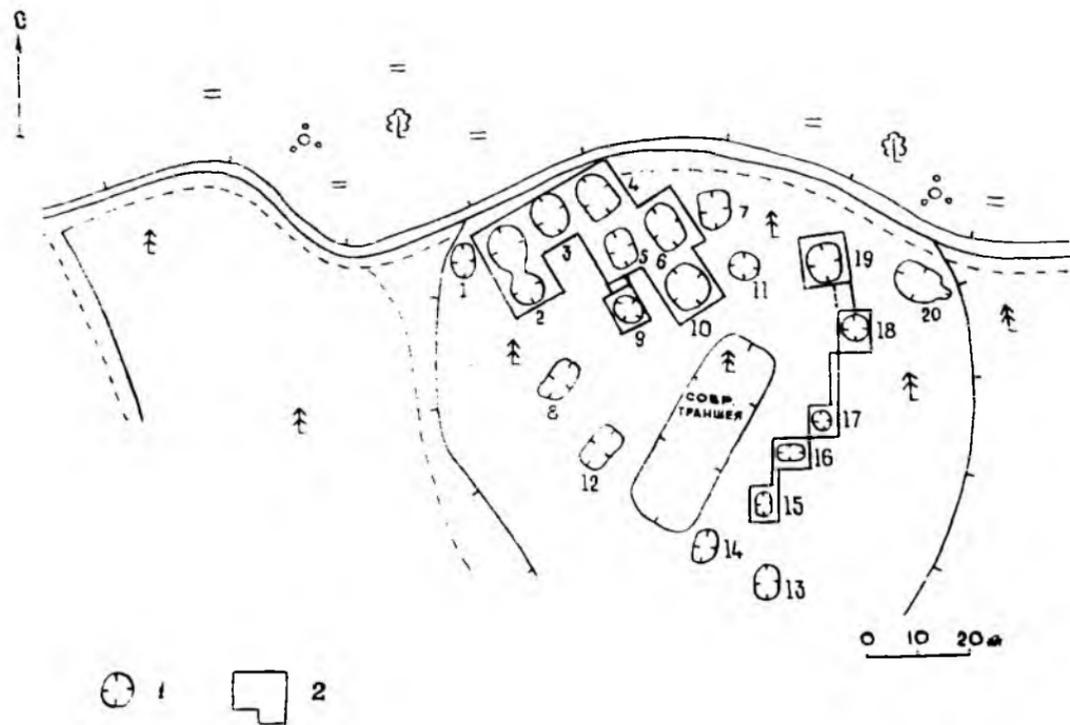

Рис. 87. Поселение Кисловка II. Общий план. 1 — западина, 2 — раскоп

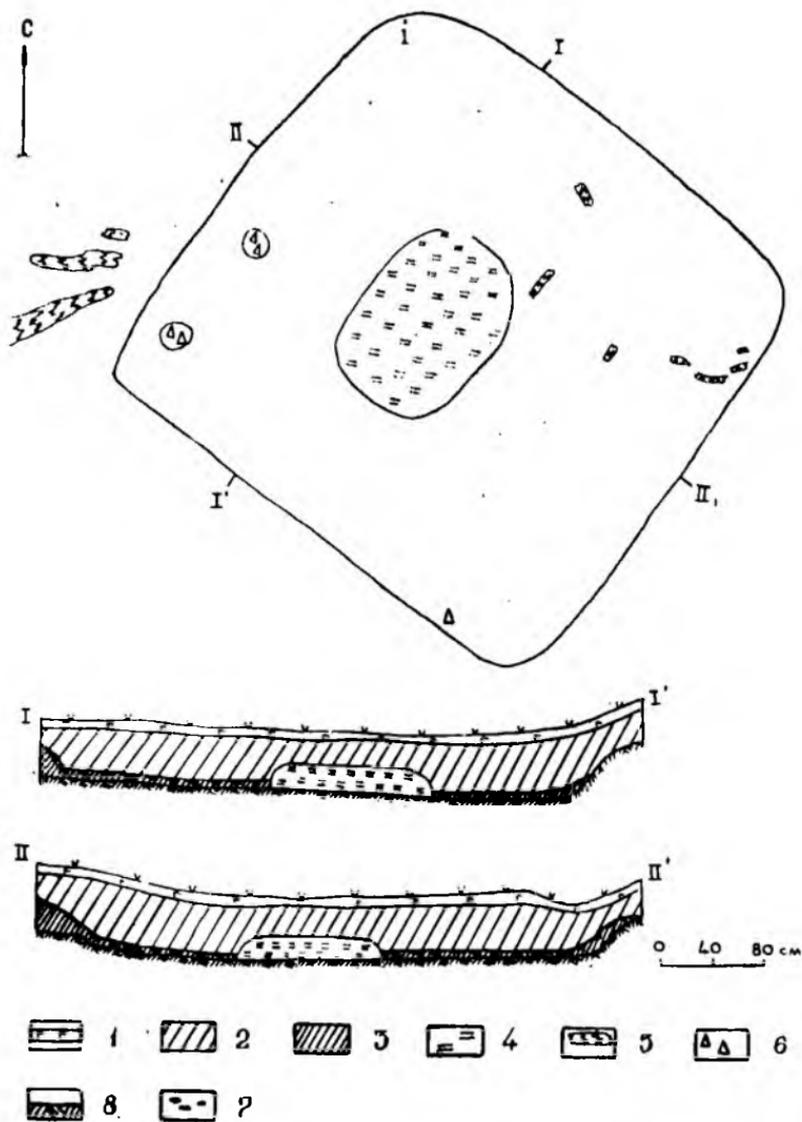

Рис. 88. Поселение Кисловка II. Жилище 3. План. 1 — гумус, 2 — культурный слой, супесь серого цвета, 3 — культурный слой, супесь темно-серого цвета, 4 — очаг, 5 — сгоревшее дерево, 6 — керамика, 7 — материк, 8 — угли

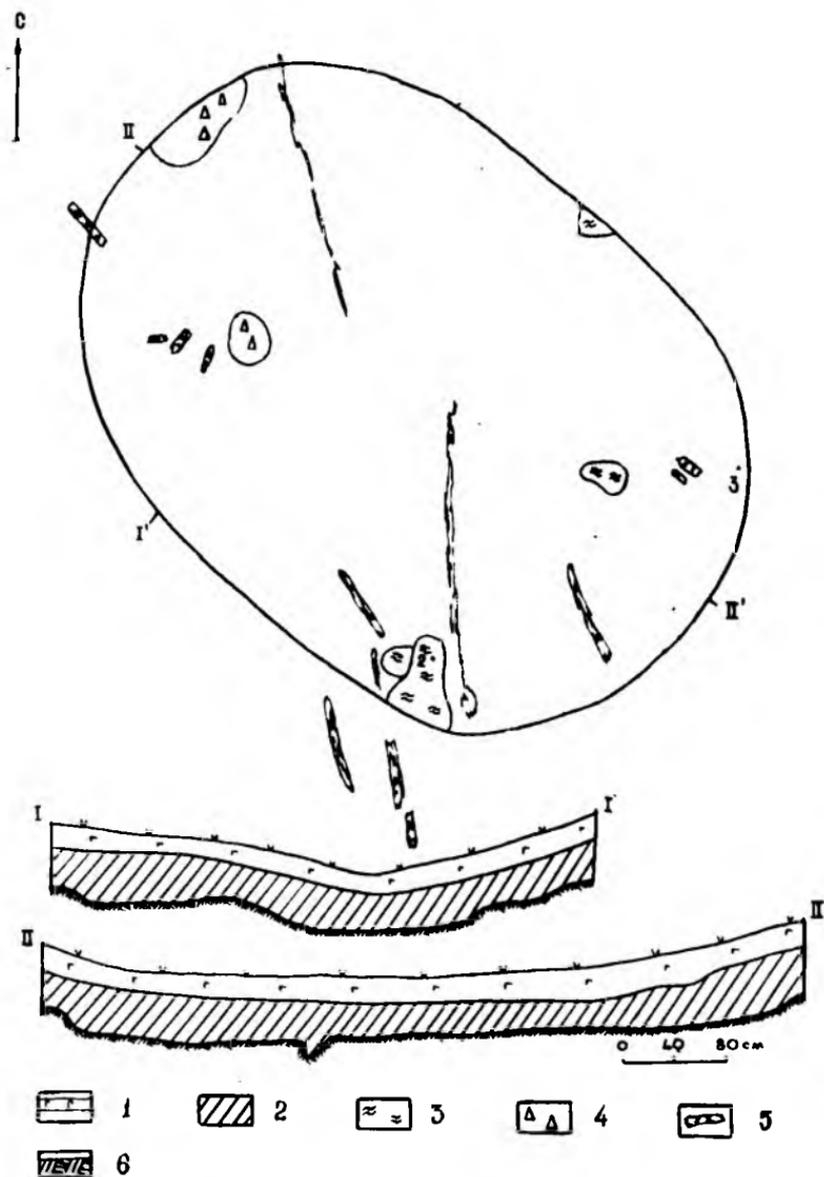

Рис. 89. Поселение Кисловка II. Жилище 4. План. 1 — гумус, 2 — культурный слой, 3 — очаг, 4 — керамика, 5 — сгоревшее дерево, 6 — материк

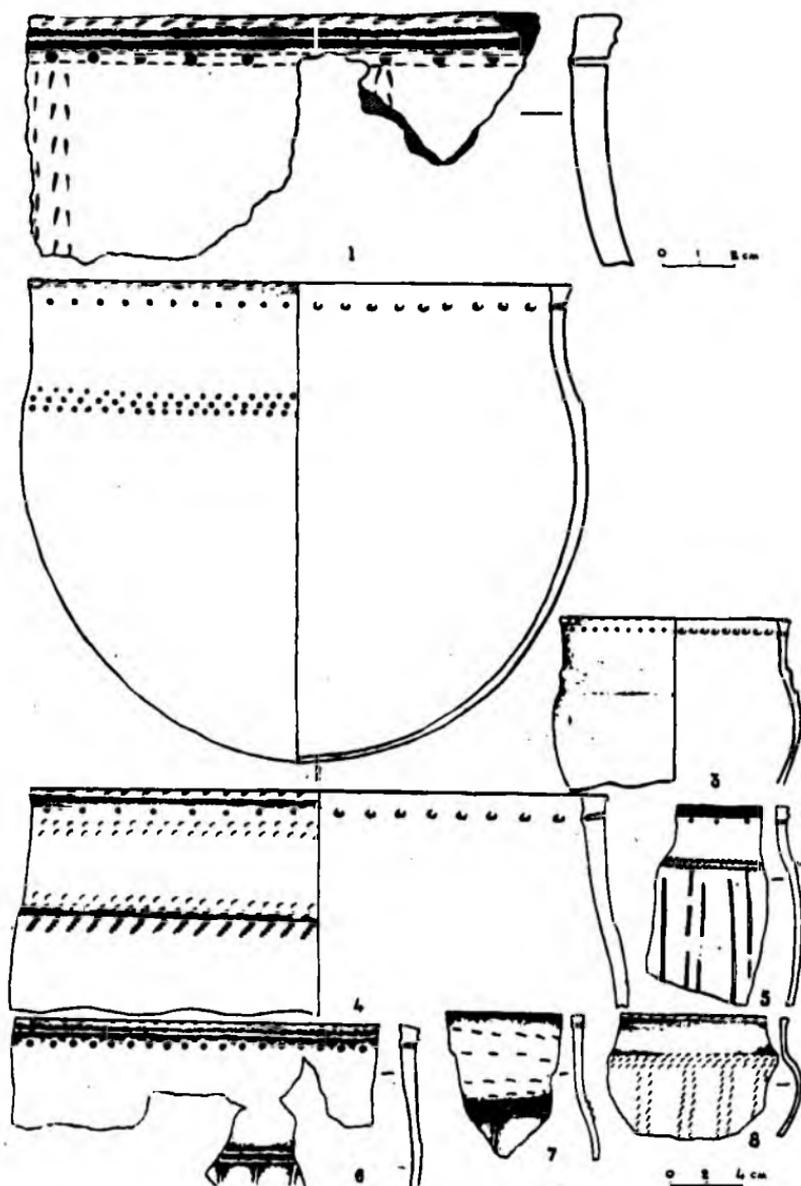

Рис. 90. Поселение Кисловка II. Керамика. 1 — из жилища 2; 2, 3 — из жилища 3; 4—8 — из жилища 4

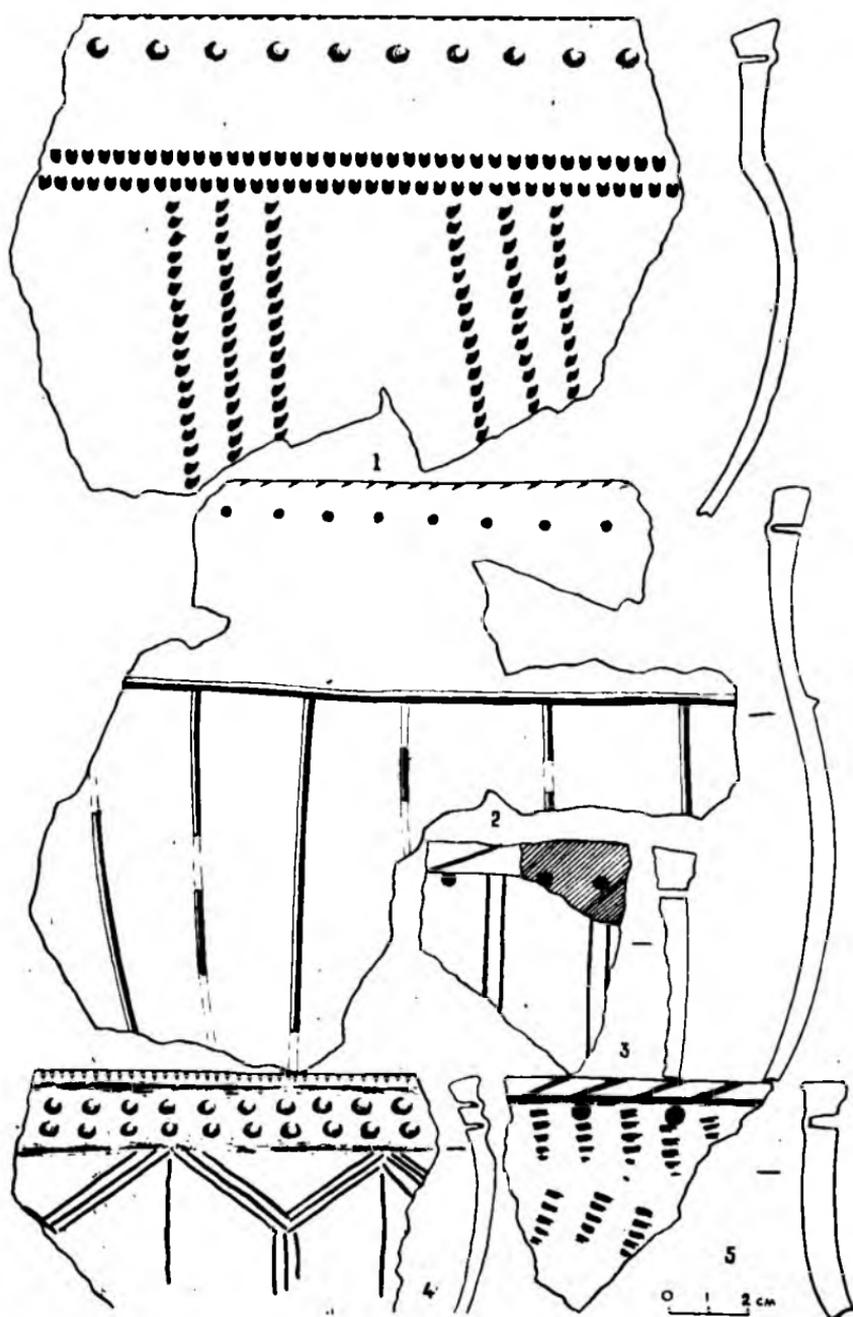

Рис. 91. Поселение Кисловка II. Керамика из жилища 5

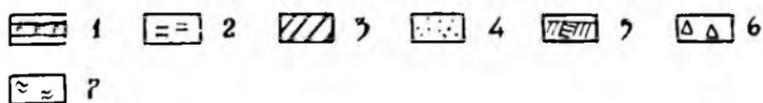
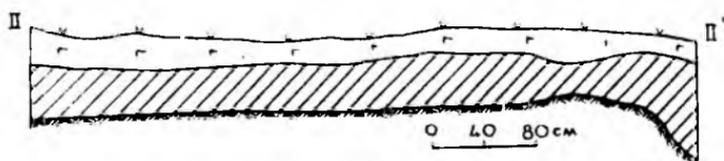
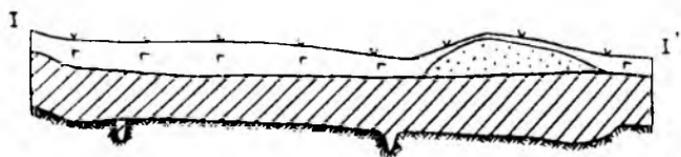
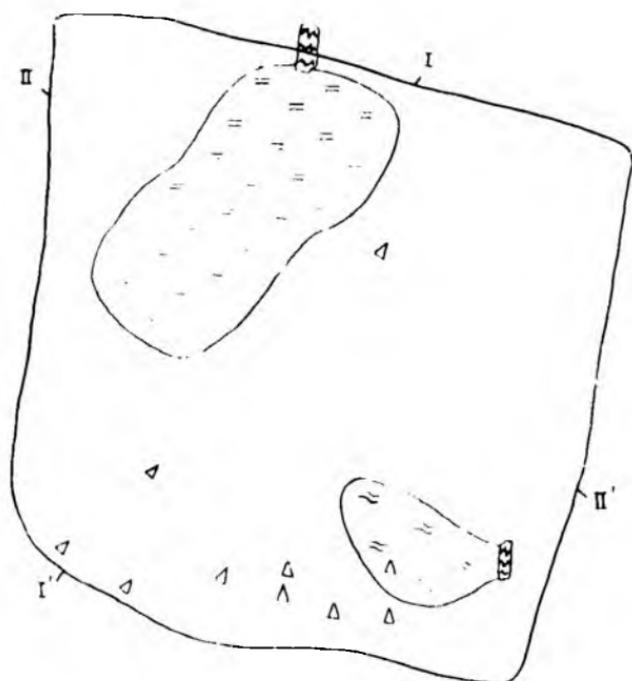

Рис. 92. Поселение Кисловка II. Жилище 6. Общий план. 1 — гумус, 2 — очаг, 3 — культурный слой, 4 — песок, 5 — материк, 6 — керамика, 7 — обожженная земля

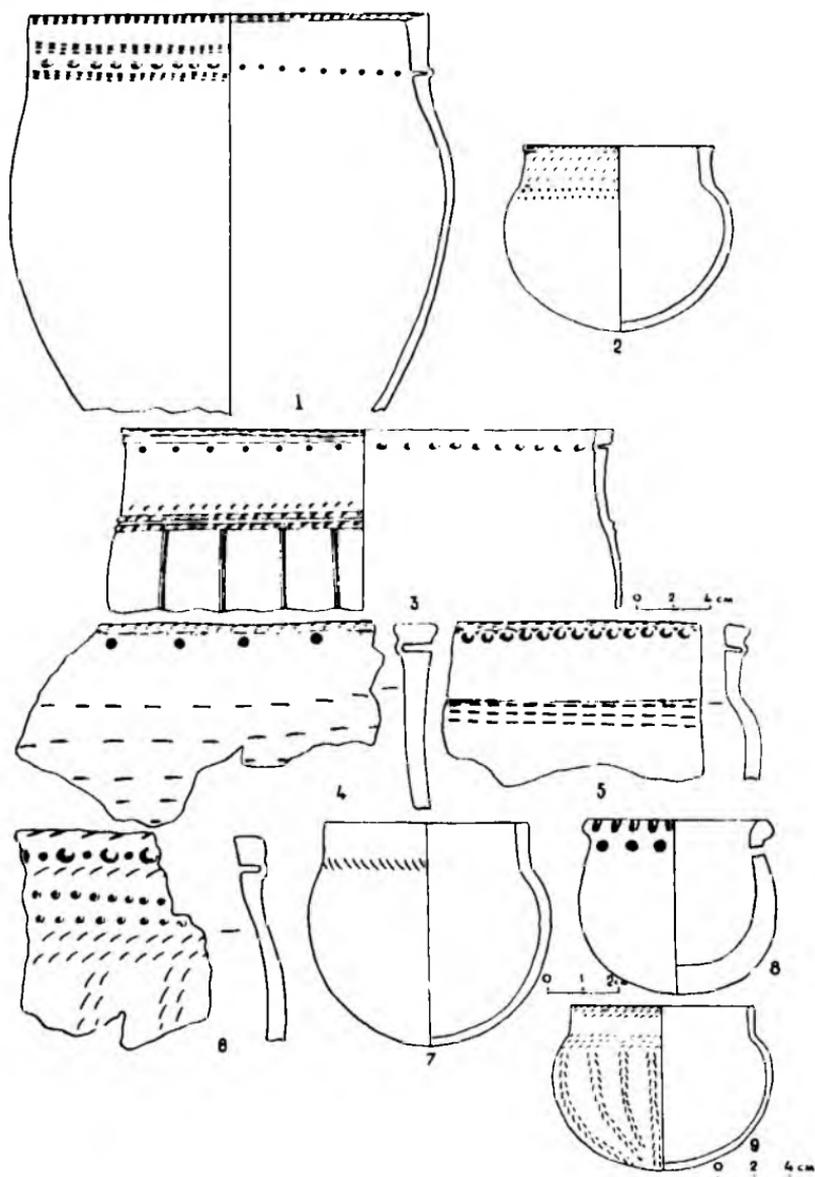

Рис. 93. Поселение Кисловка II. Керамика. 1—8 — из жилища 6;
9 — из жилища 10

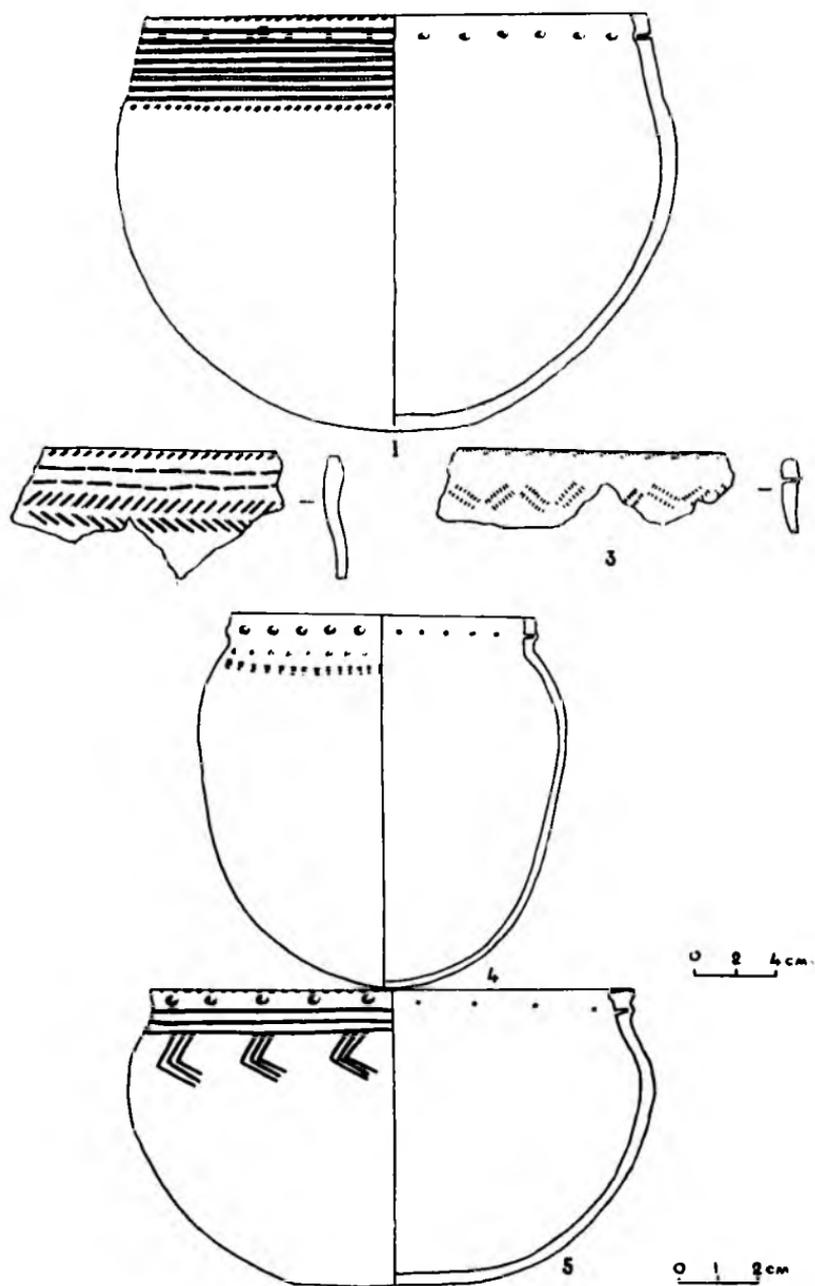

Рис. 94. Поселение Кисловка II. Керамика. 1—3 — из жилища 15; 4, 5 — из жилища 16

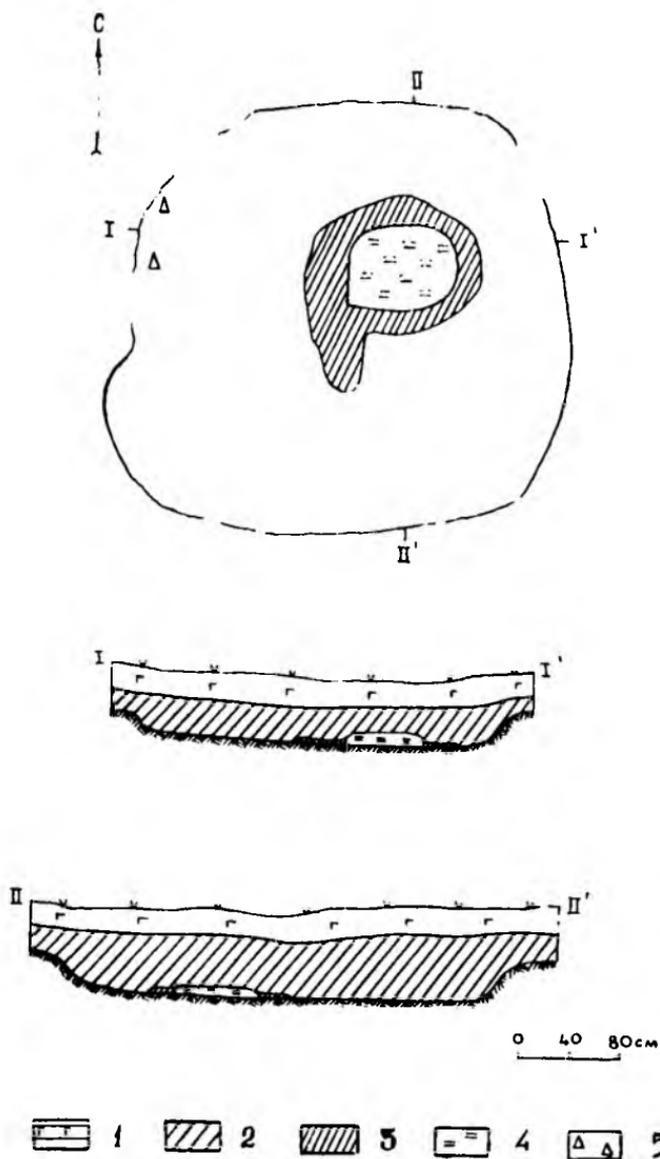

Рис. 95. Поселение Кисловка II. Жилище 17. Общий план. 1 — гумус, 2 — культурный слой, 3 — углистое пятно, 4 — очаг, 5 — керамика

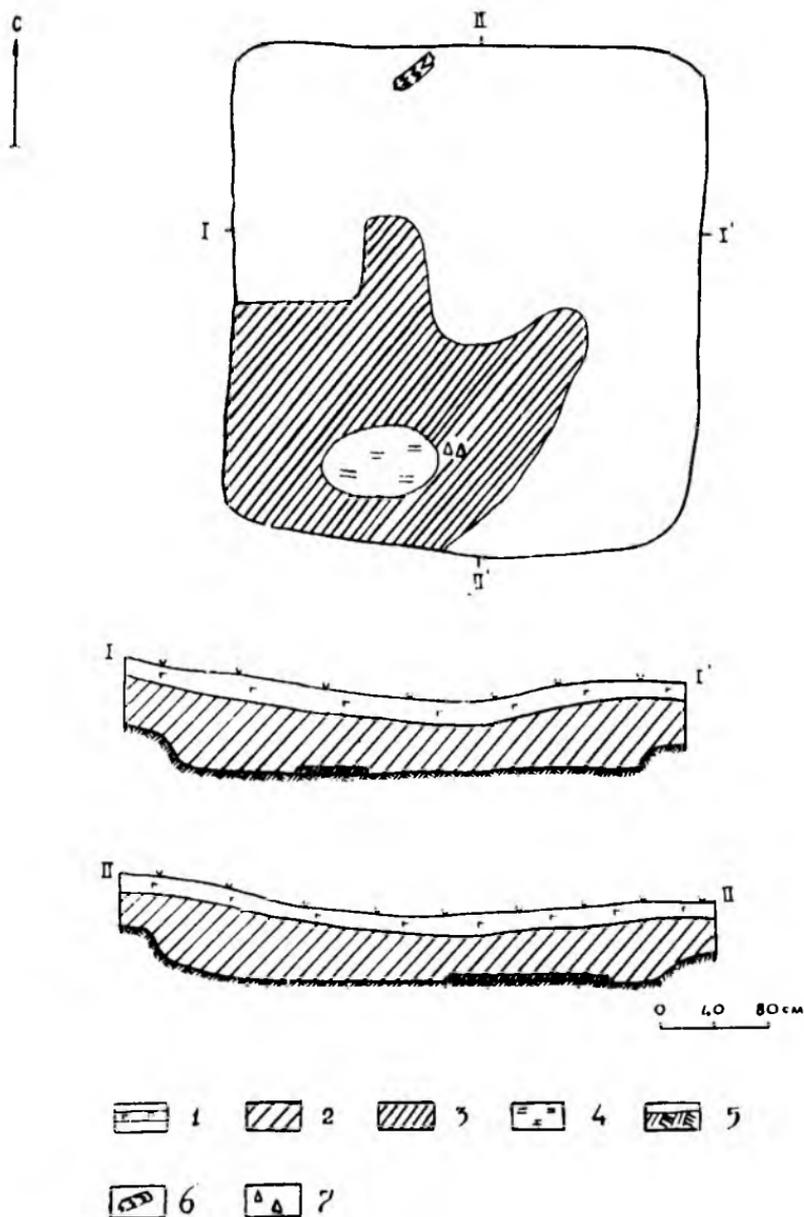

Рис. 96. Поселение Кисловка II. Жилище 18. Общий план. 1 — гус, 2 — культурный слой, 3 — обожженная земля, 4 — очаг, 5 — материк, 6 — сгоревшее дерево, 7 — керамика

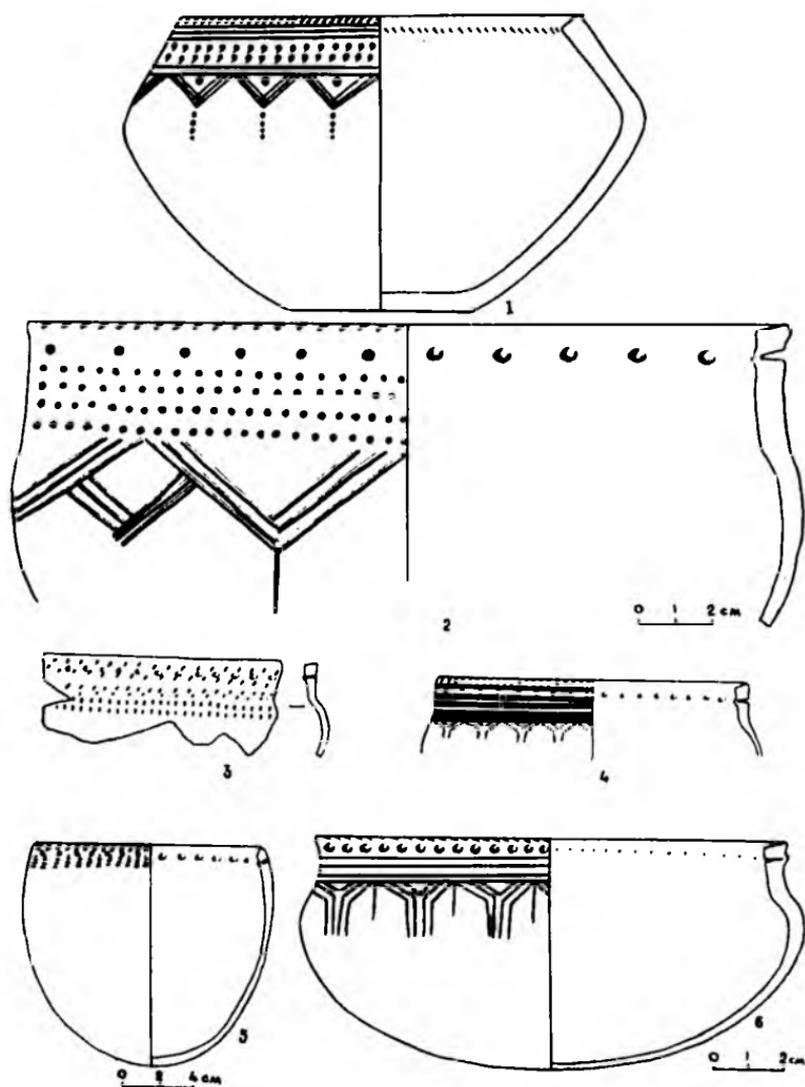

Рис. 97. Поселение Кисловка II. Керамика. 1, 2 — из жилища 17; 3—5 — из жилища 18; 6 — из жилища 19

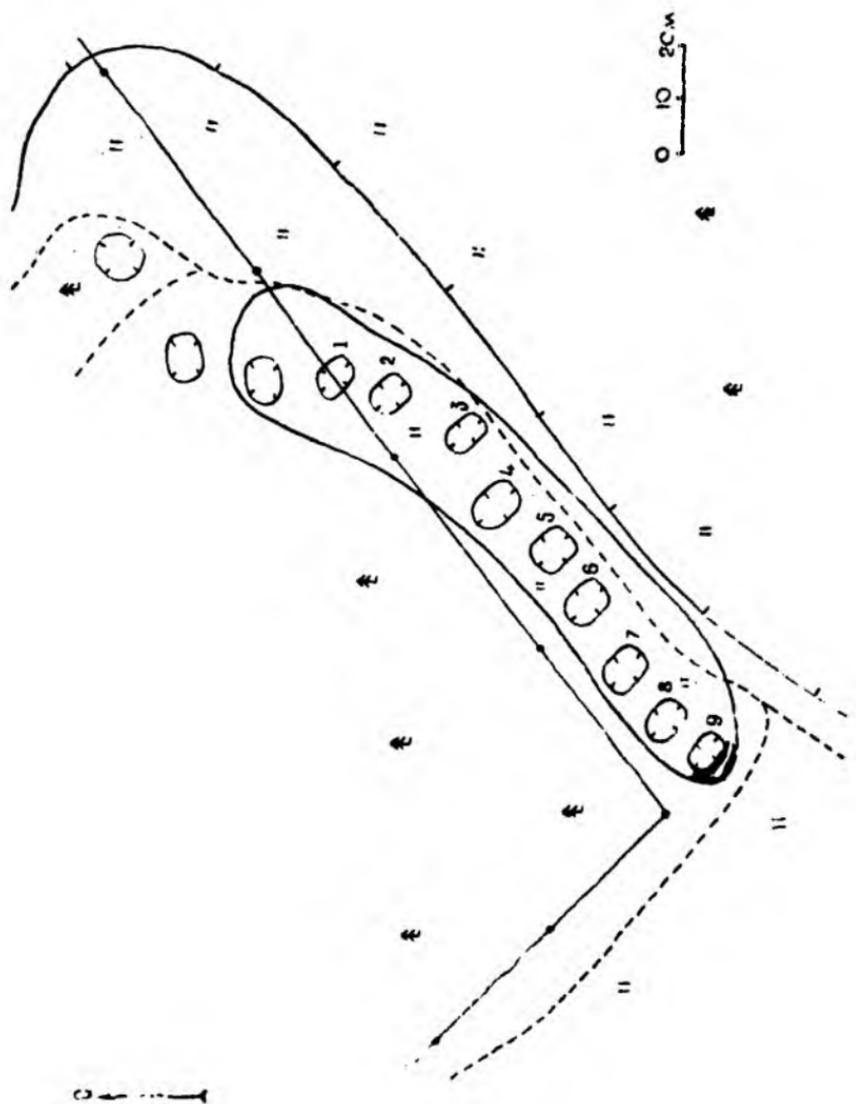

Рис. 98. Поселение Кисловка VII. Общий план

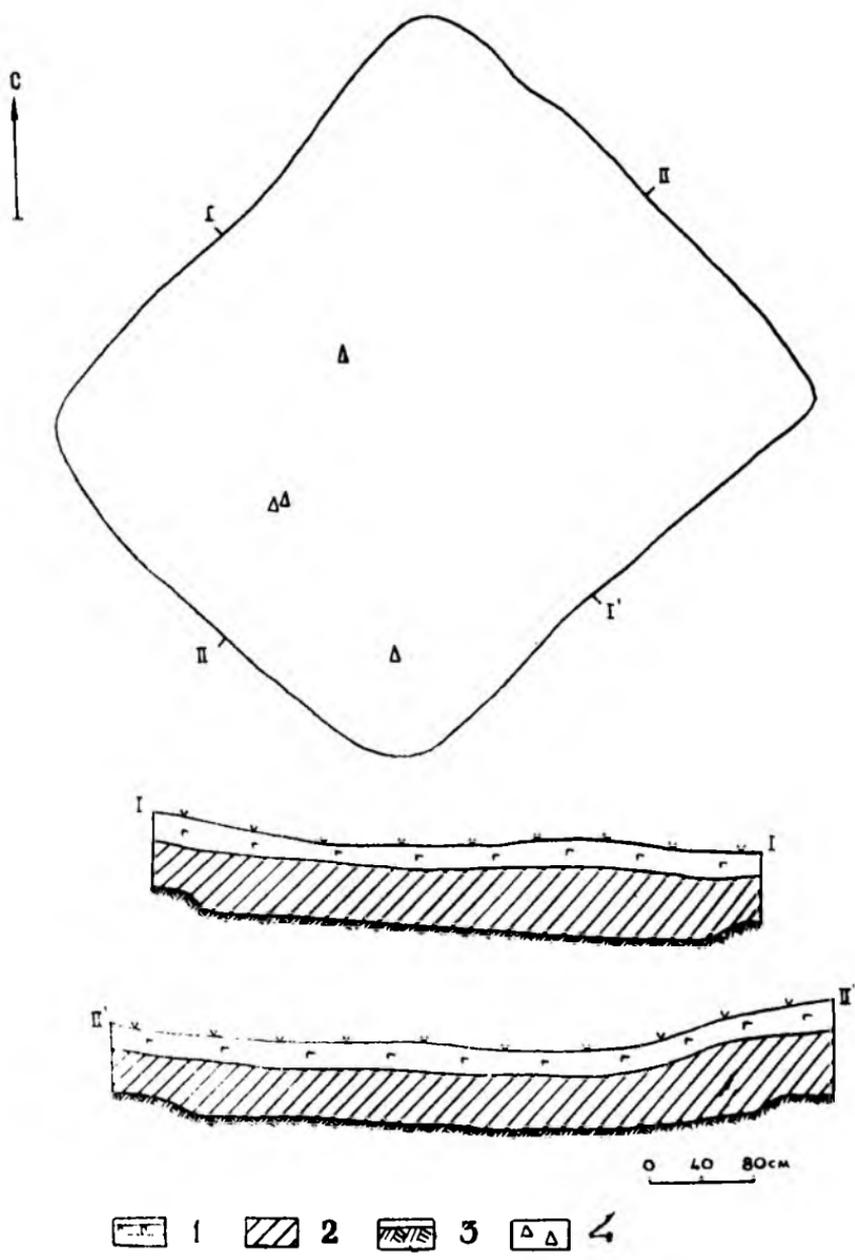

Рис. 99. Поселение Кисловка VII. Общий план жилища 4.
 1 — гумус, 2 — культурный слой, 3 — материк, 4 — керамика

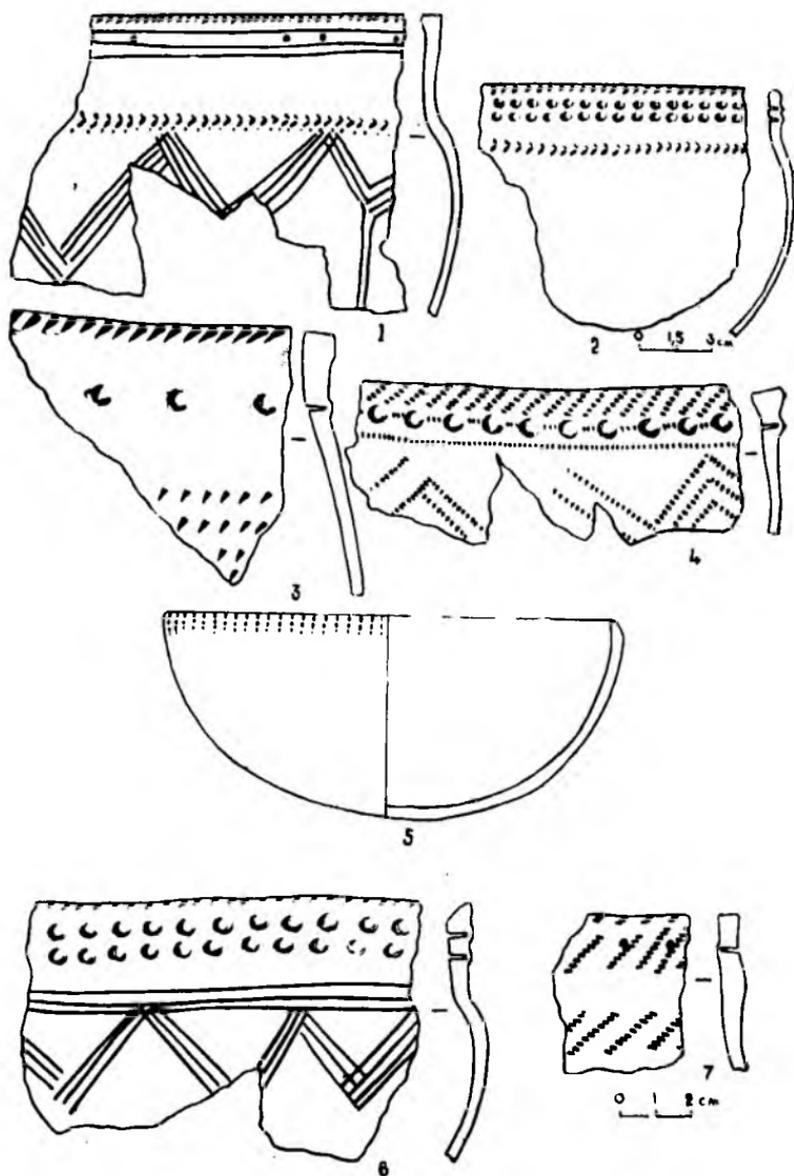

Рис. 100. Поселение Кисловка VII. Керамика. 1—5 — жилище 4; 6, 7 — жилище 5

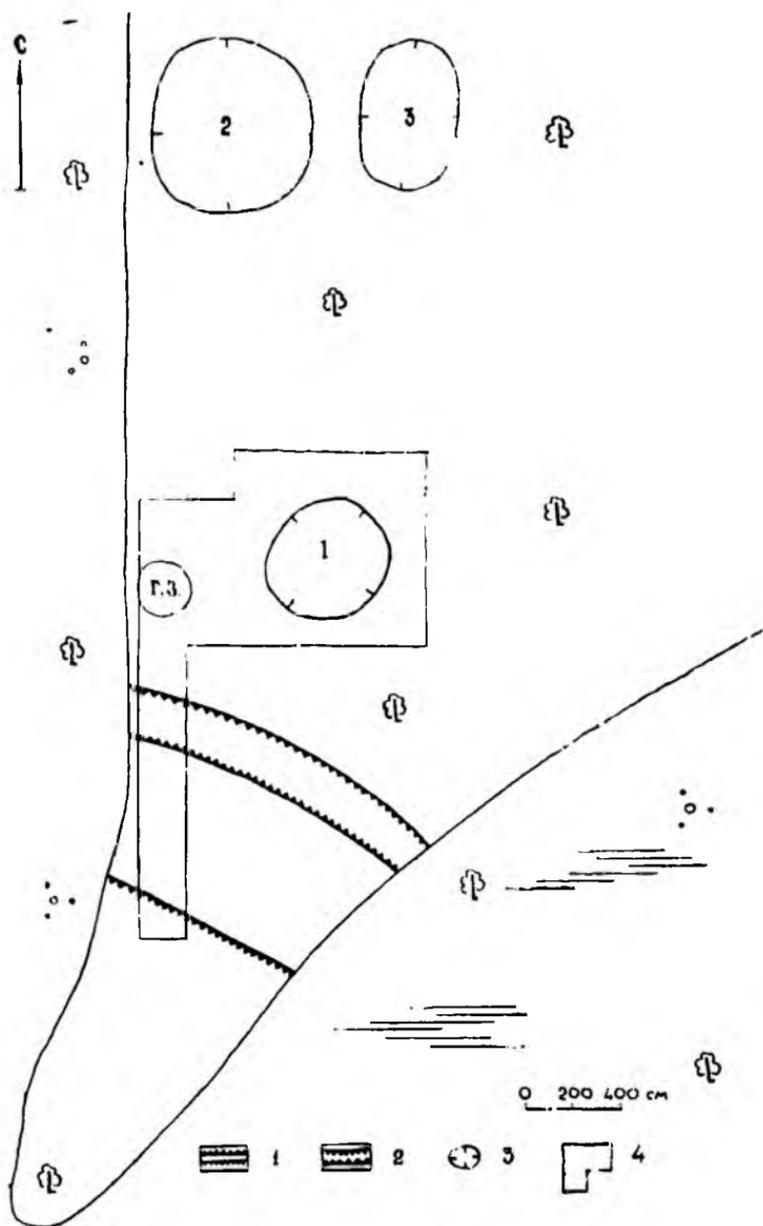

Рис. 101. Басандайское городище IV. Общий план. 1 — вал, 2 — ров, 3 — западина, 4 — раскоп

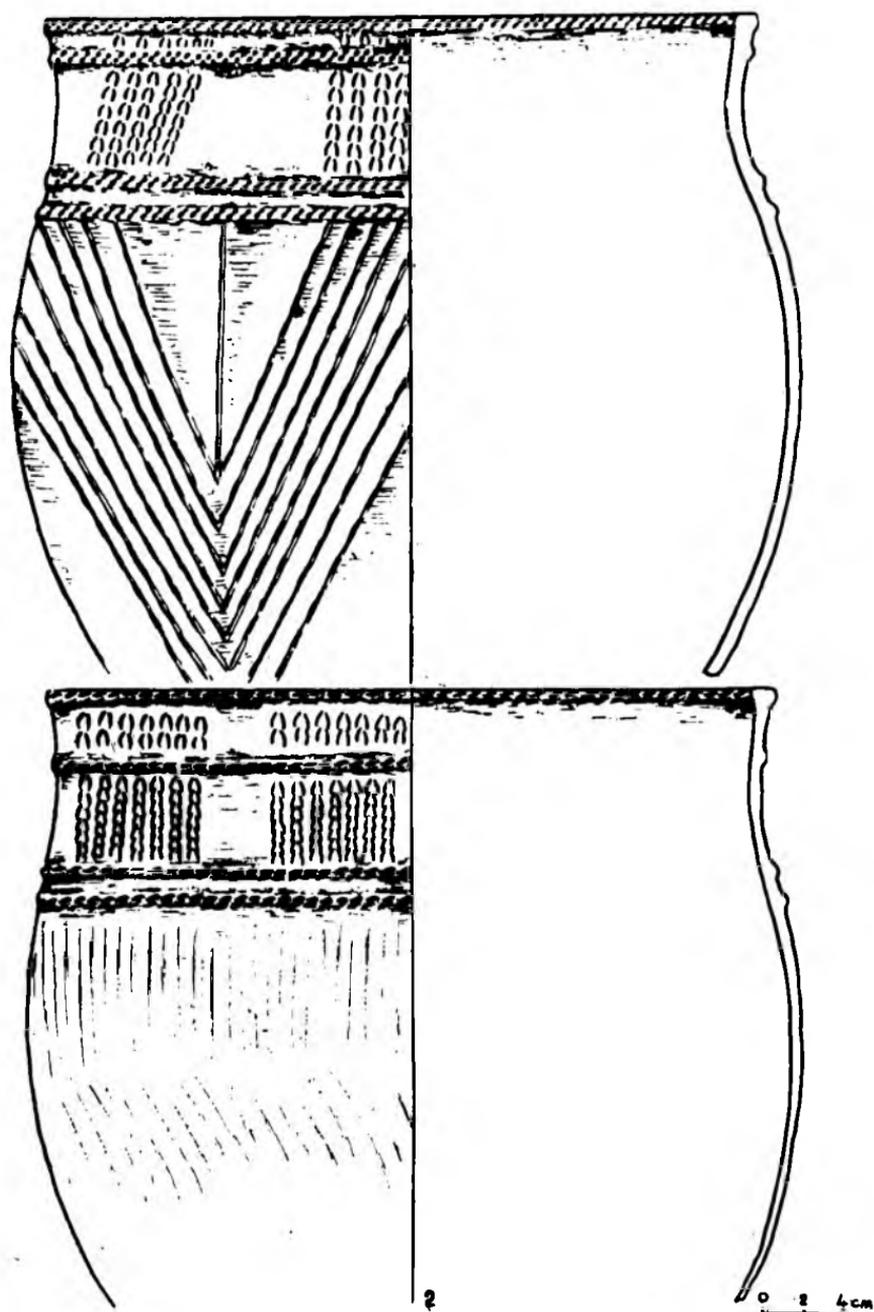

Рис. 102. Басандайское городище IV. Керамика. Жилище 1

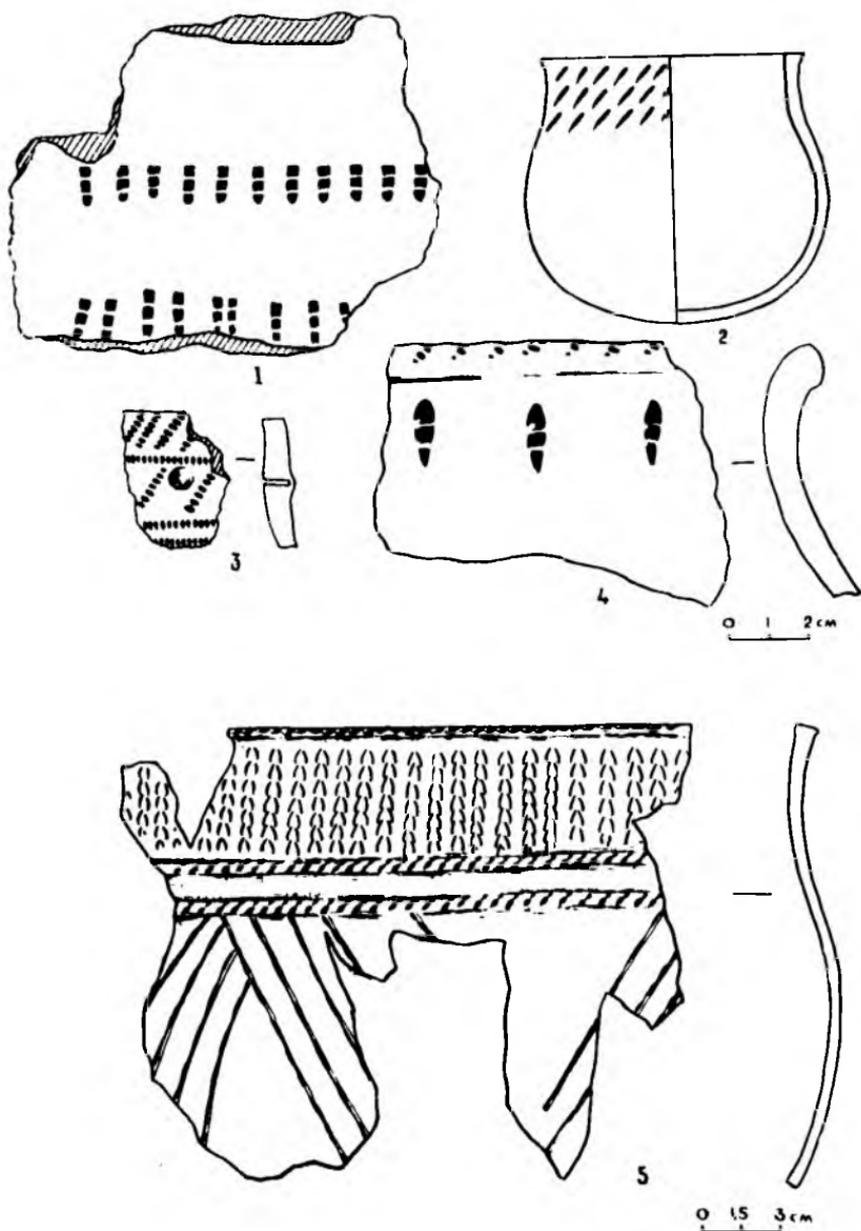

Рис. 103. Басандайское городище IV. Керамика. 1, 2, 4, 5 — из жилища, 3 — из межжилищного пространства

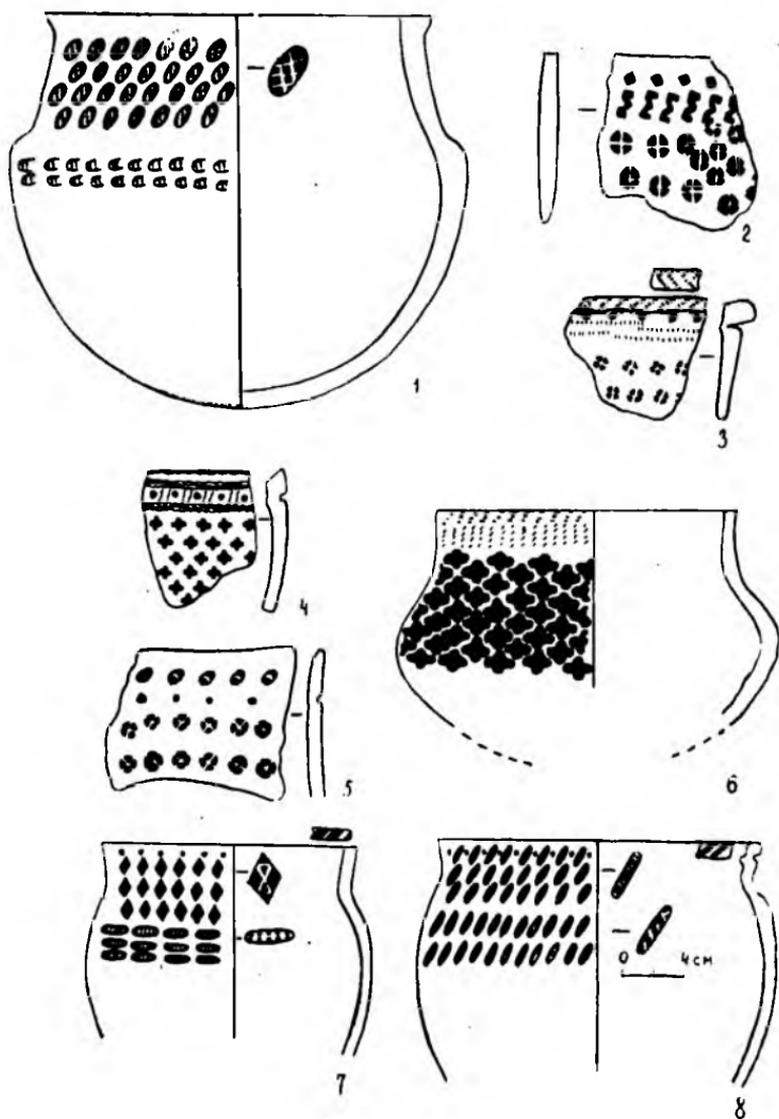

Рис. 104. I тип керамики памятников Томского Приобья
V—VIII вв. н. э.

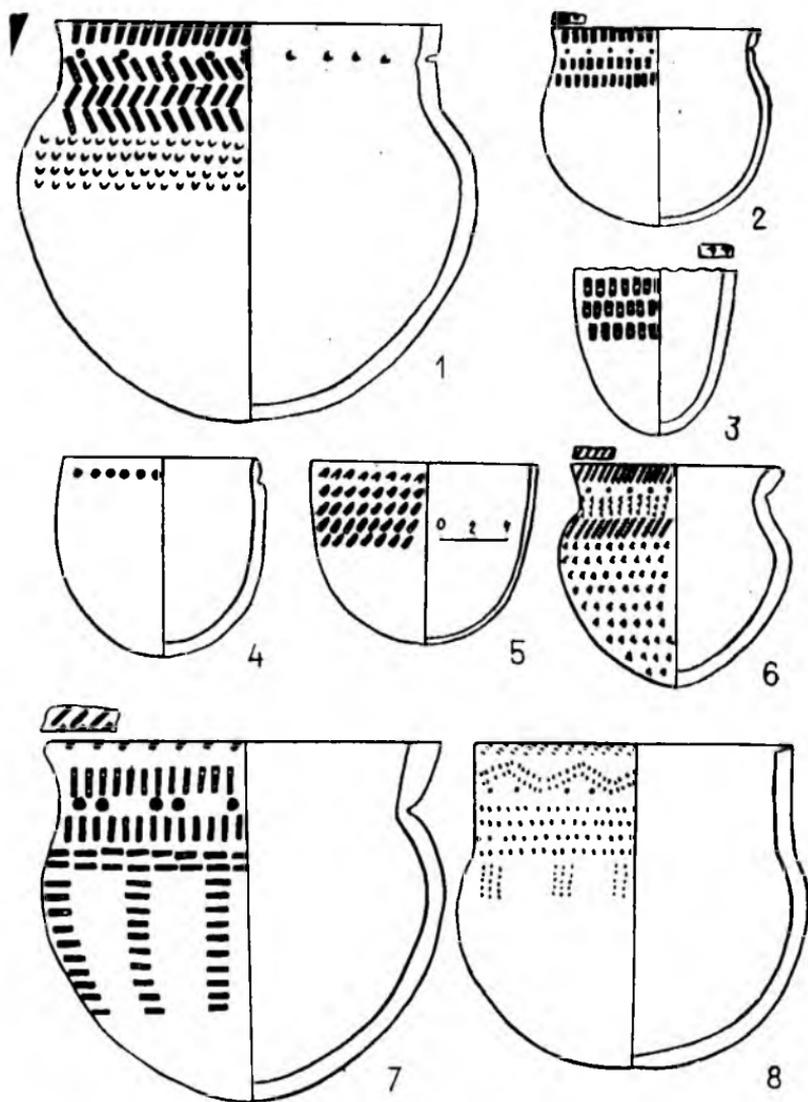

Рис. 105а. II тип керамики памятников Томского Приобья
V—VIII вв. н. э.

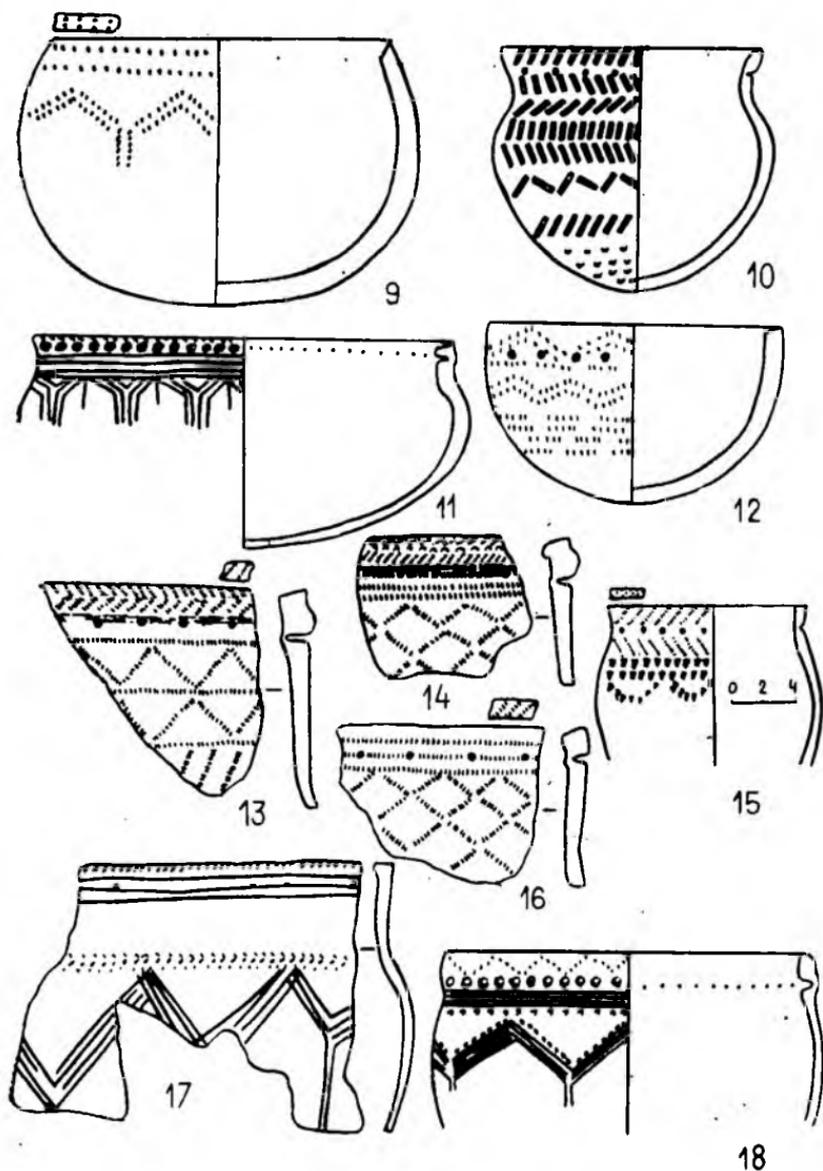

Рис. 1056. II тип керамики памятников Томского Приобья
V—VIII вв. н. э.

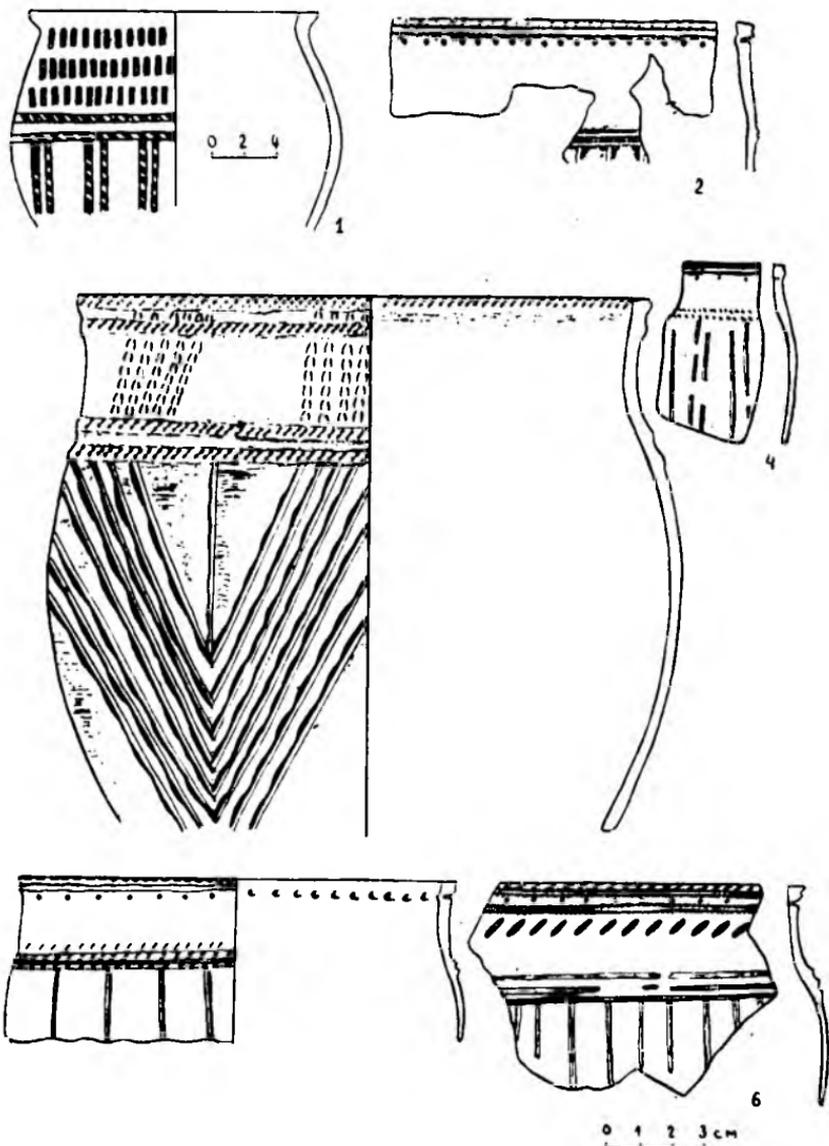

Рис. 106. III тип керамики памятников Томского Приобья
V—VIII вв. н. э.

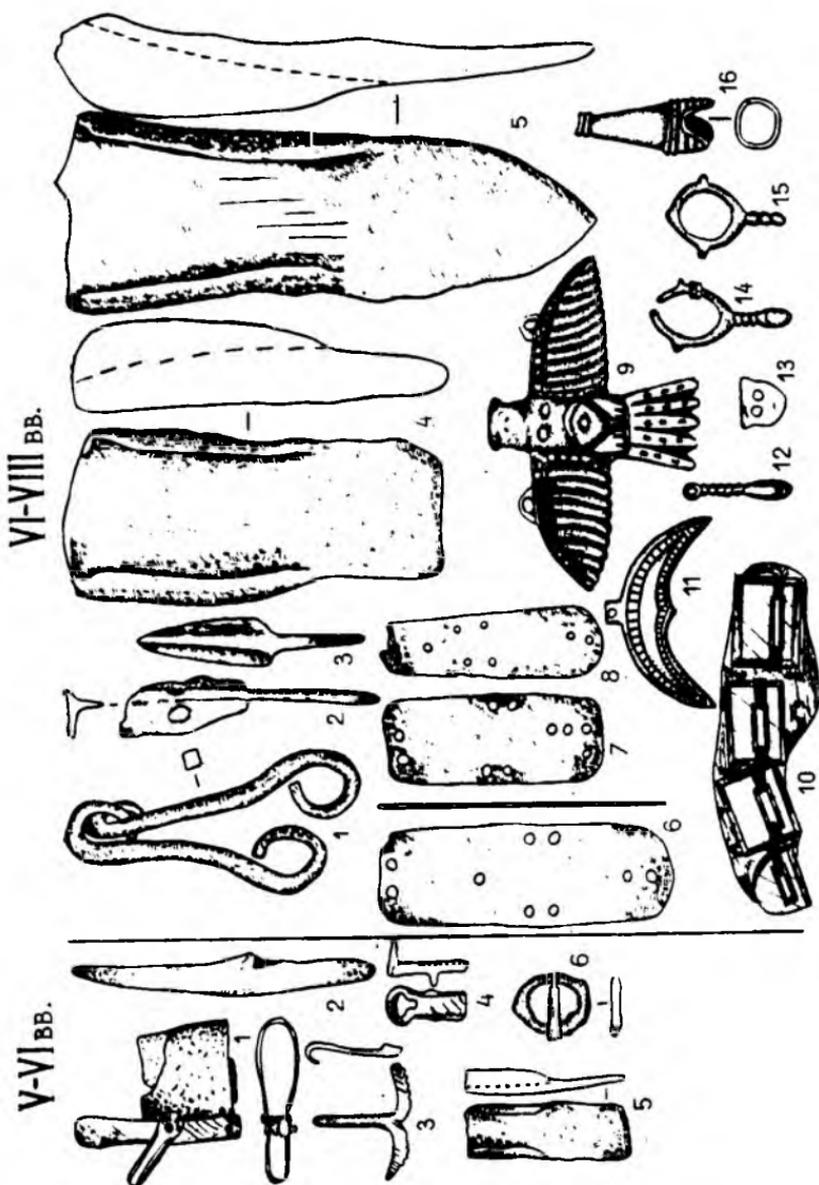

Рис. 107. Хронологические комплексы предметов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений	3
Использованные коллекции	4
Введение	5
<i>Глава I. Памятники V—VI вв.</i>	
Описание курганов	7
Инвентарь и хронология	11
<i>Глава II. Памятники VI—VIII вв.</i>	
Курганные могильники. Описание	20
Поселения и городища.	41
Керамика	50
Инвентарь	71
Датировка памятников	89
<i>Глава III. Характеристика культуры Томского Приобья V—VIII вв.</i>	
Хозяйство	101
Жилища	102
Погребальный обряд	105
Культурная и этническая принадлежность памятников	114
Заключение	127
Литература	128
Приложения	135

**Ольга Борисовна Белникова
Людмила Михайловна Плетнёва**

**ПАМЯТНИКИ ТОМСКОГО
ПРИБЬЯ В V—VIII вв Н. Э.**

ИБ 2027.

**Редактор В. А. Малаховская
Технический редактор Г. Н. Гридина
Корректор Л. Н. Банникова**

Сдано в набор 5.04.82 г. Подписано к печати 19.01.83 г. К302017. Формат. 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 3. Литературная гарнитура. Высокая печать. П. л. 15,25, уч.-изд. л. 13. Тираж 500 экз. Заказ 176. Цена 2 р.

Издательство ТГУ, 634010, Томск, пр. Ленина, 36.
Тип. «Красноярский рабочий», г. Красноярск, пр. Мира, 91.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
33	23-я сверху	Коларово	Коземниково
68	2-я сверху	$\tau_{AB} = \frac{Kl}{3l}$	$\tau_{AB} = \frac{3^2}{Kl}$
79	13-я снизу	Грязнов М.П., 1956, табл. II, II	Грязнов М.П., 1956, табл. I II, II
80	6-я сверху	86, 2; I04, по- гребенне	86; I04, погребенне 2
83	3-я снизу	Грязнову М.П., 1956, табл. XI, I	Грязнову М.П., 1956, табл. XIУ, I
84	13-я снизу	Ближние Елбаны II	Ближние Елбаны III
98	16-я снизу	Бесондайка I974	Бесондайка I947
I05	7-я снизу	кол.	в
I08	8-я снизу	костры на насом- ных	костры в насомных
I09	сноска I5	кол. 5II	в 5II
II6	12-я снизу	$AB \left(\frac{\xi}{l-1} \sqrt{pq} \right)^2$	$\tau_{AB} = \left(\frac{\xi}{l-1} \sqrt{pq} \right)^2$